АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Г. А. ПАНКРУШЕВ

ПЛЕМЕНА КАРЕЛИИ В ЭПОХУ НЕОЛИТА И РАННЕГО МЕТАЛЛА

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Г. А. ПАНКРУШЕВ

ПЛЕМЕНА КАРЕЛИИ В ЭПОХУ НЕОЛИТА И РАННЕГО МЕТАЛЛА

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИЯЛИ КарНЦ РАН)
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1964

Ответственный редактор

доктор исторических наук профессор

А. Я. БРЮСОВ

ОТ РЕДАКТОРА

Г. А. Панкрушев в своей книге собрал огромный новый материал из многочисленных раскопок, произведенных им за последние годы. Тщательная обработка этого материала позволила глубже заглянуть в древнюю историю Карелии, внести значительные поправки и уточнения в описание этой истории. Публикуемый им новый материал — ценный вклад в науку.

Однако наиболее существенным является то, что этот новый материал дал ему возможность применить используемый в последнее время в мировой археологии так называемый статистический метод, на основании которого ему удалось достаточно твердо установить датировку времени существования различных древних поселений Карелии; доказать, что знаменитый Оленеостровский могильник и некоторые другие стоянки Карелии относятся к концу мезолитической эпохи, т. е. много древнее, чем это предполагали некоторые археологи; установить хронологическое соотношение между древнейшими памятниками Карелии; показать существование нескольких вариантов Карельской неолитической культуры, характеризующих, вероятно, различные, хотя, по-видимому, родственные племенные общности того времени. То обстоятельство, что это сделано Г. А. Панкрушевым на основе больших серий предметов материальной культуры, делает его выводы более обоснованными, чем выводы его предшественников, основанные на меньшем количестве вещей.

Автор не утверждает, что ему удалось выяснить все звенья сложной истории древнего населения Карелии. Он открыто выделяет те положения, в которых он уверен, и те, которые еще требуют дальнейшего подтверждения.

Г. А. Панкрушев не ограничивается в своем исследовании границами Карельской республики и широко привлекает данные по неолиту Прибалтики, Новгородской области, запада Вологодской и Архангельской областей, отечественную и зарубежную литературу.

Предлагаемая книга представит большой интерес для всех археологов, занимающихся историей севера нашей страны, и привлечет внимание широкого круга читателей.

А. Брюсов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В результате археологических работ, проведенных на территории Карелии за предвоенные и послевоенные годы, открыто свыше трехсот древних поселений, охватывающих период от мезолита до эпохи раннего металла. Десятки стоянок подвергнуты раскопкам. Собран большой материал, расширяющий наши знания о жизни и развитии племен, населявших Карелию в упомянутое время. В связи с этим представляется возможным шире осветить некоторые актуальные вопросы истории древней Карелии.

Предлагаемая книга является попыткой детального изучения узколокальной Карельской археологической культуры, сложившейся из нескольких небольших племен, связанных единством территории, природных условий и хозяйственного уклада, а также единством происхождения некоторых из этих племен.

Основная задача предлагаемой книги — показать процесс сложения и развития племен Карельской археологической культуры в некоторых наиболее полно изученных районах Карелии. Вместе с тем в книге подробно освещаются такие вопросы, как датировка археологических памятников Карелии, время и пути заселения ее территории и некоторые др.

Нельзя согласиться с А. А. Формозовым, который выступает против увлечения выделением «микрокультур» на том основании, что не изучены еще «крупные ареалы, охватывающие ряд таких микрокультур».[1]

Нам кажется, что необходимо вести работу параллельно как по изучению локальных микрокультур, так и объединяющих их больших культурных ареалов.

В настоящий период времени археологическая наука достигла такой ступени развития, что без детального изучения узколокальных культур она не сможет успешно развиваться, ибо, не зная с достаточной полнотой частного, невозможно понять во всей сложности общее, невозможно освободиться от схематичности в наших общих выводах и суждениях.

При работе над книгой нами изучены по возможности все вещественные археологические материалы, собранные в Карелии и хранящиеся в фондах музеев Москвы, Ленинграда и Петрозаводска, а также в фондах Ленинградского отделения Института археологии и Института ЯЛИ Карельского филиала АН СССР. В качестве сравнительного материала привлечены данные археологических памятников соседних с Карелией областей, с которыми автор ознакомился в ГИМе, в музеях Эстонской и Латвийской ССР и в фондах АН СССР упомянутых республик. Исполь-

---

[1] А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 8—10.

зована также основная археологическая литература об эпохах неолита и раннего металла в Карелии и в соседних областях.

Вышедшая из печати в конце 1961 г. книга Н. Н. Гуриной «Древняя история северо-запада европейской части СССР» не нашла отражения в нашей монографии, так как работа над последней к этому времени была закончена.

Основным вещественным материалом, использованным в книге, является материал, собранный археологической экспедицией Карельского филиала АН СССР, проводившей работу под руководством автора в 1955—1961 гг. Большое участие в экспедиционных работах принимали научные сотрудники сектора истории Института ЯЛИ Карельского филиала АН СССР Ю. А. Савватеев и А. В. Анпилогов, а также студенты исторического отделения Петрозаводского университета Г. А. Паздерина, С. И. Кочкуркина, Ю. В. Титов, А. Ф. Марчихин и др.

ГЛАВА 1

КРАТКИЕ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ТЕРРИТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ КАРЕЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Современный рельеф поверхности Карелии в значительной степени является результатом деятельности ледника. Однако ледник как рельефообразующий фактор в свою очередь испытал большую зависимость от более ранних тектонических процессов и процессов денудации, определивших основные контуры поверхности Карелии.[1] Ледник лишь сгладил эти контуры, отшлифовал скальные выступы и заполнил продуктами разрушения горных пород наиболее глубокие впадины поверхности. Он произвел также перераспределение продуктов разрушения горных пород, покрыв ими почти всю поверхность Карелии слоем различной мощности, в зависимости от доледникового рельефа местности. В довольно большой степени формы современного рельефа Карелии созданы также деятельностью талых вод ледника. Значительно меньше повлияла на формирование поверхности Карелии деятельность позднe- и послеледниковых озер и морей, деятельность рек, ветра и процесс заболачивания, которые сказались на образовании только более мелких форм рельефа.

Свидетельством древних тектонических процессов на территории Карелии являются многочисленные скалы в различных ее районах, в частности на восточном и западном берегах Онежского озера, на северном побережье Ладожского озера, на берегу Белого моря и т. д. Они являются как бы островками древней доледниковой поверхности Карелии, но контуры их сглажены ледником.

Следами деятельности ледника и его талых вод являются бесчисленные валуны и моренные отложения, рассыпанные почти по всей поверхности Карелии, многочисленные озы, камовые холмы и небольшие озера, вытянутые с северо-запада на юго-восток, т. е. в направлении продвижения ледника, курчавые скалы и бараньи лбы, залежи ленточных глин и т. д.

К более позднему времени относятся эоловые образования в виде дюнных отложений вдоль восточных побережий Ладожского и Онежского озер, на берегах рр. Южный Выг и Суна, у д. Кудом-губа и в некоторых других районах Карелии, береговые террасы крупных озер и рек (озера Ладожское и Онежское, рр. Кемь, Суна, Шуя, Водла и др.) и большие заболоченные пространства Карелии.[2]

---

[1] В. М. Тимофеев. Петрография Карелии. М.—Л., 1935, стр. 15—18.

[2] Г. С. Биске. Четвертичные отложения и геоморфология Карелии. Петрозаводск, 1959.

Стратиграфия четвертичных отложений в различных частях Карелии хорошо показана Б. Ф. Земляковым в его геологических разрезах северного и южного побережий Онежского озера.[3]

Согласно геологическим данным,[4] за время, прошедшее после отступания ледника, имели место шесть основных стадий эволюции Балтийского моря: 1) Балтийское приледниковое озеро, 2) Иольдиевое море, 3) Анциловое озеро, 4) Литориновое море, 5) Древнебалтийское море, 6) Балтийское море.

Береговые линии перечисленных водных бассейнов изменялись в зависимости от поднятия поверхности Балтийского щита по мере его освобождения от тяжести льдов и от изменения уровня воды в мировом океане в связи с таянием ледника, а также в зависимости от связанных

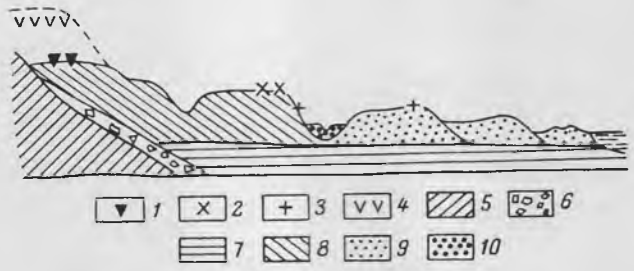

Рис. 1. Схематический геологический разрез берега Онежского озера у г. Медвежьегорска.

1 — ранние неолитические стоянки; *2* — стоянки развитого неолита; *3* — поздние неолитические стоянки; *4* — фауна морских моллюсков; *5* — скала; *6* — морена; *7* — ленточные глины; *8* — флювио-гляциальные пески; *9* — озерные пески (онежские); *10* — аллювиальные пески.

с этими процессами трансгрессий и регрессий Ладожского и Онежского озер (рис. 1).

В стадии Балтийского приледникового озера, по-видимому, большая часть Карелии была свободна от ледника. К этому времени ледник, по всей вероятности, оставался еще на севере Карелии и во впадине Белого моря.

Сведения о рельефе, о геологическом строении и истории геологического развития Карелии (рис. 2) необходимы при изучении жизни и занятий ее древнейшего населения, так как во многих случаях объясняют характер его деятельности, а также помогают при датировке древних поселений.

Так, например, геологическое строение территории объясняет своеобразие ее каменной культуры и локальные особенности в ней: отсутствие кремня и наличие большого количества сланца и жильного, а также валунного кварца обусловили в неолите Карелии преимущественное применение последних для изготовления каменных орудий.[5] Большое количество богатых рыбой озер привело к значительному развитию рыболовства в древней Карелии, а многочисленные озы и озерные равнины, примы-

[3] Б. Ф. Земляков. Геологическая история Карело-Финской республики в четвертичное время в связи с проблемой заселения человеком севера Европы. КСИИМК, VII, 1940.

[4] И. П. Герасимов, К. К. Марков. Четвертичная геология. М., 1939, стр. 50—52.

[5] В качестве материала для изготовления орудий из местных пород камня древними обитателями Карелии применялись главным образом наиболее твердые породы глинистого сланца, кремнистый сланец, белый кварц, а также некоторые породы песчаников, кварцитов, роговик и др.

кающие к озерам, послужили местами поселений древних рыболовов-охотников. Часть поселений эпохи позднего неолита и раннего металла расположена также на более поздних, дюнных отложениях.

В датировке древних поселений большое значение имеют данные о непрерывном поднятии Фенноскандии по мере ее освобождения от тяжести ледника, продолжающемся и в настоящее время.

Максимальная высота поднятия поверхности Балтийского щита со времени Балтийского ледникового озера в отдельных ее точках на северном берегу Ботнического залива в настоящее время достигла 350 м.[6] В результате этого поднятия море постепенно отступало от своих древних берегов. Поэтому древнейшие поселения Фенноскандии, находившиеся раньше близ береговой линии, в настоящее время расположены

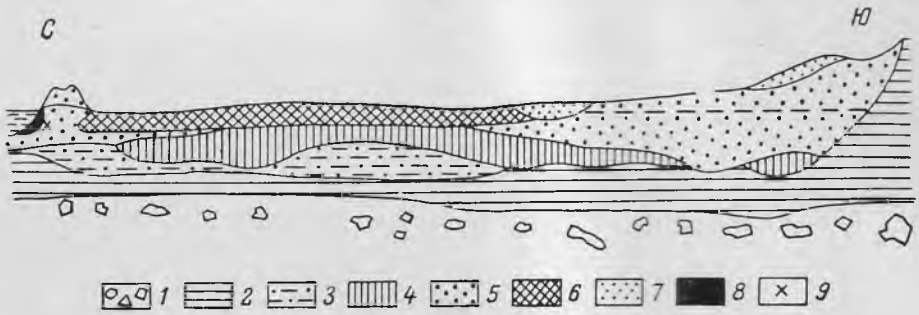

Рис. 2. Схематический разрез южного берега Онежского озера у р. Ошты.

1 — морена; *2* — ленточные глины; *3* — озерные пески (позднеледниковые); *4* — торф (атлантический); *5* — пески (суббореальные); *6* — торф (субатлантический); *7* — пески дюнные; *8* — пески онежские (современные); *9* — поздненеолитическая стоянка.

на большой высоте и далеко от берега, и в каждом локальном районе чем менее древним является поселение, тем ближе оно к берегу и тем на меньшей высоте оно находится над уровнем моря.

Однако в связи с тем, что поверхность Балтийского щита освобождалась ото льда постепенно на протяжении тысячелетий, поднятие ее происходило в определенной последовательности. Северные районы, освободившиеся от ледника позднее, поднимаются быстрее, чем южные, подъем которых начался раньше, в результате чего получается некоторый перекос поверхности.[7]

Эти обстоятельства значительно осложняют датировку стоянок по высотным данным: приходится учитывать не только абсолютную высоту тех или иных стоянок над уровнем моря, но и относительную высоту послеледникового подъема каждой локальной группы стоянок по сравнению со стоянками других районов.

В Финляндии система датировки древнейших поселений по высотным данным получила значительное развитие.

В Карелии основное большинство стоянок расположено у внутренних водоемов, уровень воды которых не зависит от уровня воды в океане. Поэтому применить здесь датировку древних поселений по высотным данным в таком виде, в каком ее применяют в Финляндии, нет возможности.

И все же датировка древних поселений по высотным данным в Карелии играет не последнюю роль.

---

[6] И. П. Герасимов, К. К. Марков, ук. соч., стр. 47.

[7] Там же, стр. 52—54; Б. Ф. Земляков. Неолитические стоянки восточного берега Онежского озера. В кн.: В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера, ч. I, М.—Л., 1936, стр. 133—141.

В результате перекоса поверхности Карелии из-за векового неравномерного ее поднятия ванны озер постепенно переливаются на юго-восток. Степень переливания зависит от величины озер. Происходит поднятие северо-западных берегов и затопление юго-восточных. Особенно существенно эти явления сказались на больших озерах, таких как Онежское и Ладожское, где они привели к значительному изменению конфигурации берегов. Так, например, древние береговые линии Онежского озера у пос. Повенец поднялись до отметок не менее 76 м над ур. м., т. е. около 43 м над современным уровнем воды в озере, что привело к затоплению его юго-восточных берегов и к трансгрессии в южной части озера, которая достигла максимума в суббореальный период и закончилась стоком вод через образовавшуюся в это время р. Свирь.[8]

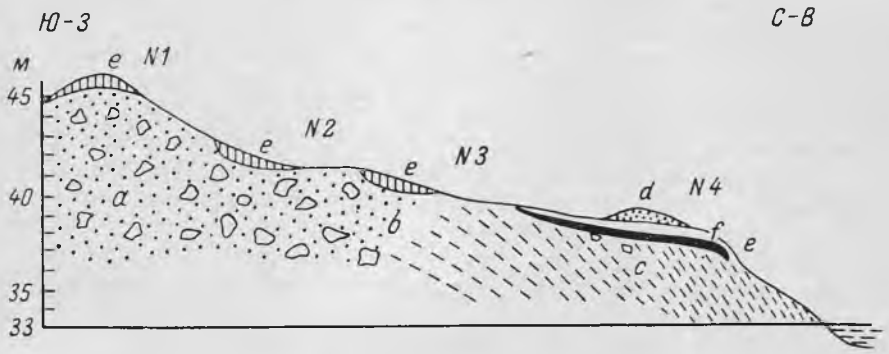

Рис. 3. Схема расположения неолитических стоянок на мысе Вой-наволок у пос. Повенец (стратиграфический разрез).

а — озовый валунный песок; *в* — галечный песок; *с* — косослоистый галечный песок; *d* — озерный песок; *е* — культурный слой; *f* — перемытый культурный слой; №№ *1—4* — стоянки.

Медленное осушение северо-западных берегов Онежского и Ладожского озер в результате переливания воды на юго-восток дает возможность датировать стоянки, расположенные на этих берегах, по высотным данным.

Подсчитано, что линия равновесия Онежского озера проходит приблизительно от пос. Вознесенье на устье р. Водлы.[9]

Все точки берега озера, расположенные к северо-западу от этой линии, поднялись выше древнего уровня воды, и высота их тем больше, чем они дальше от линии равновесия.

Соответственно этому древнейшие поселения на северо-западных берегах Онежского и Ладожского озер расположены на самых высших точках древнего берега и в настоящее время удалены от воды на значительное расстояние. И, наоборот, чем позднее поселение, тем ниже оно над современным уровнем воды в озерах и тем ближе оно к современному берегу.

Это хорошо видно по схеме расположения неолитических стоянок на мысе Вой-наволок у пос. Повенец (рис. 3), выполненной Б. Ф. Земляковым.[10]

Древние берега, расположенные юго-восточнее линии равновесия, затоплены водами озера.

В небольших озерах Карелии сток воды в юго-восточном направлении, конечно, не вносил столь существенных изменений в конфигурацию

[8] Б. Ф. Земляков. Неолитические стоянки..., стр. 134—136.
[9] Там же, стр. 138.
[10] Там же, стр. 113.

их берегов, как в крупных озерах, и все же простой подсчет показывает, что даже в таком сравнительно небольшом озере, как Сямозеро, подъем северо-западных берегов в результате перекоса поверхности достигал, по-видимому, около 5 м. В самом деле, если от линии равновесия на Онежском озере провести перпендикуляр до Повенца, то он будет равен 100 км; подъем берега у Повенца достигал, как выше упоминалось, 43 м над современным уровнем воды в озере. Протяженность оз. Сямозера с северо-запада на юго-восток около 25 км, т. е. в 4 раза меньше, чем упомянутое расстояние до Повенца. Если же предположить, что линия равновесия делит ванну этого озера пополам (что вполне вероятно, так как слива воды из озера нет), то перекос здесь будет в 8 раз меньше, т. е. около 5—6 м.

Для датировки древних поселений такое изменение высоты берега играет существенную роль: древнейшие стоянки северного побережья оз. Сямозера расположены на высоте 5—6 м и удалены от берега на значительное расстояние (до 800 м), а поздние находятся у самой воды на высоте до 1 м.

Датировка древних поселений по высотным данным внутренних водоемов в Карелии осложняется до некоторой степени изменениями во влажности климата, так как от последней зависел уровень воды во внутренних водоемах. Поэтому при датировке поселений по высотным данным необходимо учитывать и это обстоятельство.

Климат Карелии по мере отступания ледника с ее территории претерпел ряд изменений.[11]

На основе пыльцевых исследований установлены следующие периоды в эволюции климата Балтийского щита: 1) Арктический, 2) Субарктический, 3) Бореальный, 4) Атлантический, 5) Суббореальный, 6) Субатлантический.

Холодный климат арктического и субарктического периодов, соответствующих Балтийскому приледниковому озеру и Иольдиеву морю, т. е. времени, когда ледник покрывал большую часть Фенноскандии, сменился более теплым сухим климатом бореального периода, соответствующего Анциловому морю, т. е. времени послеледникового затухания оледенения. Бореальный период, в свою очередь, уступил место теплому и влажному климату атлантического периода, соответствующего Литориновому морю. Его сменил теплый сухой климат суббореального периода, на смену которому примерно в середине I тысячелетия до н. э. пришел прохладный влажный климат субатлантического периода, продолжающийся до настоящего времени.

Послеледниковое потепление климата на севере Европы начинается еще в субарктическое время, оно продолжается в бореальное время, достигает максимума в атлантическое время и сменяется постепенным похолоданием в последующие периоды.

Географический обзор древней Карелии не будет достаточным, если не дать хотя бы краткого описания ее растительного и животного мира.

Послеледниковые отложения Карелии содержат остатки древней флоры и фауны. Данные фауны изучены слабо, так как до сих пор они известны в основном по материалам Оленеостровского могильника. В культурном слое многочисленных древних поселений Карелии кость сохранилась только в обожженном, сильно деформированном виде, а торфяниковых стоянок на ее территории пока не найдено. Поэтому о фауне

---

[11] И. П. Герасимов, К. К. Марков, ук. соч., стр. 44—45.

древней Карелии мы можем судить только по данным Ладожских стоянок и Оленеостровского могильника.

Древняя флора изучается главным образом методом пыльцевого анализа.

В Карелии этот метод за последние годы применяется довольно широко. Представление об этом дают опубликованные Г. С. Бискэ циклограммы результатов пыльцевого анализа отложений голоцена[12] и несколько пыльцевых диаграмм.[13]

На основании данных Г. С. Бискэ о пыльцевом анализе разрезов, произведенных в различных районах Карелии, нам известно, что уже в бореальный период большая часть ее территории была покрыта древесной растительностью. Основными породами деревьев, произраставших тогда в Карелии, были сосна, береза, ель, ольха, ива; причем на юге Карелии преобладала сосна, а в средней ее части — береза.

В атлантический и суббореальный периоды в древесной растительности Карелии преобладала сосна. Значительное место занимали также береза, ель и ольха. Остальные, упомянутые выше породы деревьев были представлены в небольшом количестве. Кроме упомянутых пород, в это время преимущественно в Южной Карелии появилось небольшое количество широколиственных пород деревьев (дуб, липа, клен, орешник и др.).

Несколько иные данные пыльцевого анализа имеются для более южных областей северной Европы.[14] Согласно этим данным, на севере Европы в областях, расположенных южнее Карелии, в арктическое время господствовала арктическая флора с тундровой растительностью; в субарктическое время она сменилась лесостепью с березой и сосной; в бореальный период далеко на север проникла южная степная растительность, а в древесных породах по-прежнему господствовали береза и сосна; атлантический период — время дубовых лесов; в суббореальный период господствуют смешанные широколиственные леса (дуб, ясень, липа и др.) с большим процентом дуба; для субатлантического периода характерно увеличение сначала ели, а затем сосны и березы.

Как видно из этих данных, для Карелии на всех хронологических этапах характерна более холодоустойчивая растительность и даже в самый теплый (атлантический) период широколиственные породы деревьев на ее территории встречаются сравнительно редко, главным образом в южной ее части.

Из кустарниковых и травянистых растений, по данным А. А. Иностранцева,[15] относимым к суббореальному периоду, в Приладожье, а следовательно, и в большей части Карелии, произрастали малина, ежевика, лютик, костяника, щавель, камыш, осока, хвощ и др.

По данным И. П. Герасимова и К. К. Маркова,[16] начало образования болот в Карелии относится к бореальному периоду. К концу этого периода большая часть их высохла. Значительно шире болота разрослись в атлантическом периоде. Затем они в основном высохли в суббореальном периоде и снова разрослись в субатлантическом периоде. Развитие и высыхание болот происходило в связи с увеличением или уменьшением влажности климата.

---

[12] Г. С. Бискэ, ук. соч., стр. 112—113.
[13] Там же, стр. 148—158.
[14] С. Н. Тюремнов. Торфяные местонахождения и их разведка. М., 1949.
[15] А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882, стр. 20—22.
[16] И. П. Герасимов, К. К. Марков, ук. соч., стр. 40—55.

О животном мире древней Карелии, как уже упоминалось, мы можем судить лишь по данным Оленеостровского могильника [17] и Ладожских стоянок.[18]

По материалу Оленеостровского могильника определены следующие животные: северный олень, лось, бобр, волк, бурый медведь, собака, животное из семейства грызунов. Птицы не определены. Костей рыб в могильнике не найдено.

В настоящее время на многих стоянках Карелии найдены пережженные кости животных, птиц и рыб, но анализу они еще не подвергались.

По материалу Ладожских стоянок определены: а) животные — тюлень, косуля, северный олень, лось, тур, плосколобый бык, кабан, заяц-беляк, бобр, бурый медведь, соболь, лисица, собака, волк, выдра, куница, хорек, водяная крыса; б) птицы — беркут, белохвост, глухарь, полевой тетерев, белая куропатка, серая цапля, турухан, лебедь-кликун, дикий гусь, дикая утка, гагара, чайка, мартышка, ястреб-тетеревятник, сарычь, ворон, тупик; в) рыбы — сом, судак, налим, сиг, окунь, плотва, берш; г) моллюски; д) насекомые.

Данные о животном мире древней Карелии до некоторой степени подтверждаются также наскальными изображениями Онежского озера и Белого моря.

Медленный процесс эволюции животного мира дает нам право предполагать, что такая фауна была характерна для большей части Карелии, по крайней мере с бореального периода.

Итак, природа древней Карелии в атлантический и суббореальный периоды мало отличалась от современной.

Так же как и теперь, Карелия представляла собой страну с многочисленными озерами, реками, речками и протоками, которые густой сетью покрывали всю ее территорию. Сосновые боры составляли большую часть ее лесов. В более низких местах рельефа они сменялись густым березняком или смешанным лесом из березы, осины, ольхи, ели и других деревьев. По берегам рек и озер рос густой ивняк.

В южной части Карелии сосновые боры и смешанные леса перемежались с красивыми рощами из деревьев широколиственных пород.

На редких лесных прогалинах и на берегах рек и озер густо росла малина, ежевика и другие кустарниковые растения. Берега многих озер окаймлялись высокими скалами.

Ландшафт дополнялся многочисленными озами, вытянувшимися с северо-запада на юго-восток, камовыми холмами и поросшими мхом скалами, местами возвышавшимися среди леса.

Густая трава покрывала поймы речных долин. В лесах росло много ягод и грибов. Леса были наполнены многочисленными животными и птицами, воды — рыбами.

В атлантический период территория Карелии, так же как и в наше время, изобиловала болотами, часть которых в суббореальный период высохла и заросла лиственным и смешанным лесом. Животный мир древней Карелии почти не отличался от современного.

---

[17] Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, № 47, М.—Л., 1956, стр. 161—162, 421—422.

[18] А. А. Иностранцев, ук. соч., стр. 24—88.

ГЛАВА 2

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАРЕЛИИ. ИХ ИНВЕНТАРЬ

В племенах Карелии, имеющих единую культуру, существуют, однако, племенные различия, которые невозможно выяснить без тщательной типологизации инвентаря стоянок Карелии. Поэтому нам необходимо хотя бы вкратце охарактеризовать памятники эпохи неолита и раннего металла в Карелии, а также дать описание и классификацию их инвентаря.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАРЕЛИИ ПЕРИОДА НЕОЛИТА И РАННЕГО МЕТАЛЛА

Территория Карелии еще далеко не достаточно изучена археологами. Более того, отдельные ее районы совсем не исследованы. Однако уже в настоящее время в ее границах известно свыше 300 археологических памятников ранних эпох, не считая памятников эпохи позднего железа (курганов и селищ X—XVII вв.).

Большое количество каменных изделий эпохи неолита собрано коллекционерами XIX—начала XX вв. (П. Лерхом, П. Рыбниковым, А. Раевской и др.).[1] Их коллекции хранятся в музеях Москвы и Ленинграда, а также в Карельском историко-краеведческом музее. Вещи, представленные в этих коллекциях, в большинстве своем собраны, по-видимому, на местах древних поселений. Проверка таких мест обычно приводит к открытию стоянок. Десятки стоянок найдены в Карелии в 20—30-е годы. Свыше 200 древних стоянок открыто после Великой Отечественной войны.

Наиболее многочисленными из ранних памятников являются стоянки III—I тысячелетий до н. э.

Хорошо известны всем археологам, интересующимся неолитом, наскальные изображения на берегах Онежского озера и Белого моря,[2] а также Оленеостровский неолитический могильник.[3]

До настоящего времени остались во многом загадочными каменные лабиринты и кучи камней, встречающиеся в ряде районов Карелии (более всего на Соловецких островах в Белом море).[4]

---

[1] А. Я. Брюсов. История древней Карелии. М., 1940, стр. 206—246.

[2] В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря, чч. I и II, М.—Л., 1936, 1938; А. М. Линевский. Петроглифы Карелии. Петрозаводск, 1939.

[3] В. И. Равдоникас. Неолитический могильник на Онежском озере. СА, VI, 1940; Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, № 47, М.—Л., 1956.

[4] А. Я. Брюсов, ук. соч., стр. 236; Н. Н. Гурина. 1) Каменные лабиринты Беломорья. СА. X, 1948; 2) О датировке каменных лабиринтов Белого и Баренцева морей. МИА, № 39, 1953.

Почти неизученной группой памятников до последнего времени являются бескерамические стоянки. Некоторые из них были известны еще в довоенное время,[5] но большинство стоянок этой группы (свыше 4 десятков) открыто в послевоенное время экспедиционными работами Н. Н. Гуриной в 1947—1954 гг. и автора данной книги в 1955—1959 гг.[6] (прил. II, схема 2). Раскопки стоянок этой группы, проведенные в 1957—1960 гг., пролили на них некоторый свет, однако более или менее полного представления об этих памятниках мы еще не имеем.

В результате раскопок выяснено, что бескерамические стоянки, известные в настоящее время в Карелии, неоднородны по инвентарю. Анализ этих стоянок показал, что они довольно четко делятся на две группы: стоянки с кварцевым инвентарем и стоянки со сланцевым и кремневым инвентарем (прил. II, схема 2).

Первая группа в свою очередь делится на две подгруппы: стоянки без кремня и кремневых изделий и стоянки с небольшим содержанием кремневых изделий.

Наиболее многочисленной, но почти неисследованной подгруппой бескерамических стоянок Карелии являются стоянки с кварцевым инвентарем без кремня и кремневых изделий в нем. В настоящее время их известно 29.[7]

Основным инвентарем этих стоянок являются кварцевые орудия: скребки, скобели, резцы, ножички, ножевидные пластинки, нуклеусы, отбойники и т. п., а также небольшое количество изделий из сланца и их обломков: топоры, тесла, долота и пр. В культурном слое каждой из стоянок этой подгруппы содержится огромное количество осколков и отщепов кварца, многие из которых несомненно использовались в качестве скребущих, режущих и колющих орудий, о чем свидетельствуют следы сработанности на них; другие являлись отходами производства.

Подгруппа бескерамических стоянок с небольшим содержанием кремневых изделий известна по данным 7 стоянок. Основным инвентарем здесь тоже является кварцевый (прил. IV, табл. 1, *2, 4,* табл. 2). Несколько чаще, чем в первой подгруппе, здесь встречаются сланцевые орудия и, что особенно важно, имеются кремневые изделия. Последнее обстоятельство заставляет датировать эту подгруппу стоянок более поздним временем, чем первую, о чем будет сказано ниже. Сравнительно хорошо изучены стоянки этой подгруппы — Сулгу IV и Кудома I.

Вторая группа отличается от первой тем, что основными изделиями, встречаемыми на ее стоянках, являются орудия из сланца (топоры, тесла, долота, стамески и пр.). Кварцевые изделия в инвентаре обитателей этих стоянок играли, видимо, второстепенную роль. Довольно ча-

---

[5] Б. Ф. Земляков. Геологическая история Карело-Финской республики в четвертичное время в связи с проблемой заселения человеком севера Европы. КСИИМК, VII, 1940, стр. 21—27; Г. И. Горецкий. Неолитические стоянки в районе г. Кеми. КСИИМК, IX, 1941. стр. 111—114; Н. Н. Гурина. Результаты работ археологической экспедиции в Карело-Финской ССР в 1940 г. КСИИМК, IX, 1941, стр. 114—120.

[6] Н. Н. Гурина. Отчеты о работе археологической экспедиции за 1947—1954 гг. Архив Карельского филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1А, д. 36, 39, 46, 48, 50; оп. 14, д. 29, 30; Г. А. Панкрушев. Отчеты об археологических работах в Карелии в 1955—1959 гг. Архив Карельского филиала АН СССР, ф. 1, оп. 14, д. 18; оп. 20, д. 74, 84.

[7] Вполне вероятно, что некоторые из стоянок предположительно отнесенных к этой подгруппе, в процессе дальнейшего исследования выпадут из ее состава и отойдут к другим подгруппам бескерамических стоянок. Возможно также, что на некоторых из них будет найдена керамика. Однако большая часть их и при дальнейших раскопках несомненно сохранит чистоту комплексов инвентаря, характерного для этой подгруппы.

стыми находками здесь являются кремневые изделия (прил. IV, табл. 3, 4). В настоящее время известно 6 таких памятников.

В инвентаре некоторых из них кремневые изделия количественно преобладают над изделиями из кварца и сланца (стоянка Ялгуба V, прил. IV, табл. 5).

Все бескерамические стоянки обычно расположены далеко от воды, на склонах озов или на высоких террасах древнего берега. Даже те из них, которые расположены у малых внутренних озер Карелии, как правило, значительно удалены от берега.

Большинство стоянок этого типа занимает сравнительно небольшие площади (в пределах 1000 м^2), но есть стоянки площадью до 3—5 тыс. м^2 и даже более. Культурный слой этих стоянок всегда окрашен (с различной интенсивностью) в красный цвет с характерным малиновым отливом. Этот цвет является, по-видимому, результатом длительного обжига песка. Во всяком случае такая окраска обычна для песка современных кострищ, залитых водою.

Песок, взятый из культурного слоя этих стоянок, рук не окрашивает, несмотря на его довольно яркий цвет. Но почти на каждой стоянке встречаются линзы и пятна красного песка значительно большей, чем обычно, интенсивности. Если взять такой песок в руки, то руки тоже окрашиваются в яркий красный цвет. В данных случаях цвет песка зависел, видимо, не столько от обжига, сколько от примеси охры, которая иногда встречается на стоянках и в чистом виде.

Самым многочисленным видом археологических памятников в Карелии, как уже упоминалось, являются стоянки эпохи неолита и раннего металла, в инвентаре которых наиболее широко представлена керамика.

Как известно, все стоянки этой эпохи археологами подразделяются на дюнные, аллювиальные и торфяниковые. Однако для Карелии они мало характерны. Из трех упомянутых типов стоянок наиболее часто встречаются в Карелии дюнные стоянки, реже аллювиальные, торфяниковых пока не обнаружено,[8] хотя они несомненно должны быть, так как имеются на соседних территориях (в Финляндии, в Ленинградской, Вологодской и Архангельской областях).

Для Карелии наиболее характерны стоянки, расположенные на ледниковых отложениях — озах и моренах, залегающих у берегов озер и рек.

Многие из них в связи с вековым поднятием Фенноскандии и изменением конфигурации берегов озер и рек удалены от современных берегов на десятки и сотни метров (иногда на километры). Причем более древние стоянки, как правило, дальше от берегов, менее древние — ближе к берегам,[9] поздние стоянки I тысячелетия до н. э. обычно расположены у самой воды.

Все поселения эпохи неолита и раннего металла в Карелии довольно четко делятся на два вида: 1) небольшие по площади (в несколько десятков или сотен м^2), с культурным слоем малой мощности, слабо насыщенным находками; 2) площадью в 2—3 тыс. м^2 и более, с культурным слоем мощностью 30—40 см (иногда до 1 м), с обильными находками.

Первые обычно расположены на неудобных участках берега и не имеют никаких следов жилых или хозяйственных построек. На площади

---

[8] По свидетельству В. С. Ямпольского, экспедицией Н. Н. Гуриной в Олонецком районе у д. Ришкола в 1940 г. обнаружена торфяниковая стоянка, но сведения о ней скудны (см.: В. С. Ямпольский. Некоторые данные о неолитических поселениях Олонецкого района. Археолог. сб., Петрозаводск, 1947).

[9] Исключением являются стоянки, расположенные на южных берегах крупного водоема — Онежского озера, вода которого вследствие неравномерного поднятия поверхности Карелии после отступания ледника сливалась на юг, затопляя древнейшие стоянки (Тудозеро I, Вознесенье и др.).

таких стоянок при раскопках встречаются довольно часто следы небольших кострищ со слабой зольно-углистой прослойкой.

Эти данные заставляют относить первый вид стоянок ко временным стойбищам древних рыболовов и охотников.

Поселения второго вида всегда расположены на наиболее удобных участках берега, защищенных от северных ветров.

При раскопках этих поселений вскрываются остатки зимних жилищ земляночного и полуземляночного типа, хозяйственные ямы различного назначения, каменные очаги и т. п. — все свидетельствует о том, что эти стоянки являются постоянными поселениями, существовавшими десятки и даже сотни лет.

Места нахождения древних поселений как постоянного, так и временного характера в настоящее время чаще всего покрыты лесом или, если они расположены вблизи современных населенных пунктов, распаханы. Культурный слой неолитических стоянок керамической эпохи, так же как и более ранних — бескерамических, обычно окрашен (с различной интенсивностью) в красный цвет с малиновым отливом и имеет такие же свойства, как и на бескерамических стоянках. Более поздние стоянки эпохи раннего металла имеют иную окраску культурного слоя — темную (от серой до почти черной), что объясняется значительным содержанием в нем гумуса. Участки слоя, окрашенного в красный цвет, встречаются на таких стоянках лишь местами. По-видимому, костры жгли только в определенно установленных местах.

ИНВЕНТАРЬ ПАМЯТНИКОВ ПЕРИОДА НЕОЛИТА И РАННЕГО МЕТАЛЛА В КАРЕЛИИ

Инвентарь древних стоянок Карелии обычно представлен изделиями из камня и керамикой. Костяные изделия встречаются очень редко, и только те, которые побывали в огне, так как в неблагоприятных почвенных условиях Карелии сохраняется только кальцинированная кость. Костяной инвентарь наиболее хорошо сохранился лишь в одном памятнике Карелии — в Оленеостровском могильнике. Сохранность кости в нем объясняется тем, что остров в месте расположения могильника сложен из известняков, способствующих ее консервации.

Нет надобности подробно останавливаться на описании костяного инвентаря этого памятника, так как он подробно описан Н. Н. Гуриной.[10] Однако необходимо отметить, что данные этого памятника убедительно доказывают значительное развитие обработки кости в древней Карелии. Об этом говорит как большое количество изделий из кости в могильнике, так и значительная их дифференциация. Особенно много здесь собрано костяных наконечников стрел (довольно разнообразных) и гарпунов. Кроме того, найдены костяные кинжалы, рыболовные крючки, проколки, лощила, игольники, подвески из зубов животных, костяные подвески (в виде изображений рыб или пластинок), украшения из пластинок от резцов бобра, удлиненные костяные пластинки с отверстиями, костяные пластинки с зубчатыми краями, скульптурные изображения животных и др.

Несколько костяных орудий в кальцинированном состоянии найдено, кроме Оленеостровского могильника, при раскопках других древних поселений. Это обломки костяных рыболовных крючков (на стоянках Соломенное VII, Пески III и «Святилище» у петроглифов «Бесовы Следки»), проколки костяные (на стоянках Пески III и Порог Шойрукша), косточки со следами обработки (на стоянках Сулгу I, Золо-

[10] Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник.

тец II и Коч-наволок). Пластинка от резцового зуба бобра найдена при раскопках Оленеостровской неолитической мастерской.

Дерево, как известно, хорошо сохраняется только в торфе, а торфяниковых стоянок на территории Карелии пока не обнаружено, поэтому деревянных изделий со стоянок Карельской археологической культуры мы не знаем.

Однако наличие большого количества орудий, применявшихся для работы по дереву, косвенно свидетельствует о широком использовании деревянных изделий в хозяйстве древних обитателей Карелии.

Как выглядели эти изделия, можно судить только по данным торфяниковых стоянок из соседних и отдаленных областей (Финляндии, Вологодской и Архангельской областей, Урала) и отчасти по петроглифам Онежского озера и Белого моря, в которых имеются изображения лодок и лыж, луков и стрел, копий, дротиков, капканов и пр.

Бронзовая металлургия в Карелии была развита очень слабо: медных и бронзовых изделий встречается очень мало. Литейная форма найдена только одна — случайная находка каменной формы для отливки кельта ананьинского типа у Бабьей губы.[11] Однако обломки бронзовых тиглей и льячеков, найденные в инвентаре ряда стоянок Карелии, а также бронзовые вещи и куски бронзы на некоторых из них, причем в разных районах Карелии, заставляют предполагать все же, что бронзовое литье и изготовление бронзовых орудий были распространены по всей Карелии, хотя большого развития не получили.

К настоящему времени бронзовые изделия, куски бронзы и меди найдены на ряде стоянок Карелии. На стоянке Оров-наволок найдены обломок ножа и два обломка бронзовых крючков,[12] а также 16 кусочков бронзы. На стоянке Тумча[13] найден бронзовый бубенчик. На стоянке Золотец X найдена бронзовая пластина, украшенная прорезными изображениями ящерообразных животных. Куски бронзы найдены на стоянках Усть-Томица[14] и Деревянное III.[15] На стоянках Лахта I и Лахта II найдены обломки медных пластинок.[16] Обломки тиглей и льячеков обнаружены на стоянках Усть-Томица (14), Чуй-наволок (2), Золотец I (5) и Олонка (1).[17]

Железо в почвенных условиях Карелии не сохраняется. Поэтому основными признаками обработки железной руды и, следовательно, изготовления железных орудий являются куски руды и железные шлаки, найденные на ряде стоянок Карелии. Кроме того, на стоянке Оров-губа Медвежьегорского района Н. Н. Гурина обнаружила примитивный сыродутный горн,[18] на стоянке Золотец I Беломорского района найдены куски железной крицы.[19]

Шлаки обнаружены при раскопках стоянок Усть-Томица, Чуй-наволок, Золотец I, Золотец III и Усть-Понча.[20]

Однако повторяем, что основным инвентарем Карельских памятников являются каменные изделия и керамика.

---

[11] Точное место этого пункта не установлено.
[12] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, № 20, М.—Л., 1951, стр. 119.
[13] Фонды ЛОИА АН СССР.
[14] А. Я. Брюсов, ук. соч., стр. 238—243.
[15] Фонды ЛОИА АН СССР.
[16] Фонды ИЯЛИ.
[17] Фонды ИЯЛИ, ЛОИА, ГИМа.
[18] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита..., стр. 132—133.
[19] Фонды ИЯЛИ.
[20] Фонды ГИМа, ЛОИА, ИЯЛИ.

В природе Карелии нет кремня, т. е. нет того материала, который наиболее широко применялся древними людьми для производства каменных орудий. Естественно, что поселившиеся здесь люди стали искать другие породы камня, пригодные для изготовления орудий. Наиболее широко распространенными минералами в Карелии, в какой-то степени отвечающими этим требованиям, являются сланец и кварц. Именно эти породы и нашли наиболее широкое применение в каменной технике древнейших обитателей Карелии.

Наряду с изделиями из кварца и сланца изготовлялись вещи из привозного кремня, из роговика, шифера,[21] кварцита, песчаника, гранита и некоторых других пород камня.

Сланец служил главным образом для производства крупных рубящих орудий: топоров, тесел, долот, стамесок (прил. IV, табл. 24—29). Из него изготовлялись также кирки, служащие, по всей вероятности, для земляных работ, ножи, грузила для рыболовных сетей, рыболовные крючки, наконечники стрел, копий и дротиков, шлифовальные плиты, точильные бруски и некоторые другие виды орудий.

В связи с непрочной структурой сланца рубящие орудия из него изготовлялись значительно более крупных размеров, чем подобные орудия из кремня в более южных районах нашей страны и других местах с богатыми месторождениями кремня.

Кварц по своей твердости, кристалличности и хрупкости мало пригоден для производства крупных рубящих орудий. Зато его осколки давали острые режущие края, и достаточно было небольшой подправки, чтобы превратить их в примитивные ножички, скребки, проколки и другие скребущие и режущие орудия.

Поэтому кварц применялся главным образом для изготовления этой категории орудий (прил. IV, табл. 2). Такие же орудия изготовлялись из кремня и роговика, реже — из сланца и шифера.

Осколки кварца применялись, по-видимому, в тех же целях и без всякой дополнительной обработки. Притупившиеся осколки выбрасывались, так как изготовить их не составляло большого труда.

Из кремня и сланца изготовлялись также предметы ритуала и украшения: фигурные молоты, подвески для ожерелий, амулеты, скульптурные изображения животных, рыб, птиц и др. (прил. IV, табл. 35).

Кварцит и песчаник применялись главным образом в качестве шлифовальных плит и точильных брусков, а также при изготовлении грузил для рыболовных сетей.

По характеру применения в производственной деятельности и по некоторым другим признакам каменные орудия и другие изделия из камня можно подразделить на следующие группы: 1) орудия для работы по дереву; 2) орудия для работы по камню; 3) орудия охоты и рыбной ловли; 4) орудия, применяемые для изготовления одежды и обуви; 5) скребущие и режущие орудия, применяемые при разделке туш животных, при обработке шкур, потрошении и чистке рыбы и т. п.; 6) орудия для обработки кости; 7) землекопные орудия; 8) украшения и предметы культа.

Рассмотрим каждую группу в отдельности.

К орудиям для работы по дереву относятся топоры, тесла, долота, стамески (прил. IV, табл. 24—29). Все эти орудия в Карелии изготовлялись из сланца.[22] В различной степени все они подвергались шлифовке,

[21] Термином «шифер» нами назван тонкослоистый сланец иглистого строения.

[22] Обломки кремневых топоров в Карелии найдены только в одном случае — при раскопках А. Я. Брюсовым стоянки Залавруга I (см.: А. Я. Брюсов. Очерки

а иногда полированию.[23] Все эти орудия предназначены для одной цели — обработки дерева, поэтому имеют большие черты внешнего сходства между собой и отличаются друг от друга главным образом по величине, а также по форме и некоторым деталям обработки.

Топоры и тесла относятся к крупным рубящим орудиям. Их можно отличить друг от друга прежде всего по характерной для тесла асимметрии лезвия и до некоторой степени по характеру следов работы, оставшихся на лезвии.

Каменное тесло, так же как и современное металлическое, закреплялось в рукояти так, чтобы лезвие его было перпендикулярно направлению рукояти. Для большей эффективности у тесла стачивалась одна сторона лезвия, которая при работе непосредственно соприкасалась с деревом, с другой стороны лезвие лишь немного подправлялось.

Каменные топоры закреплялись в рукояти подобно современным металлическим — лезвие параллельно рукояти. Поэтому затачивались топоры приблизительно равномерно с обеих сторон. Возможно, что некоторые каменные топоры применялись как тесла при соответственном закреплении их в рукояти, но можно с уверенностью сказать, что асимметрично заточенные тесла в качестве топоров не применялись, ибо односторонние рубящие топоры слишком неудобны для работы.

Сланцевые топоры и тесла, так же как и кремневые, можно отличать друг от друга и по следам работы, оставшимся на лезвиях; обычно это неглубокие царапины от соприкосновения с деревом.

На теслах преобладают прямые царапины, перпендикулярные лезвию, на топорах — сетка из пересекающихся царапин различных направлений.

Однако практически при классификации карельских каменных орудий последний признак почти не играет роли, так как ввиду слабой структуры сланца изготовленные из него рубящие орудия находят при раскопках или с обломленными и выкрошенными лезвиями, или со вторично заточенными лезвиями, на которых не осталось никаких следов от работы. Такая подточка сланцевых орудий, опять-таки ввиду непрочности сланца, производилась, по-видимому, довольно часто. Поэтому следы работы на сланцевых орудиях сохраняются сравнительно редко.

Каменные долота и стамески обычно более мелких размеров, чем топоры и тесла. Различить их можно только по чисто внешним признакам, руководствуясь формами современных металлических долот и стамесок. Стамески — небольшие плоские, асимметрично заточенные орудия, изготовленные чаще всего из сланцевых плиток. Ширина их рабочей части превышает толщину ее. Долота обычно тоже небольших размеров, но массивны и с узким лезвием.

Исключительное однообразие форм сланцевых рубящих орудий в Карельской культуре не давало возможности исследователям типологически анализировать их. Из общего состава орудий были выделены А. Я. Брюсовым[24] лишь некоторые заметно отличающиеся по форме типы: топор типа «Рованиеми», топор русско-карельского типа, двулезвийный топор и крестовидный топор[25] (прил. IV, табл. 24).

по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 118), но эта стоянка по своему характеру ближе к Беломорской культуре, чем к Карельской.

[23] Полирование является более высокой степенью шлифования. Оно производится после шлифования и дает более гладкую поверхность орудия. Иногда поверхность орудия доводится им до зеркального блеска.

[24] А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 305, 309.

[25] Двулезвийные и крестовидные топоры встречаются в Карелии очень редко (первых найдено 3, вторых — 2).

Кроме того, А. Я. Брюсов выделил как один из ранних типов большие массивные топоры с овальным поперечным сечением.

Анализ инвентаря карельских стоянок позволил нам выделить еще несколько типов топоров, тесел и долот, которые по своим внешним признакам довольно заметно отличаются от остальной массы рубящих сланцевых орудий [26] (прил. IV, табл. 25—28).

1. Топоры и тесла соломенского типа — неширокие, массивные или слегка уплощенные, со шлифовкой только по лезвию, с подпрямоугольным или овальным поперечным сечением (прил. IV, табл. 25, *1*, *2*, *9*).

2. Топоры и тесла оленеостровского типа — небольшие, уплощенные, прямые, со шлифовкой только по лезвию, с прямоугольным поперечным сечением (прил. IV, табл. 25, *3—5*).

3. Топоры онежского типа — маленькие, слегка уплощенные, остробушные, с обухом, обработанным сколами, со шлифовкой по лезвию, с овальным поперечным сечением (прил. IV, табл. 25, *6*, *7*).

4. Топоры среднекарельского типа — маленькие уплощенные, со значительным расширением к лезвию, со шлифовкой в основном по лезвию, с овальным или подпрямоугольным поперечным сечением (прил. IV, табл. 28, *7*).

5. Топоры лососинского типа — большие, массивные, с прямым или округлым лезвием и овальным поперечным сечением [27] (прил. IV, табл. 26, *1*, *2*).

6. Топоры и тесла кудомского типа — большие, широкие, уплощенные, с прямым лезвием и прямоугольным поперечным сечением (прил. IV, табл. 27, *4—6*).

7. Топоры и тесла шуйского типа — средних размеров, уплощенные или плоские, с прямоугольным поперечным сечением и с резким расширением к лезвию, иначе их можно назвать узкообушными (прил. IV, табл. 26, *6*, *7*).

8. Топоры ялгубского типа — небольшие, короткие, уплощенные, с широким лезвием и узким, обработанным сколами, обухом, с прямоугольным поперечным сечением у лезвия (прил. IV, табл. 25, *8*).

9. Тесла вознесенского типа — небольшие, прямые, с резкими гранями и прямоугольным поперечным сечением (прил. IV, табл. 26, *8*, *9*, табл. 27, *1—3*).

10. Тесла чавнозерского типа — небольшие, с резкими гранями, прямые или с расширением к лезвию, с трапецией в поперечном сечении (близки теслам русско-карельского типа), (прил. IV, табл. 28, *1*, *2*).

11. Желобчатые тесла (прил. IV, табл. 28, *8*, *9*).

12. Долота широколезвийные — небольшие, с прямоугольным поперечным сечением, прямые или с расширением к лезвию (прил. IV, табл. 29, *6*, *9*, *18*).

13 Долота узколинейные — небольшие, с сужением к рабочему концу, с прямоугольным поперечным сечением (прил. IV, табл. 29, *4*).

14. Киркообразные долота — узкие массивные, с прямоугольным поперечным сечением.

15. Клинообразные долота — массивные, с прямоугольным поперечным сечением, по форме напоминают клин (прил. IV, табл. 29, *3*).

---

[26] Названия типов топоров и тесел в целях краткости даны по названиям мест их нахождения, названия типов долот — по наиболее заметному признаку их отличия. Типологизировать стамески в настоящее время не представляется возможным.

[27] В эту группу входят и выделенные А. Я. Брюсовым массивные топоры с овальным поперечным сечением.

16. Долота многогранные[28] — небольшие, с сужением к рабочему концу, пяти- или шестиугольные в поперечном сечении.

17. Желобчатые долота[29] (прил. IV, табл. 29, *1*, *2*, *5*).

Кроме перечисленных здесь типов, на стоянках Карелии встречаются и другие рубящие сланцевые орудия, имеющие заметные отличительные признаки. Однако встречаются они в единичных экземплярах, и останавливаться на их описании в данном случае нет необходимости. Встречается также довольно много топоров и тесел, типологизировать которые не представляется возможным, так как они не имеют особых отличительных признаков.

К орудиям для работы по камню относятся шлифовальные плиты, пилы, точильные бруски, шлифовальные бруски, сверла, отбойники, пробойники и пр., — словом, все те орудия, с помощью которых изготовлялись различные изделия из камня (прил. IV, табл. 30, 31).

В качестве шлифующих орудий применялись сланцевые, песчанковые, кварцитовые и иногда гранитные плиты, а также небольшие бруски из тех же материалов для подшлифовки мест, недоступных для шлифовки на плите (например, желобков у желобчатых долот и тесел). Для вторичной подточки лезвия применялись небольшие точильные бруски из сланца, шифера и мелкозернистого песчаника.

Следы применения этих орудий хорошо заметны на их рабочей поверхности. На шлифовальных плитах это неглубокие концентрические царапины, получившиеся в результате кругового движения шлифуемого предмета. На точильных и шлифовальных брусках — продольные царапины, причем рабочий край у ряда шлифовальных брусков полуовальный в поперечном разрезе, так как использовался для выточки желобков.

Для пробивания отверстий в некоторых изделиях (например, в грузилах для рыболовных сетей) применялись острые кремневые или кварцевые пробойники, в качестве которых чаще всего использовались сработанные нуклеусы.

Края отверстий, пробитых в каменных изделиях, заглаживались с помощью своеобразных сверл. В качестве таких сверл обычно применялись массивные треугольные отщепы или сработанные нуклеусы с острыми режущими краями из роговика, кремнистого сланца, кварца и других материалов. Эти подсобные орудия не требовали специальной обработки.

Подобные сверла найдены пока только на двух стоянках Карелии: Вой-наволок IX[30] и Деревянное I, но свидетельства о их применении мы встречаем на многих стоянках, где находятся грузила от рыболовных сетей с пробитыми биконическими отверстиями для прикрепления к сети. Края этих отверстий обычно заглажены, по всей вероятности, упомянутым типом сверла.

Пилы применялись при изготовлении сланцевых рубящих орудий. Они представляют собой тонкие продолговатые пластинки с заостренным рабочим краем, изготовленные чаще всего из сработанных шлифовальных плит. В качестве материала для них служили песчаник, кварцит и сланец.

Наконец, отбойники служили для первичной обработки заготовок сланцевых орудий сколами и для скалывания пластин с нуклеусов. Для этой цели обычно применялись небольшие продолговатые гальки или сработанные тупые нуклеусы из твердых пород камня. На рабочих кон-

---

[28] Впервые выделены А. Я. Брюсовым (см.: А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 231, 232, 246, рис. 60, 110).

[29] Желобчатые долота, так же как и тесла, довольно разнообразны по величине и форме. Их объединяет только один признак — желобок по лезвию. От тесел отличаются только меньшими размерами и меньшей шириной.

[30] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита..., стр. 107.

цах отбойников обычно заметны следы от ударов о твердый предмет в виде мелких выщербин.

Из каменных орудий, применявшихся для охоты и рыбной ловли, в инвентаре карельских стоянок эпохи неолита и раннего металла встречаются наконечники стрел, дротиков и копий, боевые топоры (клевцы),[31] большие сланцевые и шиферные ножи и кинжалы, крючки, грузила от рыболовных сетей и от ловушек для рыбы и якоря от лодок (прил. IV, табл. 31—33).

Наконечники стрел копий и дротиков (прил. IV, табл. 31—32) изготовлялись из кремня, шифера, сланца, роговика, реже из кварца и кварцита. По внешним отличительным признакам все наконечники, найденные на стоянках Карелии, можно подразделить на следующие типы: листовидные, лавролистные, иволистные, листовидно-черешковые, листовидные с усеченным основанием, листовидные с выемкой в основании, листовидные с боковым выемом, ланцетовидные, сейминского типа, оленеостровского типа (близкие свидерскому типу), треугольночерешковые и ромбовидные.[32] Среди шиферных наконечников, найденных на стоянках Карелии, встречаются наконечники «широкого типа с шипами», «узкого типа без шипов», с треугольным поперечным сечением, удлиненные с ромбическим поперечным сечением, «арктического» типа и листовидные с черешком.

Наконечники из твердых материалов (кремень, кварц, роговик) обработаны ретушью по всей поверхности (у некоторых типов — частичной ретушью по краю); наконечники из шифера, сланца и кварцита обработаны шлифованием.

Боевые топоры (клевцы) в инвентаре древнейших поселений Карелии встречаются редко. Среди них имеются экземпляры крестовидных, двулезвийных и ромбовидных сверленых клевцов (прил. IV, табл. 24, *3*, *4*,).

К орудиям охоты можно отнести также шиферные кинжалы (прил. IV, табл. 32, *9*, *10*) и большие сланцевые ножи Оленеостровского типа (тонкие, подтреугольные пластины с отверстиями для скрепления, с рукоятью у основания) (прил. IV, табл. 32, *14*).

Наиболее частыми находками из орудий рыбной ловли являются грузила от сетей и от ловушек, применяемых для лова рыбы (прил. IV, табл. 33, *7—10*). Ловушки, вероятно, плели из ивовых ветвей, сети — из лыка.

Грузила эти изготовлялись из небольших песчаниковых, сланцевых и кварцитовых плиток или из галек двумя способами: по бокам гальки (плитки) выбивали выемы или пробивали в ней отверстие. Как выемы, так и отверстие служили для привязывания грузила к сети или ловушке.

Довольно частой находкой на стоянках Карелии являются грузила от лесок и каменные части составных рыболовных крючков (прил. IV, табл. 33, *1—6*). Они обычно изготовлены из шифера или сланца. Жало для крючков изготовлялось, по-видимому, костяное.

Якоря от лодок[33] косвенно тоже являются орудиями рыбной ловли, производимой с лодок. Они изготовлялись обычно по тому же принципу

---

[31] Клевцы, вероятно, были боевым оружием, но вполне возможно, что использовались и в качестве орудий охоты.

[32] Из группы листовидных наконечников нами выделены лавролистные и иволистные. Первые — довольно широкие, имеют правильную форму в виде лаврового листа. Вторые — узкие, очень сходны с ивовым листом; как те, так и другие обработаны прекрасной струйчатой ретушью по всей поверхности. Качество обработки остальных листовидных наконечников значительно хуже.

[33] Найдены на нескольких стоянках, в том числе на стоянке Пуш-совхоз (см.: Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита...), на стоянке Соломенное VII (фонды Карельского филиала АН СССР) и др.

и из того же материала, что и грузила от сетей, но только плиты или валуны, выбираемые для них, были более крупных размеров, чтобы их тяжестью лодка удерживалась на месте (прил. IV, табл. 33, *11*).

Особенно многочисленной категорией орудий, встречаемых на стоянках Карелии, являются скребущие и режущие орудия, применявшиеся при разделке туш животных, при обработке шкур, при потрошении и чистке рыбы и для других хозяйственных надобностей. К ним относятся скребки, скребла, скобели, когтевидные долота (по всей вероятности, служившие скребками), фигурные кремни, ножички, ножевидные пластинки (с ретушью и без ретуши), осколки кремня с ретушью и пр. (прил. IV, табл. 34). Огромное количество осколков кварца на многих стоянках Карелии вызывает предположение, что они, так же как осколки кремня и других твердых пород, часто использовались в качестве скребущих и режущих орудий без дополнительной обработки.

Производились все эти орудия, за исключением когтевидных долот, с помощью техники скола и отжимной или ударной ретуши из твердых пород камня: кремня, кварца, роговика, кремнистого сланца. Когтевидные долота (прил. IV, табл. 29, *7—8*) делались из сланца путем тщательной шлифовки их поверхности и вытачивания поперечного желобка по лезвию. Для каких работ они применялись, сказать трудно. Судя по их скребкообразному виду и тщательной обработке, они могли применяться для очистки внутренней стороны свежих шкур животных от жировых наслоений.

Анализ скребущих и режущих орудий со стоянок Карелии по их составу показал, что наиболее широко распространенными из них являются скребки. Больше всего найдено скребков, изготовленных из отщепов случайной формы путем подправки ретушью рабочего края. Много скребков подчетырехугольной формы, овальной и полуовальной формы, довольно значительно количество концевых скребков, изготовленных как из широких, так и из узких пластин, сколотых с нуклеусов и подправленных на конце крупной ретушью. Имеются также скребки подтреугольной формы. Ретушь на скребках преобладает крутая, но имеются также скребки с отлогой (плоской) и мелкой ретушью. Ретушью обработан чаще всего один край скребка, но на многих скребках ретушь распространяется и на другие края. Имеются скребки с круговой ретушью.

Скребла, скобели и особенно фигурные кремни на стоянках Карелии встречаются значительно реже. Техника их обработки не отличается от вышеописанной. Применялись они, по всей вероятности, для обработки небольших изделий из дерева и кости.

Ножички и сколотые с нуклеусов ножевидные пластинки, применявшиеся, вероятно, тоже в качестве ножичков, являются довольно частыми находками в инвентаре древних поселений Карелии. Они, по-видимому, как и современные ножи, выполняли функцию резания: с их помощью обрабатывали шкуры убитых животных, разрезали мясо, вспарывали рыбу и т. п. Изготовлены они очень примитивно — заостряющая ретушь по рабочему краю, иногда притупляющая ретушь по спинке или совсем без обработки. Для этой же функции применялись, вероятно, и осколки кремня с ретушью по краю.[34]

Основным видом орудий, служащим для обработки кости и рога при изготовлении костяных и роговых изделий, являлись, по-видимому, резцы. Они встречаются в инвентаре древних поселений Карелии до-

---

[34] Последние, кроме того, применялись, по-видимому, в качестве вкладышей в костяные орудия.

вольно часто и косвенно свидетельствуют о развитом производстве костяных изделий в древней Карелии.

Изготовление резцов не требовало больших затрат труда. Для этой цели обычно служили ножевидные пластины и отщепы с подправленным сколами режущим краем. Кроме того, имеются скребки с острыми углами, обработанными ретушью. Эти углы служат резцами. Резцы изготовлялись из твердых пород: кремня, кварца, роговика, кремнистого сланца.

Для просверливания отверстий в костяных и роговых изделиях применялись мелкие сверла из тех же пород камня. Концы таких сверл обычно заострены и обработаны ретушью.

Для придания костяному или роговому изделию нужных форм и для шлифования его поверхности применялись мелкие шлифовальные и точильные бруски.

Для отпиливания кости или рога применялись те же пилы, что и для пиления камня.

В обработке кости вместе с тем применялись, по-видимому, скребки, скобели и ножички.

Из землекопных каменных орудий известен один вид — кирка олонецкого (или карельского) типа. Кирки изготовлялись из сланца. Эти орудия обычно больших размеров, сегментовидной формы, отшлифованы по всей поверхности. Размеры их достигают иногда 35—40 см (прил. IV, табл. 37).

По внешним признакам их можно подразделить на несколько типов: 1) большие кирки с длинным полуовалом в поперечном сечении; 2) небольшие кирки с коротким полуовалом в поперечном сечении; 3) большие кирки с округлым поперечным сечением; 4) ребристые кирки с подтреугольным поперечным сечением; 5) изогнутые небольшие кирки.

Однако назначение их, вероятно, одно — это землекопные орудия, используемые для рытья всевозможных хозяйственных ям, ям для полуземляночных жилищ и, возможно, ям для охотничьих ловушек. Вполне вероятно, что они применялись также для пробивания прорубей и для других хозяйственных надобностей. Все виды назначения этого орудия определить не представляется возможным.

При изготовлении одежды и обуви применялись главным образом костяные и роговые орудия, которые, к сожалению, не сохранились до наших дней.

Однако для этой цели применялись и некоторые каменные орудия: шилья, проколки, лощила, ножички.

Каменное шило в Карелии найдено только одно — у с. Пяльозеро. Оно представляет собой четырехгранный, хорошо отшлифованный шиферный стержень с заостренным концом. Проколки находят на стоянках довольно часто. Они тоже выполняли функции шила. Встречаются проколки, хорошо отшлифованные, шиферные или сланцевые, четырехгранные или конусообразные. У многих сланцевых проколок поверхность не обработана, лишь рабочий конец заострен подточкой. Довольно часто встречаются проколки из твердых пород камня (кремня, роговика и др.) в виде тонких пластин или отщепов, заостренных на одном конце с помощью ретуши. В качестве лощил, с помощью которых заглаживались швы при изготовлении одежды и обуви, применялись гладкие, окатанные, яйцевидной или продолговатой формы гальки. Следы их применения заметны в виде залощения трущейся поверхности этих орудий.

В инвентаре карельских стоянок довольно часто встречаются различные каменные украшения и предметы культа. К ним относятся фигурные молоты, амулеты (лунарные кремневые подвески, кремневые фигурки животных и др.), шиферные кольца, сланцевые и шиферные под-

вески в виде пластинок и палочек с отверстиями или нарезками для подвешивания и т. п. (прил. IV, табл. 35). Вещи подобного назначения, по-видимому, в большом количестве изготовлялись из кости и рога, о чем свидетельствуют данные Оленеостровского могильника, и, возможно, из глины; имеются также единичные экземпляры привозных янтарных украшений.[35]

Предметы культа и украшения отличаются тщательностью отделки. Изображения животных характерны реалистичностью.

Наряду с перечисленными выше группами каменных изделий значительное место в инвентаре стоянок занимают незаконченные каменные изделия, их обломки и отходы производства, заготовки орудий в различных стадиях обработки, крупные и мелкие обломки орудий, нуклеусы, отщепы и осколки сланца, кварца, кремня, роговика и других пород.

Из прочих изделий, встречающихся на стоянках Карелии, но по малочисленности не входящих ни в какие группы, следует отметить штампы для нанесения зубчатого орнамента на глиняные сосуды; песты и пестики, служащие, по всей вероятности, для дробления кусков кварцита, используемого в качестве примеси к глиняному тесту при изготовлении сосудов, а также для дробления медной (позднее и железной) руды; клинчики, используемые, вероятно, для раскалывания кусков дерева при выделке деревянных изделий; киркообразные маленькие орудия неопределенного назначения и др. (прил. IV, табл. 36).

В целом каменный инвентарь со стоянок Карельской археологической культуры довольно разнообразен и строго дифференцирован. Каждый тип изделия имел свое определенное назначение.

Таковы суммарные данные о каменном инвентаре карельских стоянок.

КЕРАМИКА

Анализ керамики карельских стоянок эпохи неолита и раннего металла показал, что она состоит из нескольких довольно резко отличающихся друг от друга типов. Это различие сказывается прежде всего в орнаменте сосудов, принадлежащих разным типам, а также в консистенции глиняного теста, из которого изготовлены эти типы сосудов и до некоторой степени в форме сосудов.

Основными типами керамики древних стоянок являются (прил. IV, табл. 8—18): 1) керамика типа «Сперрингс»; 2) ямочно-зубчатая керамика; 3) «асбестовая» керамика, т. е. керамика с примесью толченой роговой обманки к глиняному тесту; 4) «сетчатая» или «текстильная» керамика, т. е. керамика с отпечатками ткани на стенках сосудов и 5) неорнаментированная керамика («гладкая» и «штрихованная»).

В свою очередь каждый из этих основных типов делится главным образом по характеру орнамента на ряд подтипов.

Остановимся на характеристике каждого из упомянутых основных типов.

Керамика типа «Сперрингс» (прил. IV, табл. 8, 9) получила свое название от одноименного финского местечка, вблизи которого она впервые была найдена. Сосуды в основном больших размеров, толстостенны, остродонны, среднего обжига. Тесто грубое, с обильной примесью дресвы. Основные элементы орнамента (прил. III, табл. 3, *9—17*): 1) линии, прочерченные палочкой, сплошные или уступчатые от периодического нажима на конец чертящей палочки (такой элемент орнамента в археологической литературе известен под названием «отступающей лопаточки»):

---

[35] Янтарные изделия и обломки их найдены на стоянках Суна I, Золотец I. Остров Шойрукшин, Золотец VII, Бесовы следки III, Соломенное V и др.

2) оттиски грубой веревочки, намотанной на палочку; 3) неглубокие, часто поставленные оттиски своеобразного штампа, ряды которых создают иллюзию отпечатка плетеной тесьмы; 4) оттиски штампа, похожего на римские цифры I и II.

Кроме перечисленных основных элементов орнамента, применяются вытянутые ромбовидные ямки, кругло-конические ямки, т. е. круглые ямки с коническим дном, и некоторые другие элементы.

Узоры орнамента на керамике того типа довольно однообразны (прил. III, табл. 4, *1—20*).

Орнамент на сосудах расположен или параллельными рядами, или смежными четырехугольниками и треугольниками, заполненными одним из перечисленных выше элементов. Последний вид орнамента очень похож на корзиночную плетенку.

По основному узору иногда расставлены редкие кругло-конические ямки. На поздней ступени развития этого типа керамики кругло-конические ямки применялись значительно чаще.

Одной из характерных особенностей сосудов этого типа является отсутствие утолщения по венчику — края сосудов совершенно прямые и в отличие от ямочно-зубчатой керамики по торцовой части никогда не орнаментированы.

Ямочно-зубчатая керамика со стоянок Карелии в основе своей сравнительно тонкостенна (средняя толщина стенок сосудов 6—8 мм), хотя имеется и довольно толстостенная (10—12 мм). Сосуды по форме остродонны и круглодонны. Размеры их разнообразны. Преобладают сосуды средней величины с диаметром 25—30 см. Обжиг их довольно хороший. Глиняное тесто состоит по большей части из хорошо отмученной глины с умеренной примесью песка или дресвы (иногда встречаются и другие примеси, в частности слюда). Грубое тесто для сосудов этого типа нехарактерно (прил. IV, табл. 10—13).

Ямочно-зубчатая керамика карельских стоянок, особенно ее ранние типы, очень близка ранней волго-окской, более всего льяловской и белевской керамике. Причины этой близости объясняются в гипотезе А. Я. Брюсова о заселении Карелии,[36] краткие сведения о которой будут изложены ниже.

Ямочно-зубчатая керамика является наиболее разнообразной и богато орнаментированной из всех упомянутых выше основных типов керамики Карелии. В ней в настоящее время насчитывается свыше 50 элементов орнамента (прил. III, табл. 3, *1—8*, *18—59*). Она отличается также богатством орнаментального узора (прил. III, табл. 4, *21—88*).

Наиболее часто употребляемыми элементами орнамента керамики этого типа являются: 1) кругло-конические ямки, 2) ромбические ямки, 3) оттиски зубчатого штампа, 4) зубчатые линии, 5) оттиски гладкого штампа и 6) нарезные линии.

Наиболее распространенными орнаментальными узорами являются: 1) кругло-конические или ромбические ямки, расставленные в шахматном порядке; 2) горизонтальные ряды оттисков прямо или косо поставленного короткого или длинного зубчатого штампа; 3) чередование рядов кругло-конических или ромбических ямок с рядами оттисков зубчатого или гладкого штампа в различных пропорциях; 4) чередование рядов таких же ямок с зубчатыми или нарезными линиями и некоторые др.

По характеру орнаментальных мотивов ямочно-зубчатую керамику со стоянок Карелии можно разделить на ряд подтипов. Наиболее широко распространенными из них являются: 1) ямочная керамика, 2) ке-

[36] А. Я. Брюсов. Очерки по истории..., стр. 25—41.

рамика прибалтийско-финского типа, 3) развитая ямочно-зубчатая керамика.

Кроме перечисленных подтипов, необходимо упомянуть три подтипа, хотя и не имеющие широкого распространения в Карелии, но довольно резко выделяющиеся из всей массы ямочно-зубчатой керамики, — это так называемая веревочная керамика, т. е. керамика с орнаментом из оттисков витой веревочки, керамика прибалтийско-новгородского типа и керамика с растительной примесью к глиняному тесту.

Рассмотрим перечисленные подтипы.

Ямочная керамика (прил. IV, табл. 10) — самый распространенный подтип ямочно-зубчатой керамики в Карелии, представлена на подавляющем большинстве стоянок, а на многих из них преобладает и в количественном отношении.

Орнамент ее исключительно прост. В большинстве случаев сосуды орнаментированы по всей поверхности только кругло-коническими или ромбическими ямками, расставленными в шахматном порядке (реже — в линию). Размеры ямок различны: от 2 до 7—8 мм и больше. Чаще всего применяются в орнаменте кругло-конические ямки диаметром 5—6 мм и ромбические — длиною 8—10 мм.

На многих сосудах основной ямочный орнамент делится на зоны с помощью опоясывающих сосуд горизонтальных рядов оттисков короткого штампа (зубчатого или гладкого) или с помощью горизонтальных линий (нарезных или зубчатых).

Другие элементы орнамента в этой керамике применялись очень редко. К таким элементам относятся, в частности, неглубокие овальные зубчатые ямки, ямки схожие со следами водоплавающей птицы, круглые ямки, сделанные трубчатым растением, ямки в форме полумесяца и некоторые др.

Керамика прибалтийско-новгородского и прибалтийско-финского типов известна в литературе под общим названием «типичной ямочно-гребенчатой керамики» (прил. IV, табл. 13, *1—11*).

Этот термин введен в употребление финскими учеными, прежде всего Ю. Айлио и А. Европеусом,[37] в качестве общего названия для ранней ямочно-зубчатой керамики, появившейся в юго-восточной Финляндии в середине III тысячелетия до н. э. Сюда относится прежде всего керамика с геометрически сложным строго зональным узором из ромбов, треугольников и зигзаговых полос, заполненных оттисками зубчатого штампа, из наклонных полос, составленных оттисками короткого зубчатого штампа, а также керамика, орнаментированная горизонтальными рядами оттисков прямо или косо поставленного, длинного или короткого зубчатого штампа. Последний орнамент обычно дополнен рядами кругло-конических ямок, которые делят основной орнаментальный узор на несколько горизонтальных зон.

Однако ареал распространения керамики со сложным геометрическим узором не совпадает полностью с ареалом распространения керамики, орнаментированной простым узором из горизонтальных рядов оттисков короткого зубчатого штампа.

Первая наиболее широко представлена (о чем более подробно будет сказано ниже) на стоянках Новгородской области, северо-западе Ленинградской области и северо-востоке Эстонской ССР. Вторая — в Прибалтике и Восточной Финляндии.

---

[37] J. Ailio. Die Steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland. Helsinki. 1909; A. Europaeus. Stenälderns keramik från kustboplatser i Finland. SMyA, XXXVII, 1927.

В связи с этим первую впредь мы будем называть керамикой прибалтийско-новгородского типа, а вторую — керамикой прибалтийско-финского типа.

Развитая ямочно-зубчатая керамика является дальнейшей ступенью развития ранней ямочной керамики. Она отличается большим разнообразием элементов орнамента и орнаментальных мотивов (прил. IV, табл. 11—12). Однако и для этого подтипа керамики наиболее характерны кругло-конические ямки.

Вместе с тем распространенными элементами орнамента этой керамики являются оттиски зубчатого и гладкого штампа, зубчатые и нарезные линии, прямоугольные ямки с гладким дном и с насечкой по дну, треугольные ямки, ямки неправильной формы, неглубокие вдавления с крестообразной перегородкой, пунктирные линии, рамчатые вдавления и многие др.

Не менее разнообразны и узоры орнамента.

Веревочная керамика (прил. IV, табл. 13, *12—14*), т. е. керамика, основным элементом орнамента которой являются оттиски веревочки, навитой на палочку, подразделяется на две группы: керамика с простейшим ямочным орнаментом, дополненным «веревочными» линиями, делящими ямочный узор на горизонтальные зоны, и керамика со сложным разнообразным орнаментальным узором, составленным из «веревочных» оттисков и кругло-конических ямок.

Керамика с растительной примесью к глиняному тесту (прил. IV, табл. 13, *15—20*) по внешнему виду резко выделяется из остальной массы ямочно-зубчатой керамики. Фрагменты ее сосудов слабого обжига, легкие, пористые. Орнамент очень однообразен, состоит в основном из редко расставленных оттисков короткого зубчатого штампа или вертикальных зигзагов, составленных оттисками зубчатого штампа. Форму сосудов определить трудно, так как фрагменты этой керамики мелкие.

Такова вкратце характеристика одного из самых распространенных в Карелии типов керамики — ямочно-зубчатой.

«Асбестовая» керамика (прил. IV, табл. 14—16) получила свое название в связи с тем, что изготовлялась из глиняного теста с примесью толченой роговой обманки. Сосуды этого типа керамики тонкостенны, сравнительно небольших размеров, в основном среднего обжига. На раннем этапе развития данного типа керамики сосуды остродонны и круглодонны, украшены сложными орнаментальными узорами, копирующими узоры ямочно-зубчатой керамики (прил. IV, табл. 14—15).

Однако иглы асбеста мешали нанесению орнамента, поэтому даже ранняя керамика этого типа не отличается четкостью орнамента.

На позднем этапе преобладают плоскодонные «асбестовые» сосуды, орнаментированные чаще всего так называемым елочным узором, т. е. вертикальными зигзагами, составленными оттисками зубчатого штампа, а также рядами редко расставленных оттисков короткого зубчатого штампа. Большая часть этой керамики на позднем этапе вообще не имеет никакого орнамента (прил. IV, табл. 16).

«Сетчатая» или «текстильная» керамика (прил. IV, табл. 17—18) получила свое название в связи с тем, что на стенках сосудов этого типа хорошо заметны следы грубой ткани или сетки, которой, по-видимому, обертывались сосуды перед обжигом. Сосуды в основном плоскодонные. Только на раннем этапе развития этой керамики встречаются круглодонные сосуды. Стенки сосудов тонкие, к глиняному тесту примешивались песок или толченый шамот, реже — дресва. Ранняя керамика этого типа (прил. IV, табл. 17) довольно богато орнаментирована, причем узоры орнамента заимствованы у ямочно-зубчатой керамики. Поздняя «сетчатая» керамика орнаментирована только под венчиком

или совсем не орнаментирована (прил. IV, табл. 18). Обжиг сосудов этого типа хороший, значительно лучше, чем всех предыдущих типов керамики. Внутренние стенки «сетчатых» сосудов обычно покрыты грубой штриховкой, как будто вытерты пучком травы.

Неорнаментированная керамика («штрихованная» и «гладкая»).

«Штрихованная» керамика не имеет никакого орнамента. Сосуды небольшие, плоскодонные, с тонкими стенками, хорошего обжига. Стенки сосудов покрыты грубыми беспорядочными штрихами с внешней и внутренней стороны. Встречаются сосуды этого типа штрихованные с внешней стороны, но гладкие с внутренней. Примесь к глиняному тесту та же, что и у «сетчатой» керамики (прил. IV, табл. 18).

«Гладкая» керамика встречается на поселениях с «сетчатой» и поздней «асбестовой» керамикой. Сосуды небольшие, ручной лепки, плоскодонные, хорошего обжига, с гладкими тонкими стенками. Примесью к глиняному тесту керамики этого типа служит мелкий песок (прил. IV, табл. 17).

В отличие от первых трех типов керамика двух последних типов в Карелии найдена в незначительном количестве и только на поселениях эпохи раннего металла.

ГЛАВА 3

ДАТИРОВКА ПАМЯТНИКОВ КАРЕЛИИ ЭПОХИ НЕОЛИТА И РАННЕГО МЕТАЛЛА

После краткого описания инвентаря карельских стоянок эпохи неолита и раннего металла перейдем к установлению датировки археологических памятников, что является одной из самых актуальных и в то же время сложных проблем, встающих в настоящее время перед исследователями. Без этого мы не можем исторически подойти к вопросу о племенных различиях в Карельской археологической культуре.

Карелия, находясь на крайнем севере Европы, отдалена огромными пространствами от Средиземноморья, где издревле существовали центры культуры. Естественно, что ее древнейшее население, как и население всего европейского севера, не могло иметь связей с этими центрами. Поэтому при датировке северных памятников мы не можем использовать древние письменные источники, которые служат основой для абсолютной хронологизации древних археологических памятников Юга, по меньшей мере со II тысячелетия до н. э. Более того, нет возможности непосредственно определить абсолютную дату северных типов вещей даже по совместным находкам с южными датированными типами, ибо таких совместных находок на Севере не обнаружено. В связи с этим датировка памятников Севера, в частности Карелии, производится косвенно, по находкам в них вещей, которые более или менее точно датированы (непосредственно или косвенно) по цепочке типологических сравнений. Причем исходным началом такой цепочки являются хорошо датированные вещи Юга.

Возможность такого применения типологического метода датировки в условиях Севера убедительно доказана А. Я. Брюсовым.[1] Поэтому нет необходимости подробно освещать этот вопрос.

Конечно, как и всякий другой метод взятый в отдельности, метод типологического анализа инвентаря стоянок не безошибочен. Поэтому наряду с ним на Севере, и в частности в Карелии, применяются другие, вспомогательные методы датировки, в том числе — датировка с помощью пыльцевого анализа, датировка по высотным данным стоянок и др. Последняя широко применяется в области всего Балтийского щита, особенно в Финляндии, что обусловлено здесь значительным вековым поднятием суши в послеледниковое время.

В Карелии подъем суши менее заметен, чем на остальной территории Фенноскандии, и, кроме того, значительная часть ее территории удалена от моря. Поэтому здесь возможности датировки древних поселений по

[1] А. Я. Брюсов. Некоторые теоретические основы хронологии неолита. СА, XVIII, М., 1953, стр. 13—28.

высотным данным не могут быть столь результативными. Однако и здесь этот метод неоднократно применялся [2] и продолжает играть значительную роль при датировке стоянок, расположенных на побережьях Онежского и Ладожского озер и Белого моря.

Несколько реже в условиях Карелии применяется метод датировки древних поселений с помощью пыльцевого анализа. Это объясняется тем, что большинство стоянок Карелии имеет озовый и дюнный характер, поэтому их почвенные слои зачастую почти не содержат пыльцы растений и не дают ясного представления о характере растительности, распространенной на том или ином поселении в изучаемый период.[3]

Таким образом, достаточно точная датировка неолитических памятников Севера может быть достигнута применением типологического метода в сочетании с другими данными (высотными, пыльцевыми, стратиграфическими и пр.). Причем основным остается типологический метод.

В настоящее время большинство ученых-археологов при датировке поздненеолитических памятников Севера особенно широко использует метод типологического анализа керамики поселений: А. Я. Брюсов [4] при датировке Сунских стоянок в Карелии, Н. Н. Гурина [5] при датировке стоянок северного побережья Онежского озера, Сямозера и ряда др., Л. Ю. Янитс [6] при датировке стоянок Эстонии, М. Е. Фосс [7] при датировке стоянок Каргопольской, Беломорской и Печорской культуры, финские археологи (A. Europaeus, J. Ailio, C. Meinander) [8] при датировке стоянок Финляндии, и т. д. Датировка по типам керамики тесно связана с датировкой по типам орудий и является частью типологического метода.

ДАТИРОВКА ПАМЯТНИКОВ В СОСЕДНИХ С КАРЕЛИЕЙ ОБЛАСТЯХ

Правильно датировать памятники Карелии невозможно без учета данных смежных с нею областей, с которыми у обитавшего здесь древнейшего населения несомненно были самые разнообразные связи. Поэтому, прежде чем непосредственно излагать вопросы датировки древнейших памятников Карелии, необходимо дать хотя бы краткие сведения о хронологических схемах, составленных археологами для соседних с нею областей.

Древнейшими памятниками на территории Финляндии являются докерамические стоянки культуры Аскола [9] (прил. IV, табл. 22—23), которая датируется финским археологом В. Лухо эпохой мезолита, а именно IX—VII тысячелетиями до н. э. В настоящее время известно 8 стоянок, относимых к этой культуре.

---

[2] Г. И. Горецкий. Неолитические стоянки в районе р. Кеми. КСИИМК, IX, 1941; Б. Ф. Земляков. Неолитические стоянки восточного берега Онежского озера. КСИИМК, VII, 1940; Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА № 20, М.—Л., 1951, и др.

[3] Датировка памятников Карелии по C_{14} до настоящего времени не применялась. В 1960 г. отдан на анализ уголь со стоянки Сулгу V.

[4] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 98 и сл.

[5] Н. Н. Гурина. 1) Поселения эпохи неолита...; 2) Археологические исследования в Карелии и в Ленинградской области. КСИИМК, вып. 51, 1953, и др.

[6] Л. Ю. Янитс. Неолитические поселения на территории Эстонской ССР. Сб. «Древние поселения и городища», Таллин, 1955.

[7] М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, № 29, М., 1952.

[8] A. Europaeus. Stenälderns keramik fran kustboplatser Finland; J. Ailio. Die Steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland; C. F. Meinander. Die Kiukaiskultur. SMyA, 53, Helsinki, 1954.

[9] V. Luho. Die Askola-kultur. SMyA, 57, Helsinki, 1956.

В ее развитии намечается три ступени (Аскола I, II, III). На первых двух — инвентарь исключительно кварцевый: кварцевые топоры, тесла и долота, грубо обработанные сколами, кварцевые скребла, скребки, скобели, резцы и т. п. На третьей — наряду с кварцевыми орудиями появляются топоры и тесла из других местных пород камня. Эта ступень культуры Аскола имеет много общего с культурой Суомус-ярви (прил. IV, табл. 21), убедительно датируемой финскими археологами VI—IV тысячелетиями до н. э.[10] Так, например, на стоянках последней имеются нуклевидные орудия, килевидные и высокие скребки, клювовидный резец и некоторые другие формы кварцевых орудий, которые являются ведущими в культуре Аскола (прил. IV, табл. 21—23). Наряду с кварцевыми орудиями аналогия между этими культурами прослеживается также в топорах и теслах, изготовленных из других пород камня.

На основе тщательного исследования В. Лухо пришел к выводу, что культура Суомус-ярви является дальнейшей ступенью развития культуры Аскола. Наиболее ранние ее памятники относятся к концу мезолита, а большая их часть датируется ранним неолитом.

В отличие от «кварцевой» культуры Аскола на стоянках этой культуры преобладает сланцевый инвентарь. Для нее характерны, в частности первичные топоры и тесла (типа Суомус-ярви), грубо обработанные и слабо отшлифованные; тонкообушные топоры, с обточкой только по лезвию; грубые, слабо шлифованные северные плоские долота; шарообразные каменные молоты с воронкообразным отверстием, сверленым с одной стороны; шиферные наконечники копий в форме листа и т. п. Наряду с этим встречаются орудия из сланца хорошей шлифовки, а также кварцевые скребки, резцы и другие изделия. Кремня нет. Керамика на стоянках этого типа тоже не представлена.

Далее следует раннекерамический период, относимый К. Мейнандером ко времени с 3000 до 2500 г. до н. э. Этот период характерен исчезновением шарообразных каменных молотов, сланцевых наконечников копий и появлением новых типов орудий: топоров типа «Рованниеми», остроконечных и северных топоров. Сланцевые орудия стали подвергаться лучшей обработке. Появилась керамика, называемая финскими учеными ранненеолитической, а в советской литературе — керамикой типа «Сперрингс». Эта керамика представлена грубыми толстостенными остродонными лепными сосудами больших размеров с примесью дресвы к глиняному тесту. Орнаментированы эти сосуды простейшими узорами из поперечных линий, оттисков перевитой веревочки (витой веревочки, намотанной на палочку), остроовальными ямками и оттисками своеобразных штампов. Преобладающими орнаментальными мотивами их являются чередование горизонтальных и вертикальных прочерченных пли веревочных линий, узор из смежных треугольников или четырехугольников, заполненных прочерченными или веревочными линиями, создающий впечатление корзиночного плетения, узор в виде ниспадающих гирлянд, составленных частыми оттисками своеобразного штампа, создающими иллюзию отпечатка плетеной тесьмы.

По основному узору применяются также редко расставленные, круглые ямки с коническим дном.

Древнейшая керамика этого типа, относимая финскими археологами к раннему керамическому периоду, орнаментирована обычно прочерченными линиями. Узор из оттисков перевитой веревочки и оттиски штампа

[10] Здесь и далее при изложении хронологической схемы датировки памятников Финляндии использована следующая литература: C. F. Meinander. Etelä-Pohjanmaan historia I. Helsinki, 1950; А. Европеус. Доисторические поселения Финляндии. Географ. сб. «Финляндия», М., 1953; A. M. Tallgren. Suomenmuinaisuus. Helsinki, 1951; A. Äyräpää. Den yngre stenälderns kronologi i Finland och Sverige. Finskt Museum, LXII, Helsingfors, 1956.

появились позднее, примерно во второй четверти III тысячелетия до н. э. На позднем этапе развития ранненеолитической керамики появилась также керамика типа «Якярля», орнаментированная горизонтальными рядами отпечатков короткого зубчатого штампа; этот узор чередуется иногда с рядами кругло-конических ямок.

Следующим этапом в древнейшей истории Финляндии является время гребенчатой керамики, датируемое К. Ф. Мейнандером 2500—1900 гг. до н. э. Этот этап делится на три периода: 1) ранняя гребенчатая керамика с простейшим зональным зубчато-ямочным орнаментом без сложных узоров; 2) типичная гребенчатая керамика с геометрически сложным, строго зональным узором из треугольников, загзаговых полос, ромбов, заполненных зубчатыми линиями, из наклонных полос, составленных отпечатками короткого зубчатого штампа, и т. п.;[11] 3) поздняя гребенчатая керамика с бедным орнаментом из рядов неглубоких ямок (керамика типа Ускела), отпечатки зубчатого штампа и зубчатых линий встречаются редко, узор беден.

Для времени гребенчатой керамики в Финляндии характерно большое разнообразие орудий, особенно шлифованных сланцевых: северные плоские долота (укороченные, со шлифовкой хорошего качества); короткие четырехгранные долота; ромбовидные с просверленными отверстиями орудия (клевцы); шиферные наконечники стрел; грузила для лесок и пр. В конце гребенчатокерамического времени широкое распространение получили маленькие долотца с плоским и желобчатым лезвием (до 5 см длиной) и когтевидные долотца с поперечным желобком по лезвию, применяемые, вероятно, в качестве скребков.

В поздний период существования гребенчатой керамики, примерно около 2100 г. до н. э., на юго-западе Финляндии появилась пришлая «культура ладьевидных топоров». Характерными признаками этой культуры являются массивные, красиво отделанные в форме лодки каменные сверленые топоры и «шнуровая» керамика. На остальной территории Финляндии, по всей вероятности, продолжался последний этап гребенчатой керамики.

На основе местной культуры гребенчатой керамики и пришлой культуры «шнуровой» керамики в результате длительного их взаимодействия примерно около 1600 г. до н. э. возникает новая культура — культура Киукайн. Керамика этой культуры отличается грубостью лепки, слабым обжигом, орнаментом из редко расставленных ямок или отпечатков зубчатого штампа, слабо прочерченных линий и т. п. Наряду с этим для культуры Киукайн характерно наличие ранней «сетчатой» керамики, т. е. керамики с отпечатками грубой ткани на стенках сосудов, сравнительно богато орнаментированной узором из зубчатых линий и отпечатков зубчатого штампа.[12]

Период культуры Киукайн продолжался в Финляндии до 1200 г. до н. э., а затем сменился бронзовым веком (1200—300 гг. до н. э.).[13] Бронзовый век изучен в Финляндии еще сравнительно слабо. Бронзовых изделий найдено очень мало. На поселениях бронзового века представлена в основном «текстильная» керамика, каменные орудия постепенно выходят из употребления. Наряду с «текстильной» керамикой на поселениях этого периода встречается и «асбестовая» керамика.[14]

---

[11] Обычная для Карелии ранняя керамика волго-окского типа, совпадающая по времени с типичной гребенчатой керамикой Финляндии, редко встречается на стоянках последней, по всей вероятности, ее проникновение в эту область было незначительным.

[12] C. F. Meinander. Die Kiukaiskultur, SS. 149—158.

[13] А. Европеус. Доисторические поселения Финляндии, стр. 275—277.

[14] C. F. Meinander. Die Bronzezeit in Finland. SMyA, 54, Helsinki, 1954, S. 180.

«Текстильная» керамика типа «Сарса», имевшая наибольшее распространение в бронзовом веке Финляндии, состоит из плоскодонных сосудов вытянутой конусовидной формы, с прямым или выгнутым в форме латинской буквы S горлом, с толщиной стенки 6—10 мм, с примесью толченого кварца или полевого шпата к глиняному тесту. Стенки сосудов покрыты отпечатками грубой ткани. Орнамент состоит из круглых ямок и оттисков штампа с резко вырезанными зубчиками. Поздняя «текстильная» керамика Финляндии орнаментирована главным образом ямками или совсем не орнаментирована. К. Ф. Мейнандер датирует раннюю ступень финской «текстильной» керамики временем с 1200 до 500 г. до н. э., а поздняя просуществовала вплоть до нашей эры.[15]

Хронология эстонских памятников периода неолита и раннего металла наиболее полно разработана Л. Ю. Янитсом.[16]

В основу своей хронологической схемы Л. Ю. Янитс кладет типологический анализ керамики с древних поселений Эстонии. Согласно этой схеме, наиболее древней керамикой Эстонии является керамика так называемого нарвского типа, лепная, изготовленная из глины с примесью толченых раковин, украшенная слабо выраженным, как бы еще не определившимся орнаментом из поверхностных, редко расставленных оттисков зубчатого штампа, слабо намеченной «шагающей гребенки» и т. п. Этот тип керамики встречается в самых нижних слоях древних неолитических поселений Эстонии и датируется серединой III тысячелетия до н. э.

Следующий второй этап в истории Эстонской ССР отмечен появлением типичной ямочно-гребенчатой керамики с характерным для нее орнаментом, составленным из строго зонального расположения треугольников, ромбов, зигзаговых полос, заполненных зубчатыми линиями, и наклонных полос, составленных оттисками коротко зубчатого штампа. Л. Ю. Янитс относит этот этап ко второй половине III тысячелетия до н. э. Наиболее распространенным орнаментом в керамике этого этапа является орнамент, составленный рядами оттисков длинного или короткого зубчатого штампа и зонально чередующимися рядами ямок. Вся керамика этого этапа сравнительно хорошего обжига. Сосуды толстостенны, с округлым или конусообразным дном, с примесью дресвы, песка или толченых раковин к глиняному тесту.

За ним следует этап поздней ямочно-гребенчатой керамики с явными признаками вырождения ямочно-зубчатого орнамента: зональность нарушается, оттиски зубчатого штампа редки, поверхностны и небрежны, ямки расставлены тоже небрежно, большое распространение получает вертикальнозигзаговый («елочный») орнамент из отпечатков зубчатого штампа, в орнамент входят небольшие ямочки, появляются сосуды с плоским дном. Этап датируется первой половиной II тысячелетия до н. э. На конечном этапе существования поздней ямочно-гребенчатой керамики появляется «шнуровая» керамика «культуры ладьевидных топоров» и ранняя «текстильная керамика».

На основе двух последних типов во второй половине II тысячелетия до н. э. развилась керамика эпохи раннего металла — плоскодонные горшки с отвесными стенками, со скудным орнаментом из маленьких ямочек и оттисков различных штампов, слабо напоминающих орнаментацию более ранних типов керамики; поверхность сосудов часто заштри-

---

[15] Там же, стр. 183, 195.

[16] Л. Ю. Янитс. 1) Неолитические поселения...; 2) К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР. Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956; 3) Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин, 1959.

хована или имеет следы грубого текстиля. Этот тип керамики наиболее характерен для I тысячелетия до н. э.

По сравнению с описанными выше областями север Ленинградской области и Новгородская область в археологическом отношении изучены значительно слабее, и мы не имеем по этому району более или менее удовлетворительных данных. Однако, говоря об этом районе, нельзя не отметить, что на известных здесь ранних поселениях, как уже упоминалось, наиболее распространенным типом керамики является типичная ямочно-гребенчатая керамика с характерным геометрическим, строго зональным узором из треугольников, ромбов, зигзаговых и наклонных полос, составленных оттисками зубчатого штампа и зубчатыми линиями, названная нами керамикой прибалтийско-новгородского типа. В несколько меньшей степени такая керамика распространена в Финляндии и в Восточной Прибалтике. Из перечисленных областей особенно обильно керамика этого типа представлена в Новгородской области на стоянке у оз. Городно, где она составляет 70% от всего собранного здесь керамического материала, на северо-западе и западе Ленинградской области, на стоянках Сестрорецк, Ломми, Риук-ярви, Папинкангас, Теперинахо и на северо-востоке Эстонской ССР, на стоянках Нарва городская и Нарва-Рийгикюла II. Наряду с упомянутыми стоянками в перечисленных здесь районах имеется много других стоянок, на которых представлена керамика данного типа, но в меньшей пропорции, чем на упомянутых стоянках. К таким стоянкам относятся, например, Негежма, Хейккила, Виртала, Валма, Кулламяги, Акали, Ича, Пурцпемс и многие другие.[17]

Учитывая указанные выше границы наибольшего распространения типичной ямочно-гребенчатой керамики, т. е. керамики прибалтийско-новгородского типа, можно согласиться с Л. Ю. Янитсом, что область ее формирования охватывала районы между Ладожским озером и Валдайской возвышенностью.[18] Вполне возможно, что местом ее возникновения является Новгородская область, где обнаружена стоянка с наиболее ярко выраженной керамикой этого типа. За пределами очерченных здесь границ керамика прибалтийско-новгородского типа встречается очень редко и обычно в незначительном количестве по сравнению с другими типами керамики. Так, например, довольно редко она встречается на юго-западе Финляндии[19] и на западе и юго-западе Прибалтики. Еще реже она встречается в области Каргопольской культуры и на северо-западе Вологодской области.

В Карелии керамика прибалтийско-новгородского типа встречена в незначительном количестве в районе, прилегающем к западному побережью Онежского озера: на стоянках близ пос. Соломенное, в устье р. Суны и на берегу оз. Сямозера, датируемых последней четвертью III—началом II тысячелетия до н. э.[20] Причем встречается она здесь редко и в незначительном количестве, совершенно теряясь в общей массе керамики других типов.

Значительно большее распространение на стоянках древней Карелии по сравнению с керамикой прибалтийско-новгородского типа получила

---

[17] С материалом большинства упомянутых здесь стоянок автор ознакомился в фондах музеев Ленинграда, Москвы, Эстонской ССР и Латвийской ССР. Кроме того, автором использованы при освещении этого вопроса указанные выше труды Ю. Айлио, А. Европеуса, К. Мейнандера, Л. Янитса и др.

[18] Л. Ю. Янитс. К вопросу об этнической принадлежности..., стр. 156.

[19] C. F. Meinander. Etelä-Pohjanmaan historia I, SS. 19—20.

[20] В небольшом количестве, по всей вероятности как пережиточная, керамика этого типа встречается на стоянке Оров-наволок, датируемой серединой II тысячелетия до н. э. и на стоянке Чудозеро IV в Суоярвском районе, датируемой тем же временем.

характерная для Прибалтики и Финляндии керамика, орнаментированная горизонтальными рядами оттисков, прямо или косо поставленного, длинного или короткого зубчатого штампа. Этот орнамент обычно дополнен кругло-коническими ямками, которые делят орнаментальный узор на несколько горизонтальных зон. Такой орнамент, как известно, широко распространен в зоне зубчатой керамики, т. е. на стоянках Прибалтики и Финляндии, датируемых финскими и прибалтийскими археологами второй половиной III тысячелетия до н. э.

В отличие от керамики прибалтийско-новгородского типа эта керамика названа нами керамикой прибалтийско-финского типа.

В Карелии этот тип керамики чаще всего встречается на позднем этапе существования керамики типа «Сперрингс» (Ялгуба II, Салменицы, Семеново II, Суна I, Соломенное VII, Курмойла I, стоянка в 9 км от Чёлмуж и др.) и на стоянках с ямочно-зубчатой керамикой, относящихся к последней четверти III—началу II тысячелетия до н. э. (Суна IV, Соломенное IX и др.). На более поздних стоянках он встречается значительно реже.

Ознакомление с керамикой прибалтийско-новгородского и прибалтийско-финского типов показало нам, что, несмотря на признаки некоторого их влияния на развитие керамики Карельской культуры на ее ранних этапах, в целом керамика карельских стоянок резко отличается от них. Это объясняется тем, что Карелия имела свое самостоятельное своеобразное развитие, отличающееся от соседних областей.

Нам нет необходимости останавливаться на хронологических данных Каргопольской культуры, связи с которой в Карельской культуре прослеживаются пока еще очень слабо, и на данных Беломорской культуры, так как последняя по своему характеру имеет слишком мало общего с Карельской культурой и мало будет способствовать разрешению вопроса о датировке карельских памятников.

Значительно более интересным для нас является материал стоянок Мурманской области, обобщенный Н. Н. Гуриной,[21] но он, к сожалению, еще недостаточно хорошо изучен, не имеет более или менее четко разработанной хронологической схемы и поэтому не может способствовать нам в разрешении вопросов датировки.

ДАТИРОВКА ПАМЯТНИКОВ КАРЕЛИИ[22]

После краткого ознакомления с хронологическими схемами развития археологических культур соседних с Карелией областей мы можем перейти непосредственно к интересующему нас вопросу.

По данным финских археологов, кратко изложенным выше, мы знаем, что наиболее ранними стоянками на территории Финляндии являются стоянки «кварцевой» культуры Аскола, за которыми следует «сланцевая» культура Суомус-ярви.

Однако, как в настоящее время известно, на территории Карелии тоже имеются бескерамические стоянки с кварцевым инвентарем и со сланцевым инвентарем. Сравнение их со стоянками поздней ступени культур Аскола (Аскола III) и Суомус-ярви свидетельствует о том, что между ними много общего.

Так, например, многие типы кварцевых орудий, характерные для стоянок последней ступени культур Аскола и Суомус-ярви, имеются и

---

[21] Н. Н. Гурина. Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова. МИА, № 20, М.—Л., 1951, стр. 143—167.

[22] Вопрос о датировке впервые изложен автором в статье «Датировка памятников Карельской археологической культуры» (Тр. Карельского филиала АН СССР, вып. XXII, Петрозаводск, 1959).

на бескерамических стоянках Карелии. К таким орудиям, в частности, относятся округлый скребок с черешком, высокий, килевой, косолезвийный, выпуклолезвийный и полукруглый скребки, боковой и срединный резцы, нуклевидное орудие, плоское долото и др. (прил. IV, табл. 1, 2, 21—23).

Сходство обнаруживается и в сланцевом инвентаре этих групп стоянок. Для тех и других характерны грубо обработанные, плохо отшлифованные, с заточкой только по лезвию топоры, тесла и долота (прил. IV, табл. 1, 3, 20, 22).

Такое большое сходство не может быть случайным. Оно свидетельствует о значительной близости бескерамических стоянок Карелии стоянкам упомянутых культур Финляндии.

В то же время на стоянках Карелии с кварцевым инвентарем отсутствуют крупные рубящие орудия из кварца (топоры, тесла) и некоторые другие кварцевые орудия, характерные для ранних ступеней развития культуры Аскола в Финляндии.

На бескерамических стоянках Карелии со сланцевым инвентарем нет шарообразных каменных молотов с воронкообразным отверстием, листовидных шиферных наконечиков копий и некоторых других орудий, характерных для стоянок культуры Суомус-ярви.

Следовательно, материальная культура Карелии в этот ранний период, несмотря на большое сходство ее с культурой ранних стоянок в Финляндии, развивалась своим путем и имела свои отличительные особенности. Все же большое сходство в инвентаре карельских и финских бескерамических стоянок свидетельствует о их хронологической близости, а следовательно, такие стоянки Карелии, так же как и стоянки Финляндии, относятся к докерамическому времени.

Исходя из этих данных при датировке докерамических стоянок Карелии, мы находим возможным использовать хронологическую схему, принятую финскими археологами в их стране для культур Аскола и Суомус-ярви.

Такая датировка ранних, докерамических памятников Карелии подтверждается также данными более поздних раннекерамических ее памятников, о чем будет сказано ниже.

К наиболее архаичным памятникам Карелии относятся, по-видимому, стоянки с кварцевым инвентарем (Сулгу IV, Сулгу IX, Кудома I и др.). Из них самыми ранними являются, вероятнее всего, те стоянки, в культурном слое которых нет кремня и кремневых изделий. Они отнесены нами к первой подгруппе стоянок с кварцевым инвентарем. О раннем характере этих стоянок свидетельствует значительное сходство их инвентаря с инвентарем стоянок последней ступени развития культуры Аскола — Аскола III. Вполне вероятно, что некоторые из них синхронны Аскола III, т. е. датируются примерно VII тысячелетием до н. э., другие же (по-видимому, большинство) являются более поздней ступенью развития «кварцевой» культуры на карельской почве и относятся к VI—V тысячелетиям до н. э.

Если в Финляндии на смену «кварцевой» культуре уже в мезолите пришла «сланцевая», то в Карелии (особенно в Средней и Северной) «кварцевая» культура продолжала развиваться, видимо, значительно дольше, вплоть до раннекерамического времени, о чем свидетельствует наличие раннекерамических стоянок с преобладающим кварцевым инвентарем (Коргуба I, Кудома VI и др.).

Во вторую подгруппу докерамических стоянок нами выделены те из них, основой которых по-прежнему остается кварцевый инвентарь, но вместе с тем в их культурном слое в небольшом количестве встречаются уже кремневые изделия и осколки кремня.

Известно, что в природе Карелии, как и в природе Финляндии, кремня нет. Известно также, что в Финляндии кремневые изделия появились только на стоянках второй половины III тысячелетия до н. э. в связи с проникновением на ее территорию групп переселенцев с ямочно-зубчатой керамикой. На более ранних ее поселениях с керамикой типа «Сперрингс» и тем более на поселениях докерамического времени кремня нет.

В Карелию кремень занесен, по-видимому, несколько раньше. Самыми ранними кремневыми изделиями на ее территории являются, по всей вероятности, те из них, которые найдены в инвентаре упомянутой выше, второй подгруппы стоянок докерамического времени с архаичным кварцевым инвентарем. На таких стоянках кремень представлен обычно в незначительном количестве.

Инвентарь этой подгруппы стоянок архаичен и в значительной степени сходен с последней ступенью культуры Аскола, а также с культурой Суомус-ярви (прил. IV, табл. 1, 2, 20—23), что свидетельствует о раннем ее характере. Однако наличие кремня в культурном слое стоянок данной подгруппы заставляет относить их ко времени более позднему, чем стоянки первой подгруппы, и датировать приблизительно IV тысячелетием до н. э. Причем самые ранние из них вряд ли древнее начала IV тысячелетия до н. э., а наиболее поздние относятся, по всей вероятности, к концу этого тысячелетия, так как в начале следующего, III тысячелетия до н. э. они сменяются стоянками раннекерамического времени.

Таким образом, группа стоянок докерамического времени с кварцевым инвентарем делится на две разновременные подгруппы, отличающиеся друг от друга по составу инвентаря. Однако этим не исчерпываются памятники докерамического времени в Карелии.

Кроме стоянок с кварцевым инвентарем, как известно, на территории Карелии имеется еще небольшая группа стоянок со сланцевым инвентарем (Ялгуба I, Ялгуба V, Пески I, Олений остров, Олений остров мастерская и др.). О раннем, докерамическом возрасте этих стоянок свидетельствует мезолитический облик их кремневого инвентаря (наконечники свидерского типа, концевые скребки, микролиты геометрической формы, узкие ножевидные пластинки и т. п.) и значительное сходство их сланцевого инвентаря с инвентарем культуры Суомус-ярви (прил. IV, табл. 3—5, 20—21). Наличие кремневых изделий заставляет относить эту группу стоянок к IV тысячелетию до н. э.

Следовательно, докерамические стоянки со сланцевым и кремневым инвентарем синхронны второй подгруппе стоянок с кварцевым инвентарем. Только первые, т. е. стоянки со сланцевым и кремневым инвентарем, характерны для Южной Карелии, а вторые (стоянки с кварцевым инвентарем) — для Средней и Северной Карелии (прил. II, схема 2).

Как уже отмечалось, памятники докерамического времени с кремневым и сланцевым инвентарем не однородны: одни из них содержат в основном кремневый инвентарь, другие — сланцевый.

Наиболее ранними из них являются, по-видимому, те, в инвентаре которых преобладают кремневые изделия, так как вполне естественно предположить, что пришельцы из кремневой зоны первоначально предпочитали использовать привычный для них материал и лишь позднее, испытывая дефицит в кремне, стали применять местные породы камня.

Такое предположение подтверждается наличием на этих стоянках прекрасно обработанных кремневых изделий (к тому же довольно архаичного облика) и плохим качеством представленных в их инвентаре изделий из сланца и кварца. В то же время на стоянках с преобладаю-

щим сланцевым инвентарем хорошо изготовленные орудия из местных пород камня имеются уже в большом количестве.

Прежде чем перейти к хронологии стоянок керамического времени, остановимся на датировке Оленеостровского могильника, о котором у археологов нет еще единого мнения.

Н. Н. Гурина датирует Оленеостровский могильник временем между серединой и концом III тысячелетия до н. э.[23] В то же время, пытаясь обосновать эту датировку, она приводит многократные свидетельства в пользу более ранней даты этого памятника: [24] 1) наличие в инвентаре могильника кремневых наконечников оленеостровского типа, изготовленных на пластинах, сколотых с нуклеуса, с частичной подретушевкой их краев и острия, близких наконечникам свидерского типа; 2) наличие костяных изделий архаичного облика (многозубчатых гарпунов, наконечников стрел — игловидных и шигирского типа с биконической головкой и длинным черешком, вкладышевых орудий); 3) отсутствие керамики; 4) большое сходство инвентаря могильника с инвентарем ранненеолитических стоянок с соседних территорий (Кунда, Пярну, Нижнее Веретье и др.); 5) обильное посыпание охрой покойников в могилах и т. п.

Н. Н. Гурина подчеркивает также, что сходство инвентаря могильника с инвентарем более поздних памятников развитого неолита незначительное и носит в последних пережиточный характер.

Она утверждает, что, «по всей вероятности, древних оленеостровцев следует считать одними из наиболее ранних обитателей Карелии». И далее: «Очевидно, Оленеостровский могильник одновременен или, возможно, даже предшествует наиболее ранним стоянкам, известным в настоящее время на территории Карело-Финской ССР».[25]

После всего этого крайне непонятна данная ею поздняя датировка памятника. Неясно, например, как при такой датировке могильник может предшествовать наиболее ранним стоянкам Карелии, если последние датируются Н. Н. Гуриной началом III и даже концом IV тысячелетия до н. э.[26]

Приведенное Н. Н. Гуриной сравнение материалов могильника с инвентарем ранненеолитических стоянок Кунда, Пярну, Лубаны, Ягорба и Нижнее Веретье заставляет предполагать, что могильник относится к докерамическому времени. С датировкой могильника, предлагаемой Н. Н. Гуриной, нельзя согласиться, так как она необоснованно отделяет этот памятник от сходных с ним по инвентарю ранненеолитических памятников и синхронизирует его с совершенно несходными с ним по инвентарю карельскими стоянками второй половины III тысячелетия до н. э.

Нельзя согласиться также с мнением Н. Н. Гуриной о длительном существовании могильника в течение 500—600 лет.[27]

В условиях неолита мы не найдем примера, чтобы за такой длительный период инвентарь остался столь однообразным, как это имеет место в могильнике. Ссылка на замедленное развитие в условиях севера в данном случае не оправдывает себя. В Карелии во второй половине III тысячелетия до н. э. существовало уже много поселений с совершенно отличным от оленеостровского и значительно более разнообразным инвентарем и, как бы ни было консервативно племя, хоронившее

---

[23] Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, № 47, М.—Л., 1956, стр. 258.

[24] Там же, стр. 247—259, 67, 84, 87, 93—94, 96—98, 258, рис. 34, 46, 48, 52—56.

[25] Там же, стр. 258.

[26] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита..., стр. 96.

[27] Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник, стр. 258.

своих умерших соплеменников в данном могильнике, это обстоятельство должно как-то отразиться на его инвентаре.

Количество захоронений, вероятнее всего, Н. Н. Гуриной преувеличено. План раскопок могильника[28] свидетельствует о том, что при разработке известнякового карьера уничтожена сравнительно небольшая часть могильника. Поэтому можно, с большой вероятностью, предполагать, что в могильнике насчитывалось не более 250 могил.

Конечно и такой могильник довольно велик в условиях Карелии, так как, судя по данным раскопок, даже самые большие поселения периода неолита здесь насчитывали не более 40—50 человек. Н. Н. Гурина, на наш взгляд, совершенно справедливо относит могильник к типу племенных кладбищ. Поэтому, растягивая могильник на 500—600 лет, она опять-таки противоречит себе. Даже в условиях Карелии в неолитическое время племя вряд ли насчитывало менее 200—300 человек. Если даже исходить из этой минимальной численности племени, а также согласиться с Н. Н. Гуриной, что в могильнике было около 400 могил, то все равно простой расчет опровергает ее предположение. При средней продолжительности жизни человека в эпоху неолита в 30—40 лет, это кладбище вполне могло быть заполнено в 50 или в 100 лет, как, вероятно, и было в действительности.

Попытка Н. Н. Гуриной доказать длительность существования Оленеостровского могильника путем его сравнения с Караваевским могильником[29] не имеет достаточных оснований, ибо последний является не более чем родовым кладбищем, в нем хоронились умершие одного поселения, которое существовало около 1000 лет.

Итак, факты, приведенные выше Н. Н. Гуриной, без всяких дополнительных доказательств свидетельствуют о том, что могильник необходимо датировать докерамическим временем, не позднее конца IV тысячелетия до н. э.

За последний период времени на территории Карелии открыты стоянки, инвентарь которых во многом близок оленеостровскому, что способствует до некоторой степени уточнению датировки могильника. К таким стоянкам относятся, в частности, Пески III, Оленеостровская мастерская, Ялгуба I и др.

Н. Н. Гурина уже упоминала, что наконечники стрел, близкие оленеостровским, были найдены при раскопках «святилища» у «Бесовых следков» и на стоянке у с. Рыбрека.[30] В настоящее время такие наконечники найдены еще на ряде стоянок: Коч-наволок, Пески III, Оленеостровская мастерская и некоторые др. Наибольшие аналогии каменному инвентарю могильника мы находим на стоянке Пески III, находящейся в непосредственной близости от стоянки Пески I, раскопанной А. Я. Брюсовым,[31] но ниже ее по расположению на местности. На последней, как известно, найдены сланцевые ножи оленеостровского типа, о чем Н. Н. Гурина упоминает. На стоянке Пески III тоже найден один целый нож такого типа и три обломка от других ножей такого типа (прил. IV, табл. 32, *14*). На этой же стоянке найдено два целых и три обломка наконечников оленеостровского типа, один из которых изготовлен из роговика, другие из кремня. Никаких других наконечников на стоянке нет. Кроме того, на этой стоянке найдены кремневые ножи и значительное количество ножевидных пластин, которые по своему характеру и по качеству кремня не отличаются от оленеостровских.

---

[28] Там же, стр. 13, 28, рис. 4, 9.
[29] Там же, стр. 258.
[30] Там же, стр. 248.
[31] А. Я. Брюсов. История древней Карелии, М., 1940, стр. 230—232.

Стоянка Пески III расположена в местечке Пески близ Петрозаводска, на берегу северной оконечности Петрозаводской губы Онежского озера, на моренном отложении, примыкающем к скальному выходу. От современного берега она удалена на 280 м, высота ее над уровнем воды в озере 9 м. В непосредственной близости от нее находятся еще 3 стоянки: Пески I (на высоте 12 м), Пески IV (на высоте 5.5 м) и Пески II (на высоте 4 м). Нижние границы стоянок примыкают к древним береговым линиям различного времени, что способствует установлению прочной относительной датировки их.

На стоянке Пески III раскопана площадь в 176 м^2, однако керамика найдена на ней только в трех квадратах, примыкающих друг к другу, т. е. на площади не более 12 м^2. Найденные фрагменты в количестве 51 принадлежат трем сосудам, орнамент которых состоит: у двух — из оттисков длинного веревочного штампа, образующих вертикальный зигзаг (узор, делится на зоны горизонтальными рядами кругло-конических ямок), у одного — из прочерченных линий и редких ямок, беспорядочно расставленных по основному узору. Малочисленность керамики характерна для наиболее ранних стоянок с керамикой типа «Сперрингс».

Каменный инвентарь со стоянки Пески III имеет тоже довольно архаичный облик (прил. IV, табл. 6, 7). Кроме упомянутых выше орудий, аналогичных с орудиями Оленеостровского могильника, в инвентаре стоянки имеется значительная группа топоров и тесел грубой обработки, зашлифованных только по лезвию[32] и кварцевые орудия, близкие культуре Суомус-ярви (прил. IV, табл. 6, 7).

Поздних типов каменного инвентаря и керамики на стоянке не найдено.

Все эти данные заставляют относить стоянку Пески III к наиболее ранним поселениям керамического времени в Карелии и датировать ее первой половиной III тысячелетия до н. э.

Инвентарь стоянки Пески I мало чем отличается от инвентаря стоянки Пески III, но отсутствие керамики[33] и высотные данные заставляют относить ее к более раннему времени, примерно ко второй половине IV тысячелетия до н. э. По всей вероятности, она была синхронна Оленеостровскому могильнику. Стоянка Пески III является, видимо, более поздним продолжением стоянки Пески I, т. е. была основана потомками ее обитателей.

Значительные аналогии инвентарю Оленеостровского могильника имеются также в инвентаре неолитической мастерской,[34] которая находится рядом с данным могильником, на том же острове.

На территории мастерской раскопано 328 м^2 площади. Однако не встречено ни одного фрагмента керамики и ни одного позднего каменного изделия. Основной инвентарь мастерской состоит из сланцевых заготовок рубящих орудий, их обломков, сланцевых шлифовальных плит и брусков, песчаниковых и сланцевых пил, а также массы осколков и отщепов сланца, кварца и кремня.

Из каменных изделий ранненеолитического облика (прил. IV, табл. 3, 4) здесь найдены обломки наконечников стрел оленеостровского типа, близкие свидерским, широкие, слабо обработанные топоры олене-

---

[32] Они имеются и в Оленеостровском могильнике (см.: Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник, стр. 132, рис. 79). Как уже упоминалось, по свидетельству финских археологов в Финляндии такие топоры характерны для докерамических стоянок культуры Суомус-ярви и раннекерамических стоянок.

[33] Четыре фрагмента разнотипной керамики, найденной в карьере у стоянки Пески I, вероятнее всего, занесены туда случайно в более позднее время с соседних, близко расположенных от нее, стоянок.

[34] Г. А. Панкрушев. Новые археологические данные по древнейшей истории Карелии. Тр. Карельского филиала АН СССР, вып. X, 1958, стр. 9—11.

островского типа, со шлифовкой только по лезвию[35] и топоры соломенского типа (плохой обработки, массивные, со шлифовкой только по лезвию).[36]

В инвентаре мастерской имеется также пластинка от зуба бобра. Такие пластинки в большом количестве найдены в Оленеостровском могильнике. Ими украшались одежда и головные уборы.[37] Здесь же найдено значительное количество кремневых ножевидных пластин и вкладышей для костяных орудий.

Все эти данные заставляют синхронизировать мастерскую с могильником и датировать ее второй половиной IV тысячелетия до н. э.[38]

Наиболее ранними стоянками керамического времени в Северной и Средней Карелии необходимо считать стоянки с чистым комплексом керамики типа «Сперрингс», самые древние из которых относятся, по-видимому, к началу III или к концу IV тысячелетия до н. э. (стоянки Коргуба I, Коргуба III, Кудома VI, Пески III и др.). Это подтверждается исключительным сходством инвентаря этих стоянок с более ранними докерамическими стоянками Карелии, а также большим сходством керамики этих стоянок с керамикой ранних стоянок типа «Сперрингс» в Финляндии (прил. IV, табл. 1—8).

В южной части Карелии стоянок этой группы не обнаружено. Зато здесь имеются стоянки очень раннего облика с кремневым инвентарем и ямочной керамикой льяловского типа (Тудозеро I, Рыбрека, Ришкола), которые, по-видимому, относятся к первой половине III тысячелетия до н. э., т. е., по всей вероятности, одновременны или почти одновременны древнейшим стоянкам с керамикой типа «Сперрингс», известным в более северных районах Карелии.

О раннем характере стоянки Тудозеро I, впервые обследованной Е. Барсовым и И. Поляковым, свидетельствует тот факт, что она затоплена и размыта водою Онежского озера в результате сливания воды в озере с севера на юг по упомянутой выше причине.

Древность стоянки у с. Рыбрека подтверждается наличием в ее инвентаре наконечника стрелы свидерского типа. Древний характер всех трех упомянутых выше стоянок подтверждается также архаичным обликом керамики, характерным для самых древних стоянок Льяловской культуры.

Важнейшим материалом для датировки древних поселений керамического периода как в Карелии, так и в других смежных с ней областях является керамика, о чем уже было сказано выше. Однако, к наиболее точно датированным, мы относим такие стоянки, датировка которых не ограничивается керамическими данными, а подтверждается также наличием в их инвентаре хорошо датированных типов орудий, высотными данными и т. п. Прочно установленные даты таких стоянок в дальнейшем имеют большое значение при датировке других бедных инвентарем или менее изученных памятников.

Так, например, одним из наиболее прочно датированных древних поселений в Карелии является стоянка Суна I, время существования ко-

---

[35] Аналогии топорам оленеостровского типа в пределах Карелии имеются в Оленеостровском могильнике, на стоянке Сулгу IV и на стоянке Пески III, т. е. в инвентаре докерамических и раннекерамических памятников.

[36] Подобные топоры обычны в культурах Суомус-ярви и Аскола III.

[37] Кость в мастерской не сохранилась, так как верхние почвенные слои острова не содержат извести, а следовательно, не было условий для естественной консервации кости. Сохранились только маленькие кальцинированные косточки.

[38] За недостатком данных мастерская датировалась ранее II тысячелетием до н. э. (см.: Г. А. Панкрушев, ук. соч., стр. 11).

торой А. Я. Брюсов отнес к концу III—началу II тысячелетия до н. э.[39] Наряду с керамическими данными при определении даты этой стоянки А. Я. Брюсов использовал найденные на ней, точно датированные финскими археологами, топоры типа «Рованиеми», последняя фаза бытования которых относится к концу III тысячелетия до н. э.[40] Такой датировке не противоречат и другие данные стоянки Суна I. Для нее характерны большие массивные сланцевые орудия (кирки карельского типа, топоры с овальным сечением и округлым лезвием, долота с сегментовидным сечением и т. п.), значительная высота расположения над уровнем воды в Онежском озере и довольно большая удаленность ее от современного берега.

Несмотря на ранний облик инвентаря, эту стоянку нельзя отнести ко времени более раннему, чем конец III—начало II тысячелетия до н. э., так как в ее инвентаре наряду с древней керамикой и древними орудиями имеется ранняя «асбестовая» керамика и когтевидные долота (krummeißel). Примесь толченого асбеста впервые стала применяться в Карелии примерно в начале II тысячелетия до н. э. В Финляндии начало применения ранней «асбестовой» керамики относят к середине III тысячелетия до н. э.,[41] там она встречается на ранних стоянках с «типичной ямочно-гребенчатой керамикой». На ранних стоянках Карелии с ямочно-зубчатой керамикой льяловского типа или с ранней керамикой типа «Сперрингс» «асбестовой» керамики нет. Она появляется только на стоянках с развитой, богато орнаментированной керамикой, датируемых концом III и первой половиной II тысячелетия до н. э.

Когтевидные орудия, широко распространенные в Финляндии, датируются финскими учеными концом III—началом II тысячелетия до н. э.[42] В Карелии они встречаются редко, явно заимствованы из Финляндии и датируются, следовательно, тем же временем.

Таким образом, все имеющиеся данные подтверждают датировку, данную стоянке Суна I А. Я. Брюсовым.

Прочно датированы А. Я. Брюсовым также стоянки на берегах оз. Машезера и «Святилище» у петроглифов «Бесовы следки» в устье р. Выга.[43] Первые — по топорам типа «Рованиеми», по архаичному виду других орудий и по древней керамике льяловского типа. Они относятся ко времени более раннему, чем стоянка Суна I и датируются примерно третьей четвертью III тысячелетия до н. э. Вторые — по шиферным наконечникам «узкого типа без шипов» и «широкого типа с шипами»,[44] а также по ямочной керамике древнего облика со значительным добавлением к ней богато орнаментированной ямочно-зубчатой керамики. Они относятся к концу III (нижний слой) и началу II (верхний слой)

---

[39] А. Я. Брюсов. 1) История древней Карелии, стр. 285—296; 2) Очерки по истории..., стр. 98.

[40] Ранняя дата топоров типа «Рованиеми» по свидетельству финских авторов относится примерно к IV тысячелетию до н. э., так как они изредка встречаются на стоянках культуры Суомус-ярви, а поздняя дата определяется по совместным находкам таких топоров с типичными толстообушными скандинавскими топорами, которые твердо датированы второй половиной III тысячелетия до н. э. (см.: C. F. Meinander. Etelä-Pohjanmaan historia I, SS. 18, 23; J. Ailio. Die Steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland, SS. 19—20, 22—23).

[41] C. F. Meinander. Asbestikeramikka-Suomalainen keksintö. Mineraali rakentaja, № 1, Helsinki, 1959.

[42] C. F. Meinander. Etelä-Pohjanmaan historia I, S. 23.

[43] А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 19—20, 269.

[44] Такие наконечники в большом количестве найдены в гробницах с ходом и под каменными насыпями в Скандинавии. Они датируются концом III—началом II тысячелетия до н. э. (см.: A. Brögger. Den arktiske stenälder i Norge. Christiania, 1909, S. 39 Sq.).

тысячелетия до н. э. Имеются и другие хорошо датированные стоянки. Однако нам кажется, что перечислять их нет необходимости.

Не умаляя значения орудий и других компонентов, которыми пользуются археологи при датировке неолитических стоянок, необходимо все же указать, что основным из них является керамика, как наиболее массовый материал, встречающийся на подавляющем большинстве стоянок.

Относительная хронология основных типов керамики Карельской археологической культуры довольно четко разработана А. Я. Брюсовым, Н. Н. Гуриной [45] и другими археологами, работавшими в Карелии. Согласно принятой ими схеме древнейшими типами керамики на территории Карелии являются керамика типа «Сперрингс» и древнейшая ямочно-зубчатая керамика волго-окского типа. Затем следует несколько более поздняя, развитая ямочно-зубчатая керамика, богато орнаментированная сложными геометрическими узорами, составленными из кругло-конических и ромбических ямок, оттисков зубчатого штампа и зубчатых линий. Более поздней ступенью развития является так называемая асбестовая керамика, т. е. керамика с примесью толченой роговой обманки к глиняному тесту. И, наконец, последней ступенью в развитии древней керамики Карелии является «текстильная» и неорнаментированная («гладкая» и «штрихованная») керамика периода раннего металла.

Изложенная схема относительной хронологии, разработанная на основе типологического метода, не вызывает возражений ни у кого из археологов, работавших в Карелии, и подтверждается многочисленными данными, полученными при анализе инвентаря карельских стоянок, а также высотными данными. Поэтому нам нет необходимости особо останавливаться на ней.

Однако на современном уровне развития археологии мы не можем удовлетвориться данными относительной хронологии памятников, которые отличаются большой неточностью и не дают более или менее полного представления об этапах развития изучаемой культуры. Поэтому за последнее время археологи предпочитают прибегать к методу абсолютной датировки памятников, используя относительную хронологию в качестве вспомогательного метода.

Методом абсолютной хронологии воспользовались при датировке археологических памятников Карелии А. Я. Брюсов и Н. Н. Гурина. Но при этом в их взглядах на датировку древних поселений Карелии и на датировку основных типов керамики карельских стоянок наметились большие различия. Они по разному подходят также к вопросу о длительности существования карельских стоянок и к вопросу о начальных и конечных датах бытования основных типов керамики.

Так, например, Н. Н. Гурина древнейшей керамикой на территории Карелии считает керамику типа «Сперрингс» и относит начальную дату ее появления здесь к концу IV — началу III тысячелетия до н. э.[46] Древнюю ямочно-зубчатую керамику волго-окского типа с простейшим орнаментом из кругло-конических ямок, оттисков зубчатого штампа и зубчатых линий (с преобладанием ямок в орнаменте) она датирует значительно более поздним временем, относя ее начальную дату к середине III тысячелетия до н. э.[47] Развитую ямочно-зубчатую керамику, богато орнаментированную зональным геометрическим узором из вдавлений зубчатого штампа, кругло-конических ямок и зубчатых линий, Н. Н. Гурина относит к 1500—1000 гг. до н. э. «Асбестовая» керамика дати-

[45] См. упомянутые выше труды этих авторов.
[46] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита..., стр. 96.
[47] Там же, стр. 101.

руется ею временем с 1000 до 500 гг. до н. э. Начальную дату этой керамики она относит к концу II тысячелетия до н. э.[48] Этим же временем она датирует и «сетчатую» или «текстильную» керамику, отодвигая ее нижнюю границу во вторую половину I тысячелетия до н. э.[49] В вопросах датировки древнейших поселений Карелии с Н. Н. Гуриной полностью солидарна М. Е. Фосс.[50]

А. Я. Брюсов считает, что керамика типа «Сперрингс» и древняя ямочно-зубчатая керамика волго-окского типа на территории Карелии относится к одному и тому же времени, а именно ко второй половине III — началу II тысячелетия до н. э.;[51] причем наиболее ранним типом керамики юга Карелии является древняя ямочно-зубчатая, а наиболее ранней керамикой севера Карелии — керамика типа «Сперрингс». Начальную дату развитой ямочно-зубчатой керамики он относит к концу III—началу II тысячелетия до н. э., а время ее наибольшего развития к первой половине II тысячелетия до н. э. Начальную дату «асбестовой» керамики А. Я. Брюсов доводит до начала II тысячелетия до н. э., а время ее наивысшего развития относит ко второй половине II тысячелетия до н. э. «Текстильную» керамику в Карелии он датирует концом II—началом I тысячелетия до н. э., не отрицая возможности более поздней ее датировки.[52]

Такое различие взглядов на датировку одних и тех же типов керамики приводит к значительным расхождениям в составлении хронологии древних поселений Карелии. Так, например, стоянку Суна I, о чем уже упоминалось, А. Я. Брюсов датирует концом III—началом II тысячелетия до н. э.,[53] а Н. Н. Гурина относит ее к началу III тысячелетия до н. э.[54] Поселения с развитой ямочно-зубчатой керамикой, богато украшенной сложными орнаментальными композициями, датируются ими соответственно первой и второй половиной II тысячелетия до н. э.[55] Стоянки с «асбестовой» керамикой А. Я. Брюсов относит ко второй половине II тысячелетия[56] (Суна II, Суна III, Вой-наволок VII и др.), а Н. Н. Гурина к первой половине I тысячелетия до н. э. и т. д.[57]

Особенно большие разногласия выявились при датировке стоянок со смешанной разнотипной керамикой, на которых представлено большинство основных типов древней керамики карельских поселений («Сперрингс», ямочно-зубчатая, «асбестовая»). Таких стоянок в Карелии найдено уже довольно много. Среди них наиболее известная в археологической литературе стоянка Суна I, а также стоянки: Соломенное I, Соломенное VII, Курмойла I, Сулгу I, Сулгу IIIа, Сулгу V, Сулгу Va, Салменицы, Чудозеро XI, Чудозеро XIII, Юд-ярви I, Юд-ярви III, Кудом-губа II и многие другие. Все такие стоянки Н. Н. Гурина и М. Е. Фосс относят к категории неоднократно заселявшихся или длительное время существовавших стоянок.

В связи с этим актуальным вопросом при датировке поселений карельского неолита является не раз поднимаемый в археологической лите-

---

[48] Н. Н. Гурина. 1) Поселения эпохи неолита..., стр. 128, 136; 2) Археологические исследования в Карелии и в Ленинградской области; 3) Результаты работ Карельской археологической экспедиции. КСИИМК, XXXVII, 1951.

[49] Н. Н. Гурина. Археологические исследования на северо-западе европейской части СССР. КСИИМК, XLIX, 1953.

[50] М. Е. Фосс, ук. соч., стр. 146—152.

[51] А. Я. Брюсов. Очерки по истории..., стр. 98—100.

[52] А. Я. Брюсов. 1) История древней Карелии, стр. 243; 2) Очерки по истории..., стр. 112.

[53] А. Я. Брюсов .История древней Карелии, стр. 294.

[54] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита..., стр. 96.

[55] Там же, стр. 128; А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 291.

[56] А. Я. Брюсов. Очерки по истории..., стр. 98.

[57] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита..., стр. 136.

ратуре вопрос о вероятности перемешивания разновременной керамики на ряде стоянок Севера.

М. Е. Фосс и Н. Н. Гурина утверждают, что если керамика какой-либо стоянки состоит из различных типов, отличающихся по орнаменту, составу теста и т. п., и если между этими типами нельзя установить прямой преемственной связи, которая свидетельствовала бы о длительном заселении этого места одним и тем же населением, то это доказывает якобы, что место этой стоянки заселялось неоднократно. Перемешанность разнотипной керамики по всей глубине культурного слоя такой стоянки они объясняют в подобном случае различными естественными причинами, как-то: затаптыванием вещей в песок, перевеванием дюнного песка, землекопными работами и т. п. Случаи неоднократного заселения отдельных стоянок М. Е. Фосс и Н. Н. Гурина объясняют удобством их расположения на местности и вообще ограниченным количеством в Карелии мест, удобных для поселения. Так, например, исходя из разнотипности керамики на стоянке Суна I, они считают, что эта стоянка заселялась в древности 3 раза. Впервые, по их мнению, она была заселена в начале III тысячелетия до н. э., вторично — в конце III—начале II тысячелетия до н. э. и в третий раз — в конце II или в I тысячелетии до н. э.

Нельзя, конечно, отрицать возможности случаев совпадения двух и даже трех разновременных поселений в границах одной стоянки при особо благоприятных для этого условиях, но, при учете сравнительно слабой населенности Карелии в древности, можно с большой вероятностью предполагать, что такие случаи здесь были крайне редки.

Отнесение всех этих стоянок с разнотипной керамикой к категории неоднократно заселявшихся или длительно существовавших (до 500 лет и более) является совершенно не оправданым. Такому предположению противоречат многочисленные данные, полученные при изучении карельских стоянок со «смешанной» керамикой. Так, например, площадь каждой из таких стоянок не превышает 3000 м^2, а многие из них (Соломенное I, Соломенное VII, Суна Ia, Курмойла I, Юд-ярви I, Семеново II и др.) имеют площади менее 1000 м^2. Культурный слой большинства из них в среднем равен 20—30 см. Особыми удобствами расположения многие из таких стоянок не отличаются, а те, которые находятся на относительно удобно расположенной местности, обычно имеют по соседству ряд других разновременных стоянок, что свидетельствует опять-таки о несовпадении границ разновременных поселений в пределах узко ограниченной, хотя и удобной для поселения местности. Нельзя, например, считать, что стоянка Суна I, содержащая три основных типа керамики («Сперрингс», ямочно-зубчатая и «асбестовая»), заселялась неоднократно лишь потому, что она удобно расположена на местности. Это предположение неправдоподобно, потому что все три типа керамики равномерно распределяются по всей площади стоянки и очень трудно предположить, что на узкой полосе земли длиною менее 100 м и шириною 10—15 м, занимаемой стоянкой, в точности совпадали границы трех разновременных поселений. К тому же рядом с ней имеются не менее удобные места и они действительно заняты другими более ранними или более поздними стоянками, границы которых в ряде случаев очень близко подходят друг к другу, но — на что необходимо обратить внимание — не совпадают.

Довольно убедительные доказательства по вопросу об одновременном существовании разнотипной керамики приведены А. Я. Брюсовым на основе данных Сунской группы древних поселений.[58] Однако для большей убедительности приведем еще ряд наглядных примеров.

[58] А. Я. Брюсов. Некоторые теоретические основы хронологии неолита, стр. 23—27.

Одним из наиболее ярких примеров, доказывающих крайнюю редкость совпадения нескольких разновременных поселений в одних границах, является расположение и характер древних стоянок у Соломенского кирпичного завода. Здесь у оз. Логмозера нами найдено 10 разновременных стоянок, расположенных в тесном соседстве на небольшом прибрежном озе длиною в 1 км и шириною от 50 до 100 м. Границы их близко подходят друг к другу, но нигде не совпадают.[59] И несмотря на это, здесь имеется только одна стоянка чистого комплекса, содержащая один тип керамики. Все другие стоянки содержат в своем инвентаре по 2—3 типа керамики, равномерно распределенных как по площади, так и стратиграфически. То же можно сказать о группах разновременных поселений у пос. Кудома на оз. Сямозере, на западном берегу оз. Чудозера, у д. Кудом-губа, на Вой-наволоке и др.

Столь часто находимые группы разновременных поселений, близко расположенных друг к другу, но не совпадающих в границах, а также большое число поселений с разнотипной керамикой, служат прямым опровержением гипотезы о многократном заселении стоянок с разнотипной керамикой. Нахождение же их во многих районах Карелии свидетельствует о том, что такое положение характерно для всей Карелии. Из 48 наиболее хорошо изученных стоянок Карелии только 12 относятся к категории стоянок чистого комплекса. Остальные же 36 имеют в своем инвентаре по 2—3 типа основных видов керамики. То же самое подтверждается и новыми археологическими работами. Так, например, из 16 открытых в 1957 г. на северном побережье оз. Сямозера стоянок, только 4 — с чистым комплексом. Даже стоянок с тремя основными типами керамики в настоящее время в Карелии известно 24.

Конечно, было бы крайне неправильно полностью отрицать возможность совпадения разновременных поселений в границах одной стоянки даже в малоблагоприятных для этого условиях Карелии. Однако повторяем, такие случаи здесь были очень редки. Более уверенно мы можем говорить в этом смысле только о таких стоянках, как Лахта II, Лахта III, «Святилище Бесовы следки», Вой-наволок IX и некоторые другие, на которых прослеживается по два культурных слоя, различающихся по окраске и инвентарю, или разделенных стерильной прослойкой. Сюда же можно отнести два небольших разновременных стойбища древних рыболовов со стоянки Соломенное V, расположенной на узком прибрежном озе у оз. Логмозера. Здесь стерильная прослойка отсутствует, но материал нижней части культурного слоя резко отличается от более позднего материала верхней части слоя. Стоянка находилась на узком озовом полуострове, довольно часто посещаемом древними рыболовами, о чем свидетельствует ряд обнаруженных здесь кратковременных стойбищ. В таких условиях совпадение двух разновременных поселений в пределах одной стоянки вполне возможно.

С некоторой долей вероятности мы можем отнести сюда также Вознесенскую стоянку, на которой поздняя «сетчатая» керамика найдена на периферии стоянки, в локально ограниченной ее части, и ничем не связана с более ранним ее инвентарем.

Что касается стоянки Курмойла, которая по предположению Н. Н. Гуриной была заселена в древности по меньшей мере два раза, то это мало вероятно, судя по весьма ограниченным размерам стоянки и сравнительно небольшой глубине культурного слоя. Основанием для предположения о неоднократном заселении этой стоянки явилось то, что при ее раскопках обнаружена яма землянки, прорезавшая более ран-

[59] Исключением является стоянка Соломенное V, но и на ней границы распространения древних находок не совпадают полностью с границами более поздних находок, занимая значительно меньшую площадь.

ний культурный слой. Однако вполне возможно, что эта землянка могла быть построена не новыми пришельцами, а первичными жителями стоянки, в результате разрушения старого жилища или необходимости дополнительного жилья.

На основании вышесказанного мы не можем согласиться с предположением, что керамика типа «Сперрингс» ни в коем случае и ни в какие времена не может сосуществовать с ямочно-зубчатой и «асбестовой» керамикой, ямочно-зубчатая — с «асбестовой» и «текстильной» и т. д. Следовательно, нельзя согласиться с делением каждой стоянки, содержащей разнотипную керамику, на ряд хронологически оторванных друг от друга поселений, якобы совпадающих в границах одной стоянки, или предполагать длительное существование подобной стоянки до 500 и даже 1000 лет.

Абсурдно было бы доказывать сосуществование керамики типа «Сперрингс» и «сетчатой», ибо между ними имеется большой хронологический разрыв, но не может вызвать убедительных возражений возможность сосуществования на определенном отрезке времени керамики типа «Сперрингс» и «асбестовой», так как первая прекращает свое существование, а вторая появляется в первой четверти II тысячелетия до н. э. и хронологического разрыва между ними фактически нет.

Конечно, отсутствие прямой преемственной связи между различными типами керамики, найденными на одной и той же стоянке, вызывает предположение о разновременности этих типов. Однако не нужно забывать, что в производственной деятельности человека действовала не только слепая преемственность опыта и навыков, переходящих из поколения в поколение, но и естественное стремление к усовершенствованию орудий труда, посуды и других изделий, к их украшению, к созданию новых типов орнамента и т. п.[60] Поэтому вполне естественно, что наряду с применением и совершенствованием старых типов изделий могли появляться и появлялись новые, дотоле неизвестные типы орудий, посуды, украшений и т. п., которые нельзя вывести из предшествующих типов или считать заимствованными. Некоторые из этих нововведений получали затем широкое распространение и становились даже характерными для данной этнической группы.

В инвентаре древних стоянок Карелии к таким изделиям можно отнести топоры русско-карельского типа, кирки олонецкого типа, «асбестовую» керамику и т. д. Поэтому в орнаменте керамики наблюдается не только воспринятое от старых поколений, но и нововведения, которые в зависимости от условий или получают широкое развитие, или забываются, не успев достаточно развиться.

Косность родовых обычаев конечно тормозила в какой-то степени прогрессивный процесс развития производительных сил общества, но она не могла полностью заглушить этот процесс даже в родовой символике, отраженной в орнаментации сосудов. Поэтому почти на каждой большой стоянке мы находим фрагменты сосудов с уникальным орнаментальным узором, характерным только для данной стоянки.

При ближайшем ознакомлении с керамическим материалом стоянок с разнотипной керамикой («Сперрингс», ямочно-зубчатой и «асбестовой») можно, однако, убедиться, что здесь имели место как нововведения, так и преемственность навыков. Так, например, «асбестовая» керамика на раннем этапе своего развития отличалась от развитой ямочно-зубчатой керамики только примесью толченой роговой обманки к глиняному тесту. Именно в применении этой примеси и заключалось нововведение. Во всем другом эта ранняя «асбестовая» керамика полностью

---

[60] А. Я. Брюсов. Некоторые теоретические основы..., стр. 24.

копировала ямочно-зубчатую: для той и другой характерны остродонные или круглодонные сосуды с толстыми стенками, орнаментированные сложным ямочно-зубчатым узором (прил. IV, табл. 14, 15). Лишь позднее этот тип керамики получил свои отличительные особенности: тонкостенность, плоскодонность, малые размеры сосудов, упрощенность орнаментального узора или его отсутствие, небрежность в нанесении орнамента (прил. IV, табл. 16).

Правда, довольно рано, наряду со сложно орнаментированной «асбестовой» керамикой, появляются сосуды этого типа с упрощенным «елочным» орнаментом, но это объясняется трудностью нанесения орнамента на сосуды, вылепленные из глины, перемешанной с толченым асбестом.

Последнее обстоятельство вовсе не опровергает вывода о преемственности орнамента и формы «асбестовых» сосудов от более ранней ямочно-зубчатой керамики, особенно хорошо заметных в «асбестовой» керамике со сложным орнаментальным узором. Нововведениями же здесь являются: постепенное упрощение орнамента на «асбестовой» керамике и применение примеси толченой роговой обманки к глиняному тесту.

Нельзя отрицать также некоторой роли миграций и заимствований, которые тоже прослеживаются в археологических материалах с древних стоянок Карелии, и в частности в керамике. Так, например, керамика с растительной примесью к глиняному тесту (прил. IV, табл. 13, *15—20*) не возникла на почве Карельской археологической культуры, а принесена извне — это один из поздних типов, появившийся в Карелии примерно в середине II тысячелетия до н. э. Эта керамика не имеет себе аналогий ни в ранней, ни в поздней керамике Карелии.

То же самое можно сказать о «текстильной» («сетчатой») керамике, которая в конце II и в I тысячелетии до н. э. получила довольно широкое распространение на территории Карелии, но не имеет преемственной связи с бытовавшими здесь более ранними типами (прил. IV, табл. 17, 18).

Итак, часто наблюдаемая на стоянках разнотипность керамики в большинстве случаев свидетельствует о сосуществовании на этих стоянках нескольких основных типов керамики на определенном отрезке времени.

Нельзя также считать веским объяснением перемешанности разнотипной керамики на столь многочисленных стоянках перевеванием песка, затаптыванием вещей в песок и т. п. Это опровергается хотя бы тем, что на многих стоянках мы в большом количестве находим раздавленные, но хорошо сохранившиеся сосуды, причем фрагменты каждого из них обычно лежат вместе, а не разбросаны по площади стоянки и сравнительно легко могут быть реставрированы. В ряде случаев разнотипные, хорошо сохранившиеся, раздавленные сосуды залегают в культурном слое на одной глубине и рядом друг с другом (на стоянках Сулгу Va, Порог Шойрукша, Кудом-губа II и др.).[61] На стоянке Сулгу Va раздавленные сосуды трех типов («Сперрингс», ямочно-зубчатая и «асбестовая») найдены на полу раскопанного жилища рядом друг с другом. Эти факты лишний раз доказывают одновременное бытование, на определенном этапе времени, встречаемых вместе основных типов керамики, хотя расцвет в развитии каждого из этих типов относится несомненно к разному времени.

Одновременное существование трех типов керамики вовсе не противоречит вышеизложенному мнению о стремлении древних людей к усовершенствованию орудий труда и развитию способов производ-

[61] Сведения из наших раскопок 1956—1960 гг. (фонды Карельского филиала АН СССР).

ства. Наоборот, оно подтверждает это мнение. В данном случае керамика типа «Сперрингс», как уже упоминалось, является пережиточной, отмирающей; прочно господствует более современная ямочно-зубчатая и зарождается новая — «асбестовая».

После всего изложенного, на наш взгляд, трудно возражать против утверждения о возможности сосуществования разнотипной керамики на одних и тех же стоянках.

Однако сторонники противоположного мнения могут задать вопрос: как же в таком случае понимать и датировать стоянки чистого комплекса? Не противоречит ли материал таких стоянок вышеизложенной точке зрения? Нет, не противоречит. Небольшие площади таких стоянок и слабая мощность их культурного слоя, в сравнении со стоянками с разнотипной керамикой, говорят о кратковременности их существования.

Следовательно, стоянки чистого комплекса, т. е. стоянки, содержащие только один какой-либо тип керамики, относятся к определенным хронологическим этапам, исключающим смешение типов керамики. Так, например, стоянки с керамикой типа «Сперрингс» или с древнеямочной керамикой относятся к первой половине и середине III тысячелетия до н. э., когда контакты между группами населения, представленными этими типами керамики, были еще слабо развиты, а «асбестовой» керамики еще не было. Стоянки с чистым комплексом «асбестовой» керамики являются поздними стоянками конца II—первой половины I тысячелетия до н. э., т. е. относятся к тому времени, когда ямочно-зубчатая керамика уже прекратила свое существование, а «текстильная» не была широко распространенным явлением.

Стоянки с чистым комплексом развитой ямочно-зубчатой керамики относятся к середине II тысячелетия до н. э., когда этот тип керамики достиг наибольшего развития и отдельные группы населения, вероятно, предпочитали его «асбестовой» керамике, которая в этот период не имела особо широкого распространения.[62]

Итак, разбирая вопрос о сосуществовании разнотипной керамики на ряде древних поселений Карелии, мы пришли к выводу, что чаще всего это явление отражает действительное ее сосуществование на определенном этапе исторического развития древней Карелии, а не является признаком многократного заселения одной и той же стоянки.

Но, утверждая это, нельзя согласиться с другим мнением, с мнением о длительности существования поселений с разнотипной керамикой.

Мы уже упоминали, что этому противоречат и малая площадь стоянок, и слабая мощность культурного слоя. Об этом же свидетельствует относительно слабая насыщенность культурного слоя инвентарем.[63] Так, например, количество целых орудий различного применения даже на самых больших из раскопанных стоянок (Чудозеро IV, Сулгу III, Сулгу Va и др.) не превышает 30—40 (не считая резцов и скребков, которых встречается иногда значительно больше), а сосудов насчитывается не более 300—500.

На основании этих данных можно предположить, что, за немногими исключениями, время бытования каждого в отдельности древнего посе-

[62] Стоянки с чистым комплексом развитой ямочно-зубчатой керамики встречаются крайне редко, так как для первой половины и середины II тысячелетия наиболее характерны стоянки со смешанной ямочно-зубчатой и «асбестовой» керамикой.

[63] Исключением являются стоянки Усть-Рыбежная (на севере Ленинградской области) и Ялгуба II (в 20 км от Петрозаводска), длительность существования которых не подлежит сомнению, так как площади каждой из них превышают 5000 м², культурный слой мощностью до 1 м, а насыщенность культурного слоя находками исключительно велика.

ления Карелии не было длительным. По-видимому, для большинства поселений оно не превышало 200 лет, а многие из них существовали еще более короткое время — в течение нескольких десятков лет или менее.

Таковы факты, говорящие не в пользу сторонников гипотезы о многократном заселении или о длительности существования поселений с разнотипной керамикой в Карелии.

Однако, чтобы объяснить факт сосуществования разнотипной керамики на одной и той же стоянке, нет надобности прибегать к этой гипотезе, несмотря на всю ее заманчивость и кажущуюся правдоподобность. Для этого требуется только выявить начальные даты возникновения и время бытования интересующих нас в данном случае типов керамики «Сперрингс», ямочно-зубчатой, «асбестовой» и «текстильной», после чего время сосуществования разнотипной керамики в инвентаре одной стоянки окажется возможным уложить в пределах одного столетия и даже в более короткий отрезок времени.

С этой целью мы постараемся уточнить абсолютную датировку каждого из основных типов древней керамики карельских стоянок.

Если согласиться с абсолютной датировкой основных типов керамики карельских стоянок, данной Н. Н. Гуриной, то об их одновременном существовании на одном и том же поселении не может быть и речи, но вышеуказанные факты говорят о том, что такое сосуществование имело место. Следовательно, хронологические построения Н. Н. Гуриной неточны.

Как указывалось выше, финские археологи датируют древнейшие поселения с керамикой типа «Сперрингс» в Финляндии началом III тысячелетия до н. э., а более поздние поселения этого типа при наличии в их инвентаре некоторого количества типичной гребенчатой керамики относят ко второй половине III тысячелетия до н. э. (Хаутакето, Паломяки и др.).

В развитии керамики типа «Сперрингс» они различают два основных этапа: 1) древний, который характерен орнаментальным узором из прочерченных линий и остроовальных ямок; 2) поздний, в котором наряду с дальнейшим развитием прочерченного узора появляется узор, составленный оттисками перевитой веревочки и отпечатками различных штампов. На позднем этапе развития керамики типа «Сперрингс» довольно широко представлена также керамика типа «Якярля», орнаментированная рядами отпечатков короткого или длинного зубчатого штампа, и типичная гребенчатая керамика. Время ее появления относится финскими археологами примерно к середине III тысячелетия до н. э.

Ранняя керамика типа «Сперрингс» в Карелии по характеру своего орнамента и в целом по внешнему облику в основном аналогична финской керамике этого типа и, по-видимому, одновременна ей.

К ранним стоянкам с керамикой типа «Сперрингс» в Карелии относятся Кудома VI, Пески III, Коргуба I и др.

На более позднем этапе различия между финской и карельской керамикой этого типа становятся заметнее, В поздней карельской керамике типа «Сперрингс» довольно часто применялось сочетание различных элементов орнамента; орнамент, составленный прочерченными линиями (сплошными или с периодическим нажимом на конец чертящей палочки), получил дальнейшее развитие, стал сложнее; появился, совсем редко употреблявшийся на стоянках Финляндии, орнамент из горизонтальных полос оттисков частого своеобразного штампа, создающего иллюзию отпечатка плетеной тесьмы, и характерный только для Карелии орнамент, составленный из оттисков штампа, похожих на римские цифры I и II. Кроме того, в орнаменте карельской керамики типа «Сперрингс» значительно чаще, чем в финской, встречаются кругло-конице-

ские ямки и зональное расположение узора орнамента, не характерное для керамики этого типа, явно заимствованное от ямочно-зубчатой керамики. Наиболее ранними поселениями с керамикой этого типа являются стоянки Коч-наволок, Сулгу II, Пуш-совхоз II и другие, характерные чистым комплексом керамики типа «Сперрингс», но с более сложным и разнообразным орнаментом, чем на древнейших стоянках этого типа. Несколько позднее появились стоянки с двумя типами керамики («Сперрингс» и ямочно-зубчатая).

Если ранняя керамика типа «Сперрингс» в Карелии одновременна финской керамике этого типа и, следовательно, датируется первой половиной III тысячелетия до н. э., то более поздний этап ее развития относится, видимо, ко второй половине III тысячелетия до н. э., так как на этом этапе в ее орнаменте прослеживаются явные признаки влияния ямочно-зубчатой керамики и встречается она чаще всего на стоянках с ямочно-зубчатой керамикой. Нижняя граница существования керамики этого типа заходит, по-видимому, во II тысячелетие до н. э., что доказывается керамическим материалом стоянки Суна I и других подобных ей стоянок с разнотипной керамикой. Из 55 стоянок с керамикой типа «Сперрингс», известных в настоящее время в Карелии, только 15 имеют чистый комплекс этой керамики. Другие содержат смешанную керамику двух или трех типов. Следовательно, основная масса стоянок с керамикой типа «Сперрингс» одновременна стоянкам с ямочно-зубчатой керамикой.

В датировке основной массы ранней ямочно-зубчатой керамики второй половины III тысячелетия до н. э. среди археологов нет разногласий.[64]

Для большего уяснения этого вопроса обратимся к материалам стоянок. При ознакомлении с ними видно, что даже некоторые из стоянок с чистым комплексом керамики типа «Сперрингс» (Пуш-совхоз II, Коч-наволок) испытали значительное культурное влияние со стороны племенных групп с ямочно-зубчатой керамикой, которое хорошо заметно по зональности расположения элементов орнамента на сосудах и сравнительно большому количеству кругло-конических ямок в орнаменте. Эти явления не характерны для ранних стоянок такого типа в Финляндии и Карелии и могут быть объяснены только близким соседством и постоянным влиянием обитателей поселений с ямочно-зубчатой керамикой на поселения с керамикой типа «Сперрингс». Следовательно, такие поселения необходимо датировать примерно третьей четвертью III тысячелетия до н. э.

Позднее это явление сказалось в еще более значительной степени — появились поселения со смешанной керамикой (ямочно-зубчатая и «Сперрингс»). К ним, в частности, относятся: стоянка в 9 км от Чёлмуж, Медвежья Гора II, Соломенное IV, Ялгуба II, Ялгуба III, Кудома VII, Чудозеро V, Выгостров II и др.

Наконец, на самом позднем этапе существования керамики типа «Сперрингс» в конце III—начале II тысячелетия до н. э. появились поселения с разнотипной керамикой, на которых к упомянутым двум типам керамики добавилась в небольшом количестве появившаяся в начале II тысячелетия до н. э. ранняя «асбестовая» керамика со сложным орнаментальным узором. К таким поселениям относятся: Соломенное I, Соломенное VII, Суна Ia, Салменицы, Семеново II, Сулгу I, Сулгу Va, Чудозеро XIII, Порог Шойрукша и многие др. Они хорошо датируются по аналогичной с ними стоянке Суна I, убедительно отнесенной

---

[64] Нами допускается более ранняя датировка для некоторых стоянок с ямочной керамикой в Южной Карелии (Тудозеро I, Рыбрека, Ришкола) по изложенным выше причинам.

А. Я. Брюсовым к концу III—началу II тысячелетия до н. э. Две последние группы поселений относятся к тому времени, когда грубая керамика типа «Сперрингс», изживая себя, постепенно уступала свое место более совершенной — ямочно-зубчатой керамике, что отражает, по всей вероятности, ассимилятивные процессы в среде древних поселенцев этого периода времени.

Наряду с поселениями со смешанной керамикой и с чистым комплексом керамики типа «Сперрингс» на территории Карелии имеются стоянки с чистым комплексом архаичного вида ямочно-зубчатой керамики волго-окского (льяловского) типа (Суна V, Вой-наволок V, Пески IV и др.) На таких стоянках представлена только древнейшая керамика волго-окского типа с простейшим орнаментом из кругло-конических ямок, оттисков зубчатого штампа и зубчатых линий, при подавляющем преобладании ямок над штампом. Их волей-неволей придется отнести ко времени более раннему, нежели стоянки типа Суна I, так как в последних наряду с ямочно-зубчатой керамикой раннего облика имеется более поздняя, сложно орнаментированная (развитая) и «асбестовая» керамика.

По высотным данным эти поселения нельзя синхронизировать с древнейшими поселениями керамического времени. Они следуют, по-видимому, за упомянутой выше группой поселений с ямочной керамикой архаичного облика, синхронной древнейшим стоянкам с керамикой типа «Сперрингс» (Тудозеро I, Рыбрека, Ришкола) и, по всей вероятности, одновременны таким поселениям с чистым комплексом керамики типа «Сперрингс», как Коч-наволок, Пуш-совхоз II и другие, т. е. датируются примерно третьей четвертью III тысячелетия до н. э.

Утверждая это положение, мы вовсе не отрицаем того факта, что в Среднеой и возможно в Северной Карелии наиболее ранними стоянками, датируемыми первой половиной III тысячелетия до н. э., являются стоянки с керамикой типа «Сперрингс», но в то же время необходимо признать, что одновременно с ними в более южных ее районах существовали столь же древние стоянки с ямочно-зубчатой керамикой волго-окского типа.

В более позднее время, во второй половине III тысячелетия до н. э., оба типа керамики более широко распространились по территории Карелии. Однако уже в конце III тысячелетия до н. э. керамика типа «Сперрингс» имела второстепенное и как бы подчиненное значение, а в начале II тысячелетия до н. э. ее постепенно вытеснила ямочно-зубчатая керамика.

Итак, мы выяснили, что древнейшие поселения с керамикой типа «Сперрингс» в Карелии одновременны древнейшим поселениям с ямочно-зубчатой керамикой и что эти два типа керамики сосуществовали здесь сначала на разных поселениях, а затем на одних и тех же — в период от начала III до начала II тысячелетия до н. э. включительно.

Мы выяснили также, что уже на поздних поселениях с керамикой типа «Сперрингс» в начале II тысячелетия до н. э. наряду с ямочно-зубчатой появилась ранняя «асбестовая» керамика со сложным узором, подражающим орнаменту развитой ямочно-зубчатой керамики. Однако господствующее положение «асбестовая» керамика заняла значительно позднее, а именно — в конце II и первой половине I тысячелетия до н. э., когда она окончательно вытеснила более ранние типы керамики. Именно к этому времени относятся стоянки с чистым комплексом «асбестовой» керамики позднего типа, т. е. с плоскодонными сосудами, орнаментированными несложным «елочным» узором из редких отпечатков зубчатого штампа или совсем не орнаментированными (Суна III, Оров-губа, Соломенное IIIа и др.). Стоянки этого периода времени содержат много-

численные признаки знакомства их обитателей с металлом (тигли, льячеки, бронза, железные шлаки, примитивный горн для производства железа сыродутным способом и т. п.).[65] В промежутке между началом и концом II тысячелетия до н. э. господствовала развитая, со сложным геометрическим узором ямочно-зубчатая керамика (Вой-наволок IX, Оровнаволок, Соломенное II и др.). К этому же времени относятся стоянки со смешанной ямочно-зубчатой и «асбестовой» керамикой (Соломенное III, Софьянга I, Кемь I и др.). На стоянках этого периода замечены признаки первого знакомства их обитателей с металлом (стоянка Оровнаволок).[66]

В конце II тысячелетия до н. э. господствует «асбестовая» керамика, наряду с нею появляются новые более поздние типы керамики: «текстильная»[67] и неорнаментированная (Сопоха III, Чуй-наволок, Лахта I и др.), которые получают значительно большее развитие в I тысячелетии до н. э. (Олонка, Усть-Рыбежная II, Усть-Томица, Сай-Наволок, Лахта II, Лахта IX и др.).

Такова на наш взгляд хронологическая схема датировки стоянок Карелии. Она вполне объясняет одновременное существование в инвентаре одной и той же стоянки разнотипной керамики («Сперрингс», ямочно-зубчатой и «асбестовой») на определенном отрезке времени, а именно в конце III — начале II тысячелетия до н. э., когда керамика типа «Сперрингс» переживала конечный этап своего развития, ямочно-зубчатая была в полном расцвете, а «асбестовая» только что появилась.[68] Схему эту можно подтвердить следующей статистической таблицей, наглядно показывающей пережиточный характер керамики типа «Сперрингс», расцвет ямочно-зубчатой керамики и начальный этап развития «асбестовой» керамики на стоянках со смешанной керамикой трех типов.[69]

Если принять эту схему, то не потребуется прибегать к явно натянутой и не подтверждаемой фактами, как это показано выше, гипотезе о неоднократном заселении одних и тех же стоянок в различные, далеко отстоящие друг от друга периоды времени, или к не менее несостоятельной гипотезе о большой длительности существования в Карелии поселений с разнотипной керамикой.

Вышеизложенная схема датировки основана главным образом на данных керамики, но ей не противоречат и другие данные, в частности, анализ каменного инвентаря стоянок и их высотное расположение.

В каменном инвентаре древних поселений Карелии, наряду с общими для всех хронологических этапов изделиями, имеются типы орудий и других изделий, характерные для каждого хронологического этапа в отдельности.

Так, например, для докерамических стоянок VII—IV тысячелетий до н. э. наиболее характерны кварцевые и сланцевые орудия, аналогич-

---

[65] Материалы хранятся в фондах Карельского филиала АН СССР, в фондах ЛОИА и ГИМа; А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 238; Н. Н. Гурина. Археологические исследования в Карелии и в Ленинградской области, стр. 28.

[66] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита..., стр. 118—119.

[67] «Текстильная» керамика со стоянок Карелии имеет некоторое сходство с керамикой типа «Сарса» в Финляндии, которая датируется тоже концом II—первой половиной I тысячелетия до н. э.

[68] Изложенная хронологическая схема основана на археологических данных наиболее хорошо изученных древних поселений большинства районов Карелии. Однако в нее не входят восточные еще почти не изученные районы, а также юго-западное Приладожье и Карельский перешеек, керамика которых довольно резко отличается от керамики Карельской археологической культуры и более близка прибалтийско-финским памятникам.

[69] В таблице представлены только те стоянки этого типа, которые имеют наиболее полные сведения.

ные орудиям культур Аскола и Суомус-ярви в Финляндии. Из кварца: скребок с черенком; высокий, килевой, косолезвийный, выпуклолезвийный и полукруглый скребки; плоские долота; боковые и срединные резцы. Из сланца: грубо обработанные, со шлифовкой только по лезвию топоры, тесла и долота, в частности, топоры соломенского, олениостровского, онежского, среднекарельского и ялгубского типов и т. п. На стоянках этого времени встречаются топоры типа «Рованиеми», листовидные шиферные наконечники копий, сланцевые ножи олениостровского типа и наконечники стрел олениостровского типа, близкие свидерским (прил. III, табл. 1; прил. IV, табл. 1—5; табл. 24, *1*; табл. 25, *1—9*; табл. 28, 7; табл. 32, *4, 14*).

Наименование стоянок	Типы керамики, в %			Число фрагментов керамики
	«Сперрунге»	Ямочно-зубчатая	«Асбестовая»	
Сулгу I	46.5	52.4	1.1	185
Суна Ia	24.2	74.2	1.6	186
Соломенное VII	12.3	86.7	1.0	1307
Семеново II	0.2	99.2	0.6	2538
Юд-ярви III	1.5	97.5	1.0	1183
Салменицы	1.8	96.4	1.8	884
Курмойла I	13.9	81.1	5.0	2983
Чудозеро XIII	7.8	86.2	6.0	167
Суна I	19.1	69.6	11.3	2593
Соломенное I	3.1	80.3	16.7	852
Порог Шойрукша	0 7	95.1	4.2	3006
Кудом-губа II	4.6	66.4	29.0	301
Сулгу Va	4.7	65.9	29.4	4380
Сулгу IIIa	0.7	84.6	14.7	1340
Всего	10.5	81.0	8.5	21905

Для раннекерамических стоянок первой половины III тысячелетия до н. э., кроме перечисленных выше орудий, характерны большие массивные кирки карельского типа с округлым поперечным сечением, кварцитовые наконечники копий и некоторые другие изделия.

Во второй половине III тысячелетия до н. э. на стоянках Карелии появляются топоры и тесла русско-карельского типа, топоры лососинского типа, топоры и тесла кудомского и шуйского типов, тесла вознесенского типа, киркообразные, клинообразные и узколезвийные долота, кирки с полуовалом в поперечном сечении, ребристые и изогнутые кирки, изделия из янтаря (прил. III, табл. 1; прил. IV, табл. 26—27; табл. 29, *3—4*, табл. 36, *6—9*, табл. 37).

Вторая группа перечисленных выше изделий, в отличие от первой группы, встречается не только на стоянках второй половины III тысячелетия до н. э., но и на поселениях более позднего хронологического этапа, датируемого концом III и первой четвертью II тысячелетия до н. э.

Изделиями, характерными для стоянок второго керамического этапа, датируемого концом III и первой четвертью II тысячелетия до н. э.[70] являются: крестовидные и двулезвийные боевые топоры, шиферные наконечники стрел и копий «узкого типа без шипов» и «широкого типа с шипами», фигурные молоты, лавролистные наконечники копий и некоторые другие изделия (прил. III, табл. 1; прил. IV, табл. 24, *3*, *4*; табл. 32, *6*, *8*; табл. 35, *12*, *13*).

На стоянках этого хронологического этапа появились также когтевидные долота, кремневые листовидные наконечники копий и дротиков, кремневые наконечники стрел с выемкой в основании, кремневые иволистые наконечники стрел и шиферные наконечники стрел с ромбом в сечении (прил. IV, табл. 29, *7, 8*, табл. 31). Однако эти орудия продолжали существовать и на следующем третьем хронологическом этапе,

[70] Время от начала появления керамики в Карелии до конца III тысячелетия до н. э. относится нами к первому хронологическому этапу, так как это время усиленного заселения Карелии и формирования племен в ее пределах.

датируемом второй и третьей четвертью II тысячелетия до н. э., а некоторые из них существовали даже на четвертом этапе в конце II и первой половине I тысячелетия до н. э.

Орудий, характерных для поселений только третьего хронологического этапа, нет. Возможно, это объясняется некоторым обеднением каменного инвентаря в связи с появлением металла.

Это обеднение каменного инвентаря особенно резко сказывается на стоянках четвертого хронологического этапа, где металлические орудия, по всей вероятности, заняли ведущее место. Рубящие сланцевые орудия на стоянках этого этапа почти не встречаются.

Для третьего и четвертого хронологических этапов характерны листовидные наконечники стрел с усеченными основаниями, наконечники стрел сейминского типа, бронзовые изделия, литки и куски бронзы.

Только на стоянках четвертого хронологического этапа встречаются не характерные для более ранних поселений Карелии шиферные наконечники стрел (листовидные с черешком, трехгранные с черешком и «арктического» типа), тигли и льячеки, применяемые в бронзолитейном деле, куски железных криц; железные шлаки и куски железной руды. На одной из стоянок этого этапа — в Оров-губе — был обнаружен примитивный сыродутный горн, сложенный из каменных плит на обрывистом берегу озера.[71]

Высотные данные стоянок, расположенных на северных и северо-западных берегах наиболее крупных водоемов Карелии (Онежское и Ладожское озера, Сямозеро, Сегозеро, Ондозеро и др.), свидетельствуют о том, что эти стоянки всегда расположены в определенной закономерности: древние стоянки — на высоком уровне над водой, менее древние — на низком уровне. Как правило, в наибольшем удалении от берега и на наибольшей высоте над уровнем воды находятся стоянки первого хронологического этапа, ниже их и ближе к берегу — стоянки второго этапа, затем стоянки третьего этапа и, наконец, у самой воды на высоте от 0.5 до 1.5 м стоянки четвертого этапа. Исключения редки и наблюдаются только в отношении поздних стоянок, но не ранних, которые обычно придерживаются древней береговой линии, и во всяком случае, не спускаются ниже ее, что вполне естественно.

Рассмотрим в свете вышеизложенной хронологической схемы наиболее хорошо изученную нами за последние годы группу древних стоянок, расположенных в пос. Соломенное у Соломенского кирпичного завода и в близком к нему местечке «Пески».

Здесь в настоящее время известно 16 древних стоянок, не считая единичных случайных археологических находок в ряде мест на восточном берегу пролива, ведущем из Онежского озера в Логмозеро.

Из упомянутых 16 стоянок 10 расположены на небольшом озе по западному берегу оз. Логмозера у кирпичного завода, 2 — в пос. Соломенное и 4 — в местечке «Пески» на высоких береговых грядах моренного происхождения, примыкающих к скалам.

Наиболее древними из известных здесь стоянок являются докерамическая стоянка Пески I и раннекерамическая стоянка Пески III, о которых сказано выше.

Судя по керамическим данным, наиболее ранней стоянкой второй половины III тысячелетия до н. э. в данном районе является стоянка Пески IV, для которой характерна ямочно-зубчатая керамика древнейшего волго-окского типа, орнаментированная простейшим узором из зонально чередующихся кругло-конических ямок, расположенных в строго шахматном поряке, оттисков короткого зубчатого штампа и зубчатых

[71] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита..., стр. 132—133, рис. 39.

или нарезных линий, при большом преобладании ямок над оттисками штампа и линиями. По этому признаку стоянку можно датировать серединой III тысячелетия до н. э. Раннюю дату подтверждает и относительно высокое (5.5 м по нижней границе) расположение стоянки над уровнем воды в Онежском озере. Не позднее чем к третьей четверти III тысячелетия до н. э. необходимо отнести нижний слой стоянки Соломенное V с такой же керамикой и обломком янтарной подвески прибалтийского типа. Примерно к тому же времени можно отнести стоянку в пос. Соломенное у лесопильного завода, на которой М. Правдиным собрана точно такая же керамика. Высотные данные этой стоянки нам не известны.

К несколько более позднему времени необходимо отнести стоянку Соломенное IV, в инвентаре которой имеется ямочно-зубчатая керамика древнего облика, с преобладанием ямок в орнаменте, но с более богатым орнаментальным узором, чем керамика предыдущих стоянок. Вместе с тем здесь имеется небольшое количество керамики типа «Сперрингс» с прочерченным орнаментом, что отображает начало связей между двумя этнически различными компонентами, о чем будет сказано ниже, и немного керамики с зубчатым орнаментом вышеописанного прибалтийско-финского типа. Из датирующих орудий здесь имеется топор русско-карельского типа. Высота стоянки над уровнем воды в озере 5 м. По этим данным стоянку Соломенное IV можно отнести примерно к последней четверти III тысячелетия до н. э.

Далее по нашей схеме следует стоянка Соломенное VI со смешанной керамикой двух типов («Сперрингс» и ямочно-зубчатая). Эта стоянка датируется несколько более поздним временем, чем предыдущая стоянка Соломенное IV. Среди ямочно-зубчатой керамики этой стоянки наряду с древнеямочной, прибалтийско-финской и прибалтийско-новгородской керамикой имеется большое количество сложно орнаментированной, развитой ямочно-зубчатой керамики. В это время произошло уже смешение двух типов керамики, отображающее ассимилятивные процессы в обществе. Датирующих орудий на стоянке не найдено. Высота ее 3.5—6 м.

Стоянка Пески II относится, по всей вероятности, к концу III тысячелетия до н. э. Для нее характерен только один тип керамики — керамика типа «Сперрингс», орнаментированная поздним, усложненным, прочерченным узором с явными заимствованиями от ямочно-зубчатой керамики, выраженными в виде довольно четкой зональности орнаментального узора и сравнительно частого употребления кругло-конических ямок в орнаменте. В инвентаре стоянки нет поздних типов орудий и поздних типов керамики. В то же время при ее раскопках найден обломок большой массивной кирки, округлой в поперечном сечении, и кварцитовый наконечник копья, т. е. орудия, характерные для ранних стоянок. Все это подтверждает ее относительно раннюю датировку. Упомянутая дата стоянки подтверждается большим сходством ее инвентаря с инвентарем более поздней стоянки Соломенное VII.

Стоянки Соломенное I и Соломенное VII наиболее сходны по инвентарю. На той и другой имеются три типа керамики: «Сперрингс», ямочно-зубчатая и «асбестовая». Однако стоянка Соломенное I несколько древнее по облику инвентаря.

Так, например, основную часть керамики стоянки Соломенное I составляет древняя ямочно-зубчатая керамика, орнаментированная простейшим узором из кругло-конических ямок, расположенных в шахматном порядке, оттисков зубчатого штампа и зубчатых линий, тогда как для стоянки Соломенное VII наиболее характерна развитая ямочно-зубчатая керамика, богато орнаментированная самыми разнообразными и

сложными узорами, составленными из тех же элементов (ямок, оттисков зубчатого штампа и зубчатых линий).

На стоянке Соломенное I найдены массивные топоры с овальным поперечным сечением и округлым лезвием, нижнюю дату которых финские ученые относят к концу III тысячелетия до н. э. А на стоянке Соломенное VII найдена глиняная скульптура, изображающая человека, аналогичная скульптурам, найденным на стоянке Ханконпеми в Финляндии и на стоянке Кубенино Каргопольской культуры, которые датируются началом II тысячелетия до н. э. Высота стоянки Соломенное I над уровнем воды в Онежском озере 3.5—4 м, а стоянки Соломенное VII — 3—7 м.

Но всем этим данным стоянку Соломенное VII необходимо датировать временем несколько более поздним, чем стоянку Соломенное I, т. е. если последнюю можно датировать примерно временем между 2100 и 1900 гг. до н. э., то первую необходимо отнести ко времени между 2000 и 1800 гг. до н. э.

Керамика типа «Сперрингс» стоянки Соломенное VII имеет исключительное сходство с керамикой этого типа на стоянке Пески II. Сходство между ними настолько велико, что невозможно отличить одну керамику от другой. В инвентаре той и другой стоянки встречаются также сланцевые шлифованные острия неопределенного назначения и пирамидально заостренные массивные сланцевые проколки, аналогий которым не встречено нигде. Высота стоянки над уровнем воды в Онежском озере тоже совпадает с данными стоянки Пески II. Все это свидетельствует о значительной близости между упомянутыми стоянками. Но более поздний характер керамического материала в целом на стоянке Соломенное VII заставляет относить ее к несколько более позднему времени и датировать первой четвертью II тысячелетия до н. э.

Далее следует стоянка Соломенное III. Керамика этой стоянки двух типов: ямочно-зубчатая и «асбестовая». Последняя — довольно раннего облика, со сложным орнаментальным узором из ямок и зубчатых вдавлений. Высота стоянки Соломенное III над уровнем воды в озере 3 м.

К еще более позднему времени относится стоянка Соломенное IX. На ней найдено незначительное количество ранней керамики (древнеямочная и прибалтийско-финского типа), но вместе с тем здесь имеется поздняя (развитая ямочно-зубчатая) керамика и довольно много «асбестовой».

Основную же массу керамики, найденной на стоянке, составляют фрагменты от сосудов слабого обжига с растительной примесью к глиняному тесту. При обжиге этих сосудов растительность выгорела, поэтому черепки очень хрупкие, легкие и пористые. С внутренней стороны стенки этих сосудов обработаны зубчатым штампом, от которого на поверхности остались горизонтальные или наклонные параллельные борозды. Орнамент состоит из рядов оттисков, прямо или косо поставленного короткого зубчатого штампа, расположенных чаще всего в виде простейшего зигзагового, так называемого елочного узора.

Такая керамика в большом количестве встречается на стоянках Эстонии и Латвии (Акали, Кулламяги, Леяс-Пийскас, Пурциемс, Сарнате и др.).[72] Л. Ю. Янитс относит ее к третьему этапу развития ямочно-зубчатой керамики в Прибалтике, т. е. к первой половине II тысячелетия до н. э. Но больше всего такой керамики найдено на стоянках бассейна

---

[72] С материалами упомянутых стоянок я ознакомился непосредственно в фондах Института истории Академии наук Эстонской ССР и Центрального государственного исторического музея Латвийской ССР.

средней Камы, относящихся ко II тысячелетию до н. э.[73] Древнейшие стоянки с керамикой такого типа в бассейне р. Камы О. Н. Бадер относит к так называемому Гаринскому этапу и датирует временем с XVIII по XIII вв. до н. э.

Подобная керамика, за исключением стоянки Соломенное IX, в Карелии почти не встречается. В незначительном количестве она найдена только на некоторых стоянках в устье р. Выга (Золотец I, Остров Шойрукшин, Залаврута I и др.) и в Западной Карелии у озера Кудомгубского (Кудом-губа II, Чудозеро I и др.). В большом количестве керамика этого типа найдена только на данной стоянке.

По каменному инвентарю стоянка Соломенное IX довольно резко отличается от других стоянок Карельской культуры: орудия почти полностью кремневые, что не характерно для этого района Карелии; кварцевых и крупных сланцевых орудий нет, формы имеющихся на стоянке кремневых орудий не характерны для Карельской археологической культуры. Все эти данные заставляют относить стоянку Соломенное IX ко времени не ранее второй четверти II тысячелетия до н. э.

Вероятнее всего, эта стоянка является одним из свидетельств продвижения на запад камских племенных группировок, которое, по предположению О. Н. Бадера, имело место не только в эпоху неолита, но и в начале эпохи металла, во II тысячелетии до н. э.[74]

Следующей по нашей схеме для данного района идет стоянка Соломенное II, керамика которой относится к типу развитой ямочно-зубчатой и имеет очень большое сходство с керамикой стоянки Оров-наволок, на которой найдены бронзовые изделия местного производства. На этом основании стоянку Соломенное II необходимо датировать временем между 1600 и 1400 гг. до н. э. Высота ее 2.5—3 м. Датирующих типов орудий нет.

Стоянка Соломенное VIII очень мала по площади и, вероятно, была кратковременным стойбищем древних рыболовов. По сравнению с предыдущей стоянкой она относится, по-видимому, к более позднему времени, так как на ней представлена в основном «асбестовая» керамика, хотя и со сложным узором. Несколько черепков ямочной керамики, украшенных неглубокими ямками большого диаметра с плоским дном, тоже нельзя датировать ранним временем. Высота стоянки 2.5 м. Ее можно примерно датировать временем между 1400 и 1200 гг. до н. э. Вероятно, к этому же или несколько более позднему времени относится стоянка Соломенное V (верхний слой), керамика которой «асбестовая», сложно орнаментированная.

Более поздней является стоянка Соломенное IIIа, на которой найдена только «асбестовая», керамика, однообразно орнаментированная «елочным» узором, составленным из оттисков зубчатого штампа. Аналогичная керамика найдена на стоянке Оров-губа, на которой вместе с тем обнаружен горн для сыродутного производства железа и которая поэтому может быть датирована временем не ранее второй четверти I тысячелетия до н. э. Однако такая же керамика характерна и для более ранних стоянок, чем Оров-губа, таких как Суна II, Вой-наволок VII и др., для которых типичны каменные орудия и отсутствуют признаки производства железа. Поэтому эти стоянки, так же как и стоянку Соломен-

---

[73] О. Н. Бадер и З. Н. Соколова. Новые стоянки Чусовского Прикамья. Уч. зап. Пермского гос. унив. им. М. Горького, т. IX, вып. 3, Харьков, 1953, стр. 89—126.

[74] О. Н. Бадер, Б. Х. Кадиков. Поселения эпохи бронзы на Каме между г. Оханском и г. Сарапулом. СА, № 3, 1957, стр. 156.

ное IIIа, необходимо датировать приблизительно временем между 1200 и 500 гг. до н. э.

Наконец, стоянку Усть-Томица, на которой большинство керамического материала составляет «текстильная» керамика, а также обнаружены признаки бронзолитейного дела и знакомство с железом, нужно отнести к середине I тысячелетия до н. э. и датировать приблизительно временем от 800 до 500 г. до н. э. Высота стоянки 2 м. Более поздних поселений в этом районе не обнаружено.

Так выглядит предложенная нами хронологическая схема в приложении ее к стоянкам района Соломенное—Пески.

Таким образом, на основе анализа инвентаря древнейших поселений Карелии мы приходим к следующим выводам.

1. Основным методом датировки памятников Карельской археологической культуры на достигнутом этапе является типологический метод и прежде всего — датировка по данным керамики. Вместе с тем при датировке необходимо использовать данные анализа каменного инвентаря, высотные данные, данные стратиграфии и т. п. Датировка памятников докерамической эпохи в настоящее время в Карелии возможна только методом типологического сравнения каменного инвентаря докерамических стоянок Карелии и соседних областей (в частности Финляндии) с учетом высотных данных стоянок, а также путем сравнения этих стоянок с ранними стоянками керамического времени.

2. Древнейшими типами керамики в Карелии являются керамика типа «Сперрингс» и древнеямочная керамика волго-окского типа. Они появились здесь приблизительно одновременно, но в различных ее районах. Наибольшее развитие эти типы керамики получили здесь в период с середины III до начала II тысячелетия до н. э. Взаимодействие этих типов керамики на древних поселениях Карелии свидетельствует о сложных взаимоотношениях и ассимилятивных процессах, протекавших среди населения, обитавшего в этот период на ее территории.

3. На смену этим типам керамики пришла развитая ямочно-зубчатая керамика, богато орнаментированная разнообразными геометрическими узорами, составленными из кругло-конических и ромбических ямок, оттисков зубчатого штампа и зубчатых линий. Начальная дата ее появления относится к концу III тысячелетия до н. э., но наибольшего развития она достигла в первой половине и середине II тысячелетия до н. э.

4. Более поздним типом керамики является «асбестовая», возникновение которой относится к началу II тысячелетия до н. э., а наибольшее развитие — к концу II—первой половине I тысячелетия до н. э.

5. Еще более поздними типами среди ранней керамики в Карелии являются «текстильная» и неорнаментированная («гладкая» и «штрихованная»). Их появление относится, по всей вероятности, еще к концу II тысячелетия до н. э., но наибольшего развития она достигла лишь ко второй четверти или даже к середине I тысячелетия до н. э.

6. Древнейшими памятниками в Карелии являются памятники докерамической эпохи: мезолитические и ранненеолитические стоянки, а также Оленеостровский могильник. Они относятся к VII—IV тысячелетиям до н. э.

7. Все поселения керамической эпохи в Карелии можно подразделить на четыре хронологические группы:

а) первая группа — поселения с древнеямочной керамикой или ранней керамикой типа «Сперрингс», датируются 3000—2100 гг. до н. э.;

б) вторая группа — поселения с развитой ямочно-зубчатой керамикой и поздней керамикой типа «Сперрингс», с небольшим добавлением ранней «асбестовой» керамики, датируются 2100—1800 гг. до н. э.;

в) в третьей группе поселений преобладающей является «асбестовая» керамика с некоторым добавлением к ней ямочно-зубчатой керамики; эта группа поселений датируется 1800—1200 гг. до н. э.; сюда же относятся поселения с чистым комплексом развитой ямочно-зубчатой керамики (Оров-наволок, Деревянное III и др.);

г) наконец, четвертая группа содержит в основном позднюю «асбестовую», «текстильную» и неорнаментированную керамику, иногда в небольшом количестве дополненную поздней ямочно-зубчатой керамикой. Эту группу поселений необходимо отнести к 1200—500 гг. до н. э.

8. Первые признаки появления металла на стоянках Карелии относятся к поселениям третьей хронологической группы (стоянка Оров-наволок и др.), но наибольшее распространение производство металла и металлических изделий получило на стоянках четвертой хронологической группы, для которых обычны тигли, льячеки, шлаки и другие признаки, указывающие на знакомство их обитателей с металлом. Бронза в Карелии была очень слабо распространена, а железо не сохранилось в неблагоприятных почвенных условиях. Поэтому находки бронзовых и медных орудий на стоянках Карелии чрезвычайно редки, а железных орудий вообще не найдено.

ГЛАВА 4

ЛОКАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛИИ

Ознакомление с датировкой археологических памятников Карелии и с характером их инвентаря показало, что даже самые древние стоянки на ее территории, относимые нами к VII—IV тысячелетиям до н. э., не имели единства в материальной культуре и, как мы знаем, четко делились на две обособленные группы: стоянки с кварцевым инвентарем и стоянки со сланцевым инвентарем.

Несмотря на слабую исследованность памятников докерамического времени в Карелии, уже сейчас довольно хорошо видно, что стоянки с кварцевым инвентарем наиболее характерны для Северной и Средней Карелии, а стоянки со сланцевым и кремневым инвентарем — для южной Карелии (прил. II, схема 2). Причем первые не встречаются южнее сз. Сямозера, а вторые не заходят севернее Оленьего острова на Онежском озере. Интересно отметить, что это различие прослеживается и в более поздних памятниках (прил. II, схема 9). На протяжении всего неолита на севере Карелии кварц как материал, применяемый для изготовления орудий, играл более существенную роль, чем сланец и кремень. Например, в инвентаре всех стоянок, известных в настоящее время в б. Лоухском районе, датируемых III—I тысячелетиями до н. э., основное место занимают кварцевые орудия. То же самое характерно для стоянок в других северных районов.

Говорить конкретно о сходстве и различии отдельных типов вещей в инвентаре этих двух групп стоянок нет необходимости, так как на одних из них очень мало кварцевых изделий, на других — почти нет сланцевых. Нужно все же отметить, что в том случае, когда на стоянках с кварцевым инвентарем встречаются сланцевые орудия, они ничем не отличаются от орудий, найденных на стоянках со сланцевым инвентарем. То же можно сказать и о кварцевых изделиях, найденных на тех и других стоянках. Они имеют исключительно большое сходство друг с другом по своему внешнему облику и по характеру обработки.

Нужно также отметить, что если на стоянках с кварцевым инвентарем кремневые орудия и даже осколки кремня являются большой редкостью, то в большинстве памятников со сланцевым инвентарем такие орудия, причем прекрасно обработанные, встречаются в довольно большом количестве.

Особое место среди докерамических памятников занимают стоянка Ялгуба V и Оленеостровский неолитический могильник. Для них характерно преобладание кремневых изделий над орудиями из других пород камня. Причем изделия эти прекрасной обработки и изготовлены из мелового кремня[1] хорошего качества. Вместе с тем в инвентаре этих

[1] Кремень, залегающий в меловых отложениях.

памятников имеются орудия из сланца и кварца. Кроме того, в могильнике хорошо сохранился костяной инвентарь, о чем сказано выше.

Вот все, что можно сказать о сходстве и различиях между двумя группами докерамических стоянок Карелии.

Стоянок раннекерамического времени, датируемых первой половиной III тысячелетия до н. э., в Карелии известно пока мало и изучены они очень слабо. Однако даже по имеющимся данным они четко подразделяются на две группы: стоянки с керамикой типа «Сперрингс» и стоянки с древнеямочной керамикой волго-окского типа.

В первую группу входят стоянки Кудома VI, Коргуба I, Коргуба III, Деревянное I и некоторые др. Для этих стоянок характерен только один тип керамики — керамика типа «Сперрингс» древнего облика (прил. III, табл. 2), не имеющая никаких признаков сближения с ямочно-зубчатой керамикой. Преобладающим (иногда единственным) каменным инвентарем этих стоянок являются кварцевые орудия. Видимо, реже применялись сланцевые изделия и совсем редко — изделия из кремня.

Во вторую группу входят стоянки Тудозеро I, Рыбрека и Ришкола. Для них характерна древнеямочная керамика (прил. III, табл. 2), украшенная простейшим узором из кругло-конических ямок, расставленных в шахматном порядке, с небольшим добавлением зубчатого штампа или зубчатых линий. Кварцевый инвентарь на этих стоянках отсутствует. Для них характерен главным образом кремневый инвентарь, дополненный сланцевым.

Стоянки первой группы находятся в Средней и Северной Карелии; стоянки второй группы — в южной ее части.

Эти различия сохраняются и во второй половине III тысячелетия до н. э. Древнейшие стоянки этого этапа сохраняют чистые комплексы керамики. Так, например, для стоянок: Коч-наволок, Пуш-совхоз II, Пески II, Сулгу II и других характерна керамика типа «Сперрингс», а для стоянок Пески IV, Суна V, Машезеро, Кашино и некоторых других — только древнеямочная керамика (прил. III, табл. 2). Причем для первых наиболее характерны кварцевые орудия, а для вторых — сланцевые и кремневые.

Стоянки с чистым комплексом керамики типа «Сперрингс» на данном хронологическом этапе по-прежнему характерны для Северной и Средней Карелии. Стоянки с древнеямочной керамикой распространяются дальше на север (Вой-наволок V, Бесовы следки № 3).

Однако на этом же этапе несколько позднее стоянок с чистым комплексом появляются стоянки со смешанной керамикой двух типов: «Сперрингс» и ямочно-зубчатой, которые распространяются по всей Карелии (стоянки: Ялгуба II, Ялгуба III, Соломенное IV, Соломенное VI, оз. Лососинное, Кудома II, Медвежья Гора II и др.). В этой группе стоянок основным инвентарем являются сланцевые изделия хорошей обработки, существенно дополненные кремневыми и кварцевыми изделиями.

Необходимо отметить, что на северных стоянках этого времени господствующее место в инвентаре занимают кварцевые орудия, на южных — кремневые и сланцевые. Исключением являются стоянки в низовьях р. Выга. В этом районе Карелии, несмотря на его северное расположение, на протяжении всего развитого неолита и в эпоху раннего металла, т. е. примерно с середины III до середины I тысячелетия до н. э., в каменном инвентаре стоянок господствовали кремневые изделия. Сланец, кварц и другие материалы имели здесь второстепенное значение.

В рассматриваемый хронологический период инвентарь стоянок уже не имел той чистоты комплексов, какая характерна для более ранних

поселений. Так, например, на стоянках с чистым комплексом керамики типа «Сперрингс» значительно шире стали применяться сланцевые и кремневые изделия, а в самой керамике появилась нехарактерная для ранних ее типов зональность в расположении орнаментального узора и более четкое, чем раньше, применение кругло-конических ямок в орнаменте. На стоянках с древнеямочной керамикой довольно широко стали применяться орудия из кварца. Тип и характер этих орудий не отличаются от таких же орудий со стоянок с керамикой типа «Сперрингс». В орнаменте древнеямочной керамики заметны элементы, заимствованные от керамики типа «Сперрингс» линии, прочерченные палочкой с периодическим нажимом на ее конец, ряды оттисков короткого своеобразного штампа, создающие иллюзию отпечатков плетеной тесьмы и некоторые др.

На этом же хронологическом этапе, т. е. во второй половине III тысячелетия до н. э., начинают прослеживаться различия в материальной культуре локально ограниченных районов Карелии. Различия эти прослеживаются, в частности, в керамике (особенно в ее орнаменте), в характере и типах орудий, в материале, применяемом для изготовления орудий.

Археологическая карта Карелии (прил. II, схема 1) показывает, что все известные нам древние памятники довольно четко группируются в отдельных строго ограниченных районах. Каждая из таких групп окружена незаселенным пространством. Попытки найти древние памятники в этих промежуточных незаселенных пространствах, за редким исключением, не увенчались успехом. Да и в том случае, если такие поселения находились, они имели характер временных небольших стойбищ, резко отличающихся от постоянных поселений своими маленькими размерами, слабой мощностью культурного слоя и скудостью инвентаря.

Центрами притяжения для локальных групп населений являлись наиболее изрезанные побережья крупных водоемов (Онежское озеро, Ладожское озеро, Белое море), а также нижние течения и устья крупных рек, впадающих в эти водоемы. Кроме того, такими центрами служили небольшие внутренние озера и группы озер в Карелии со впадающими в них и вытекающими из них реками, речками и протоками.

В настоящее время археологическая карта Карелии позволяет наметить 15 таких локальных районов.

1. Западное побережье Онежского озера с примыкающими к нему озерами (Машезеро, Лососинное, Логмозеро, Укшезеро, Сандал, Палье и др.) и низовья впадающих в него рек Шуи и Супы.
2. Северное и северо-восточное побережье Онежского озера (от г. Медвежьегорска до с. Чёлмужи) с примыкающими к нему озерами (Волозеро, Хишезеро и др.).
3. Восточное и юго-восточное побережье Онежского озера (от низовьев р. Водлы до оз. Тудозера).
4. Юго-западное и южное побережье Онежского озера (с центром у истока р. Свири).
5. Восточный берег Ладожского озера (с центром в низовьях р. Олонки).
6. Северные и северо-западные берега Ладожского озера.[2]
7. Берега оз. Сямозера и примыкающих к нему озер.
8. Система озер в верховьях р. Суны (Поросозеро, Чудозеро, Кудомгубское, Гимольское и др.).
9. Оз. Сегозеро и примыкающие к нему озера.

---

[2] Стоянки на южном берегу Ладожского озера резко отличаются по составу своего инвентаря от других стоянок Карелии и, по-видимому, не относятся к Карельской археологической культуре.

10. Оз. Выгозеро и примыкающие к нему озера.
11. Оз. Ондозеро и примыкающие к нему озера.
12. Низовья р. Выга у его впадения в Белое море.
13. Низовья р. Кеми у ее впадения в Белое море.
14. Система озер Куйто с примыкающими к ним озерами.
15. Озера Топозеро и Пяозеро с соединяющей их р. Софьянгой, ее притоком р. Пончей и примыкающими к ним озерами.

Необходимо учесть, что ряд районов Карелии еще совсем не изучен (например, юго-восток, северо-восток и запад Карелии), поэтому не исключена возможность открытия в этих районах новых локальных группировок.

Далеко не все из перечисленных здесь районов изучены нами в такой степени, чтобы мы могли твердо и доказательно установить локальное своеобразие в их материальной культуре.

О большинстве этих районов мы имеем в основном лишь разведочные данные, количество открытых в них памятников незначительно и поэтому дать обоснование их локальных особенностей у нас нет возможности.

Наиболее хорошо изученными из них можно считать в настоящее время только 6 районов.[3]

1. Поселения западного побережья Онежского озера (I локальный вариант).
2. Поселения северного и северо-восточного побережий Онежского озера (II локальный вариант).
3. Поселения восточного побережья Онежского озера (III локальный вариант).
4. Поселения на берегах оз. Сямозера и примыкающих к нему озер (IV локальный вариант).
5. Поселения в низовьях р. Выга (V локальный вариант).
6. Поселения по берегам системы озер в верховьях р. Суны (VI локальный вариант).

Археологический материал с многочисленных разновременных поселений упомянутых районов, имеющийся в нашем распоряжении, позволяет наметить основные черты локальных различий между этими районами.

В предыдущей главе все археологические памятники Карелии разделены нами на четыре группы, соответствующие определенным хронологическим этапам в становлении и развитии Карельской археологической культуры. В дальнейшем изложении мы будем придерживаться этого деления, чтобы проследить локальные различия в материальной культуре отдельных ее районов в процессе их развития.[4]

По керамическим данным эти различия прослеживаются прежде всего в неодинаковом процентном соотношении основных типов керамики в перечисленных выше локальных районах.

Для более наглядного представления об этих различиях ознакомимся с таблицей [5] (прил. I, табл. 5).

---

[3] В дальнейшем мы будем называть их локальными вариантами и нумеровать в том порядке, в котором они здесь перечислены.

[4] При рассмотрении локальных различий в материальной культуре отдельных районов Карелии мы не берем во внимание материал докерамических и раннекерамических памятников, так как процесс формирования единой Карельской культуры начался только во второй половине III тысячелетия до н. э.

[5] В таблицу внесены данные по 1960 г. включительно. Минимальные размеры фрагментов керамики, которые учтены в таблице, — 2 × 2 см.

В связи с большим сходством орнаментации и теста многих сосудов со стоянок Карелии на данном этапе исследований не удалось произвести разборку керамического материала по сосудам. Поэтому, приведенные в предлагаемой таблице про-

Из таблицы можно видеть, что на самом раннем — **первом хронологическом этапе**, датируемом второй половиной III тысячелетия до н. э., наблюдается значительное различие в процентном составе основных типов керамики в инвентаре различных вариантов.

В I варианте, например, преобладает (90.1%) древнеямочная керамика (прил. I, табл. 5). Развитой ямочно-зубчатой керамики представлено мало (3.4%). Довольно бедно представлена также керамика типа «Сперрингс». Для II варианта характерно преобладание керамики типа «Сперрингс» (66.6%), значительно меньше древнеямочной (33.2%) и совсем мало развитой ямочно-зубчатой (0.2%). В III варианте представлена в основном древнеямочная керамика (99.4%) с незначительным добавлением развитой ямочно-зубчатой. В IV варианте при преобладании древнеямочной (45.6%) большое место занимает керамика типа «Сперрингс» (35.8%), значительный процент (18.6%) составляет также развитая ямочно-зубчатая. В V варианте преобладает древнеямочная керамика (44.3%), в большом количестве представлена развитая ямочно-зубчатая (33.6%), на третьем месте керамика типа «Сперрингс» (22.1%). В VI варианте, как и в III, господствует древнеямочная керамика (83.5%). Однако в нем представлена также развитая ямочно-зубчатая керамика (16.4%) и в незначительном количестве керамика типа «Сперрингс» (0.1%).

Для данного хронологического этапа характерны, следовательно, два типа керамики («Сперрингс» и ямочная, главным образом древнеямочная) и два типа поселений (стоянки с чистым комплексом керамики того или иного из упомянутых типов и стоянки со смешанной керамикой этих же двух типов).

На втором хронологическом этапе, так же как и на первом, для каждого локального варианта характерен свой состав типов керамики.

Так, например, в I варианте основное место по-прежнему занимает древнеямочная керамика (55.8%), но вместе с тем здесь значительно увеличивается процент развитой ямочно-зубчатой керамики (22.7%) и керамики типа «Сперрингс» (13.3%), а также появляется «асбестовая» керамика (8.2%). Во II варианте как на первом, так и на втором этапе соотношение типов керамики приблизительно одинаковое. Различие заключается в том, что на первом этапе мы имеем дело со стоянками чистого комплекса, а на втором — со стоянками, содержащими смешанную керамику двух типов. В III варианте господствует по-прежнему древнеямочная керамика (92.5%), но количество развитой ямочно-зубчатой керамики увеличилось, а также появилась в небольшом количестве керамика типа «Сперрингс» (0.1%) и «асбестовая» (0.5%) керамика. В IV варианте резко уменьшился процентный состав керамики типа «Сперрингс», несколько больше представлено ямочно-зубчатой керамики и в довольно большом количестве появилась «асбестовая» керамика (22.5%); в незначительном числе представлена также керамика с растительной примесью к глиняному тесту (0.1%). В V варианте в еще большей степени, чем в IV, сократилось применение керамики типа «Сперрингс» (0.6%), возросло значение ямочно-зубчатой керамики, в неболь-

---

центные данные нельзя рассматривать, как абсолютно точные. Однако они правильно показывают относительное распределение типов керамики по локальным вариантам и хронологическим этапам. Проверка этих данных, произведенная путем подсчета сосудов на некоторых стоянках (Соломенное VII, Сулгу Va, Семеново II, Порог Шойрукша и др.), показала, что отклонения незначительны. Например, на стоянке Соломенное VII состав керамики по подсчетам фрагментов от сосудов следующий: керамика типа «Сперрингс» — 12%, ямочно-зубчатая — 87%, «асбестовая» — 1%, по подсчетам сосудов — соответственно 9%, 88% и 3%. Примерно такие же отклонения характерны и для других стоянок.

шом количестве появилась «асбестовая» керамика (3.9%), «шнуровая» керамика (0.7%) и керамика с растительной примесью к глиняному тесту (1.1%). В VI варианте при господстве ямочно-зубчатой керамики (89.4%) несколько увеличилось количество керамики типа «Сперрингс» (2.8%), а также появилась «асбестовая» керамика (6.7%) и керамика с примесью растительности к глиняному тесту.

На третьем хронологическом этапе в составе основных типов керамики различных локальных вариантов происходят дальнейшие изменения. Изжившая себя несовершенная керамика типа «Сперрингс» исчезла во всех вариантах. Ямочно-зубчатая керамика в ряде вариантов продолжает играть еще значительную роль. В большинстве вариантов получает широкое распространение «асбестовая» керамика. Характерными поселениями этого типа являются стоянки со смешанной керамикой двух типов (ямочно-зубчатая и «асбестовая»), а также стоянки с чистым комплексом развитой ямочно-зубчатой керамики.

В I варианте древнеямочная керамика уступает свое место более поздним типам: развитой ямочно-зубчатой (29.8%), «асбестовой» (29.0%) и керамике с растительной примесью к глиняному тесту (27.0%). Во II варианте на смену керамике типа «Сперрингс» приходит ямочно-зубчатая керамика (98.6%) с незначительным добавлением к ней «асбестовой» керамики (1.4%). В III варианте для третьего хронологического этапа мы не имеем данных, так как памятников данного этапа здесь пока не обнаружено. В IV варианте основное место занимает «асбестовая» керамика (66.1%) с добавлением ямочно-зубчатой керамики (33.3%); в слабой степени представлена керамика с растительной примесью к глиняному тесту (0.2%) и «шнуровая» керамика (0.4%). В V варианте основное место занимает развитая ямочно-зубчатая керамика (52.6%), значительно меньше стало древнеямочной (23.3%) и «асбестовой» керамики (13.9%); увеличилось количество керамики с растительной примесью к глиняному тесту (10.2%). В VI варианте, так же как и во II, основное место занимает на этом этапе древнеямочная керамика (54%), но в отличие от II варианта здесь в значительно большей степени представлена «асбестовая» керамика (13.8%).

На четвертом хронологическом этапе раньше типы керамики окончательно уступают свое место поздним. В I, IV, и VI вариантах основную роль играют «сетчатая» и неорнаментированная керамика, во II, III и V — «асбестовая». В то же время процентное соотношение типов керамики каждого из вариантов различно. Для этого этапа характерны поселения с чистым комплексом «асбестовой» керамики и поселения с сетчатой» керамикой. В I варианте на этом этапе господствуют «асбестовая» (44.8%) и «сетчатая» (44.9%) типы керамики при добавлении поздней ямочно-зубчатой (7.0%) и неорнаментированной (3.3%). Во II и III вариантах имеется только «асбестовая» керамика. В IV варианте при преобладающем значении «сетчатой» (52.7%) и неорнаментированной (39.2%) керамики имеется небольшое количество поздней ямочно-зубчатой (6.4%) и «асбестовой» (1.7%) керамики. В V варианте основное место занимает «асбестовая» керамика (63.6%), а затем следует неорнаментированная керамика (24.1%), поздняя ямочно-зубчатая керамика (5.5%), керамика с растительной примесью к глиняному тесту (4.2%) и, наконец, «сетчатая» керамика (2.6%). В VI варианте преобладающее место занимает «сетчатая» (42.1%) и неорнаментированная (27.4%) керамика при значительном добавлении «асбестовой» керамики (28.0%); имеется также керамика с растительной примесью к глиняному тесту (1.5%) и поздняя ямочнозубчатая керамика (1.0%).

Суммируя изложенное выше, мы приходим к выводу, что уже процентное соотношение основных типов керамики из различных локаль-

ных районов свидетельствует о некоторой самостоятельности и своеобразии развития каждого из этих районов.

Об этом же свидетельствует анализ ямочно-зубчатой керамики, наиболее широко распространенной в Карелии в неолитическую эпоху.

На первом хронологическом этапе эта керамика имела одинаковый облик во всех районах Карелии и почти не отличалась от волго-окской керамики льяловского типа. Но уже на втором и последующих хронологических этапах этот тип керамики в каждом локальном районе получил своеобразный облик, отличающийся от облика керамики других районов. Так, например, керамика этого типа в I варианте стала отличаться исключительным многообразием орнаментальных узоров, не характерным для других вариантов; керамика II варианта стала отличаться значительными заимствованиями орнаментальных узоров от керамики типа «Сперрингс» и очень широким применением ромбически-ямочного орнамента; керамика III варианта в отличие от других вариантов сохранила свой древний волго-окский облик на всех известных нам стоянках; в керамике IV варианта исследователя поражает странное несоответствие орнаментации ямочно-зубчатой и «асбестовой» керамики: в то время как узор ямочно-зубчатой керамики чрезвычайно беден (эта керамика сохранила свой древний волго-окский облик), орнамент «асбестовой» керамики отличается исключительным богатством и разнообразием, не характерным для этого типа керамики в других районах; керамика V варианта отличается составом теста, темного, почти черного цвета, широким распространением ромбических ямок вытянутой формы в орнаменте и исключительной тонкостенностью «асбестовых» сосудов; керамика VI варианта — толстостенна, с широким применением ромбообразных ямок в орнаменте, ямки нечеткие, со вмятыми краями, что не характерно для древнеямочной керамики и для ямочно-зубчатой керамики других вариантов.

Отдельные подтипы ямочно-зубчатой керамики, встречающиеся в ряде локальных вариантов, наиболее характерны все же для одного из них. Например, для I варианта характерны следующие подтипы керамики: прибалтийско-финская; прибалтийско-новгородская; керамика с орнаментом из чередующихся рядов глубоких и мелких ямок; керамика, орнаментированная нарезными узорами и оттисками гладкого штампа. Для II варианта характерна керамика с орнаментом из ромбических ямок. «Веревочная» керамика более всего представлена в IV варианте. В VI варианте широкое применение в орнаменте имели прямоугольные и подпрямоугольные ямки.

Детальное ознакомление с орнаментами основных типов древней керамики со стоянок Карелии (прил. III, табл. 3—4) показало, что среди многочисленных элементов и узоров орнамента, которыми украшены сосуды, имеются как общие для всех локальных вариантов элементы и узоры, так и характерные для каждого локального варианта в отдельности, т. е. такие, которые встречаются только в одном из вариантов или более широко представлены в нем, чем в других вариантах.

Конечно, самыми распространенными элементами и узорами орнамента являются общие для всех вариантов элементы и узоры (круглоконические и ромбические ямки, оттиски зубчатого и гладкого штампа, зубчатые линии, чередование ямок и оттисков штампа, чередование ямок и зубчатых линий, зоны ямок, разделенные линиями, зоны ямок, разделенные оттисками штампа и др.), но вместе с тем в каждом варианте есть свои, присущие только ему или главным образом ему элементы и узоры орнамента.

Такими элементами для I варианта являются; 1) круглые ямки, нанесенные концом трубчатого растения; 2) широкий желобок под венчи-

ком сосуда; 3) прямоугольные ямки с зубчатой насечкой по дну; 4) оттиски штампа с косой насечкой; 5) маленькие, почти точечные круглые глубокие ямки; 6) нарезные линии; 7) оттиски гладкого штампа; 8) кругло-конические скошенные ямки; 9) неглубокие овальные ямки с насечкой; 10) круглые неглубокие ямки с насечкой; 11) оттиски редкозубого штампа; 12) оттиски двузубого штампа.

Для того же I варианта характерны следующие орнаментальные узоры: 1) вертикальный зигзаг из ломаных прочерченных линий (в керамике типа «Сперрингс»); 2) редкая сетка из косо прочерченных поперечных линий (в керамике типа «Сперрингс»); 3) сочетание ромбических и круглых ямок; 4) оттиски зубчатого штампа с внутренней стороны сосуда; 5) ряд частых наклонных зубчатых линий под венчиком сосуда, перечеркнутых редкими наклонными линиями; 6) зигзаговая полоса, составленная оттисками короткого зубчатого или гладкого штампа; 7) чередование горизонтальных рядов зубчатого штампа с зубчатыми линиями; 8) сетка из косо перекрещенных зубчатых или нарезных линий; 9) чередование наклонных рядов ямок с наклонными линиями; 10) наклонные ряды тесно поставленных друг к другу неглубоких овальных ямок; 11) чередование горизонтальных и вертикальных зубчатых или нарезных линий; 12) чередование глубоких кругло-конических и мелких поверхностных ямок; 13) горизонтальные ряды круглых ямок, связанных ломаной линией; 14) ямки по основному орнаменту из горизонтальных и вертикальных зубчатых линий; 15) сетка из косо перекрещенных зубчатых или нарезных линий с ямками в ячеях; 16) узор из смежных четырехугольников, заполненных зубчатыми линиями; 17) пересечение горизонтально и вертикально расположенных рядов оттисков короткого зубчатого штампа.

Большинство из перечисленных здесь элементов орнамента и орнаментальных узоров встречается на всех четырех хронологических этапах данного варианта.

К элементам орнамента, которые встречаются только на первом хронологическом этапе, относятся круглые ямки, нанесенные концом трубчатого растения; к орнаментальным узорам — ряды частых наклонных зубчатых линий под венчиком сосуда, перечеркнутых редкими наклонными линиями. Только на первом и втором этапах встречается сочетание круглых и ромбических ямок в орнаменте.

Только для второго этапа характерны вертикальный зигзаг и косая сетка из прочерченных линий (в керамике типа «Сперрингс»), наклонные ряды тесно поставленных друг к другу овальных неглубоких ямок и узор из смежных четырехугольников, заполненных зубчатыми линиями.

На втором и третьем этапах получили применение в орнаменте прямоугольные ямки с зубчатой насечкой по дну. После третьего этапа в орнаменте не стали применяться круглые ямки с насечкой и широкий желобок под венчиком сосуда, а также сетка из косо перекрещенных линий с ямками в ячеях.

Только на четвертом этапе применялись точечный орнамент и пересечение горизонтально и вертикально расположенных рядов оттисков короткого зубчатого штампа. На втором, третьем и четвертом этапах применялись в орнаменте оттиски зубчатого штампа с косой насечкой и зигзаговая полоса, составленная оттисками короткого зубчатого или гладкого штампа.

Элементами орнамента, присущими только II локальному варианту или представленными более всего в керамике этого варианта являются; 1) рамчатые вдавления, 2) оттиски широкого зубчатого штампа с косой насечкой; 3) треугольные ямки, 4) серповидные ямки; 5) ямки в виде

отпечатков раздвоенных копыт; 6) неглубокие ямки с крестообразными перегородками; 7) прямые или волнистые прочерченные линии (в ямочно-зубчатой керамике); 8) ромбические ямки с вытянутым углом; 9) кружки, сделанные концом трубчатого растения; 10) оттиски широкого зубчатого штампа; 11) полуовальные ямки; 12) неглубокие овальные ямки с перегородкой; 13) ромбические ямки с зубчатой насечкой по дну; 14) концевые вдавления зубчатого штампа; 15) оттиски штампа похожего на ряды вдавлений, сделанных концом широкой палочки.

Для того же II варианта характерны следующие орнаментальные узоры: 1) сочетание «веревочных» оттисков с прочерченными линиями (в керамике типа «Сперрингс»); 2) сочетание прочерченных линий с оттисками штампа (в керамике типа «Сперрингс»); 3) один ряд маленьких редких ямок под венчиком небольшого сосудика; 4) сочетание оттисков зубчатого или гладкого штампа, зубчатых или нарезных линий и кругло-конических ямок, 5) ромбы, заполненные оттисками зубчатого штампа с ямками в середине; 6) углы, составленные ямками и окаймленные нарезной линией; 7) чередование ломаных зубчатых линий с окаймляющими их рядами кругло-конических ямок; 8) ряды оттисков сдвоенного зубчатого штампа; 9) чередование наклонных рядов ямок с наклонными рядами оттисков короткого зубчатого штампа; 10) зоны ломаных линий, окаймленные кругло-коническими ямками.

Во втором варианте, так же как и в первом, большая часть элементов орнамента и орнаментальных узоров представлена на всех хронологических этапах. Однако часть из них характерна для определенных этапов. Так, например, только на первом этапе встречаются сосудики, орнаментированные одним рядом редко поставленных маленьких ямок под венчиком. Только на первом и втором этапах встречаются оттиски штампа, похожего на ряды вдавлений, сделанных концом широкой палочки, и сочетание «веревочных» вдавлений с оттисками штампа (в керамике типа «Сперрингс»). Для второго этапа характерно сочетание «веревочных» вдавлений с прочерченными линиями и прочерченных линий с оттисками штампа (в керамике типа «Сперрингс»). На втором и третьем этапах встречаются треугольные ямки, серповидные ямки, неглубокие ямки с крестообразными перегородками, ряды сдвоенного штампа и ромбы, заполненные оттисками зубчатого штампа с ямками в середине. Только на третьем этапе встречаются рамчатые вдавления и оттиски широкого зубчатого штампа с косой насечкой. Для первого, второго и третьего этапов характерны прямые или волнистые прочерченные линии (в ямочно-зубчатой керамике), ромбические ямки с зубчатой насечкой по дну, чередование наклонных рядов кругло-конических ямок с наклонными рядами оттисков короткого зубчатого штампа и зоны ломаных зубчатых линий, окаймленные кругло-коническими ямками. На втором, третьем и четвертом этапах встречается так называемый копытный орнамент (ямки, похожие на отпечатки раздвоенных копыт).

Керамика остальных локальных вариантов значительно беднее по составу элементов орнамента и орнаментальных узоров. Однако каждый из них тоже имеет свои оригинальные орнаменты.

Элементами орнамента, встречающимися преимущественно в III варианте, являются: 1) овальные неглубокие ямки, 2) оттиски мелкозубого штампа, 3) оттиски длинного штампа.

Из орнаментальных узоров, наиболее характерных для этого варианта, необходимо отметить следующие: 1) ромбы, составленные из кругло-конических ямок; 2) круги из кругло-конических ямок; 3) треугольники из кругло-конических ямок; 4) ряды частых оттисков зубчатого штампа, поставленные вплотную друг к другу.

Все перечисленные элементы и узоры орнамента представлены как на первом, так и на втором хронологическом этапе данного варианта.

В орнаменте керамики IV варианта более чем в других вариантах представлены оттиски веревочки, намотанной на палочку («веревочный» орнамент), горизонтальные ряды кругло-конических ямок, горизонтальные ряды ямок, соединенных зубчатой линией, и наклонные ряды кругло-конических ямок. Только в этом варианте встречаются вдавления в виде спаренных крестиков и неглубокие овальные углубления с плоским дном.

Элементами и узорами орнамента, представленными в основном в V локальном варианте, являются: 1) оттиски витого шнура; 2) оттиски широкого штампа с косой сеткой; 3) косая сетка из зубчатых линий с ямками в местах пересечения этих линий; 4) ломаные зубчатые линии, разделяющие горизонтальные зоны зубчатого или ямочного орнамента; 5) чередование горизонтальных рядов ямок с наклонными рядами ямок; 6) сложный узор в виде лабиринта, составленный оттисками короткого зубчатого штампа; 7) лестничный узор, составленный оттисками зубчатого штампа; 8) узор из смежных треугольников и ромбов, заполненных оттисками зубчатого штампа.

Одни из перечисленных выше элементов и узоров орнамента V локального варианта представлены в керамике второго и третьего хронологических этапов (прил. III, табл. 3, *1, 3—6, 8*), другие — характерны для позднего четвертого этапа (прил. III, табл. 3, *2, 7*).

В VI варианте широко распространенными элементами орнамента являются неглубокие ямки, сходные с отпечатками следов водоплавающей птицы. К орнаментальным узорам, встречающимся преимущественно в этом варианте, относятся: 1) ряды смежных треугольников, составленных прямоугольными ямками; 2) широкие ломаные полосы из зубчатых линий, окаймленные кругло-коническими ямками; 3) чередование зон больших и маленьких ромбических ямок.

Все эти элементы и узоры встречаются на первых трех хронологических этапах.

Формы сосудов (прил. III, табл. 2), как ранние, характерные для первых трех этапов (остродонные и круглодонные сосуды), так и поздние (плоскодонные сосуды баночного типа и плоскодонные конусообразные сосуды с профилированным краем), встречаются в инвентаре всех вариантов, но в каждом из них отдается предпочтение той или иной из этих форм. Только в I варианте все упомянутые формы сосудов применялись приблизительно в одинаковой степени.

Во II варианте наиболее распространены остродонные сосуды и сосуды баночного типа, в III варианте — круглодонные сосуды, в IV, так же как и во II — остродонные и баночного типа, в V — остродонные, конусообразные и плоскодонные с профилированным краем, в VI — остродонные, круглодонные и баночного типа.

Таковы различия между локальными вариантами Карельской археологической культуры, которые прослеживаются по керамическим данным.

Однако локальные различия прослеживаются не только в керамическом материале, но и в каменном инвентаре.

Конечно, большинство типов каменных орудий и других изделий из камня, как и рассмотренные выше типы керамики, распространены по всей территории Карелии, но вместе с тем почти в каждом локальном варианте имеются каменные изделия, которые встречаются только на стоянках данного варианта или более широко представлены в их инвентаре, чем в инвентаре других вариантов.

В связи с различной степенью изученности отдельных районов Карелии количество локальных типов каменных изделий в них неодинаково

(прил. I, табл. 2—4). Наиболее полно представлен такими изделиями I локальный вариант.

В инвентаре стоянок этого варианта найден ряд изделий, которых нет в других вариантах.

Такими изделиями на первом хронологическом этапе являются топоры и тесла оленеостровского типа, топоры онежского типа, двулезвийные долота, большие кирки с округлым поперечным сечением, сланцевые ножи оленеостровского типа и наконечники стрел оленеостровского типа. На первом и втором хронологических этапах данного варианта встречаются своеобразные небольшие кирки изогнутой формы. Для второго этапа характерны также фигурные молоты. На первых трех этапах довольно часто встречаются топоры и тесла шуйского типа и каменные якори от лодок. На всех четырех этапах имеются многогранные долота, шесты и пестики.

Преимущественно в этом варианте встречаются также характерные для первого и второго хронологических этапов топоры типа «Рованиеми», топоры и тесла русско-карельского типа, тесла вознесенского типа и клинообразные долота, а также встречающиеся на всех четырех этапах тесла чавнозерского типа, желобчатые тесла и широколезвийные долота.

На стоянках других вариантов в связи с меньшей их изученностью характерных для них типов каменных изделий найдено значительно меньше.

Такими изделиями для II варианта являются сверла вой-наволоцкого типа (прил. IV, табл. 30, *4*), применяемые для заглаживания краев отверстий, прибитых в каменных орудиях, и шиферные наконечники стрел «арктического» типа.

Для III локального варианта характерны сланцевые клинья и клинчики, встречающиеся на стоянках первых двух этапов, и топор-тесло муромского типа с двумя рабочими концами, известное в одном экземпляре, относящееся ко второму хронологическому этапу.

Изделий характерных для IV варианта пока не найдено.

Сравнительно хорошо представлен локальными каменными изделиями V вариант.

В инвентаре стоянок только этого варианта встречаются: относящиеся к первым двум хронологическим этапам двулезвийные сланцевые топоры и шиферные наконечники копий «широкого типа с шипами»; относящиеся ко второму хронологическому этапу лавролистые кремневые наконечники копий; характерные для третьего и четвертого этапов листовидные наконечники стрел с боковым выемом, наконечники ланцетовидные и сейминского типа. Здесь же найдены уникальные для Карелии кремневые изделия: скульптурка ящерицы, скульптурка медведя и лунарные подвески.

Характерным признаком отличия для данного варианта является также наличие в инвентаре его стоянок большого количества наконечников стрел, копий и дротиков. На стоянках этого варианта найдено 54% от всего числа наконечников, найденных на территории Карелии.

На стоянках VI варианта чаще чем в инвентаре других вариантов встречаются кремневые и кварцевые скребки полуовальной формы и сланцевые зубчатые штампы для нанесения орнамента на глиняную посуду. В этом варианте больше, чем в других, применялись шиферные орудия.

Значительные различия между локальными вариантами можно видеть при анализе орудий по способу их применения. Именно об этом свидетельствует составленная нами таблица процентного соотношения основных категорий каменных орудий в различных вариантах (прил. I, табл. 6).

Ознакомление с таблицей показывает, что в I варианте первое место среди находок занимают рубящие орудия, их заготовки и обломки, которые составляют 48.3% всех находок, собранных на стоянках этого варианта, на втором месте — орудия для работы по камню, т. е. орудия, применяемые для изготовления каменных орудий (26.0%), далее — скребу-

щие и режущие орудия, применяемые для различных хозяйственных надобностей (16.9%), орудия рыбной ловли (2.5%), орудия охоты (1.1%), все прочие изделия из камня (5.2%).

Во втором варианте процентный состав орудий близок I варианту и все же существенно отличается от него. Здесь тоже первое место занимают рубящие орудия, их заготовки и обломки, однако процент их значительно ниже (35.6%), на втором месте скребущие и режущие орудия, процент которых выше, чем в первом варианте (26.7%), на третьем месте — орудия для работы по камню (23.1%). Большое значение здесь имеют орудия охоты (5.9%) и рыбной ловли (5.1%). Прочих изделий здесь 3.6%.

В III варианте первое место занимают скребущие и режущие орудия (46.0%), второе место — рубящие орудия, их заготовки и обломки (31.3%), далее следуют орудия для работы по камню (10.3%) и орудия охоты (7.9%). Орудий рыбной ловли в этом варианте найдено незначительное количество (0.3%). Прочих изделий здесь найдено 4.2%.

В IV варианте первое место занимают сланцевые рубящие орудия, их заготовки и обломки (44.5%). Вместе с тем здесь значительно больше, чем в I и II вариантах, скребущих и режущих орудий (34.4%). В то же время орудия обработки камня представлены здесь в меньшем количестве, чем в I и II вариантах (16.0%). Затем следуют орудия рыбной ловли (1.7%) и орудия охоты (0.7%). Прочих изделий — 2.7%.

В V варианте занимают первое место и резко превалируют над всеми другими категориями скребущие и режущие орудия (61.0%), орудия для обработки камня (17.0%), затем орудия охоты (8.6%), рубящие орудия, их заготовки и обломки (8.2%), орудия рыбной ловли (0.8%) и прочие изделия (4.4%).

В VI варианте первое место принадлежит скребущим и режущим орудиям, но процент их значительно ниже, чем в III и V вариантах (37.6%). На втором месте — рубящие орудия, их заготовки и обломки (30.4%). В довольно большом количестве представлены также орудия обработки камня (22.8%). Затем следуют орудия охоты (2.5%), орудия рыбной ловли (1.0%) и все прочие изделия (5.7%).

Таковы общие данные по процентному соотношению основных категорий каменных орудий в инвентаре различных вариантов.

Более детальный анализ каменного инвентаря показывает, что со сменой хронологических этапов менялось и процентное соотношение основных категорий орудий в инвентаре каждого из вариантов. Однако различия между ними остались на всех хронологических этапах.

При ознакомлении с представленной выше таблицей видно, например, что в I варианте на первых четырех этапах господствовали рубящие сланцевые орудия, а на последнем — скребущие и режущие орудия. Во II варианте развитие шло по-другому: на первом этапе превалируют скребущие и режущие орудия, на втором — резкое преобладание рубящих сланцевых орудий, на третьем — господствуют орудия для работы по камню и на четвертом — снова скребущие и режущие орудия. В III варианте на первом и втором этапах преобладают скребущие и режущие орудия. Данных о третьем и четвертом этапах этого варианта у нас нет. В IV варианте на докерамическом этапе господствуют скребущие и режущие орудия, на первом и втором этапах резко преобладают рубящие сланцевые орудия, а на двух последних этапах снова — скребущие и режущие орудия. В V варианте для всех этапов характерно резкое преобладание скребущих и режущих орудий над всеми другими категориями. В VI варианте на первых двух этапах основное место занимают рубящие сланцевые орудия, а на последних трех этапах они уступают свое место скребущим и режущим орудиям. Анализ таблицы можно продолжить и дальше, но, по-видимому, в этом нет необходимости. Нужно заметить только, что на четвертом этапе

во всех вариантах основное значение приобретает категория скребущих и режущих орудий. Это объясняется, по всей вероятности, снижением роли рубящих сланцевых орудий в связи с появлением и все большим распространением металлических орудий.

Незначительный процент орудий охоты и рыбной ловли в инвентаре стоянок эпохи неолита и раннего металла в Карелии объясняется, видимо, двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что эти орудия (речь идет главным образом о наконечниках стрел, копий и дротиков, рыболовных крючках и грузилах от сетей) изготовлялись, вероятно, в основном из кости и рога и поэтому не сохранились, а во-вторых, они несомненно в большом количестве терялись за пределами поселений во время охоты и рыбной ловли, тогда как рубящие орудия и орудия для работы по камню использовались главным образом в местах поселений.

В представленной нами таблице имеются, конечно, пробелы и недостатки, вызванные неравномерной и неполной изученностью тех или иных хронологических этапов и локальных вариантов. Однако в целом она довольно верно отражает процесс развития каменного инвентаря на стоянках локальных вариантов и различия между ними.

Не менее четкие различия между локальными вариантами можно проследить при анализе материала, из которого изготовлялись каменные орудия, что видно из составленной нами таблицы (прил. I, табл. 7).

В этой таблице наглядно показано, что как в целом, так и на каждом хронологическом этапе в отдельности материал орудий и других каменных изделий для каждого варианта был различным.

Так, например, в I варианте на первых четырех этапах основное место занимали изделия из сланца, а на последнем этапе преобладали кремневые изделия. Кварц в этом варианте как материал для изготовления орудий не играл существенной роли ни на одном из четырех хронологических этапов.

Во II варианте на первом хронологическом этапе основное место занимали кварцевые изделия. На втором этапе они почти полностью исчезли, господствовали сланцевые изделия. На третьем этапе наряду со сланцевыми снова возросло значение кварцевых изделий. На четвертом этапе основную роль играли изделия из сланца и кремня.

В III варианте на всех известных в настоящее время стоянках основным материалом для производства орудий служил кремень. Однако на втором этапе заметен рост значения сланца.

В IV варианте в докерамическое время безраздельно господствовали кварцевые орудия, На следующих трех этапах, так же как и в I варианте, основное место занимали сланцевые орудия, но в отличие от этого варианта здесь значительная роль отводилась также кварцевым орудиям. На последнем этапе значение сланца и кварца в их применении для изготовления орудий сравнялось. Значительно повысилась также роль кремня.

В V варианте — на всех четырех этапах основным материалом для орудий служил кремень. Нет ни одной стоянки, в инвентаре которой преобладали бы сланцевые или кварцевые изделия. Это явление тем более обращает на себя внимание, что речь идет о северном варианте, расположенном в низовьях р. Выга у Белого моря, тогда как в некоторых более южных районах Карелии, кремень как сырье для производства орудий играл второстепенную роль.

В VI варианте на всех этапах основное место занимали сланцевые изделия. Однако вместе с ними, тоже на всех этапах, значительную роль играли кварцевые орудия, которые на стоянках данного варианта имели особенно широкое распространение по сравнению с другими вариантами.

Различия между локальными вариантами в каменном инвентаре не могут быть объяснены природными условиями, так как кремень в природе

Карелии вообще отсутствует, а сланец и кварц в достаточном количестве имеются по всей Карелии.

Приемы обработки камня в процессе изготовления орудий на стоянках различных локальных вариантов применялись одни и те же, но анализ каменного инвентаря показывает, что каждый из этих способов в одних районах находил большее применение, в других — меньшее. Пиление камня, например, наиболее широко было распространено в поселениях I варианта, шлифование — в поселениях I, IV и VI вариантов, сколотая техника и отжимная ретушь — в поселениях III и V вариантов и т. д.

Двухстороннее пробивание отверстий в каменных плитках и гальках, которые использовались в качестве грузил для рыболовных сетей, с последующим сверлением их, применялось более всего на стоянках I и II вариантов.

В свете изложенных выше данных, и особенно данных таблицы, дающей анализ каменного инвентаря по его материалу, необходимо отказаться от укоренившегося в настоящее время неправильного представления о том, что для всех ранних стоянок Карелии характерно большое количество кремневых изделий, которые в дальнейшем будто бы идут на убыль. Анализ инвентаря стоянок противоречит этому. Наоборот, для большинства локальных вариантов на первом хронологическом этапе характерно незначительное количество кремневых изделий или даже их отсутствие, тогда как на последующих хронологических этапах их значение возрастает и особенно большую роль кремень приобретает на четвертом этапе. Исключением являются III и V варианты, в которых кремневые изделия играют основную роль на всех хронологических этапах.

Итак, если коротко суммировать все изложенные выше признаки различий, выделяемых нами локальных вариантов, то они сводятся к следующему:

1. Процентное соотношение основных типов керамики каждого из вариантов существенно отличается друг от друга.

2. Керамика одних локальных районов имеет значительные отличия от керамики других районов по своему внешнему облику.

3. Отдельные подтипы ямочно-зубчатой керамики, имея распространение во всех или почти во всех локальных вариантах, в то же время наиболее характерны для одного определенного варианта. Например, керамика, орнаментированная ромбическими ямками, наиболее характерна для II локального варианта, хотя в меньшей степени она распространена и в других вариантах и т. п.

4. В керамике каждого из локальных вариантов имеются элементы и узоры орнамента, характерные только для данного варианта или наиболее широко представленные на его стоянках.

5. Некоторые локальные различия имеются также в форме глиняных сосудов, применявшихся в различных районах Карелии.

6. На стоянках каждого из локальных вариантов имеются каменные изделия, встречающиеся только в данном варианте или наиболее характерные для одного данного варианта.

7. Значительные различия между локальными районами видны в процентном соотношении основных категорий каменных орудий. Это соотношение различно для каждого из локальных вариантов.

8. Не менее сильные различия между локальными вариантами показывает анализ материала, из которого изготовлены каменные орудия.

9. Приемы обработки камня при изготовлении орудий применялись одни и те же по всей территории Карелии, но каждый из этих приемов находил более широкое применение в том или ином из локальных районов.

10. Все эти различия хорошо прослеживаются не только по суммарным данным каждого локального района, но и по данным каждого хронологиче-

ского этапа в отдельности, что позволяет проследить своеобразие в развитии материальной культуры каждого из локальных районов.

Изложенные выше данные являются далеко не полными и имеют много существенных пробелов, которые можно заполнить только дальнейшим всесторонним изучением имеющегося археологического материала и расширением археологических работ в Карелии.

Однако уже из вышесказанного можно видеть, что Карельская археологическая культура слагалась постепенно из различных культур как родственных, так и не родственных друг другу родо-племенных групп, на протяжении нескольких тысячелетий заселявших Карелию.

Уже в докерамическое и раннекерамическое время здесь обитали представители, по-видимому, этнически неродственных общностей, о чем свидетельствует наличие двух групп поселений, различия между которыми более существенны, чем черты сходства.

Одни из этих поселений — стоянки с кварцевым инвентарем — принадлежали, вероятнее всего, автохтонному населению, впервые заселившему Карелию, по-видимому, еще в мезолите. Ранний характер и автохтонность этих стоянок подтверждаются, как известно, их сходством со стоянками культуры Аскола и отсутствием в их инвентаре, за редким исключением, кремневых изделий. Другие поселения — стоянки со сланцевым инвентарем, содержащие прекрасно обработанные кремневые изделия, и стоянки с преобладающим кремневым инвентарем — относятся к несколько более позднему времени. Они оставлены, по всей вероятности, пришельцами с юга, из «кремневой зоны».

Черты сходства между этими группами логично объяснить установлением связи между их обитателями уже на самом раннем этапе существования данных поселений на территории Карелии.

Позднее во второй половине III тысячелетия до н. э., т. е. на первом этапе сложения Карельской археологической культуры, связи между различными группами обитателей Карелии еще более упрочились. Это видно, в частности, хотя бы из того факта, что в это время на ее территории наряду с поселениями, для которых характерны чистые комплексы керамики типа «Сперрингс» или ямочно-зубчатой, появились стоянки со смешанной керамикой этих двух типов и смешанным комплексом каменного инвентаря.

Такое явление объясняется, по-видимому, ассимилятивными процессами в среде обитателей Карелии и началом их консолидации в единую культуру.[6]

Обращает на себя внимание характерный для первого хронологического этапа смешанный состав населения во всех исследуемых нами районах с преобладанием автохтонного или пришлого населения в каждом из них (прил. I, табл. 5).

Так, например, в I локальном варианте на данном этапе преобладали родо-племенные группы с ямочно-зубчатой керамикой (93.5%); во II варианте — с керамикой типа «Сперрингс» (66.6%); для III варианта характерны поселения только с ямочно-зубчатой керамикой (100%), в нем совершенно отсутствуют поселения с керамикой типа «Сперрингс»; в IV и V вариантах при господстве ямочно-зубчатой керамики значительный вес имела керамика типа «Сперрингс» (в V варианте оба эти типа керамики имели приблизительно равное значение); в VI варианте, так же, как и в I, преобладала ямочно-зубчатая керамика.

На втором хронологическом этапе в конце III—начале II тысячелетия до н. э., положение меняется. Разрозненные родо-племенные группы в результате ассимилятивных и консолидационных процессов, развивающихся

[6] Подробнее этот вопрос будет изложен нами в следующей главе.

в их среде, и нивелирования культуры примерно к концу III тысячелетия до н. э. сливаются воедино, образуя по всей Карелии сеть родственных друг другу племен.

Эти процессы нашли свое отражение в материальной культуре древних обитателей Карелии, в частности, в керамическом материале и в каменном инвентаре. В орнаментальных узорах керамики типа «Сперрингс» появляются мотивы, заимствованные от ямочно-зубчатой керамики и, наоборот, некоторые элементы керамики типа «Сперрингс» использованы в ямочно-зубчатой керамике (прил. IV, табл. 38). Во всех локальных вариантах и на всех поселениях широко распространилась развитая ямочно-зубчатая керамика, богато орнаментированная сложными геометрическими узорами. На стоянках большинства локальных вариантов появилась в небольшом количестве «асбестовая» керамика (прил. I, табл. 5). Наиболее характерными поселениями этого этапа являются стоянки с тремя основными типами керамики («Сперрингс», «асбестовая» и ямочно-зубчатая). Их обитатели стали широко использовать как местные типы сланцевых, шиферных и кварцевых орудий (топоры русско-карельского, лососинского, кудомского, шуйского и других типов, кирки олонецкого типа, наконечники «узкого типа без шипов» и «широкого типа с шипами» и пр.), так и кремневые орудия более южных типов (лавролистные, иволистные, треугольночерешковые и другие наконечники стрел, подчетырехугольные и округлые скребки с крутой и плоской ретушью и пр.) (прил. III, табл. 1; прил. IV, табл. 26—28, 31, 32, 34, 37).

Итак, на территории Карелии примерно в конце III тысячелетия до н. э. сложилась единая культурная общность, состоящая из ряда локальных племенных образований, связанных друг с другом общностью территории и родственностью отношений, возникших за период длительного сосуществования в ходе ассимилятивных процессов.

Таким образом, перечисленные выше районы являются локальными (племенными) вариантами единой Карельской археологической культуры, сложившейся в результате консолидации родо-племенных групп, населявших Карелию в III тысячелетии до н. э.

Однако наряду с общими чертами в материальной культуре племен, обитавших в Карелии, каждое из них имело свои отличительные особенности, которые подробно освещены в данной главе. Эти особенности отражают, во-первых, неоднородность этнического состава древнего населения Карелии, из которого в процессе длительного исторического развития формировались племена и, во-вторых, самостоятельный путь развития каждого из племен и сравнительно слабые связи между ними в неспособствующих этому природных условиях Карелии.

Подводя итог всему вышесказанному как в данной, так и в предыдущих главах, мы приходим к следующим основным выводам:

1. Древнейшими археологическими памятниками на территории Карелии являются докерамические стоянки. По характеру инвентаря они четко делятся на две группы: стоянки с кварцевым инвентарем и стоянки со сланцевым и кремневым инвентарем. Первая из них, по характеру инвентаря близкая памятникам эпохи мезолита и раннего неолита в Финляндии, датируется VII—IV тысячелетиями до н. э., вторая, по составу кремневых орудий тяготеющая к более южным богатым кремнем областям, — IV тысячелетием до н. э.

2. Обе группы стоянок в материальной культуре имеют очень мало общего, по-видимому, по причине их разного этнического происхождения. Стоянки с кварцевым инвентарем принадлежали, по всей вероятности, аборигенам, родственным древнейшему населению Финляндии; стоянки со сланцевым и кремневым инвентарем — пришельцам с юга, вероятнее всего, с волго-окского междуречья, о чем свидетельствует материал близкой им

группы раннекерамических стоянок Карелии — стоянок с древнеямочной керамикой.

3. На грани IV и III тысячелетий до н. э. в Карелии появились поселения с керамикой, которые подобно докерамическим тоже четко делятся на две группы; стоянки с керамикой типа «Сперрингс» и стоянки с древнеямочной керамикой.

Первая из этих групп стоянок по каменному инвентарю очень близка докерамическим поселениям с кварцевым инвентарем, вторая — поселениям со сланцевым и кремневым инвентарем.

Эти данные свидетельствуют о том, что две не родственные друг другу этнические общности, возникшие в Карелии в докерамическую эпоху (IV тысячелетие до н. э.), продолжали существовать и в раннекерамическое время.

4. Во второй половине III тысячелетия до н. э. Карелия покрылась густой сетью поселений. Данные их инвентаря являются несомненным свидетельством волго-окского происхождения большинства из этих стоянок. По орнаментальным данным керамики можно также видеть, что в заселении Карелии в это время участвовали родо-племенные группы с территории Прибалтики и Новгородской области.

5. К концу III тысячелетия до н. э. в результате ассимилятивных процессов и консолидации разрозненных родо-племенных групп, заселивших Карелию, на ее территории сложилась единая культура. Основным ядром ее формирования являлись волго-окские родо-племенные группы, как более многочисленные и с несколько более высоким уровнем развития материальной культуры. Аборигены и другие родо-племенные группы, по-видимому, были ассимилированы ими и растворились в их массе.

Одновременно с процессом формирования единой культуры происходил процесс образования ряда самостоятельных родственных друг другу племен со своеобразными чертами культуры, что четко прослеживается по данным керамики, каменных орудий и материала, применяемого для их изготовления.

6. Локальные различия в материальной культуре племен, сложившихся в ряде районов Карелии к концу III тысячелетия до н. э., прослеживаются на всем протяжении их дальнейшего развития во II тысячелетии и первой половине I тысячелетия до н. э.

ГЛАВА 5

ПЛЕМЕНА ДРЕВНЕЙ КАРЕЛИИ

Археологическая карта Карелии еще изобилует белыми пятнами. Ни один из ее районов не изучен с достаточной полнотой. Десятки известных нам памятников не подвергались раскопкам, сотни, а может быть и тысячи, памятников еще не открыты.

Мы имеем в своем распоряжении еще сравнительно небольшие, большей частью фрагментарные археологические данные о древнейшем периоде истории Карелии. Поэтому рассматриваемый нами круг вопросов очень ограничен, и многие стороны их остаются неосвещенными или освещенными в недостаточной степени.

При изучении конкретной истории племен, населявших Карелию в эпоху неолита и раннего металла, важное значение имеет, в частности, вопрос о заселении Карелии.

Без его разрешения невозможно сказать ничего определенного об этнической истории, нельзя правильно осветить взаимоотношения племен Карелии, их внешние связи, нельзя понять особенности в развитии их материальной культуры.

Поэтому прежде всего мы и остановимся на этом вопросе.

ЗАСЕЛЕНИЕ КАРЕЛИИ

Общепризнанными древнейшими памятниками севера европейской части СССР, известными в настоящее время, являются стоянки бореального времени (Кунда, Пярну, Ягорба), находки в Антреа и докерамические стоянки атлантического времени (Погостище I, Нижнее Веретье, оз. Лубана и некоторые др.).

В соседней с нами Финляндии ранних памятников известно значительно больше. Наиболее ранними памятниками как упоминалось, являются там стоянки мезолитической культуры Аскола. Еще большим количеством памятников представлена ранненеолитическая культура докерамического времени — культура Суомус-ярви.

В Карелии все археологические памятники до сих пор датировались более поздним временем — эпохой развитого неолита, т. е. временем не ранее III тысячелетия до н. э.

Наибольшее внимание вопросу о заселении севера европейсой части СССР уделили археологи А. Я. Брюсов и М. Е. Фосс.[1]

---

[1] А. Я. Брюсов. 1) Заселение севера европейской части СССР по археологическим данным. Уч. зап. Ленингр. гос. унив., серия востоковедч. наук. вып. 2, 1948; 2) Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 25—41; М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, № 29, М., 1952, стр. 37—63.

В результате изучения этого вопроса А. Я. Брюсов выдвинул гипотезу о заселении севера европейской части СССР, при разработке которой использовал археологические, антропологические и языковые данные.

Согласно этой схеме расселение древних родо-племенных групп происходило по двум направлениям: с востока на запад и с юга на север; причем родо-племенные группы, продвигавшиеся с востока, распространились широкой полосой от Среднего Урала до Прибалтики, а родо-племенные группы, пришедшие с юга, заселили широкое пространство в верховьях рек Оки и Волги. Это расселение было вызвано относительно быстрым приростом населения в условиях непрерывно растущих производительных сил общества и улучшающихся условиях существования в мезолите.

Упомянутая схема в основном согласуется с гипотезами антропологов Е. В. Жирова, Г. Ф. Дебеца и М. М. Герасимова, которые на основе антропологических данных пришли к тому же выводу.

Так, например, Е. В. Жиров констатирует, что в северной Европе протоевропеоиды «очень рано столкнулись со встречным потоком протомонголоидов, вероятно, уже метисировавшихся в Западной Сибири, и из слияния этих двух рас образовались впоследствии многочисленные племена и национальности Советского Севера».[2]

Г. Ф. Дебец свидетельствует, что «задолго до начала н. э. происходило переселение людей в западном направлении из северной Сибири. На севере европейской части СССР эти переселенцы с востока смешались с представителями другой переселенческой волны, шедшей откуда-то с юга».[3] Примерно то же сказано у М. М. Герасимова.[4]

В результате многократного смешения этих двух антропологических типов в процессе их тысячелетиями протекавшего расселения по бескрайним просторам Севера, вероятно, и произошли многочисленные племена советского Севера с различной степенью монголоидности. Это движение переселенцев с востока и юго-запада на север и запад захватило, однако, значительно большие территории на Севере, чем это предполагалось раньше. Отдельные волны этого потока проникли в Карелию вплоть до берегов Белого моря и, по-видимому, в смежные с ней области.

Вопрос о заселении Карелии неоднократно освещал в своих трудах А. Я. Брюсов.[5] Им разработана гипотеза о заселении Карелии в III тысячелетии до н. э., которая в основном верно осветила этот этап заселения Карелии.

Но в распоряжении А. Я. Брюсова не было материала стоянок более раннего времени в Карелии, поэтому он все свое внимание уделил эпохе развитого неолита, т. е. той эпохе, когда Карелия интенсивно заселялась родо-племенными группами из волго-окского междуречья, из Прибалтики и других областей.

Однако, даже не имея для этого нужных данных, он все же высказал предположение о возможности более древнего населения в Карелии.[6] В настоящее время мы можем несколько больше сказать о древнейшем этапе заселения Карелии.

ВРЕМЯ И ПУТИ ЗАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛИИ

Как уже упоминалось, стоянки докерамического времени на территории Карелии были впервые открыты еще в 30-х годах археологами Б. Ф. Зе-

---

[2] Е. В. Жиров. Заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова. КСИИМК, VI, М.—Л., 1940, стр. 54.

[3] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 93.

[4] М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. Тр. Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. XXVIII, М., 1955, стр. 319.

[5] См. упомянутые выше монографии А. Я. Брюсова.

[6] А. Я. Брюсов. Очерки по истории..., стр. 98.

мляковым, Н. Н. Гуриной и Г. И. Горецким. Они датированы периодом позднего мезолита и раннего неолита.[7] Позднее Н. Н. Гурина отказалась от датировки этих стоянок докерамическим временем и отнесла их к раннекерамическому времени.[8]

Дальнейшими археологическими работами в Карелии, проведенными Н. Н. Гуриной в 1947—1954 гг. и автором данной книги в 1955—1959 гг. открыты новые довольно многочисленные бескерамические стоянки.[9] Выше они отнесены нами к докерамическому времени и датированы на основе данных сравнительного анализа их инвентаря VII—IV тысячелетиями до н. э.

Таким образом, по последним археологическим данным, обоснованным достаточно большим количеством вещественного материала ранних памятников докерамической эпохи, Карелия впервые была заселена в эпоху позднего мезолита и раннего неолита.

К наиболее древним памятникам докерамического времени в Карелии относится, по-видимому, сравнительно многочисленная группа стоянок с кварцевым инвентарем. Все они отличаются большим однообразием и принадлежали, по всей вероятности, этнически родственным родовым группам.

Исключительно большое сходство инвентаря этих стоянок с инвентарем последней ступени культуры Аскола (Аскола III) свидетельствует о близком родстве древних обитателей Карелии и Финляндии. По-видимому, на этом этапе как Финляндия, так и Карелия, были заселены этнически родственными родовыми группами с одинаковой «кварцевой» материальной культурой. Позднее, начиная с VI тысячелетия до н. э., в Финляндии на основе «кварцевой» культуры Аскола развилась «сланцевая» культура Суомус-ярви, а в Карелии развитие пошло иным путем — здесь сохранился и получил дальнейшее развитие «кварцевый» облик культуры.

Следовательно, докерамические стоянки Карелии с кварцевым инвентарем, датируемые VI—IV тысячелетиями до н. э., являются одним из поздних ответвлений культуры Аскола, но со своим самостоятельным путем развития, отличающимся от развития материальной культуры племен, населявших в эту эпоху территорию Финляндии. Однородность памятников характерна для Карелии вплоть до IV тысячелетия до н. э.

В IV тысячелетии до н. э. в этническом составе родо-племенных групп, населявших Карелию, произошли изменения. В это время сюда проникли первые переселенцы с юга. Археологические памятники этого периода уже не отличаются однородностью. Они четко делятся на две группы: 1) памятники с кварцевым инвентарем и 2) памятники с кремневым и сланцевым инвентарем. Различия в инвентаре этих групп памятников настолько велики, что не может быть сомнения в их различном этническом происхождении.

Группа памятников докерамического времени с кремневым и сланцевым инвентарем довольно невелика: в настоящее время известно только

---

[7] Б. Ф. Земляков. Геологическая история Карело-Финской республики в четвертичное время в связи с проблемой заселения человеком севера Европы. КСИИМК, VII, 1940, стр. 21—27; Н. Н. Гурина. Результаты работ археологической экспедиции в Карело-Финской ССР в 1940 г., там же, стр. 114—120; Г. И. Горецкий. Неолитические стоянки в районе г. Кемь. КСИИМК, IX, 1941, стр. 111—114.

[8] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, № 20, М.—Л., 1951, стр. 79.

[9] Как уже упоминалось, Н. Н. Гурина отрицает ранний характер найденных ею бескерамических стоянок, а отсутствие керамики объясняет их временным характером. Однако этому утверждению противоречат факты, полученные в результате раскопок таких стоянок. В частности, выяснено, что некоторые из них занимают значительные площади (до 5000 м²) и отличаются довольно большой насыщенностью культурного слоя находками, а главное — архаичностью инвентаря.

6 таких памятников. Их малочисленность вызывает предположение, что они оставлены не аборигенами, а пришельцами. Инвентарь памятников этой группы представлен в основном кремневыми и сланцевыми изделиями. Кварцевых изделий в нем мало.

Наличие большого количества кремневых изделий в инвентаре этих памятников (а в некоторых из них, например на стоянке Ялгуба V, кремневые изделия преобладают над всеми другими) свидетельствует о том, что они оставлены пришельцами с юга, из областей богатых кремнем. Это потверждается до некоторой степени и расположением памятников этой группы, которые характерны только для Южной Карелии, тогда как памятники с кварцевым инвентарем находятся в Средней и Северной Карелии (прил. II, схема 2 и 3).

К этой группе памятников необходимо отнести наряду со стоянками и Оленеостровский могильник, инвентарь которого содержит значительное количество хорошо изготовленных кремневых изделий (особенно наконечников стрел), тогда как найденные здесь орудия из сланца и кварца отличаются довольно плохим качеством обработки. Последнее объясняется, вероятно, отсутствием у пришельцев из «кремневой зоны» навыков изготовления орудий из местных материалов.

Итак, в IV тысячелетии до н. э. на территории Карелии существовало две группы стоянок различного происхождения, т. е. ее население в это время принадлежало к двум этническим общностям. Одну из них, представленную стоянками с кварцевым инвентарем, составили, по-видимому, потомки древней культуры Аскола, другую, известную нам по памятникам с кремневым и сланцевым инвентарем, — пришельцы с юга, вероятнее всего, с волго-окского междуречья.

Последнее предположение подтверждается большим сходством инвентаря докерамических памятников второй группы, т. е. памятников с кремневым и сланцевым инвентарем (прил. IV, табл. 3—5), с инвентарем раннекерамических стоянок в Карелии — стоянок с древнеямочной керамикой льяловского типа, которые имеют несомненные признаки волго-окского происхождения.

Таким образом, в материальной культуре двух упомянутых этнических общностей наблюдаются большие различия.

В то же время уже в самом начале своего появления в Карелии волго-окские пришельцы завязывают связи с аборигенами, заимствуя у них некоторые элементы культуры и оказывая на них в свою очередь определенное культурное влияние.

Об этом свидетельствуют, в частности, некоторые типы сланцевых и кварцевых орудий, характерные для той и другой группы стоянок, а также наличие на стоянках с кварцевым инвентарем небольшого количества кремневых орудий, характерных для стоянок со сланцевым и кремневым инвентарем.

Однако эти связи на данном этапе не развились до полного слияния упомянутых общностей в единую культуру. Более того, различия между этими общностями остались и на последующем этапе исторического развития Карелии — в раннекерамическую эпоху, т. е. в первой половине III тысячелетия до н. э.

В эту эпоху на территории Карелии, так же как и в докерамическое время, существовали две резко отличающиеся друг от друга группы стоянок: 1) стоянки с керамикой типа «Сперрингс», 2) стоянки с древнеямочной керамикой.

Резкое различие между упомянутыми типами керамики по орнаменту, форме сосудов, консистенции теста и другим признакам является свидетельством различного этнического происхождения обитателей этих двух групп стоянок

По вопросу об этническом составе населения Карелии в эпоху неолита существует две точки зрения. А. Я. Брюсов предполагает, что население древней Карелии едино по своему этническому происхождению.[10] М. Е. Фосс находит, что различия в орнаменте керамики типа «Сперрингс» и ямочно-зубчатой настолько велики, что они несомненно свидетельствуют о наличии двух этнических общностей в Карелии в древнейшую эпоху.[11]

На наш взгляд, верной является вторая точка зрения. Она подтверждается резким различием каменного инвентаря двух групп стоянок в докерамическую и раннекерамическую эпохи, а также резким различием двух групп стоянок по составу керамики в раннекерамическое время и во второй половине III тысячелетия до н. э. Между керамикой типа «Сперрингс» и ямочно-зубчатой керамикой очень мало сходства. Сосуды типа «Сперрингс» толстостенны, грубой лепки, слабого обжига, с обильной примесью дресвы или толченого кварца к глиняному тесту. Размеры большинства сосудов очень велики. Форма дна конусообразная. Элементы и узоры орнамента довольно бедны (прил. III табл. 3, 4). Элементы: линии, прочерченные палочкой (сплошные или с периодическим нажимом на ее конец); оттиски веревочки; оттиски штампов, ряды которых похожи на отпечатки плетеной тесьмы; оттиски штампов, похожих на римские цифры I и II. Основные узоры: чередование зон горизонтальных и вертикальных линий или рядов оттисков штампа, узор из смежных треугольников или четырехугольников, составленных прочерченными линиями или оттисками веревочки, или оттисками штампа (внешне этот узор напоминает корзиночное плетение).

Сосуды с ямочно-зубчатым орнаментом в большинстве своем сравнительно тонкостенны, вылеплены из хорошо приготовленного глиняного теста с умеренной примесью к нему песка или дресвы (иногда — слюды, шамота и других примесей). Сосуды разнообразны по величине, конусообразны и круглодонны по форме. Орнамент их очень разнообразен. Он содержит свыше 50 элементов и большое многообразие узоров (прил. III, табл. 3, 4).

Общими в орнаменте обеих типов керамики являются только круглоконические ямки. Однако в керамике типа «Сперрингс», особенно на ранних этапах ее развития, кругло-конические ямки применялись очень редко. Нам кажется, что один этот признак не может служить опровержением факта этнической неоднородности обладателей упомянутых типов керамики.

Все изложенное свидетельствует об этнической неоднородности населения Карелии в эпоху неолита.

Стоянки с керамикой типа «Сперрингс» расположены в зоне докерамических стоянок с кварцевым инвентарем и представляют, по всей вероятности, дальнейшую ступень развития культуры аборигенов, т. е. оставлены потомками обитателей упомянутых докерамических стоянок. Это предположение подтверждается исключительным сходством каменного инвентаря докерамических стоянок с инвентарем стоянок с керамикой типа «Сперрингс» (преобладание кварцевых орудий, одинаковые формы орудий, примитивный состав орудий и т. п.).

Одновременные стоянки с керамикой типа «Сперрингс» стоянки с древнеямочной керамикой находятся в зоне докерамических стоянок с кремневым и сланцевым инвентарем, а преобладающими каменными находками при их раскопках являются изделия из кремня и сланца.

На основании этих данных вполне логично предположить, что керамика типа «Сперрингс» является изобретением аборигенов — потомков

---

[10] А. Я. Брюсов. История древней Карелии. М., 1940, стр. 32, 41.
[11] М. Е. Фосс, ук. соч., стр. 147—149.

древнейшего населения культуры Аскола, более поздним продолжением которой в Финляндии была культура Суомус-ярви, а в Карелии культура стоянок с кварцевым инвентарем. Где раньше возникла керамика этого типа в Финляндии или в Карелии, сказать трудно, вероятнее всего, приблизительно одновременно.

В этой связи нельзя не остановиться на попытке финских археологов увязать возникновение ранней керамики типа «Сперрингс» с Украиной (с землями, расположенными вдоль Днепра и его притоков, в частности р. Сож).[12] Нам кажется, что для этого нет достаточных оснований.

Так, например, А. Европеус прослеживает некоторое сходство (на наш взгляд весьма отдаленное) керамики типа «Сперрингс» в Финляндии с керамикой ранних поселений в области днепровских порогов. Без особых на то оснований он берет стоянки в области днепровских порогов как исходный пункт керамики этого типа и прослеживает ее пути на север и запад, находя черты сходства с нею (опять-таки очень отдаленные) в поселениях по р. Соже, на Валдае (стоянка Бологое), у Цидмара и т. д. В то же время исследователь сам признает довольно слабые черты сходства керамики упомянутых областей с финской керамикой типа «Сперрингс», особенно с наиболее ранней керамикой этого типа. Нам кажется, что правильнее признать эту керамику местным изобретением, а не выводить ее из других областей, основываясь на сомнительном ее сходстве с керамикой этих областей; причем стоянки последних чаще всего являются более поздними по сравнению с финскими стоянками, что признает сам исследователь.

Некоторые типы каменных изделий из этих областей, встречающиеся на ранних стоянках Финляндии (кирки, похожие на сапожную колодку, кирки, похожие на полоз от саней и др.), могут свидетельствовать лишь о связях этих областей с Финляндией, но не могут свидетельствовать о заселении Финляндии из этих областей в раннекерамическую эпоху.

Нельзя согласиться также с Н. Н. Гуриной, которая считает, что керамика типа «Сперрингс» занесена в Карелию переселенцами с востока — из Западной Сибири и Урала в ранненеолитическое время.[13] Чем обосновывает Н. Н. Гурина это предположение, пока неизвестно, так как обоснование это нигде ею не высказано.

В инвентаре неолитических стоянок Урала и Западной Сибири встречаются фрагменты сосудов с характерным для керамики типа «Сперрингс» орнаментальным узором из смежных треугольников и прямоугольников, заполненных сплошными прочерченными линиями или «отступающей лопаточкой».[14] Однако эти отдельные черты сходства уральской керамики с керамикой типа «Сперрингс» не могут служить основой для вывода о проникновении последней в Карелию и Финляндию с востока, так как различий между керамикой этих районов значительно больше, нежели черт сходства.

В большинстве своем керамика древнейших стоянок Урала орнаментирована зубчатым и струйчатым орнаментом. Прочерченный орнамент представлен в ней лишь в небольшом количестве, тогда как в керамике типа «Сперрингс» с древнейших стоянок Финляндии и Карелии прочерченный узор является преобладающим, а в ряде случаев — единственным.

---

[12] A. Äyräpää. Den yngre stenålderns kronologi i Finland och Sverige. Finskt Museum, LXII, Helsingfors, 1956, SS. 50—51, 34—41, Fig. 27—31, 33.

[13] Очерки истории Карелии, т. I. Петрозаводск, 1957, стр. 8—9.

[14] В. М. Раушенбах. Керамика шигирской культуры. КСИИМК, XVIII, М., 1952, стр. 58, 59, рис. 18, *1—4, 8—9, 16, 22*: В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, М., 1953, стр. 29, табл. IX, *6*.

К тому же и прочерченная керамика Урала довольно заметно отличается от керамики типа «Сперрингс». Вот как, например, описывает ее В. М. Раушенбах: «Черепки с прочерченным орнаментом обычно принадлежат сосудам из глины с примесью талька; они всегда тонкостенны; их толщина редко превышает 5 мм... На этих черепках можно проследить тенденцию к заполнению пространства узором из различных треугольников».[15] В отличие от уральской керамики, керамика типа «Сперрингс» толстостенна, с обильной примесью дресвы к глиняному тесту. Некоторое незначительное сходство прослеживается, следовательно, только в орнаменте. Еще меньше сходства у керамики типа «Сперрингс» с керамикой Зауралья, где прочерченный орнамент встречается крайне редко.

Уже из сказанного выше можно видеть, что происхождение керамики типа «Сперрингс» нельзя выводить с Урала и Зауралья. Этот вывод подтверждается и хронологическими данными. Так, например, древнейшая из уральских стоянок с керамикой — стоянка Стрелка на Горбуновском торфянике датируется первой половиной III тысячелетия до н. э.,[16] древнейшие стоянки Зауралья Чэс-тый-яг и Хулюм-сунт относятся к середине III тысячелетия до н. э.[17] и т. д. Следовательно, они или одновременны древнейшим стоянкам с керамикой типа «Сперрингс», или относятся к более позднему времени.

Необходимо отметить также, что между Уралом и Карелией подобной керамики вообще не найдено.

На фоне всего вышесказанного крайне непонятно стремление исследователей, занимающихся археологией Финляндии (А. Европеуса и др.) и Карелии (Н. Н. Гуриной и др.), доказать внешнее происхождение керамики типа «Сперрингс», ее заимствование из какой-то другой области, в то время как все факты свидетельствуют о ее автохтонном происхождении в среде племен, с древних времен обитающих в Финляндии и Карелии. Извне заимствована, видимо, только техника производства глиняной посуды, что вполне естественно, так как глиняная посуда в III тысячелетии до н. э. широко и в короткие сроки распространилась среди неолитических племен Европы и Азии.

Древнеямочная керамика была занесена в Карелию, вероятнее всего, волго-окскими переселенцами. Большое сходство между древнейшими стоянками с керамикой этого типа в Карелии и докерамическими стоянками с кремневым и сланцевым инвентарем свидетельствует о их близком родстве. Тем самым подтверждается предположение, что первые родо-племенные группы из волго-окского междуречья появились в Карелии еще в докерамическую эпоху — в IV тысячелетии до н. э. Их проникновение сюда продолжалось и в первой половине III тысячелетия до н. э. Эти группы были как бы первыми разведчиками, по следам которых позднее в Карелию хлынула основная волна переселенцев.

Все вышеизложенное дает возможность с большой вероятностью предположить, что две древнейшие этнические общности, существовавшие в Карелии в IV тысячелетии до н. э., легли в основу двух племенных общностей более позднего раннекерамического времени в III тысячелетии до н. э., иначе говоря, это были те же общности на новом историческом этапе.

Связи между ними к этому времени достигли значительно большего развития. Так, например, на стоянках с керамикой типа «Сперрингс» шире, чем на предшествующих им докерамических стоянках с кварце-

[15] В. М. Раушенбах, ук. соч., стр. 58.

[16] А. Я. Брюсов. Некоторые теоретические основы хронологии неолита. СА, XVIII, М., 1953, стр. 43.

[17] В. Н. Чернецов, ук. соч., стр. 24.

вым инвентарем, стали применяться сланцевые и кремневые изделия. И, наоборот, на стоянках с древнеямочной керамикой в большей степени, чем на докерамических стоянках с кремневым и сланцевым инвентарем, стали применяться орудия из кварца. Причем типы орудий и характер их обработки заимствовались друг у друга. Однако различий между этими общностями на данном этапе все еще значительно больше, чем сходных черт, а в керамике почти нет ничего общего.

Ко времени описанных выше событий весь север европейской части СССР, за исключением ее окраин, был, по-видимому, заселен племенами двух смешанных антропологических типов. Особеннно густым к середине III тысячелетия до н. э. было население волго-окского междуречья, о чем свидетельствуют находки многочисленных неолитических стоянок на данной территории.

Развитие производительных сил, достигшее в этот период уже относительно высокого уровня, способствовало росту населения в областях с наиболее благоприятными природными условиями.

Однако в результате быстрого роста населения в таких областях создавалось относительное перенаселение, возникал избыток населения. При данном уровне развития производительных сил общества такое количество населения не могло прокормиться на небольшой территории. В результате этого происходила, по терминологии Л. Г. Моргана, «сегментация» племен, искавших другого места жительства.

Он же писал о подобном процессе следующее: «Когда увеличение населения сокращало средства существования (на данной территории, — *Г. П.*) избыточная часть, уходила на новое место, где она легко обосновывалась благодаря совершенному управлению каждого рода ... Такое разделение не представляло собой потрясения и не считалось бедствием, а было разъединением, обусловленным естественным распространением по обширной территории, за чем последовала полная сегментация (т. е. обособление отделившихся родов в самостоятельное племя со своим диалектом, — *Г. П.*) ... Каждая выселявшаяся орда представляла собой, если можно так выразиться, род военной колонии, эмигрировавшей в поисках новой территории, но поддерживавшей первоначально и по возможности долго связь с материнским племенем».[18]

Такое положение создалось к середине III тысячелетия до н. э. в волго-окском междуречье. В результате перенаселения этой области происходили перемещения людей на слабо заселенный Север, так как на Юге население было не менее густо.

Довольно многочисленные стоянки Севера, датируемые второй половиной III тысячелетия до н. э., археологический материал которых показывает близкое их родство с волго-окскими племенами, распространены на всем пространстве от волго-окского междуречья до берегов Белого моря. Они показывают довольно быстрый процесс расселения отсегментовавшихся волго-окских родо-племенных групп на Севере. Вместе с другими областями Севера эти родо-племенные группы заселили и Карелию. Впервые же их проникновение сюда, как уже упоминалось, началось задолго до этого.

Таким образом, во второй половине III тысячелетия до н. э. Карелия подверглась вторичному заселению, за счет которого значительно пополнилось население этого края. В этом вторичном заселении Карелии приняли участие не только волго-окские переселенцы. В ее пределах в это время расселялись также родо-племенные группы с юго-запада, т. е. с территории Прибалтики, Новгородской и Вологодской областей и, воз-

---

[18] Л. Г. Морган. Древнее общество. Л., 1934, стр. 62—64.

можно, из других как смежных с Карелией, так и более отдаленных областей (прил. II, схема 4).

Несомненно, что всякая попытка нарисовать картину, отображающую процесс заселения Карелии, будет много схематичнее действительности, однако некоторые детали ее все же можно проследить, так как они подтверждаются археологическим материалом, полученным при раскопках и сборах, особенно керамическим материалом, орнаментика которого рисует довольно ясную картину расселения родо-племенных групп, заселивших Карелию.

Так, например, о том, что в заселении Карелии принимали участие родо-племенные группы с юго-запада, т. е. из Прибалтики и с территории Новгородской области, свидетельствует сравнительно широкое распространение на ее стоянках характерной для этих районов керамики прибалтийско-финского и прибалтийско-новгородского типов.

Однако основную массу переселенцев в Карелию в это время составляли волго-окские родо-племенные группы. Продвижение их на Север было вызвано, как упоминалось, относительной перенаселенностью волго-окского междуречья и связанным с ней усилением процесса сегментации племен.

Основными путями, по которым волго-окские переселенцы передвигались на Север и, в частности, в Карелию, могли служить два пути: 1) по р. Волге, р. Тверце, р. Мсте, оз. Ильмень и р. Волхову в Ладожское озеро; 2) по р. Волге, р. Шексне, Белому озеру, р. Ковже и р. Вытегре в Онежское озеро.

Далее по системе озер и рек Карелии эти родо-племенные группы расселялись по всей ее территории, занимая незаселенные и мало заселенные ее районы, вступая в контакт с редкими родовыми группами аборигенов и ранее поселившихся здесь родственных им пришельцев с юга. Продвигаясь через территорию Новгородской области волго-окские переселенцы увлекали за собой часть родственных им отсегментовавшихся местных родо-племенных групп.

Переселенцы из Прибалтики попадали в Карелию, по-видимому, Финским заливом, р. Невой и Ладожским озером.

В связи со слабой исследованностью Южной Карелии мы ничего не можем сказать о ее населении в эпоху мезолита и раннего неолита, так как нам не известно здесь ни одного памятника данного времени. Во всяком случае население ее до прихода сюда волго-окских пришельцев было, по всей вероятности, очень редким. То же можно сказать о восточном побережье Онежского озера и о Восточной Карелии в целом. Поэтому волна волго-окских переселенцев, обтекая с обеих сторон Онежское и Ладожское озера, свободно растекалась по Южной и Восточной Карелии, продвигаясь дальше на Север.

Движение основного потока переселенцев было значительно замедлено в Средней Карелии, которая, судя по имеющимся данным, была более плотно заселена аборигенами. В то же время в Восточной Карелии это движение на Север продолжалось беспрепятственно и достигло побережья Белого моря. Вероятным путем группы переселенцев, достигшей моря, был путь по р. Водле, Водлозеру, р. Верхнему Выгу, Выгозеру и р. Нижнему Выгу.

Нам кажется, что именно этим обстоятельством можно объяснить то явление, что в среднем течении р. Выга и в ее низовьях господствующими в конце III тысячелетия до н. э. поселениями были стоянки с древнеямочной керамикой волго-окского типа, тогда как для Средней Карелии характерными поселениями в это время являлись стоянки с керамикой типа «Сперрингс» и стоянки со смешанной керамикой.

Продвижение южных пришельцев на Север продолжалось, постепенно затухая, на протяжении всей второй половины III тысячелетия до н. э.

В этот период вся Карелия была довольно густо заселена родо-племенными группами упомянутых выше областей, которые расселились по всей ее территории чересполосно с аборигенами и другими ранними ее поселенцами. В результате этого получилась сложная чересполосица, приведшая к усилению взаимных связей и ассимилятивных процессов. Наибольшую роль во всех этих процессах играли волго-окские пришельцы, как более многочисленные и владеющие орудиями производства из более совершенного сырья — кремня.

Поселения этого времени по-прежнему делятся на две группы. Однако черт различий между ними стало значительно меньше, видимо, грань между этническими общностями начинает постепенно стираться.

На этом этапе начался и в основном закончился процесс сложения единой культуры в Карелии, который довольно хорошо прослеживается по инвентарю стоянок двух этнических общностей.

Так, например, на стоянках с керамикой типа «Сперрингс» получили более широкое применение сланцевые и кремневые орудия, а в самой керамике этого типа заметны черты заимствований от ямочно-зубчатой керамики: 1) нетипичная для нее зональность в расположении орнаментального узора на сосудах; 2) более широкое применение кругло-конических ямок в орнаменте этого типа.

На стоянках с ямочно-зубчатой керамикой большое распространение получили кварцевые орудия, характерные для стоянок с керамикой типа «Сперрингс». На ряде стоянок с ямочно-зубчатой керамикой в Средней и Северной Карелии кварцевые изделия преобладают над всеми другими. В орнаменте ямочно-зубчатой керамики появляются элементы, заимствованные из керамики типа «Сперрингс»: 1) линии, прочерченные палочкой с периодическим нажимом на ее конец; 2) оттиски своеобразного штампа, ряды которых похожи на отпечатки плетеной тесьмы.

Наиболее многочисленными поселениями на этом этапе являются стоянки с древнеямочной и, появившейся в последней четверти III тысячелетия до н. э., развитой ямочно-зубчатой керамикой, которые встречаются в это время по всей территории Карелии.

Стоянки с чистым комплексом керамики типа «Сперрингс» на этом этапе довольно малочисленны, встречаются по-прежнему в Средней и Северной Карелии.

В последней четверти III тысячелетия до н. э. в Средней и Северной Карелии появляются также стоянки со смешанной керамикой двух типов («Сперрингс» и ямочно-зубчатая), что является одним из свидетельств ассимилятивных процессов, происходивших здесь в этот период времени.

К концу III тысячелетия до н. э. разрозненные родо-племенные группы слились в единую культуру, названную археологами Карельской.

Высказывая гипотезу о заселении Карелии отсегментовавшимися родо-племенными группами из волго-окского междуречья, А. Я. Брюсов считает, что основным ядром этих переселенцев являлись родо-племенные группы Белевской культуры. При этом он исходит из того факта, что на стоянках Белевской культуры широко распространена керамика с ромбическими ямками в орнаменте, которая в большом количестве представлена также на многих стоянках Карелии.

А. Я. Брюсов указывал, что этот тип керамики более характерен для Белевской культуры, чем для других волго-окских культур.[19]

---

[19] А. Я. Брюсов. Белевская неолитическая культура. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 19.

Возражая этому утверждению, М. Е. Фосс находит, что «карельский ромбически-ямочный орнамент не тождествен с белевским». Белевский орнамент отличается исключительно правильными очертаниями ромбов и точностью их размещения в шахматном порядке, а в карельской керамике форма ромбических ямок неотчетлива, расплывчата, промежутки между ямками неровные. М. Е. Фосс считает, что данная керамика свидетельствует о заселении Карелии из верхнего Поволжья и Приильменья.[20]

Как известно, области, лежащие между волго-окским междуречьем и Карелией, археологически изучены слабо.

Некоторые из известных на этой территории стоянок действительно имеют в своем инвентаре ромбически-ямочную керамику, подобную керамике со стоянок Карелии, но в незначительных количествах, за исключением близко расположенной к Карелии стоянки Илекса,[21] на которой такая керамика найдена в довольно большом количестве.

Незначительное количество керамики этого типа встречается также на стоянках Прибалтики (Нарва-городская, Акали, Вилла, Ича) и Каргопольской культуры (Кубенино, устье р. Кинемы).

Однако во всех этих районах подобная керамика не получила широкого распространения, тогда как в Карелии уже к настоящему времени она встречена более чем в 40 поселениях, причем в ряде этих поселений она представлена в большом количестве, а в некоторых из них — преобладает (Вой-наволок IX, Оров-наволок, Курмойла I, Деревянное III, Кудом-губа III и др.).

Кроме Карелии ромбически-ямочная керамика, как упоминалось, имеет распространение в волго-окском междуречье. В большем количестве она представлена в Белевской культуре, в меньшем — в Льяловской и Балахнинской.

Белевская ромбически-ямочная керамика, как указывала М. Е. Фосс, в большинстве своем действительно довольно резко отличается от карельской керамики этого типа, но вместе с тем на стоянках данной культуры имеется в небольшом количестве ромбически-ямочная керамика, близкая карельской, с широкими и неровными промежутками между ямками; ямки на такой керамике довольно четкие. Подобная керамика характерна для наиболее ранних стоянок второй половины III тысячелетия до н. э. в Карелии (Машезеро, Пески IV, Вой-наволок V, мыс. Кладовец Нос, Кашино и др.).

Такая же керамика, правда в небольшом количестве, характерна для стоянок Льяловской культуры (в том числе и для стоянки Льяловская).

Исходя из этих данных, мы можем предположить, что первоначально ромбически-ямочная керамика была занесена в Карелию из волго-окского междуречья, вероятнее всего, с территории Льяловской и, возможно, Белевской культур. В процессе дальнейшего развития она получила здесь своеобразный облик, отличающий ее от волго-окской керамики данного типа.

Итак, в результате всего вышеизложенного мы приходим к выводу, что население Карелии во второй половине III тысячелетия до н. э. состояло из отдельных разрозненных родо-племенных групп местного населения (потомков населения, обитавшего здесь в мезолите и раннем неолите) и пришельцев из волго-окского междуречья, из Прибалтики, с территории Новгородской и Вологодской областей и, возможно, с других смежных с Карелией территорий. Пришельцы были родственны друг другу, но не родственны аборигенам.

[20] М. Е. Фосс, ук. соч., стр. 149—150.

[21] Стоянка Илекса открыта А. Я. Брюсовым в 1931 г., им же проведены раскопки стоянки в 1931—1932 гг. Материал хранится в ГИМе и КГМ.

Все эти родо-племенные группы как жившие в Карелии раньше, так и вновь пришедшие на ее территорию, тесно соприкасаясь друг с другом, вступали в сложные взаимоотношения, постепенно консолидируясь и вырабатывая единые формы культуры.

Количественное превосходство пришельцев, несколько более высокая степень развития их культуры и чересполосное их расселение в Карелии способствовали ассимиляции ими местного населения.

В результате к концу III тысячелетия до н. э. в Карелии сложилась единая культура. Основным ее ядром являлись волго-окские родо-племенные группы. Другими ее компонентами были родовые группы, обитавшие в Карелии с древнейших времен (аборигены), а также пришельцы из Прибалтики, с территории Новгородской и Вологодской областей и, возможно, с других соседних территорий.

Время сложения этой культуры (вторая половина III тысячелетия до н. э.) в нашей хронологической схеме отнесено к первому хронологическому этапу.

К концу этого этапа на территории Карелии не осталось ни одной стоянки с чистым комплексом керамики типа «Сперрингс». В то же время появилось значительное количество стоянок со смешанной керамикой двух типов («Сперрингс» и ямочно-зубчатая), что свидетельствует об усиленной ассимиляции местного населения пришлым. Завершение процесса сложения единой культуры в Карелии произошло, по-видимому, уже на втором хронологическом этапе, к концу которого керамика типа «Сперрингс» прекращает свое существование. По всей вероятности, к этому времени местное население окончательно растворилось в среде пришельцев.

Карельская археологическая культура сложилась, следовательно, в результате консолидации, заселивших Карелию родо-племенных групп, различных по культуре, но родственных по происхождению и ассимиляции ими аборигенов иного этнического происхождения. В процессе сложения этой культуры теряли свое значение и исчезали несовершенные типы орудий и керамики, получали дальнейшее развитие более совершенные типы. Именно по этой причине исчезла керамика типа «Сперрингс», как наиболее грубая и несовершенная, а наиболее широко распространенная на первом и втором хронологических этапах древнеямочная керамика получила свое дальнейшее развитие в виде развитой ямочно-зубчатой керамики, которая в незначительном количестве появилась еще на первом хронологическом этапе, но наибольшего распространения достигла на втором и третьем этапах.

Уже на втором хронологическом этапе отсутствуют топоры ялгубского типа, двулезвийные долота, большие кирки с округлым поперечным сечением, ножи оленеостровского типа и другие ранние каменные изделия.

В то же время на этом этапе появляются нехарактерные для более раннего времени двулезвийные топоры, крестовидные топоры, фигурные молоты и другие изделия.

Последовательное развитие и совершенствование материальной культуры прослеживается и на последующих хронологических этапах.

Так, например, на третьем и четвертом хронологических этапах широкое распространение получила «асбестовая» керамика, которая в небольшом количестве появилась еще на втором этапе. В I, IV и VI племенных вариантах на четвертом хронологическом этапе преобладающее место занимает «сетчатая» и неорнаментированная керамика.

Финские археологи относят начало применения «асбестовой» керамики на территории Финляндии примерно к середине III тысячелетия до н. э.[22] Центром ее возникновения они считают восточную Финляндию — районы, расположенные севернее Ладожского озера, так как именно это районы наиболее богаты асбестом и в них более всего обнаружено стоянок с «асбестовой» керамикой. Нам кажется, что можно согласиться с этим предположением, так как наиболее широкое применение керамика этого типа получила в Финляндии (75 мест находок) и в Карелии (91 стоянка). В то же время в Карелии ее появление относится к началу II тысячелетия до н. э. и во всяком случае не раньше конца III тысячелетия до н. э., т. е. значительно позднее, чем в Финляндии.

В Финляндии из 75 поселений с «асбестовой» керамикой 63 относится к эпохе неолита и лишь 12 к эпохе бронзы и железа.

В отличие от Финляндии в Карелии большинство стоянок с «асбестовой» керамикой относится к эпохе бронзы и раннего железа. Из 91 стоянки с керамикой этого типа 19 датируется концом III—началом II тысячелетия до н. э., 53 — II тысячелетием до н. э. и 19 — I тысячелетием до н. э.

В Карелии этот тип керамики с самого начала получил своеобразное развитие. Из Финляндии была заимствована, по-видимому, лишь техника изготовления сосудов этого типа и примесь асбеста к глиняному тесту. Форма сосудов и орнамент «асбестовой» керамики карельских стоянок не имеет аналогий в финской керамике этого типа.

«Сетчатая» и неорнаментированная керамика впервые появилась в Карелии в конце II тысячелетия до н. э., а в I тысячелетии до н. э. в некоторых ее районах эти типы керамики стали преобладающими.

«Сетчатая» керамика в эпоху раннего железа имела широкое распространение на севере европейской части СССР, особенно в городищах дьякова типа.

Однако «сетчатая» керамика со стоянок Карелии не аналогична керамике дьяковских городищ: сосуды тонкостенны, хорошего обжига, с резко профилированным горлом, круглодонны или плоскодонны, орнаментированы сложным зубчатым узором по верхней части или неорнаментированы. К глиняному тесту примешивалось умеренное количество шамота, полевого шпата, дресвы или песка.

За пределами Карелии эта керамика имеет наибольшие аналогии в керамике стоянок севера Ленинградской области (Усть-Рыбежная II, Сопка, Изсады). Значительно меньше у нее сходных черт с керамикой типа «Сарса» в Финляндии, а также с керамикой городищ дьякова типа.

В настоящее время на территории Карелии известно 20 стоянок с «сетчатой» керамикой. Однако, они не содержат чистого комплекса керамики этого типа.[23] Обычно, кроме «сетчатой» и сопровождающей ее неорнаментированной (гладкой и штрихованной) керамики, на стоянках Карелии содержится еще ямочно-зубчатая или «асбестовая» керамика или все три типа вместе. В этом основное отличие карельских стоянок от стоянок севера Ленинградской области, которые обычно содержат чистый комплекс керамики этого типа.

Кроме того, в инвентаре карельских стоянок с «сетчатой» керамикой содержится значительное количество изделий из местных пород камня (сланца и кварца), что нехарактерно для стоянок севера Ленинградской

---

[22] C. F. Meinander. Suomen kansallismuseo: Asbesti keramikka — Suomalainen keksintö. Mineraali rakentaja, № 1, Helsinki, 1959.

[23] Исключением являются стоянки Олонка I и II — самые южные поселения Карелии с «сетчатой» керамикой.

области и для самых южных поселений с «сетчатой» керамикой в Карелии.

В то же время в инвентаре этих стоянок содержится значительно больше кремневых изделий, чем в инвентаре одновременных им стоянок с «асбестовой» и поздней ямочно-зубчатой керамикой.[24]

Все эти факты вызывают предположение, что «сетчатая» керамика, так же как и штрихованчая, занесены в Карелию примерно в конце II или начале I тысячелетия до н. э. небольшими родовыми группами, проникшими сюда, вероятнее всего, из северных районов Ленинградской области. Эти малочисленные родовые группы довольно скоро вошли в тесный контакт с местным населением и в дальнейшем, по всей вероятности, были ассимилированы им. Более высокая культура их была воспринята местным населением, о чем свидетельствует длительное существование и довольно широкое распространение «сетчатой» керамики в Южной и Средней Карелии, но таких поселений в Карелии все же значительно меньше, чем одновременных им стоянок с «асбестовой» керамикой.

Необходимо также учитывать, что в ряде районов Карелии «сетчатая» керамика вообще не получила распространения.

Проследить район происхождения «сетчатой» керамики в настоящее время не представляется возможным в связи с недостатком данных.

На третьем и четвертом хронологических этапах появляются нехарактерные для более ранних этапов типы наконечников стрел (ланцетовидные, сейминского типа, листовидные с усеченным основанием и др.), тигли и льячеки, бронзовые изделия, куски бронзы и меди, железные шлаки, куски железной руды и т. п. Нет необходимости более подробно останавливаться на этом вопросе, так как он достаточно полно освещен в предыдущей главе.

Таким образом, единство культуры в Карелии прослеживается на всем протяжении ее развития в эпоху неолита и раннего металла.

Однако вместе с процессом сложения этой единой культуры во второй половине III тысячелетия до н. э. параллельно с ним шел процесс образования самостоятельных, независимых друг от друга племен в обособленных районах Карелии.

К концу III тысячелетия до н. э. этнические различия между аборигенами и пришлыми родо-племенными группами в Карелии в основном исчезли. К этому времени здесь сложился ряд родственных друг другу племен, связанных многими общими чертами в материальной культуре, но в то же время имеющих свои локальные особенности, о которых говорилось выше.

Уже на первом этапе развития Карельской археологической культуры — на этапе ее сложения — различия в материальной культуре между отдельными локальными районами Карелии довольно четко прослеживаются по керамическим данным, по каменному инвентарю и материалу, из которого он изготовлялся.

Эти различия остаются и на последующих трех этапах развития материальной культуры древних племен Карелии.

Необходимо отметить только, что на поздних хронологических этапах в инвентаре стоянок Карелии значительно больше черт сходства, чем на ранних этапах. Так, например, на четвертом этапе для всех районов Карелии наиболее характерны плоскодонные «асбестовые» сосуды, орнаментированные односложным «елочным» узором, редкими оттисками

---

[24] Исключением является стоянка Чудозеро I, которая почти не имеет кремневого инвентаря.

короткого зубчатого штампа или совсем не орнаментированные. То же самое наблюдается в каменном инвентаре — локальных типов каменных изделий становится значительно меньше. Для всех районов Карелии в это время характерно уменьшение количества сланцевых рубящих орудий в инвентаре стоянок, по-видимому, в связи с применением металлических, в частности, железных орудий.

Такая нивелировка в типах керамики и в другом инвентаре, характерная для стоянок Карелии с конца II тысячелетия до н. э., свидетельствует о значительном сближении населяющих ее племен и об усилении связей между ними.

Конечно, различия в материальной культуре отдельных племен Карелии не стерлись окончательно, так как каждое племя жило на обособленной территории и самостоятельно занималось хозяйственной деятельностью. Но одинаковый образ жизни и занятий и все усиливающиеся связи между племенами значительно сблизили их в культурном отношении.

При ознакомлении с археологической картой Карелии (прил. II, схемы 5—8) можно видеть, что хронологически одновременные стоянки располагаются компактными группами в определенных локально ограниченных областях. Каждая такая группа отдалена от другой значительным незаселенным пространством. Такое расположение племен на территории Карелии вполне естественно и подтверждается этнографическими данными.

Ф. Энгельс, изучая родо-племенную жизнь греков, римлян, кельтов и германцев, пришел к выводу о слабой заселенности территорий, занятых первобытными племенами. «Население, — писал Ф. Энгельс, — в высшей степени редко; оно гуще только в месте жительства племени, вокруг которого лежит широким поясом прежде всего область охоты, затем нейтральный защитный лес, отделяющий его от других племен».

То же самое он писал об американских индейцах: «Немногочисленные племена их (американских индейцев, — *Г. П.*), отделенные друг от друга обширными пограничными полосами,... занимали небольшим числом людей громадное пространство». И далее — о племенах ирокезов: «Каждое племя владело, кроме места своего действительного поселения, еще значительной областью для охоты и рыбной ловли. За пределами этой последней лежала обширная нейтральная полоса, простиравшаяся вплоть до владения ближайшего племени; у племен с родственными языками эта полоса была уже: у племен не родственных друг другу по языку — шире». Энгельс указывал также, что это обстоятельство вообще характерно для родо-племенного строя,[25] а значит и для Карелии.

Несомненно, что с течением времени границы территорий племен, населявших Карелию, неоднократно изменялись в связи с изменениями в условиях жизни населения и ростом или уменьшением его в количественном отношении. Однако места обитания племен оставались неизменными на всем протяжении их развития, что подтверждается археологическими памятниками, относящимися к различным хронологическим этапам, на территории каждого из рассматриваемых здесь племенных вариантов.

Так, например, территория, наиболее хорошо изученного I варианта на первом хронологическом этапе простиралась по берегу Онежского озера, по-видимому, от современного с. Деревянное до низовьев р. Суны

---

[25] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1945, стр. 103, 106, 179.

(длина этой территории 60—70 км, ширина 30—40 км). В зону этого племени на данном этапе входили также озера: Машезеро, Лососинное, Логмозеро, Укшозеро, Кончезеро и некоторые другие, а также низовья рек Шуи и Суны. Здесь сосредоточена основная группа поселений этого времени. Однако уже на данном этапе отдельные группы этого племени проникали и дальше на север и восток. Одно из таких поселений найдено на северном берегу оз. Сандал, другое на Большом Климецком острове в Онежском озере (прил. II, схема 5). На последующих хронологических этапах границы племенной территории расширялись или сужались, но место обитания племени оставалось неизменным.

То же самое характерно и для других племен, что подтверждается данными археологических памятников, принадлежащих этим племенам и занимающих приблизительно одну и ту же территорию в различные хронологические эпохи.

Такие факты свидетельствуют о том, что на территории Карелии не было существенных столкновений между племенами и борьбы за новые охотничьи угодья. Небольшие по численности племена в суровых природных условиях Карелии не имели значительного количественного роста и стимула к сегментации.

Наоборот, хронологические колебания в количестве памятников в каждом из племен свидетельствуют о том, что численность племен все время менялась: то увеличиваясь, то уменьшаясь. По-видимому, основной причиной этого были трудности существования и добывания средств к жизни примитивными орудиями в условиях севера, а также эпидемии.

Начиная примерно с середины II тысячелетия до н. э. условия жизни в Карелии, по всей вероятности, стали резко ухудшаться, так как почти во всех наиболее изученных нами районах количество памятников, относящихся к третьему и четвертому этапам, по сравнению с более древним временем, уменьшилось.

В связи с данным вопросом необходимо вкратце сказать о «Hiatus», т. е. о прослеживаемом повсеместно на севере Европы уменьшении (у некоторых авторов — отсутствии) археологических памятников I тысячелетия до н. э., так как это касается и Карелии.

Как известно, в Карелии памятников этого времени долго не могли обнаружить. Но за послевоенные годы, начиная с 1947 г., Н. Н. Гуриной и автором этой книги найдено значительное количество стоянок I тысячелетия до н. э. и несколько селищ I тысячелетия н. э.

Таким образом, оправдалось предположение А. Я. Брюсова о том, что «Hiatus» объясняется главным образом недостатком сведений по археологии Карелии этого периода, зависящим от слабой археологической обследованности, и что со временем эти памятники будут обнаружены.

Но, кажется, известное разрежение населения в конце суббореального и начале субантлантического периодов все же имело место. Иначе трудно объяснить то обстоятельство, что из множества памятников карельского неолита наименьшее количество памятников относится к этому периоду.

Что касается вопроса о непрерывном существовании в каждом из локальных районов Карелии этнически одного и того же населения в период с III тысячелетия и до середины I тысячелетия до н. э., то об этом свидетельствует преемственность, обнаруживаемая в материальной культуре поселений данных районов за все это время.

Возможно, что в Карелию на поздних хронологических этанах проникали небольшие группы пришельцев извне (об этом, например, свидетельствует появление здесь «сетчатой» и штрихованной керамики), но они, повидимому, довольно быстро ассимилировались местным населением и не оказывали более или менее заметного влияния на развитие материальной культуры местных племен.

Излагая историю племен, обитавших в Карелии от мезолита до эпохи раннего металла, мы, естественно, не можем не затронуть вопроса о их происхождении.

Конечно, при современном уровне знаний об упомянутых эпохах мы не претендуем на более или менее полное разрешение этого вопроса. Однако у нас есть возможность с помощью археологических, этнографических, антропологических и языковых данных, прямо или косвенно касающихся этого вопроса, пролить свет на некоторые его стороны и тем самым в какой-то степени способствовать его разрешению в будущем.

В настоящее время считается доказанным, что обширная область лесного севера европейской части СССР (от Урала до Прибалтики) в неолитическую эпоху была заселена многочисленными племенами финно-угорской языковой общности. Памятниками, оставшимися от этих племен, являются стоянки с ямочно-зубчатой керамикой, в большом количестве встречаемые на этой территории. Эту точку зрения разделяет подавляющее большинство исследователей как археологов, так и антропологов, языковедов, этнографов.

Многие исследователи убедительно доказали, что формирование финно-угорской языковой общности происходило в мезолитическую эпоху на Урале и в прилежащих к нему областях. К такому выводу приводят, в частности, труды археологов А. Я. Брюсова, А. П. Окладникова и В. Н. Чернецова, антропологов М. М. Герасимова и Г. Ф. Дебеца, антрополога и этнографа Н. Н. Чебоксарова.[26]

Антропологические данные свидетельствуют о том, что финно-угорские племена, населявшие север Восточной Европы, представляли собою смешанное в расовом отношении население из чистых европеоидов, европеоидов с различной степенью монголоидности и лопаноидов.[27]

На основании данных археологии и антропологии исследователи А. П. Окладников, В. Н. Чернецов, Х. А. Моора и другие [28] пришли к выводу о значительной древности процесса метисации европеоидов с монголоидами. Так, например, А. П. Окладников относит начало этого процесса к верхнему палеолиту. «Процесс смешения европеоидов запада, — пишет он, — с монголоидами востока начался, вероятно, задолго до неолита, еще в верхнепалеолитическое время, в то далекое время, когда на берегах Ангары существовали поселения типа Мальты и Бурети с восточно-европейской по облику культурой. Должно быть, уже тогда в этой зоне контакта, на территории между Уралом и Енисеем, возникло смешанное в антропологическом отношении население, начал формироваться так называемый лопаноидный или уральский антропологический тип, совпадающий, как известно, в значительной мере с носителями уральских и финно-угорских языков».

Таковы сведения о племенах финно-угорской языковой общности, имеющиеся в нашем распоряжении. Однако мы знаем, что наряду с финно-

---

[26] А. Я. Брюсов. Очерки по истории..., стр. 25—41; А. П. Окладников. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен среднего Енисея. СА, № 1, 1957, стр. 55; В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья, стр. 58—62; М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу, стр. 296—320; Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 93; Н. Н. Чебоксаров. К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой группы. Советская этнография, № 1, 1952.

[27] М. М. Герасимов, ук. соч., стр. 319—320.

[28] А. П. Окладников, ук. соч., стр. 55; В. Н. Чернецов, ук. соч., стр. 60; Х. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. Вопросы этнической истории эстонского народа, Таллин, 1956, стр. 56—57.

уграми прибалтийско-финской языковой общности на территории Карелии вплоть до X—XII вв. н. э. обитали саамы.

По языковым данным предки саамов — «протосаамы первоначально говорили на языке, близком к современным самодийским языкам... К прибалтийскому языку протосаамы перешли постепенно на протяжении ряда веков, причем этот процесс завершился не позднее начала I тысячелетия до н. э.» [29]

Крупнейший исследователь финноугровед Д. В. Бубрих, отмечая близкое родство самодийских языков с западными финно-угорскими и особенно с саамским языком, пришел к выводу о близком соседстве областей их становления, отвергая гипотезу о саянском происхождении самодийцев. «На самоедов, — писал он, — приходится смотреть как на очень древних северян. С глубокой древности они соприкасались с лопарями, тоже очень древними северянами».[30]

Следовательно, если финно-угорский язык-основа — сформировался в Приуралье, то самодийская языковая общность формировалась где-то в соседних областях: на Урале или в Зауралье.

К процессу формирования этой общности какое-то отношение имели, видимо, и палеоазиатские племена, о чем свидетельствует близость юкагирского языка к самодийским.[31]

Самодийский язык протосаамов свидетельствует о том, что эти племена первоначально жили тоже где-то на Урале или в Зауралье. Однако еще в эпоху мезолита часть этих племен продвинулась далеко на запад, поселившись на территории Карелии, Финляндии и, возможно, на севере Швеции и Норвегии. Другие же протосаамские племена позднее были, вероятнее всего, ассимилированы уральскими угро-финнами.

Изложенные в нашей работе археологические данные свидетельствуют о том, что древнейшими памятниками, оставленными протосаамским населением в Карелии, являются поселения с кварцевым инвентарем. В более позднее (неолитическое) время на протосаамских поселениях появилась керамика типа «Сперрингс».

Орнамент в основе своей отражает, по-видимому, родо-племенную символику, связанную с религиозными верованиями. Поэтому эволюция его крайне замедлена и, надо полагать, он не претерпел больших изменений на протяжении всего мезолита и раннего докерамического неолита. До появления керамики им украшались, видимо, костяные и деревянные изделия, одежда, обувь, татуировались тела. С появлением глиняной посуды этот орнамент был распространен и на нее.

Находясь на Крайнем Севере, протосаамские племена Карелии и Финляндии длительное время сохраняли свою этническую чистоту, не смешиваясь ни с какими другими этническими группами. Поэтому керамика типа «Сперрингс» отражает, по-видимому, их древнейшие орнаментальные мотивы. Оставшаяся в Зауралье часть саамов была позднее (вероятно, в раннем неолите) ассимилирована финно-уграми Урала. Однако какая-то часть их культуры (в том числе и некоторые черты родовой символики) органически вошла в культуру ассимилировавших их племен.

Видимо, этим объясняется тот факт, что в керамике уральских стоянок, в массе своей резко отличающейся от керамики типа «Сперрингс», имеется небольшое количество керамики с прочерченным орнаментом, аналогичным орнаменту последней.

---

[29] П. А. Аристэ. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. Вопросы этнической истории эстонского народа, Таллин, 1956, стр. 14.

[30] Д. В. Бубрих. К вопросу об отношениях между самоедскими и финно-угорскими языками. Изв. АН СССР, отд. лит. и яз., т. VII, вып. 6, М.—Л., 1948, стр. 517.

[31] Е. А. Крейнович. Об изучении юкагирского языка. Вопросы языкознания. № 5, М., 1957.

Следовательно, эти древние протосаамские орнаментальные мотивы, сохранившись в своей чистоте в керамике типа «Сперрингс», возникшей в среде протосаамских племен Карелии и Финляндии, в то же время нашли некоторое отражение в керамике уральских протосаамов, ассимилированных к тому времени финно-уграми.

Исходя из вышеизложенного, можно согласиться с Н. Н. Гуриной в том, что древнейшее население Карелии восточного происхождения. Но первичное проникновение его в Карелию необходимо отнести не к концу IV и III тысячелетиям до н. э., как она предполагает, а к значительно более раннему времени, вероятнее всего к эпохе мезолита.

Как известно из предыдущих глав, в IV тысячелетия до н. э. в Карелии появились поселения с кремневым инвентарем, близкие по своему характеру более поздним поселениям с ямочно-зубчатой керамикой волго-окского происхождения.

Эти поселения, резко отличающиеся от стоянок, оставленных аборигенами, отражают начало проникновения на территорию Карелии финно-угорских родо-племенных групп. Они проникали сюда из более южных областей (волго-окского междуречья, Прибалтики, Вологодской обл. и др.), которые были заселены ими, по-видимому, не позднее раннего неолита, а вероятнее всего, в мезолите, о чем свидетельствует сходство инвентаря ранних стоянок этих областей (Нижнее Веретье, Кунда, оз. Лубана) с ранними уральскими стоянками Шигирского и Горбуновского торфяников.

Наиболее ранними поселениями волго-окских финно-угров в Карелии являются стоянки Ялгуба V и Пески I, а также стоянка и могильник на Южном Оленьем острове Онежского озера.

Костяной инвентарь Оленеостровского могильника имеет много общего с перечисленными выше стоянками более южных областей, подтверждая тем самым единство этнического происхождения племен, населявших в раннем неолите эти области и, частично, Карелию.

Антропологические данные могильника свидетельствуют о расовой перемешанности древнейших угро-финнов, поселившихся в Карелии. Основными антропологическими типами, представленными в могильнике являются чистый европеоидный и европеоидный, метиспированный с монголоидным. Вместе с тем М. М. Герасимов нашел в нем «древний палеосибирский вариант юкагирского антропологического типа», метиспированный с древними европеоидами.[32]

Если первые типы принадлежат финно-уграм, то последний, вероятнее всего, принадлежит протосаамам, потомкам древних выходцев с Востока, поселившихся в Карелии в мезолитическое время. Наличие его в финно-угорском могильнике является свидетельством того, что уже на самом раннем этапе своего проникновения в Карелию финно-угры вошли в тесные связи с аборигенами и, возможно, частично ассимилировали их.

В то же время волго-окские пришельцы испытали значительное влияние местной культуры, переняв у местных племен многое в технике производства орудий из местного сырья, а также, по-видимому, и в способах добывания средств существования.

В первой половине III тысячелетия до н. э. в Карелии появились поселения с древнеямочной керамикой волго-окского типа более совершенной, чем керамика типа «Сперрингс». На этом этапе связи между финно-угорскими пришельцами и аборигенами продолжают развиваться. Резкая грань, прослеживаемая на раннем этапе между поселениями пришельцев и аборигенов, постепенно начинает стираться, материальная культура их нивелируется.

---

[32] М. М. Герасимов, ук. соч., стр. 319.

Поэтому, когда во второй половине III тысячелетия до н. э. в Карелию хлынула основная волна угро-финских переселенцев, почва для ассимиляции ими местного населения была уже подготовлена. В заселении Карелии в это время приняли участие не только волго-окские угро-финны, но в какой-то степени и прибалтийско-финские племена, о чем свидетельствует керамика прибалтийско-финского типа и прибалтийско-новгородского типа, распространившаяся в это время в ряде районов Карелии. Однако основную массу переселенцев в Карелию составили волго-окские выходцы. Поэтому основанное на языковых данных мнение П. А. Аристэ о том, что «В ту эпоху, когда саамы восприняли язык прибалтийских финнов, последний стоял значительно ближе к поволжско-финскому языку...» [33] представляется нам в несколько ином свете, так как вышеизложенные факты являются свидетельством того, что протосаамы первоначально восприняли поволжско-финский язык и лишь некоторые элементы прибалтийско-финского. Только в более позднее время в процессе дальнейших более тесных контактов прибалтийских финнов с саамами (по-видимому, уже в I тысячелетии до н. э. и в I тысячелетии н. э.) последние восприняли прибалтийско-финскую речь. Однако это время уже выходит за пределы нашей темы.

Итак, мы пришли к выводу, что древнейшие докерамические поселения с кварцевым инвентарем и более поздние поселения с керамикой типа «Сперрингс» в Карелии и Финляндии оставлены протосаамами, а докерамические поселения с кремневым инвентарем и поселения с древнеямочной керамикой — волго-окскими финно-уграми.

Это деление более или менее четко прослеживается по нашим археологическим данным до конца III тысячелетия до н. э. В конце III—начале II тысячелетия до н. э. поселения с чистым комплексом керамики типа «Сперрингс» исчезают, в то же время значительно возрастает число стоянок с чистым комплексом ямочно-зубчатой керамики, а также появляется значительное количество стоянок со смешанным комплексом керамики (первоначально двух типов: «Сперрингс» и ямочно-зубчатая, а затем и трех типов: «Сперрингс», ямочно-зубчатая и «асбестовая»). Эти явления свидетельствуют о постепенной ассимиляции протосаамов финно-уграми. Исчезновение керамики типа «Сперрингс» в инвентаре стоянок Карелии в первой четверти II тысячелетия до н. э. является несомненным фактом завершения процесса ассимиляции аборигенов. В результате возникла новая финно-угорская общность, из которой позднее сформировались саамские племена.

В таком виде рисуется в настоящее время этническая история племен эпохи мезолита и неолита в Карелии. В ней еще много гипотетического и неясного. Однако дальнейшая разработка этих вопросов — дело будущего.

Таким образом, процесс заселения Карелии и сложения племен на ее территории сводится к следующему.

1. В мезолите и раннем неолите Карелию и Финляндию заселяли протосаамские родо-племенные группы, пришедшие с востока, вероятно с Урала и Западной Сибири.

2. Их потомки обитали здесь на всем протяжении древнейшей истории Карелии, постепенно развивая и совершенствуя свою материальную культуру.

3. Вероятно, в конце IV и во всяком случае не позднее начала III тысячелетия до н. э. у древнейших протосаамских племен, населявших Карелию и Финляндию, появилась глиняная посуда, получившая у советских археологов название керамики типа «Сперрингс». Впервые она возникла, по-видимому, в Финляндии, но очень быстро проникла в Карелию.

---

[33] П. А. Аристэ, ук. соч., стр. 14.

4. Примерно во второй половине IV тысячелетия до н. э. в Карелии появились первые переселенцы с юга, судя по инвентарю, угро-финны из волго-окского междуречья. Они еще не знали керамики. Но вслед за ними в начале III тысячелетия сюда проникли родовые группы с древнеямочной волго-окской керамикой льяловского типа.

5. Во второй половине III тысячелетия до н. э. в Карелию хлынула основная волна угро-финских волго-окских переселенцев с ямочно-зубчатой керамикой, получившей к тому времени широкое распространение среди этих племен.

6. Вместе с волго-окскими переселенцами, начиная с последней четверти III тысячелетия до н. э., в Карелию проникли родственные им немногочисленные родовые группы из Прибалтики, с территории Новгородской, Вологодской, и, возможно, из других смежных с ними областей. Они довольно скоро слились с волго-окскими родо-племенными группами, но все же оказали некоторое воздействие на их материальную культуру, выразившееся, в частности, в орнаментике некоторых подтипов ямочно-зубчатой керамики (прибалтийско-новгородского, прибалтийско-финского и некоторых других подтипов).

7. Пришельцы с юга расселились по всей территории Карелии чересполосно с местными родовыми группами и вошли в тесное соприкосновение с ними.

Этническое происхождение пришельцев и местного населения было различным. Однако, живя в одинаковых географических условиях с одним и тем же охотничье-рыболовным способом добывания средств существования, этнически неоднородные местные и пришлые группы населения Карелии, сближаясь в культурном отношении, постепенно усвоили сходные навыки в изготовлении орудий и посуды из местных материалов и выработали общие для них типы.

8. Тесные взаимоотношения пришельцев с местным населением, их количественное и, в некоторой степени, культурное преобладание постепенно привели к полной ассимиляции местного населения. Этот процесс в основном завершился к концу III тысячелетия до н. э.

9. К этому времени в Карелии сложилась единая материальная культура с многочисленными объединяющими ее признаками: 1) одинаковый характер поселений и жилищ, 2) многие общие типы каменных орудий, 3) общие основные типы керамики и т. п.

10. Однако вместе с процессом сложения единой культуры шел процесс ее размежевания на ряд территориально обособленных родственных друг другу племен, которые в основном сложились тоже к концу III тысячелетия до н. э.

11. Основой всех сложившихся здесь племен явились более многочисленные волго-окские выходцы, но в культуре каждого из племен в различной степени сказалось влияние местных племен, а также пришельцев из Прибалтики, с территории Новгородской области и др.

12. Особенности в материальной культуре каждого из племен хорошо прослеживаются уже на первом хронологическом этапе, т. е. в период сложения этих племен, а также на последующих этапах.

13. В то же время на поздних хронологических этапах заметна значительная нивелировка в материальной культуре племен Карелии, что свидетельствует о постепенном их сближении.

БЫТ И ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛИИ В ЭПОХУ НЕОЛИТА И РАННЕГО МЕТАЛЛА

Недостаточная изученность Карелии в археологическом отношении не дает возможности всесторонне, с достаточной полнотой осветить вопросы быта и занятий ее населения.

Мы можем только в большей или меньшей степени показать лишь отдельные стороны жизни ее древних обитателей.

У нас нет возможности непосредственно описать их жизнь в эпоху мезолита и раннего (докерамического) неолита, так как данных об этом времени имеется пока очень мало.

Однако и по этим данным видно, что материальная культура и условия существования населения Карелии как на начальной стадии ее заселения (в эпоху мезолита и раннего неолита), так и в эпоху развитого неолита не претерпели коренных изменений. Поэтому то, что мы будем говорить об эпохе развитого неолита, в значительной степени будет относиться и к более раннему времени.

Многие стороны поднятого здесь вопроса неоднократно освещались в археологической литературе. Особенно много в этом направлении сделали А. Я. Брюсов, Н. Н. Гурина и А. М. Линевский.

Поэтому нами будет акцентировано внимание только на тех сторонах вопроса, которые недостаточно освещены или их освещение не соответствует новым археологическим данным.

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

Известные нам по раскопкам остатки поселений древних обитателей Карелии, как правило, находятся на берегах озер и рек, которые служили им источником питания, снабжая их рыбой, и в то же время являлись в девственных лесах Карелии основными путями передвижения.

Место поселения обычно выбиралось на возвышенном, сухом, чаще всего песчаном берегу, рядом с водой. Жилища располагались вдоль берега (рис. 4, 5).

Большинство поселений Карелии представлено небольшими по размерам стоянками с площадью не превышающей 2000 м^2. Большие по площади стоянки встречаются сравнительно редко. К ним относятся, в частности, Пески III, Ялгуба II, Сулгу IV, Лахта I, Лахта III, Юдярви III и некоторые др. Значительно чаще встречаются стоянки с небольшой площадью, не превышающей 1000 м^2.

Места для поселений обычно выбирались с таким расчетом, чтобы они были скрыты от северных холодных ветров. По-видимому, по этой причине на южном сухом песчаном берегу оз. Сямозера, открытом северным ветрам, поселения очень редки, тогда как на менее удобном, озового сложения, каменистом северном берегу найдены десятки древних поселений. Кроме того, в выборе места в данном случае большое значение имела изрезанность берега.

Как известно, на больших озерах сильно изрезанные берега с большим количеством заливов, островов, бухт и проливов более удобны для рыбной ловли примитивными орудиями, имевшимися в распоряжении древних рыболовов. Поэтому они предпочитали селиться именно на таких берегах, избегая берегов, мало изрезанных и открытых.

Вероятно это и является одной из причин слабой заселенности восточного берега Онежского озера, южного берега Сямозера и др.

Предпочтение песчаным участкам берега при выборе мест поселений оказывалось, по-видимому, по той причине, что это наиболее сухие участки, остающиеся даже в дождливую погоду почти сухими, так как влага быстро просачивается сквозь песок в более нижние слои. Кроме того, в песке значительно легче вырыть всевозможные хозяйственные ямы, а также ямы для жилищ полуземляночного и земляночного типов.

Значительное количество разновременных поселений открыто в низовьях и устьях рек, что объясняется, вероятно, удобством рыбной ловли в этих местах, особенно во время нереста промысловых рыб.

Наряду с большими стоянками при археологической разведке в Карелии обнаружены небольшие сезонные стойбища древних рыболовов-охотников. Это стоянки с площадью в 100—150 м^2 или несколько больше, с малой мощностью культурного слоя, с отсутствием следов долговременных жилищ и других хозяйственных построек, с незначительным количеством археологических находок. На их площади отсутствуют очаги, сложенные из камней, а кострища содержат слабой мощности зольно-углистую прослойку. Они часто расположены на неудобных для жизни каменистых озах, открытых всем ветрам, но в местах удобных для рыбной ловли. Жилищами на таких стоянках служили, по всей вероятности, временные примитивные шалаши. Поселения сезонного характера встречаются довольно часто во всех районах Карелии.

Примером таких поселений может служить группа стоянок у Соломенского кирпичного завода близ г. Петрозаводска. Там, на небольшом озе, обнаружены следы 9 разновременных стоянок. Причем только одна из них может быть отнесена к типу постоянных долговременных поселений. Все другие — небольшие кратковременные сезонные стойбища, в которых жили древние рыболовы в летний период. Оз, на котором расположены стоянки, в настоящее время находится на сухом берегу, а в то время был полуостровом, вдающимся в оз. Логмозеро — небольшое озеро с сильно изрезанными берегами. Такое положение оза благоприятствовало рыбной ловле, что и привлекало сюда древних рыболовов.

О характере жилищ древних обитателей Карелии мы имеем пока сравнительно небольшие данные. Все же в настоящее время они прослежены почти на всех хронологических этапах, за исключением первого.

Всего в Карелии в настоящее время известно свыше 20 жилищ эпохи неолита и раннего металла. Однако раскопано пока 10 жилищ на стоянках: Суна I, Вой-наволок VII. Чудозеро IV, Кудом-губа IV, Сулгу III, Сулгу IIIа, Сулгу Va, Виртале. Все эти жилища четырехугольной формы, полуземляночного типа.

Есть также сведения о «жилищах» другого характера, основаниями которых служили небольшие котлообразные ямы овальной формы. Описание таких «жилищ» дано, в частности, Н. Н. Гуриной[34] (по данным стоянок Пуш-совхоз II, Вой-наволок IX. Оров-наволок, Курмойла I) и В. И. Равдоникасом[35] по финским источникам (по данным стоянки Лавамяки). Размеры этих «жилищ» по верхней части ямы не превышают 5—6 м^2, а по полу 2—3 м^2. В некоторых из них (например, в «жилищах» на стоянке Курмойла) обнаружены каменные очаги, в других же нет ни очагов, ни кострищ.

Критика обоснований таких «жилищ» дана А. Я. Брюсовым. С нею целиком и полностью можно согласиться.[36]

Одно из древнейших жилищ в Карелии, обладающее бесспорными признаками своего назначения, раскопано на стоянке Суна I, датируемой, как известно, концом III—началом II тысячелетия до н. э. Подробное описание этого жилища дано А. Я. Брюсовым.[37]

По данным стратиграфии, жилище на стоянке Суна I было построено на первом этапе ее существования. Затем оно, по-видимому, разрушилось, так как остатки его перекрыты культурным слоем. Жилище четырехугольное, несколько неправильной формы (длина стенок 2.75,

---

[34] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита..., стр. 113—117, 124—125.

[35] В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. II, Л., 1947, стр. 267—268.

[36] А. Я. Брюсов. 1) Неолитические жилища лесной зоны европейской части СССР. Сб. «Вологодский край», Вологда, 1959; 2) Археологические данные об экономике доклассового общества в неолитическую эпоху, СА, XXV, М., 1956, стр. 44—48.

[37] А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 286—289.

3.10, 3.25, 3.50 м), глубиной от 25 до 40 см, с небольшим пристроенным входом, с углублением до 65 см в его северо-западном углу. В основании стенок сохранился древний тлен. По середине жилищной ямы очаг из трех больших камней. По всей вероятности, это жилище представляло собой небольшую полуземлянку в виде сруба, углубленного в землю и засыпанного со всех сторон землей. Крыша была, по-видимому, плоская из тонких бревен или жердей, покрытых дерном или корой и засыпанных землей, а, возможно, двухскатная.

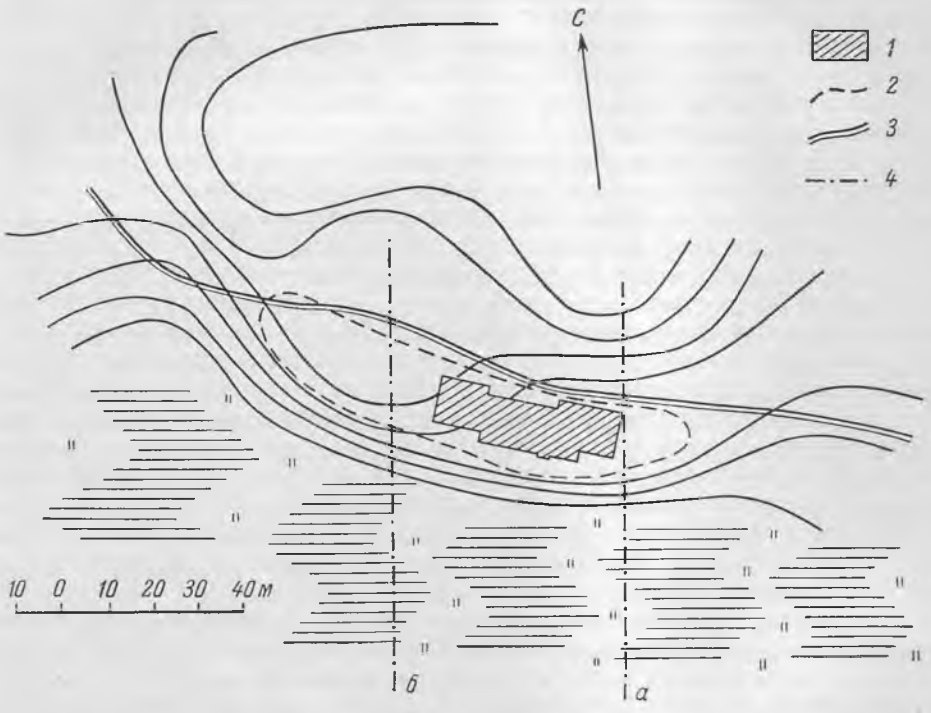

Рис. 4. План расположения стоянки Чудозеро IV.

1 — границы раскопа; *2* — граница культурного слоя стоянки; *3* — лесовозная дорога; *4* — линии нивелирования; *а* — первая линия; *б* — вторая линия.

Несколько более совершенные жилища обнаружены при раскопках стоянок Сулгу IIIа и Сулгу Va, приблизительно одновременных Суне I.

Например, жилище на стоянке Сулгу Va имеет в основании неглубокую правильных геометрических очертаний яму в виде прямоугольника длиною 5.8 м и шириною 4.7 м с почти отвесными стенками. Глубина ямы 30—40 см от древней поверхности. Дно ровное на всем протяжении. Вдоль стенок ямы прослежена полоса темного гумусированного песка — следы древесного тлена от сгнивших бревенчатых стен. Она была хорошо заметна на фоне красноватого песка, характерного для культурного слоя стоянки. Ширина этой полосы 40—50 см, толщина до 40 см.

В пределах жилищной ямы обнаружено два кострища, диаметром более 1 м каждое. Одно из них расположено почти в центре жилища, другое — у его задней стенки.

Выходом из жилища служил небольшой, вероятно, крытый коридорчик длиною 1.10 м и шириною 1.40 м.

Исходя из этих данных, можно предположить, что жилище было построено по тому же принципу, как и на стоянке Суна I.

Более поздними являются жилища со стоянок Чудозеро IV (рис. 6, 7) и Кудом-губа IV. Первая из этих стоянок датируется второй четвертью II тысячелетия до н. э., вторая — третьей четвертью II тысячелетия до н. э.

На стоянке Чудозеро IV найдено три жилищные впадины. Две из них раскопаны. В результате раскопок вскрыты жилища размерами: 5.9×4.4 и 5.25×4.35 м. Первое углублено в землю незначительно — на 20—30 см; второе расположено на откосе берега, поэтому стена, примыкающая к откосу, углублена на 80 см, а противоположная стена — на 35—40 см; оба жилища правильной четырехугольной формы. На месте сгнивших бревенчатых стен второго жилища хорошо прослеживаются

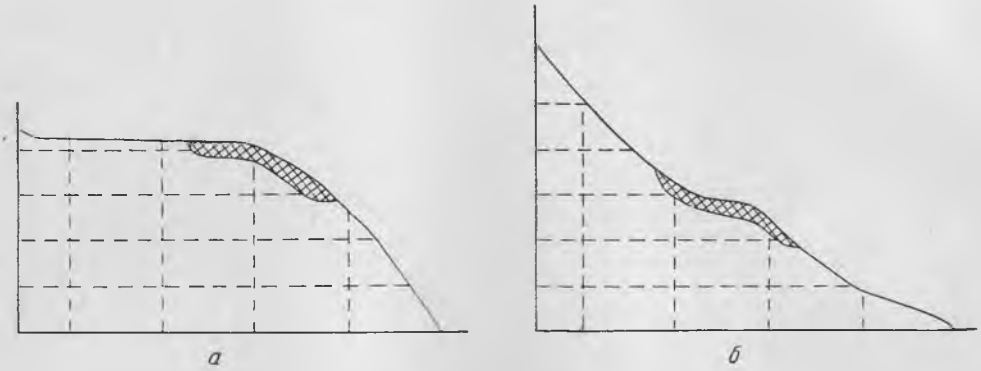

Рис. 5. Профили стоянки Чудозеро IV.

а — профиль по первой линии нивелирования; *б* — профиль по второй линии нивелирования.

полосы сильно гумусированного почти черного песка, которые четко выделяются на фоне светло-красного и оранжевого культурного слоя стоянки.

В первом жилище таких следов от деревянных стенок не обнаружено. Однако правильная четырехугольная форма жилища свидетельствует о том, что и оно, по всей вероятности, было деревянным.

Выходами в том и другом жилище служили узкие коридоры (в первом жилище длиною 1.5 м, шириною 1.4 м, во втором — длиною 2.8 м, шириною от 0.8 до 1 м), по-видимому, крытые.

В том и другом жилище каменных очагов нет, но имеются кострища с мощной зольно-углистой прослойкой, расположенные слева от входа. Каменные очаги обнаружены за пределами жилищ на промежуточной территории между двумя жилищами. Полы в том и другом жилище горизонтальные, очень ровные.

По своему внешнему виду и по конструкции эти жилища, по-видимому, были такими же, как жилище на стоянке Суна I.

Такое же жилище, только значительно больших размеров раскопано на стоянке Кудом-губа IV. Его размеры 8.5×6 м, глубина 35—40 см. Форма — правильный четырехугольник, пол горизонтальный, ровный. Входом служил коридор шириною 2 м. Кострище расположено тоже слева у входа. Кроме того, в нише, выкопанной в северо-восточной стороне жилища, расположен очаг из камней с зольно-углистой прослойкой мощностью в 40 см.

Еще более поздними являются жилища на стоянке Сулгу III. На этой стоянке прослежены две жилищные ямы правильной четырехугольной формы, соединенные друг с другом ходом в виде коридорчика дли-

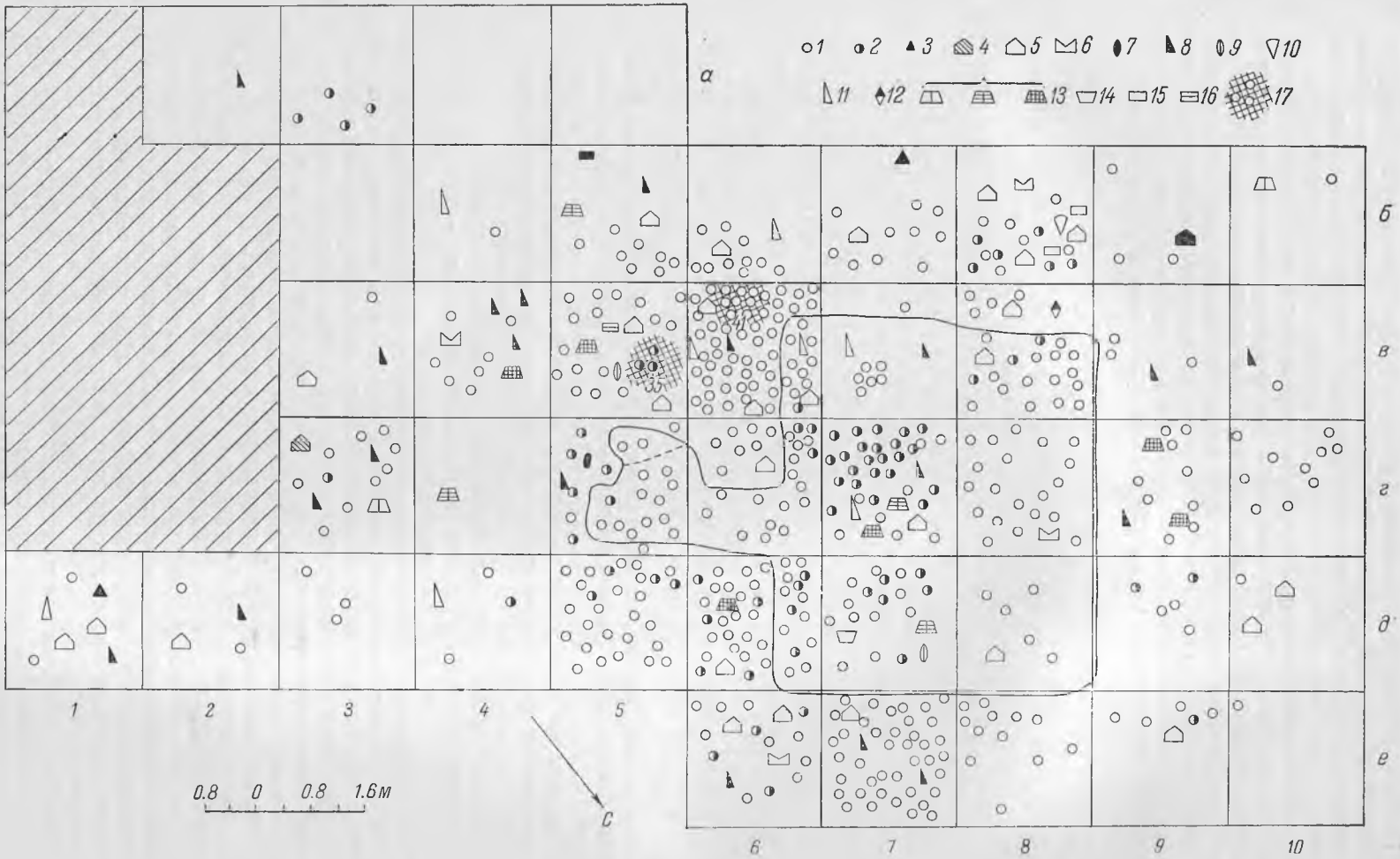

Рис. 6. План северо-западной части раскопа на стоянке Чудоверо IV с контурами жилищной ямы.

1 — ямочно-зубчатая керамика; *2* — «асбестовая» керамика; *3* — топоры и тесла; *4* — скребла; *5* — скребки; *6* — скобели; *7* — ножи; *8* — обломки шлифованных рубящих орудий; *9* — ножевидные пластинки; *10* — сверла; *11* — обломки заготовок сланцевых орудий; *12* — резцы; *13* — шлифовальные плиты и точильные бруски; *14* — нуклеусы; *15* — лощила; *16* — пилы; *17* — скопления керамики (числа обозначают количество фрагментов).

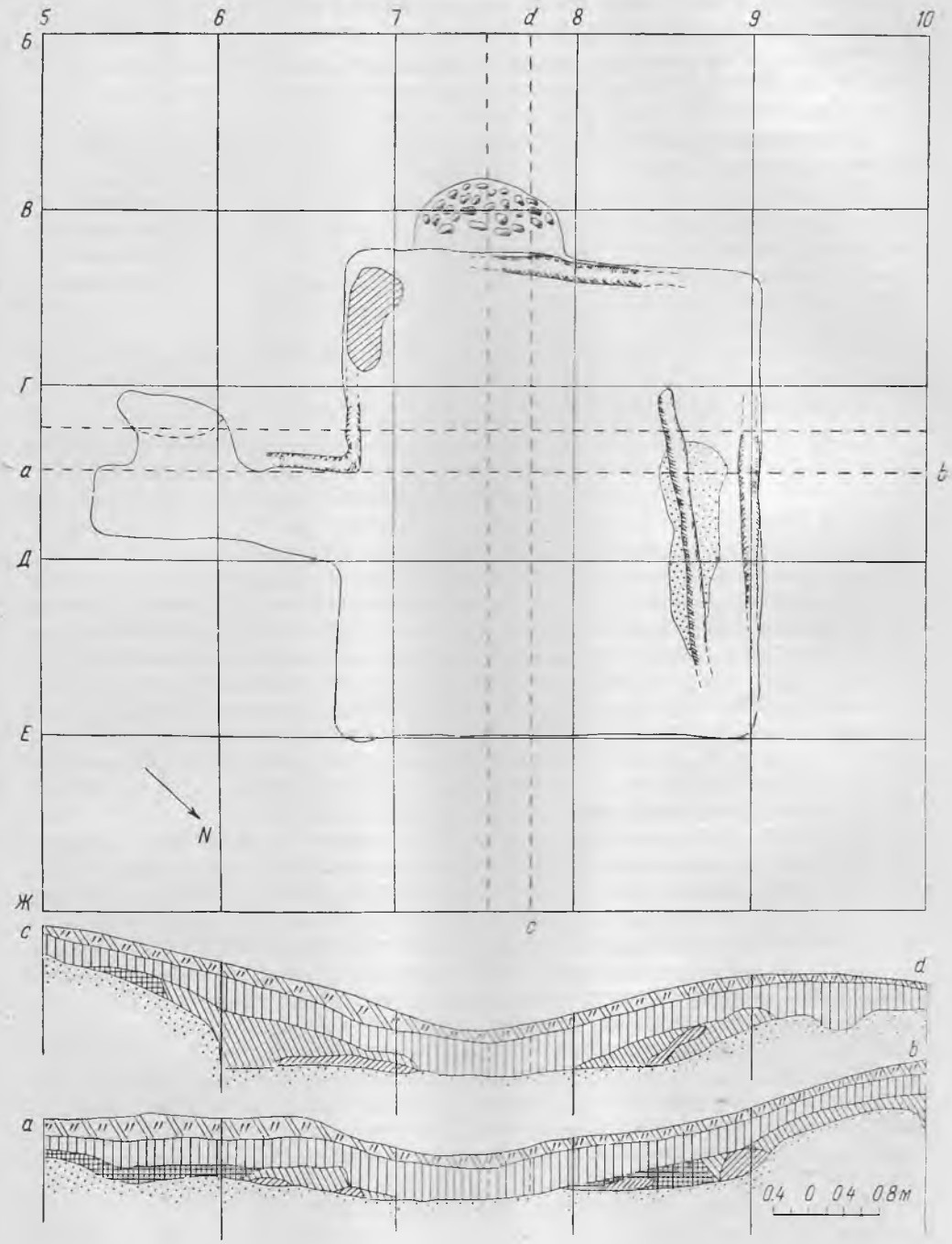

Рис. 7. План и профиль жилища со стоянки Чудозеро IV.

ною 2 м и шириною 1.6 м. Одна яма имеет длину 6.2 м и ширину 4.5 м, другая — длину 5.5 м и ширину 3.8 м. Глубина ям 0.4 м от древней поверхности.

Обе жилищные ямы, кроме соединяющего их хода, имеют выходы в южную сторону в виде небольших коридорчиков.

В большем по размерам жилище раскопано два кострища (размерами 1.8 × 1.2 и 0.9 × 0.6 м, с мощностью зольно-углистой прослойки соответственно 30 и 20 см), в меньшем — одно небольшое кострище.

За пределами жилищ обнаружен очаг, сложенный из камней небольших размеров, а также кострища и хозяйственные ямы.

Наконец, самыми поздними жилищами эпохи неолита и раннего металла, известными в настоящее время в Карелии, являются два жилища, раскопанные на стоянке Вой-наволок VII, которая относится к четвертому хронологическому этапу нашей схемы и датируется временем не ранее конца II тысячелетия до н. э., а вероятнее всего, первой половиной I тысячелетия до н. э.

Оба жилища четырехугольной формы, сравнительно небольших размеров (2.5×3.4 и 3×3 м), углублены в почву до 60 см. По форме эти жилища тоже, вероятно, близки жилищу стоянки Суна I.[38]

Таким образом, все известные нам по раскопкам жилища со стоянок Карелии являются четырехугольными, по-видимому, срубными постройками, слегка углубленными в землю. По всей вероятности, такой тип жилища был наиболее распространен в Карелии.

Очень близкой аналогией жилищам эпохи неолита и раннего металла в Карелии, особенно жилищам стоянок Чудозеро IV и Кудомгуба IV, являются жилища синхронных им стоянок Гаринской эпохи в Прикамье. Они тоже прямоугольны, площадью от 16 до 50 м^2, в различной степени углублены в землю, имеют входы в виде длинных коридоров, (в которых иногда имеются ниши хозяйственного значения. Очагами в них служили простые кострища без каменной кладки. При раскопках многих из них найдены сгоревшие части бревенчатых стен и балок от крыш (например, на стоянке Боровое озеро II). На основании изучения большого материала О. Н. Бадер пришел к выводу, что жилища эти были срубными.[39]

Основным отличием этих жилищ от жилищ на стоянках Карелии является то, что в большинстве своем они соединены крытыми ходами по несколько жилищ вместе, что нехарактерно для Карелии, где население стоянок было значительно малочисленнее. Подобное явление известно в Карелии пока только на одной стоянке — Сулгу III.

О. Н. Бадер предполагает также наличие на многих стоянках эпохи бронзы в Прикамье бревенчатых срубных наземных жилищ. Упомянув о том, что на половине открытых поселений найдены жилища-полуземлянки, а на других поселениях следов жилищ нет, он пишет: «Вряд ли поселения без жилищ можно считать сезонными, промысловыми: они расположены в районе основных поселений, в непосредственной близости от поселений с жилищами; скорее можно предположить наличие, помимо полуземлянок, также целиком наземных жилищ, которые очень трудно обнаружить раскопками».[40]

---

[38] О характере жилища на стоянке Виртале у нас нет сведений.

[39] О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции. Тр. Камской археолог. эксп., т. IX, вып. 3, Харьков, 1953, стр. 45.

[40] О. Н. Бадер и В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, стр. 50.

Наземные деревянные жилища открыты в свайном поселении на р. Модлоне.[41] Наличие их остатков А. Я. Брюсов отмечает также на стоянке Караваиха, в Горбуновском торфянике и на поселении Сарнате.[42]

Подобные жилища, по-видимому, имели место и в Карелии. Вероятно, этим можно объяснить отсутствие заметных следов жилищ на некоторых больших стоянках Карелии (Вой-наволок IX, Пуш-совхоз II, Соломенное VII и др.). Косвенным свидетельством наличия деревянных наземных домов на стоянках Паломяки и Лавамяки в юго-западной Карелии являются каменные очаги четырехугольной формы.[43]

На небольших сезонных стоянках жилищами служили, по всей вероятности, шалаши.

Возможно, что в дальнейшем будут открыты такие жилища как полуземлянки и землянки округлой формы, подобные землянкам многократно упоминаемых в археологической литературе стоянок: Федоровская, Дубровичи, Панфилово, Волосово и другие, но в настоящее время таких жилищ в Карелии мы не знаем. Признать за жилища конусообразные небольшие ямы на стоянках Вой-наволок IX, Оров-наволок, Лавамяки и других нет никаких оснований.

Можно полностью согласиться с А. Я. Брюсовым в том, что, если человек каменными орудиями выполнял довольно сложные плотничьи и столярные работы, изготовляя лодки, весла, лыжи, сани и прочее, а также сложные скульптурные работы, то вряд ли он не мог или не хотел построить себе достаточно хорошего и теплого деревянного дома.[44]

Конусообразные ямы на упомянутых выше стоянках имели, по-видимому, хозяйственное значение. Некоторые из этих ям, а именно те, в которых обнаружены признаки древних каменных очагов или кострищ, использовались, видимо, в качестве очажных ям, т. е. служили местами для открытых очагов. В таких очагах огонь, не подвергаясь воздействию ветра, горит более спокойно, а угли дольше сохраняют жар. Поэтому они удобны для приготовления пищи. Возможно, что над некоторыми из таких ям строились шалашеобразные покрытия, охватывающие площадь значительно большую, чем диаметр ямы. В таком случае — это были летние жилища, а ямы в них являлись очажными ямами.

Об умении населения Севера с помощью каменных орудий строить сравнительно удобные, прочные и теплые жилища полуземляночного и земляночного типов, а также деревянные срубные наземные жилища свидетельствуют данные русских путешественников-этнографов XVIII века.

Так, например, описывая быт камчадалов первой половины XVIII века, С. П. Крашенинников, указав, что до прихода русских они не знали металла и делали свои орудия из камня и кости, дает следующее описание их жилища:

«Юрты делают они (камчадалы, коряки, чукчи, — *Г. П.*) следующим образом: выкапывают землю аршина на два в глубину, а в длину и в ширину, смотря по числу жителей. В яме почти на самой середине ставят 4 столба толстые, один от другого по сажени и далее. На столбы кладут толстые перекладины, а на них потолок накатывают, оставя почти на средине четвероугольное отверстие, которое и вместо окна, и вместо дверей, и вместо трубы служит. К помянутым перекладинам прислоняют с земли бревна же, которых нижние концы на поверхности земли утверждаются и обрешетя их жердями покрывают травою и осыпают землею,

---

[41] А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области. МИА, № 20, М.—Л., 1951, стр. 15—21.

[42] А. Я. Брюсов. Археологические данные об экономике..., стр. 46—47.

[43] В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. II, Л., 1947, стр. 267, 269.

[44] А. Я. Брюсов. Археологические данные об экономике..., стр. 47.

так что юрта снаружи имеет вид небольшого круглого холмика, но внутри они четвероугольные, однако почти всегда две стены бывают доле, а две короче. У одной продолговатой стены между стоячими столбами бывает обыкновенно очаг, а от него вывод, которого внешнее отверстие гораздо ниже помянутого. Делается ж сей вывод для того, чтоб входящим в оной воздухом выгоняло дым вон из юрты через верхнее отверстие.

Внутри юрты подле стен делают они полки, на которых спят семья подле семьи рядом.

...Входят в юрты по лестницам стремянкам, под которыми обыкновенно очаг бывает...».[45]

В. Ф. Зуев, описывая быт хантов второй половины XVIII века, дает сведения о еще более совершенном жилище.

«Остяки..., — пишет он, — строют деревянные избы, которые бывают без крыши, а только на потолок насыпают земли, на котором вырублено четвероугольное окно небольшое, кое зимою для свету вместо слюды льдиною закрывается. Изба ... строится по большей части четвероугольно, за неимением толстого лесу и из тонкого..., без перекладывания между бревнами моху...

В таких избах бывает семей три, четыре и пять семей вместе...

Посреди всей избы имеется огнище, на котором варят себе пищу...».[46]

Пора отказаться от представления о слишком примитивных условиях жизни человека в период неолита на Севере. Такому представлению противоречит довольно высокий уровень развития производительных сил у племен этого времени, в частности, применение большого количества орудий для обработки дерева (топоров, тесел, долот, стамесок).

Наряду с деревянными наземными, а также земляночными и полуземляночными постройками древние обитатели Карелии строили, конечно, и легкие примитивные жилища в виде шалашей, прикрывающих от ветра и дождя. Такие жилища строились, по-видимому, как на временных сезонных стоянках — стойбищах, так наряду с зимними жилищами и на постоянных стоянках. Летом, по всей вероятности, обитатели поселений предпочитали жить не в зимних жилищах, а в летних.

Аналогичное явление наблюдалось этнографами Л. Я. Штернбергом у гиляков,[47] В. Ф. Зуевым у хантов[48] и др.

Легкие наземные жилища из шкур животных с деревянным остовом (типа чумов) в древней Карелии, по-видимому, не применялись. Такие жилища более характерны для населения, ведущего по складу своего хозяйства кочевой образ жизни, а население древней Карелии было оседлым. Такая зависимость характера жилищ от занятий населения подтверждается этнографическими данными. Так, в XIX веке береговые чукчи, занимаясь промыслом морского зверя и рыболовством, жили оседло на определенных обжитых местах, а оленные чукчи, занимаясь оленеводством, кочевали вслед за стадами оленей, постоянно меняя места своих стойбищ.[49]

Итак, по данным стоянок Карелии с наибольшей вероятностью, к остаткам жилищ можно отнести только четырехугольные ямы, подобные ямам, раскопанным на стоянках Суна I, Чудозеро IV и др. Не исключена возможность, что древними поселенцами Карелии строились также округлые полуземляночные и земляночные жилища, типа жилищ

---

[45] С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, стр. 374, 376.

[46] В. Ф. Зуев. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771—1772 гг.). М.—Л., 1947, стр. 29.

[47] Л. Я. Штернберг. Семья и род у народов северо-восточной Азии. Л., 1933

[48] В. Ф. Зуев, ук. соч., стр. 31.

[49] В. Г. Тан-Богораз. Чукчи, ч. I. Л., 1934, стр. 12—17.

Федоровской стоянки, но до настоящего времени достоверных данных об этом нет.

Судя по площади жилищ, найденных в Карелии, в древнейшем из них (на стоянке Суна I) могло разместиться не более 5—6 человек.

На следующем хронологическом этапе нам известны более вместительные жилища со стоянки Чудозера IV, в каждом из которых могло жить 10—12 человек.

Еще более вместительным было жилище на стоянке Кудом-губа IV, в котором жило, по-видимому, около 20—25 человек.

На самом позднем этапе рассматриваемой нами эпохи мы вновь видим небольшие жилища, подобные жилищу со стоянки Суна I, в которых размещалось по 5—6 человек. Это явление объясняется, по-видимому, общей убылью населения в Карелии на данном хронологическом этапе, что заметно также, как уже отмечалось, и по значительной убыли количества поселений в это время.

О количественном составе обитателей древних поселений мы можем судить лишь приблизительно.

Так, например, размеры жилища на стоянке Суна I позволяют разместить в нем не более 5—6 человек. Небольшая площадь, занимаемая стоянкой, заставляет предполагать, что на ней могло быть не более 3—4 жилищ такой или несколько большей площади. Следовательно, население стоянки насчитывало около 20—25 человек.

Несколько большим было население стоянки Чудозеро IV, на которой прослежены 3 жилища вместимостью 10—12 человек каждое. Следовательно, всего в поселении могло жить до 35—40 человек или несколько более. То же можно сказать и о других древних поселениях Карелии. По-видимому, население даже самых больших из этих поселений не превышало 50—60 человек.

На основании этих данных можно приблизительно подсчитать численный состав племени в Карелии эпохи неолита и раннего металла.

Так, например, на втором хронологическом этапе, датируемом по нашей схеме 2100—1800 гг. до н. э., в пределах границ наиболее хорошо изученного I племенного варианта (племени, обитавшего на западном берегу Онежского озера) известно 12 постоянных поселений. Надо учесть, конечно, что часть стоянок разрушена в результате подмыва берегов рек и озер и других природных явлений, а также в результате сельскохозяйственных и строительных работ. Многие стоянки еще не открыты. Предположим, что действительное число этих стоянок было в три раза больше. Тогда, считая, что на каждом поселении в среднем жило около 30 человек, мы будем иметь в сумме около 1000—1100 человек. Если предположить, что поселения существовали в течение не всего хронологического этапа, а в среднем 100—150 лет, то это число соответственно уменьшится в 2—3 раза. Численный состав племени на данном хронологическом этапе по этим грубым подсчетам не превышал, следовательно, 500—600 человек.

Конечно, эти подсчеты далеки от точных и дают весьма приблизительное представление о численном составе племен в Карелии в эпоху неолита и раннего металла. Однако по ним все же можно видеть, что племена эти были очень небольшими, и даже крупнейшие из них вряд ли насчитывали больше 1000 человек. Численность большинства племен, по-видимому, не превышала 500 человек, а многие из них были и того меньше.

Говоря о древних поселениях и жилищах Карелии, мы вынуждены ограничиться изложенными здесь суммарными сведениями. Показать характерные черты поселений и жилищ для каждого из рассмотренных выше племен пока еще невозможно, так как для этого не имеется доста-

точных данных. Это одна из задач дальнейших исследований. Возможности для этого намечаются, ибо уже в настоящее время в различных районах Карелии известно свыше 200 стоянок, пригодных для раскопок, причем на многих из них имеются признаки углубленных в землю жилищ. Эти жилища в ближайшие годы должны быть раскопаны.

Итак, в рассматриваемую эпоху население Карелии жило в небольших по числу обитателей далеко отстоящих друг от друга поселениях по берегам рек и озер. Сравнительно слабая заселенность края объясняется, по-видимому, довольно суровыми природными условиями и главным образом экстенсивным характером рыболовческо-охотничьего хозяйства древней Карелии, которое не могло обеспечить более или менее значительного роста населения в отличие от земледельческого и скотоводческого хозяйства на юге Европы, значительно лучше обеспечивавшего южан продуктами питания. Поэтому на Юге население росло на много быстрее, и в населенных пунктах насчитывались сотни и тысячи человек. Например, в трипольских поселениях эпохи неолита насчитывалось по 20—30 больших жилищ полуземляночного типа, причем в каждом из таких жилищ жило до 30 человек, т. е. численность населения в таких поселениях достигала 1000 человек и более.

Однако и в северной полосе в более благоприятных, чем в Карелии, природных условиях население было более густым, а поселения более крупными. Так, например, на стоянке Панфиловская (Волосовская культура) раскопано 7 жилищ площадью около 100 м^2 каждое.[50] Общее число жителей в таком поселении, по-видимому, превышало 300 человек. На стоянке Бор I в Прикамье[51] известно 23 жилища, площадью от 16 до 50 м^2 каждое. Населения здесь насчитывалось, по-видимому, около 400 человек. На поселении Боровое озеро II[52] в Прикамье открыто 12 жилищ площадью по 30—36 м^2 каждое, т. е. с общей численностью населения около 200 человек.

Об относительно большом росте населения в средней полосе лесного Севера свидетельствует также довольно густая сеть стоянок эпохи неолита и раннего металла в области Белевской, Балахнинской, Рязанской и других культур.

Трудно сказать, что послужило причиной относительно быстрого роста населения в этих областях по сравнению с Карелией и другими более северными областями. По всей вероятности, основной причиной этого явления надо считать менее суровые природные условия средней лесной полосы по сравнению с Крайним Севером и отчасти более быстрое развитие производительных сил в условиях того же охотничье-рыболовного хозяйства.

СПОСОБЫ ДОБЫВАНИЯ СРЕДСТВ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Основным занятием древнего населения Карелии на протяжении всей рассматриваемой здесь эпохи являлись, по-видимому, охота и рыбная ловля. Значительную роль, вероятно, играло также собирательство (сбор грибов, ягод, съедобных корней растений и т. п.). Продукты собирательства служили существенным дополнением к рыбной и мясной пище, пополняя организм недостающими витаминами. Зачатки земледелия и скотоводства, возможно, имели место только начиная с I тыся-

---

[50] В. А. Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка. Тр. Владимирского обл. музея, вып. II, Владимир, 1925, стр. 7; И. К. Цветкова. Неолитические жилища стоянки Володары. СА, № 2, 1958, стр. 112.

[51] О. Н. Бадер и З. П. Соколова. Новые стоянки чусовского Прикамья. Тр. Камской археолог. эксп., т. IX, вып. 3, Харьков, 1953, стр. 99.

[52] О. И. Бадер и З. П. Соколова, ук. соч., стр. 110.

челетия до н. э. Проследить это явление по археологическим данным пока не удалось

О занятиях же охотой и рыбной ловлей есть многочисленные свидетельства: изображения на петроглифах диких зверей, птиц и рыб (в ряде случаев пораженных копьями и острогами или попавшими в капканы); изображения охотничьих ловушек и охотничьего оружия; изображения сцен охоты (преследование лося на лыжах, сцена загона оленей, охота на лосей на лодках и т. п.); кремневые и костяные фигурки, изображающие животных, птиц и рыб; каменные фигурные молоты с изображением голов животных; глиняные скульптурки, изображающие зверей; каменное охотничье оружие (наконечники стрел, копий, дротиков); каменные грузила от сетей; части составных каменных рыболовных крючков и т. п.

В то же время нет никаких свидетельств о занятии земледелием или скотоводством. На петроглифах, например, нет сцен пахоты (как на некоторых скандинавских петроглифах) или сцен пастьбы скота (как на некоторых сибирских «писанцах»), в инвентаре стоянок нет никаких земледельческих орудий.

Способы охоты и рыбной ловли в эпоху неолита и раннего металла в Карелии довольно подробно освещены А. Я. Брюсовым[53] и Н. Н. Гуриной.[54] Поэтому мы остановимся только на некоторых сторонах этих вопросов.

Среди археологов, изучавших Карельскую археологическую культуру, господствует мнение, что первенствующую роль в хозяйстве древних обитателей Карелии играло рыболовство.[55] Охоте отводится второе место.

По всей вероятности, в основе своей это мнение правильное, но несомненно, что как охота, так и рыболовство в различных районах Карелии имели неодинаковое значение. В процессе складывания и развития каждого из племен в их хозяйстве получали преобладание охота или рыболовство, или то и другое имели равное значение.

Возможно, однако, что в некоторых ее районах охота имела большее значение, чем рыболовство. Такими районами являются, вероятно, низовья р. Выга и восточный берег Онежского озера, т. е. III и V племенные варианты. Это предположение вызывается следующими данными: 1) на стоянках этих вариантов встречается значительно больше наконечников стрел, копий и дротиков, чем на стоянках других районов[56] (из 418 наконечников,[57] собранных на стоянках Карелии по 1960 г. включительно, в упомянутых двух районах найдено 255); 2) орудия рыболовства в инвентаре стоянок этих районов довольно редки; 3) кальцинированные кости рыб в отличие от стоянок I варианта здесь почти не встречаются.

На стоянках других рассматриваемых здесь вариантов орудия охоты и рыболовства представлены приблизительно в одинаковой пропорции. Только в I варианте орудия рыболовства несколько преобладают над

---

[53] А. Я. Брюсов. 1) История древней Карелии; 2) Очерки по истории..., и др.

[54] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита..., и др.

[55] А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 37, 45—46; Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита..., стр. 140.

[56] Я не могу согласиться с утверждением А. Я. Брюсова о широком применении лука и стрел в рыбной ловле (см.: А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 57). Конечно, в редких случаях такое применение не исключено, но вряд ли такой способ мог быть эффективнее сетей (даже лыковых) и гарпунов, которые, судя по данным петроглифов и Олонецкого могильника, были широко распространены в Карелии.

[57] В это число не входят наконечники Олонецкого могильника и других памятников докерамического времени.

орудиями охоты. Кальцинированные кости рыб в большом количестве найдены только на некоторых стоянках I варианта и в незначительном количестве на отдельных стоянках других вариантов (Сулгу I, близ Чёлмуж, Остров Шойрукшин). В то же время кальцинированные кости животных и птиц известны на преобладающем большинстве стоянок Карелии. Это явление нельзя объяснить почвенными условиями, так как, во-первых, кальцинированная кость вообще хорошо сохраняется, а во-вторых, во всех районах мы имеем дело главным образом с озовыми и дюнными стоянками, т. е. с песчаной почвой и, следовательно, условия для сохранности кости на этих стоянках одинаковые. И все же кости рыб представлены в основном на стоянках I варианта. По-видимому, у этого племени рыболовство было развито все же больше, чем у других племен. Нам кажется это не случайно, так как район его расположения наиболее удобен для рыболовства, успеху которого способствовала сильная изрезанность этой части берега Онежского озера и большое количество примыкающих к нему маленьких озер.

Таким образом, изложенные выше данные свидетельствуют до некоторой степени о преимущественном развитии рыболовства в I варианте и охоты в III и V вариантах. В остальных рассматриваемых здесь вариантах охота и рыболовство играли, по-видимому, приблизительно одинаковую роль.

Из рыболовных орудий наиболее частыми находками на стоянках Карелии являются грузила от сетей и небольших рыболовных ловушек типа вершей. Сети плели, по-видимому, из лыка, о чем свидетельствуют известные находки у Антреа и в Сарнате, а ловушки, вероятнее всего, плели из ивовых прутьев (такие ловушки находят применение вплоть до наших дней). Применялись также, видимо, запруды в ручьях, сооружения подобные современным заколам и т. п. Наряду с этим ловили рыбу удочками, что подтверждается находками обломков или составных частей каменных крючков и грузиков от лесок. Такие орудия найдены на 17 стоянках Карелии.[58] Кроме того, кололи рыбу острогами или гарпунами, которые изготовлялись из кости, поэтому в инвентаре стоянок они не сохранились, но на петроглифах имеются изображения рыб, проколотых острогами.

Довольно большое количество гарпунов представлено в инвентаре Оленеостровского могильника. Два гарпуна найдено на стоянке Сулгу II. Несомненно, что и рыболовные крючки применялись не только каменные, но и костяные. Подтверждением этому служат находки таких крючков в инвентаре Оленеостровского могильника, а также на стоянках Соломенное VII и Пески III.

Большую роль в рыбной ловле играли лодки, которые, судя по изображениям на петроглифах, изготовлялись довольно совершенно и имели значительную емкость (вмещали до 10—15 человек и даже больше).

На петроглифах «Бесов нос» изображены вместительные лодки с низкими бортами. В них, по-видимому, плавали по Онежскому озеру в тихую погоду, держась ближе к берегу. На петроглифах «Бесовы следки» изображены большие лодки с высокими бортами, на которых, вероятно, выходили даже в Белое море на промысел за морским зверем. Такое предположение неоднократно высказывалось А. Я. Брюсовым.

Наряду с большими лодками применялись несомненно и челноки-однодеревки, особенно на небольших озерах и реках. Об этом свидетельствует находка такого челнока А. А. Иностранцевым. Косвенным под-

[58] На стоянке Сулгу III, например, найдено больше 20 шиферных грузиков от лесок.

утверждением этого является применение подобных челноков в Вологодской и Архангельской областях и в Карелии до настоящего времени.

Рыбная ловля играла все же большую роль у всех племен, населявших Карелию, и, пожалуй, была более надежным и постоянным способом добывания средств к жизни. У некоторых из племен этот способ ведения хозяйства был основным. Одним из таких племен, как уже упоминалось, было, по-видимому, племя, обитавшее на западном побережье Онежского озера.

Возможность преобладания рыболовства над охотой у некоторых древних племен лесного севера косвенно подтверждается также этнографическими данными. Так, например, В. Ф. Зуев, при описании быта и занятий хантов и ненцев второй половины XVIII века, сообщает: «Рыболовство — первое у остяков и самоедцов пропитание — заключает в себе большую часть их жития...» [59]

Он же пишет, что вся пища остяков и ненцев «состоит по большей части из рыбы, которая на разные манеры приуготовляется и разные оттого имяна получает...».[60]

Свидетельства более или менее значительного развития охоты в изучаемую эпоху в Карелии, как уже упоминалось, встречаются в двух ее районах: в низовьях р. Выга и на восточном побережье Онежского озера. Одним из этих свидетельств является необычно большое количество наконечников стрел, копий и дротиков на стоянках этих районов (например, только из двух стоянках: Золотец I и Остров Шойрукшин в низовьях р. Выга найдено 85 наконечников). Другим свидетельством является большое количество животных и птиц, изображенных на петроглифах, а также изображенные на них сцены охоты, капканы, животные и птицы, пораженные копьями, попавшие в капканы, ловушки и т. п. Животных и птиц на петроглифах изображено значительно больше, чем рыб.

В других районах Карелии наконечники стрел встречаются крайне редко.

Отметив этот факт, а также отсутствие изображений охоты с луком на петроглифах Карелии, А. Я. Брюсов пришел к выводу, что охота с луком и стрелами в силу тех или иных причин не получила здесь широкого развития. По его мнению, здесь была больше развита охота с различными ловушками, капканами, силками, массовая загонная охота летом и охота на лыжах (прил. IV табл. 19) с собаками зимой. На Севере, как он полагает, была также развита массовая сезонная охота на морского зверя на лодках с гарпунами.[61]

С этими положениями, подтверждаемыми данными петроглифов, можно в основном согласиться. Несомненно, что охота играла существенную роль у всех племен Карелии. Даже те племена, у которых основным способом добывания пищи было рыболовство, не смогли бы существовать без мяса животных, а следовательно, без более или менее развитой охоты.

При рассмотрении вопроса о распространении лука и стрел необходимо учесть то обстоятельство, что на стоянках Карелии не сохранились изделия из кости. Возможно, костяные наконечники применялись в большинстве районов Карелии более широко, чем кремневые. Тем более, что кремневые орудия наиболее характерны только для юга Карелии и для упомянутых двух районов ее (для III и V вариантов), но и в них наконечников найдено довольно много. В других районах Карелии

---

[59] В. Ф. Зуев, ук. соч., стр. 68.
[60] Там же, стр. 36.
[61] А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 57—71.

кремень применялся в значительно меньшей степени. Поэтому вполне возможно, что там изготовляли костяные наконечники. Это подтверждается до некоторой степени довольно большим количеством костяных наконечников в инвентаре Оленеостровского могильника.

Интересно отметить также тот факт, что наконечники дротиков и копий на стоянках Карелии встречаются совсем редко. В то же время нельзя усомниться в широком распространении этих орудий, неоднократно изображенных на петроглифах. Правдоподобнее предположить, что наконечники для всех этих видов метательного оружия изготовлялись в основном из кости и только небольшая их часть — из камня. При этом каменные (кремневые) наконечники получили распространение на восточном побережье Онежского озера и в низовьях р. Выга, а на остальной территории Карелии применялись, вероятно, в основном костяные наконечники. Из кости изготовлялись, по всей вероятности, все мелкие орудия хозяйственного назначения (иглы, шилья, проколки и т. п.), а также некоторые украшения, амулеты, статуэтки и т. п.

Основными орудиями для изготовления костяных изделий служили, видимо, резцы, скребки, скобели, сверла, точильные камни. Особенно большую роль при этом несомненно играли резцы и скребки. Этих орудий мы встречаем на стоянках больше всего. Они являются несомненным косвенным свидетельством развитого производства костяных изделий.

Не меньшую роль в жизни человека играли и деревянные изделия. Важнейшими и, по-видимому, наиболее трудоемкими из них были лодки и лыжи.

Посуда в основном изготовлялась, видимо, из глины. Вместе с тем значительная ее часть изготовлялась, по всей вероятности, также из дерева, древесных прутьев, коры и т. п.

У нас нет необходимости более подробно останавливаться на описании не сохранившейся в инвентаре стоянок хозяйственной утвари, а также одежды и обуви древних обитателей Карелии, так как никаких прямых данных о них мы не имеем, а все косвенные данные были уже приведены в трудах археологов, изучающих Карелию и другие районы лесного Севера.

Подводя итог всему сказанному по данному вопросу необходимо отметить, что относительно высокий уровень рыболовства и охоты у племен древней Карелии не спасал их, однако, от периодических голодовок, ибо человек с его примитивными каменными и костяными орудиями находился еще в полной зависимости от природы.

Так, например, успех его в рыбной ловле зависел от многих не всегда понятных ему причин (состояние погоды, различия в ходе рыбы и т. п.), а также примитивного характера орудий лова.

Тем более нелегко было человеку, вооруженному копьем и луком со стрелами, подойти близко к чуткому осторожному животному или пугливой птице и поразить их своим примитивным оружием. Не легче было, видимо, поймать их и в примитивные ловушки, ибо даже в современные капканы осторожный зверь редко попадает.

Были, конечно, и удачи в охоте, но они не могли обеспечить людей на долгое время. Поэтому периодические голодовки при примитивном уровне развития производительных сил в эту эпоху были неизбежны.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Ко времени заселения Карелии пришельцами из волго-окского междуречья она была заселена небольшими по численности племенами аборигенов. Каждое из этих племен состояло, по-видимому, из двух или

нескольких материнских родов (вероятно, не более шести). Роды жили отдельными поселениями. Судя по небольшой площади, занимаемой этими поселениями, каждый род насчитывал не более 40—50 человек.

Общественная организация волго-окских пришельцев вряд ли существенно отличалась от организации аборигенов. Только численность их, по всей вероятности, была несколько большей. Однако и их роды в условиях Карелии редко превышали 50—60 человек. Деление родов на несколько поселений в условиях Карелии вряд ли было частым явлением, так как сами роды были небольшими по численности. Однако такие случаи все же имели место. Например, в местечке Соломенное близ Петрозаводска и в местечке Пески, в 2 км от него, есть одновременные стоянки, принадлежавшие очевидно одному роду, так как вряд ли поселения двух родов могли размещаться так близко.

Внутри каждой из большинства известных нам локальных групп поселений, расположенных близко друг к другу, мы не находим одновременно существовавших стоянок. Между ними обязательно существует какой-то хронологический разрыв. В то же время в недалеко отстоящих друг от друга группах стоянок, как правило, находятся хронологически одновременные стоянки. Это характерно, например, для групп стоянок на оз. Чудозере, на оз. Юд-ярви, на оз. Кудомгубском, в низовьях р. Суны, для стоянок на Вой-наволоке и для многих др.

Эти факты свидетельствуют о родовом характере поселений и о близком соседстве родов, принадлежавших одному и тому же племени.

Переход к патриархату в Карелии происходил, по-видимому, постепенно по мере роста значения металлических орудий в хозяйстве и тем самым роста эффективности мужского труда (охоты и рыболовства). Проследить этот процесс по археологическим данным в настоящее время не представляется еще возможным. Можно лишь предположить, что его развитие относится уже к I тысячелетию до н. э. Вероятно, к этому времени относятся зачатки оленеводства, которое тоже способствовало становлению и развитию патриархата.

Под влиянием более развитых в культурном отношении южных соседей отдельные племена, возможно, пришли к патриархальному строю еще во II тысячелетии до н. э., но никаких достоверных сведений об этом мы не имеем. Никаких твердых археологических данных о начале развития скотоводства и земледелия в условиях Карелии в рассматриваемый период мы тоже не имеем.

Можно лишь с некоторой долей вероятности предполагать, что в I тысячелетии до н. э. появились зачатки оленеводства, так как для коренной ломки всего хозяйственного уклада оседлых охотников и рыболовов и перехода их к кочевому оленеводству необходимо довольно длительное время. По-видимому, этот переход и совершался на протяжении I тысячелетия до н. э. и, может быть, первой половины I тысячелетия н. э.

Однако повторяем, никакой твердой основы для этих предположений нет. В. И. Равдоникас высказал предположение о возможности существования во II тысячелетии до н. э. в Карелии наряду с оседлым охотничье-рыболовческим населением кочевых или полукочевых групп с охотничье-скотоводческим укладом хозяйства.[62] Однако это предположение основано на очень шаткой основе, о чем было сказано выше, и поэтому мало правдоподобно.

---

[62] В. И. Равдоникас. Неолитический могильник на Южном Оленьем острове Онежского озера, СА, VI, М.—Л., 1940, стр. 20.

Основными памятниками для изучения религиозных представлений неолитического населения Карелии являются наскальные изображения, высеченные ее древними обитателями на восточном берегу Онежского озера у д. Бесов Нос и в устье р. Выга у д. Выгостров, а также Олене-островский неолитический могильник.

Материалы стоянок эпохи неолита и раннего металла как и более ранних мезолитических стоянок почти ничего не дают для изучения этого вопроса.

Немногочисленные скульптурные изображения (животных, птиц, рыб, человека), орнамент на сосудах и других вещах, амулеты, сосуды с охрой, вещи, закрашенные охрой, ямы, заполненные охрой, и прочее могут служить лишь дополнительным материалом для изучения религиозных верований по данным упомянутых выше памятников.

Вопрос о верованиях неоднократно освещался в археологической литературе о Карелии. Больше всего внимания этому вопросу уделили В. И. Равдоникас, А. М. Линевский, А. Я. Брюсов и Н. Н. Гурина.[63]

В нашу задачу не входит подробное изучение этого вопроса, которому должно быть посвящено специальное исследование.

Однако, учитывая то обстоятельство, что взгляды исследователей, изучающих этот вопрос, не имеют нужного единства, необходимо коротко остановиться на нем, чтобы изложить свое мнение.

Все исследователи, изучавшие этот вопрос по карельским материалам, согласны в том, что основой религиозных верований неолитических обитателей Карелии являются их анимистические представления о природе и взаимоотношениях человека с природой. Никто из исследователей не отрицает также того, что древним обитателям Карелии не чужды были тотемистические представления и магические обряды, особенно охотничья магия.

Взгляды исследователей расходятся по двум основным взаимосвязанным вопросам.

Во-первых, по вопросу о том, был ли известен древним обитателям Карелии космический культ, и если да, то какое место он занимал в их верованиях.

Во-вторых, являются ли наскальные изображения реальными образами конкретного мышления первобытного человека или они лишь символы, «преломляемые через призму первобытного мышления».

А. М. Линевский полностью отрицает наличие космического культа в эпоху неолита в Карелии, считая, что такой культ характерен для земледельцев, а не для охотников и рыболовов.[64]

В. И. Равдоникас отводит космическому культу в среде неолитических племен Карелии значительную роль.[65] Он считает, в частности, что в петроглифах у д. Бесов Нос основное место занимает солярно-лунарный культ. Эти взгляды поддержаны К. Д. Лаушкиным в недавно изданной статье.[66]

---

[63] В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. М.—Л., чч. I и II, 1936, 1937; А. М. Линевский. 1) Петроглифы Карелии. Петрозаводск, 1939; 2) Очерки по истории древней Карелии. Петрозаводск, 1940; А. Я. Брюсов. История древней Карелии; Н. Н. Гурина. Олене-островский могильник...

[64] А. М. Линевский. Петроглифы Карелии, стр. 39—44.

[65] В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера, ч. I. М.—Л., 1936, стр. 23—32.

[66] К. Д. Лаушкин. Онежское святилище. Скандинавский сборник, IV, Таллин, 1959, стр. 83—111.

А. Я. Брюсов в этом вопросе в основном разделяет взгляды А. М. Линевского, но, вопреки последнему, не отрицая полностью наличия в наскальных изображениях космического культа, отводит ему второстепенную, а не ведущую роль.

На наш взгляд это наиболее верный подход к разрешению данного вопроса.

А. Я. Брюсов убедительно доказал, что некоторые изображения на петроглифах относятся к солярно-лунарному культу. Наличие космического культа у древних обитателей Карелии подтверждается также находкой лунарной кремневой подвески (по-видимому, амулета) на стоянке Золотец I у д. Выгостров.

В то же время характер основного большинства изображений на петроглифах свидетельствует о том, что они не имели никакого отношения к солярно-лунарному культу и возникли, как справедливо доказывает А. М. Линевский, главным образом в результате охотничьей магии.

Исключительно правильным является подход А. Я. Брюсова и А. М. Линевского к петроглифам, как источнику изучения конкретной повседневной жизни первобытных охотников Карелии.

Они исходят при этом из того, что наскальные изображения являются реальными образами конкретного мышления человека.

На наш взгляд, излишне усложненно подходит к этому вопросу В. И. Равдоникас, который каждое изображение на петроглифах понимает не как конкретный образ реальной действительности, а как некий символ конкретной вещи, преломляемой через призму первобытного мышления. По его мнению, первоначально необходимо расшифровать значения их в первобытном сознании, а потом уже использовать для изучения конкретной действительности.

«Надо восстановить сначала формы мышления данной эпохи, — пишет В. И. Равдоникас, — расшифровать семантику наскальных изображений, которую им приписывали люди, их создавшие, и уже затем... заключать о хозяйстве и общественной жизни этих людей».[67]

Совершенно непонятно, каким путем изучать формы мышления, по-видимому, чисто умозрительным, В. И. Равдоникас на этот счет указаний не дает.

Таким образом, предлагается сначала каким-то неведомым путем разгадать смысл петроглифов, а потом уже изучать их.

Нам кажется, что такая точка зрения совершенно неприемлема. Первобытный человек со времен палеолита изображал действительность не символами, а очень реалистическими рисунками. Наскальные изображения эпохи неолита в Карелии отличаются от палеолитических рисунков большей схематичностью, но стремление к реальному изображению действительности в них несомненно. По многим рисункам мы точно можем определить какое животное, птица или рыба изображены на рисунке. О каких же символах в данном случае может идти речь?

Более того, даже символические изображения божественных животных и птиц отличаются реалистичностью. Таковы, например, изображения священных лебедей с неестественно длинными шеями, но с конфигурацией тела, типичной для обычных лебедей.

Считая, что данный вопрос требует дальнейшего специального изучения, мы ограничимся сделанными здесь краткими замечаниями, не вдаваясь в более подробное его рассмотрение.

---

[67] В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера, ч. I, стр. 18.

Как видно из вышесказанного, наши взгляды по этому вопросу в основе своей не расходятся со взглядами А. М. Линевского и полностью совпадают со взглядами А. Я. Брюсова.

Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря являются местами племенных святилищ, которые использовались главным образом в целях охотничьей магии.

На основе данных Оленеостровского могильника и петроглифов можно считать несомненным, что в основе верований племен, населявших Карелию в изучаемую эпоху, были анимистические представления.

Тотемизм, по-видимому, был уже пережиточным явлением, большого расцвета достигли магические обряды, космический культ, по всей вероятности, еще не имел большого значения. Антропоморфизация божеств, о которой свидетельствуют некоторые изображения на петроглифах и скульптурные изображения в могильнике, говорят о наличии культа предков.

Мы не будем останавливаться на вопросах первобытного искусства в Карелии, так как по имеющимся в нашем распоряжении источникам они в достаточной мере освещены упомянутыми выше исследователями.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПЛЕМЕНАМИ ДРЕВНЕЙ КАРЕЛИИ. ИХ ВНЕШНИЕ СВЯЗИ

Рассматривая вопрос о взаимоотношениях между племенами древней Карелии и связях этих племен с племенами соседних областей, необходимо прежде всего остановиться на вопросе о том, какие формы принимали эти связи и как их можно проследить по археологическим данным.

Данные этнографии дают возможность ознакомиться с основными формами межплеменных связей, которые могли иметь место между неолитическими племенами в процессе их жизни и трудовой деятельности. Эти данные основаны на непосредственном наблюдении за бытом, трудовой деятельностью и племенными связями современных народов, стоявших в недалеком прошлом или стоящих в настоящее время на низком уровне развития культуры.

Такими формами связи, между прочим, были следующие.

1. Пополнение рода чужеродцами за счет побежденных, мирно ассимилированных или родственных родов. Усыновление.

Низкий уровень развития производительных сил и антисанитарные условия быта людей первобытного общества периода неолита вызывали большую смертность от частых голодовок и болезней. Особенно опустошительно действовали эпидемические заболевания, которые иногда поголовно уничтожали целые селения, так как люди совершенно не умели бороться с подобными бедствиями. Так, В. Г. Тан-Богораз пишет: «Заразные болезни неоднократно появлялись среди чукоч. Оспа несколько раз свирепствовала среди населения Северо-Восточной Сибири... В 1899 году свирепствовала эпидемия кори... Для чукоч эпидемия была весьма губительна... На некоторых оленных стойбищах вблизи тихоокеанского берега осталось лишь по несколько детей... То же самое произошло на Колымской тундре в 1884 году после эпидемии оспы».[68]

Подобные же сведения сообщает В. Ф. Зуев о хантах и ненцах: «Обыкновенные у их болезни всем известны: в молодых детях оспа с горячкою... редко и старики от оной освобождаются».[69]

---

[68] В. Тан-Богораз, ук. соч., стр. 23—24.
[69] В. Ф. Зуев, ук. соч., стр. 39.

Обеспечить себе более или менее сносное существование в условиях низкого уровня развития производительных сил могли только наиболее сильные, т. е. относительно многолюдные роды и племена. Поэтому каждый род и каждое племя было заинтересовано в пополнении своего состава новыми членами.

Множество этнографических примеров говорит о том, что пленные, захваченные в межплеменных войнах, принимались в род и племя как равноправные его члены. Это отмечается, например, Л. Г. Морганом[70] при описании им рода ирокезов: «... военнопленные или умерщвлялись или усыновлялись каким-либо родом... Усыновленный пленник или пленница становился по отношению к усыновившему его лицу братом или сестрой, ...причем впоследствии с усыновленным обращались во всех отношениях так, как если бы он был действительно родным».

Об этом же свидетельствует Л. Я. Штернберг в своем труде «Семья и род у народов северо-восточной Азии».[71]

Однако пополнение рода производилось не только и даже не столько за счет военнопленных чужеродцев, сколько другими способами за счет родственных родов или путем ассимиляции неродственных родов, потерявших по какой-либо причине связи со своим племенем и попавших в окружение чужого племени. Так, например, у ирокезов одно время род Ястреб-сенека дошел до незначительного числа членов и ему грозило вымирание. Для спасения этого рода несколько человек из рода Волк по взаимному согласию были переведены путем усыновления в род Ястреб.[72] Подобный же случай отмечается также Л. Я. Штернбергом в упомянутом выше труде.[73] Л. Я. Штернберг говорит также о случаях усыновления отдельных людей в случае вымирания их рода от болезней или в случае гибели их рода от войны и т. п.[74] Индивидуальное усыновление применялось не только к членам родственных родов, но и к чужеродным. Об этом свидетельствуют Л. Я. Штернберг[75] и В. Г. Тан-Богораз.[76]

2. Брак.

Экзогамные брачные ограничения касались только определенных родов в каждом племени. Они не распространялись на браки с членами соседних племен. Браки можно было заключать также в своем племени с членами родов, не связанных брачными ограничениями. Так, например, «для гиляка, — свидетельствует Л. Я. Штернберг, — ...не возбраняется... иметь половое общение или вступать в брак с любимой женщиной своего или соседнего племени, кроме тех, которые связаны с ними тем или другим термином родства».[77] Или еще: «Со времен далекого прошлого гиляки жили с ними (с тунгусами, — *Г. П.*) в тесном контакте. Смешанные браки особенно у границ гиляцкой территории, обычное явление у них...».[78]

То же самое сообщает В. Ф. Зуев: «У остяков за грех почитается взять себе в жены из того же роду, коего фамилиею сам прозывается, ...и так, не касаясь до племени своей фамилии, выбирает себе невесту

---

[70] Л. Г. Морган. Древнее общество. Л., 1934, стр. 48—49.
[71] Л. Я. Штернберг. Семья и род у народов северо-восточной Азии. Л., 1933, стр. 159.
[72] Л. Г. Морган, ук. соч., стр. 49.
[73] Л. Я. Штернберг, ук. соч., стр. 169.
[74] Там же, стр. 169.
[75] Там же, стр. 169.
[76] В. Г. Тан-Богораз, ук. соч., стр. 104.
[77] Л. Я. Штернберг, ук. соч., стр. 82.
[78] Там же, стр. 67.

из другова роду, хотя б двоюродную сестру свою, но когда иначе прозывается, то свататься и жениться на ей нет запрещения...».[79]

3. Случайный обмен. Первобытная торговля.

Омен как первобытный способ торговли, зародился, по-видимому, на довольно ранних ступенях человеческого развития, первоначально в виде случайного обмена теми или иными продуктами, в которых взаимно нуждались соседние племена. В рассматриваемую нами эпоху обмен, вероятно, был уже относительно развит и охватывал не только соседние, но, по-видимому, и отдаленные области. Этнографические данные тоже говорят о наличии обмена между племенами, стоящими по уровню своего развития на ступени неолита. В. Г. Тан-Богораз указывает, что «еще до прихода русских существовали оживленные торговые сношения между стойбищами оленных чукоч и поселками приморских жителей (чукотскими и эскимосскими), а равным образом между Азией и Америкой через Берингов пролив. Оленные чукчи нуждались в ворвани, в ремнях и тюленьих шкурках, взамен этого они давали оленьи шкуры, готовую одежду...».[80]

4. Совместная охота племен на общих охотничьих участках.

Подобная охота нередко имела место в жизни тунгусских и иных отсталых племен Сибири. Это отмечается Л. И. Шренком, по свидетельству которого нижнеамурские тунгусы часто охотились на чужих территориях, занимаемых соседними племенами, не возбуждая ничьей вражды. Он же упоминает об интересном случае существования общей охотничьей территории для многих племен: «По нижнему течению Гирина... широко раскидывается в полном смысле слова международная охотничья площадь и на ней охотятся почти без исключения все тунгусские племена Нижнеамурского края».[81]

Таковы основные формы межплеменных связей, известные нам из этнографических данных.

Археологически эти связи можно проследить только по данным материальной культуры из раскопанных древних памятников (стоянок, могильников и пр.), в частности по племенной орнаментации на глиняных сосудах и другой хозяйственной утвари, по типам орудий, попавших путем обмена из области их распространения в соседние области, и по типам орудий, заимствованных из той или иной области.

Тот или иной тип керамики, широко распространенный в территориально ограниченной области, занятой одним или несколькими родственными племенами, не характерен для соседних областей, занятых не родственными им племенами, и если встречается в них в небольшом количестве, то отражает тем самым межплеменные связи этих областей.

Связи между родственными племенами отражаются в керамическом материале наличием характерных для них общих типов керамики. Орнаменты на сосудах родственных племен в основе своей сходны между собой и отличаются друг от друга лишь вкраплением новых орнаментальных деталей, характерных для племени, выделившегося как самостоятельная единица. Это подтверждается этнографическими данными, которые говорят о том, что в орнаменте, нанесенном на керамические или другие изделия, как и в орнаменте, нанесенном на тела людей, т. е. в татуировке, наблюдаются племенные различия: узоры орнамента каждого племени характерны только для данного племени и в массе своей резко отличаются от узоров орнамента других неродственных племен, имеющих в свою очередь свои племенные орнаменты.

---

[79] В. Ф. Зуев, ук. соч., стр. 60.

[80] В. Г. Тан-Богораз, ук. соч., стр. 79.

[81] Л. И. Шренк. Об инородцах Амурского края. СПб., 1899, т. II. стр. 117, 233.

Вопрос о племенной орнаментации хорошо разработан М. Е. Фосс в ее книге «Древнейшая история севера европейской части СССР», где на большом этнографическом материале с привлечением работ Х. Т. Боссерта, А. Л. Кребера, Н. Н. Миклухо-Маклая и других исследователей-этнографов она доказала большое значение племенной орнаментики в деле изучения вопросов этногенеза и межплеменных связей.[82]

Упомянем здесь только одно этнографическое наблюдение, подтверждающее данные положения.

Ж. Заборовска, наблюдая татуировку на лицах солдат из Французской Африки, уроженцев разных племен между Сенегалом и Нигером, пришла к следующему заключению: «Одно и то же расположение рубцов является отличительным признаком одной и той же антропологической группировки. Так, например, Бамбара (название племени, — *Г. П.*) всегда узнаются по тому, что на их щеках имеется по три более или менее вертикальных параллельных нареза...» [83] и далее: «Племена одного происхождения, но живущие на большом удалении друг от друга, варьируют свои знаки».[84]

Археологический материал, раскопанный и собранный в различных районах Карелии, еще далеко не достаточен для того, чтобы нарисовать вполне ясную картину отношений между племенами, населявшими ее в древности — в эпоху неолита и раннего металла.

Однако он позволяет все же осветить в какой-то степени некоторые стороны этого вопроса.

Как известно из ранее сказанного, уже в докерамическое время на территорию Карелии начали проникать родо-племенные группы волго-окского происхождения. Они столкнулись здесь с племенами аборигенов, культура которых резко отличается от их культуры. Между пришельцами и аборигенами возникли какие-то связи, первоначально, по-видимому, очень слабые, но постепенно развивающиеся. Вероятно, уже на самом раннем этапе между этими племенами имели место такие связи как обмен и общие охотничьи угодья. По мере укрепления связей они расширялись за счет экзогамных браков, а затем начались ассимилятивные процессы и постепенное стирание этнических граней. Имеющиеся в настоящее время археологические данные об этой эпохе в Карелии не дают фактов враждебных столкновении между пришельцами и аборигенами. По-видимому, население Карелии в эту эпоху было довольно редким; (об этом, в частности, свидетельствует сравнительно небольшое количество памятников данной эпохи) и охотничьих угодий хватало как для аборигенов, так и для пришельцев.

Развивающиеся между ними связи прослеживаются в инвентаре стоянок.

На первых порах наибольшим изменениям подверглась культура пришельцев: вместо привычных для них кремневых орудий, они стали пользоваться орудиями из кварца и сланца, изготовляя их по местным образцам, причем довольно неумело, что видно при ознакомлении с кварцевыми орудиями, найденными в инвентаре ранних памятников, принадлежащих пришельцам (Оленеостровский могильник, стоянки Ялгуба V, Ялгуба I и др.). Такое резкое влияние местной культуры на пришельцев было вызвано тем, что пришельцы не нашли в Карелии кремня и вынуждены были для изготовления орудий использовать местные материалы, а следовательно, зачастую заимствовать местные формы орудий.

---

[82] М. Е. Фосс, ук. соч.

[83] G. Zaborowska. Les balatres e'thniques chez les tirailleurs de'Afrique Occidentale Fronzeise. Rewue anthropologique, № 7—8, 1917, S. 314.

[84] Там же, стр. 118.

Естественно, что при этом они использовали опыт аборигенов. В этом отношении глубоко верная мысль высказана А. Я. Брюсовым.[85] «Древние племена... брали... друг от друга... только то, что им было нужно и что или было практически полезно, или соответствовало характеру их культуры... принятие чуждых племенным традициям форм и обрядов, могло в то время происходить только под прямым давлением».[86] И еще: «Противоречивость между племенной замкнутостью и далеко шедшими связями объясняется тем, что племенная замкнутость вовсе не означала изоляции. Неприемлемо было только то, что противоречило племенной традиции, что могло нарушить эти традиции, и, конечно, то, что могло нарушить интересы племени или рода».[87]

Именно этим объясняется сравнительно быстрое усвоение пришлыми родо-племенными группами каменной индустрии, характерной для аборигенов.

Более того, даже керамику, которая появилась у аборигенов на грани IV и III тысячелетий, некоторые группы пришельцев, проникших сюда еще в докерамический период, позаимствовали у местного населения (последнее характерно, по-видимому, для групп пришельцев, поселившихся в Средней и Северной Карелии, где они были в тесном контакте с количественно преобладающими аборигенами), об этом свидетельствует, в частности, материал стоянки Пески III. Судя по каменному инвентарю, эта стоянка несомненно оставлена пришлым населением. В то же время в ее инвентаре найдена керамика только типа «Сперрингс» (как известно, стоянка датируется временем не позднее начала III тысячелетия до н. э.).

Однако пришельцы на данном этапе сохранили все же в материальной культуре значительные отличия от культуры местных племен, а в дальнейшем эти различия усилились в результате появления в Карелии родственных им родо-племенных групп с древнеямочной керамикой волго-окского типа, резко отличающейся от местного керамического типа «Сперрингс».

Между тем, связи между этими двумя этнически разнородными группами продолжали развиваться.

Однако, если на первых порах преобладающее влияние на эти связи оказывали местные племена, то в дальнейшем их роли поменялись.

Пришельцы, получившие количественное преобладание и усвоившие технику производства каменных орудий из местных материалов, стали оказывать преобладающее влияние на культуру местных племен.

Конечно, не во всех районах Карелии такое изменение в культурном влиянии произошло одновременно. В ряде ее районов и в раннекерамическое время культура местных племен продолжала господствовать. К таким районам, в частности, необходимо отнести северо-восточное побережье Онежского озера (II вариант) где до начала II тысячелетия до н. э. продолжала господствовать керамика типа «Сперрингс». Более того, проникавшие сюда волго-окские группы с древнеямочной керамикой в отдельных случаях ассимилировались аборигенами, о чем свидетельствует материал стоянки, расположенной в 9 км от с. Чёлмужи, для нижнего культурного слоя которой характерен чистый комплекс древнеямочной керамики волго-окского облика, а в верхнем слое эта керамика смешана с керамикой типа «Сперрингс», причем последняя преобладает.

Однако такое положение было временным. Волна волго-окских переселенцев постепенно поглотила всех аборигенов. Процесс их ассимиляции закончился, по-видимому, к началу второй четверти II тысячелетия

---

[85] А. Я. Брюсов. Археологические данные об экономике..., стр. 58.
[86] Там же, стр. 58.
[87] Там же, стр. 51—52.

до н. э. К этому времени на территории Карелии из волго-окских пришельцев и ассимилированных ими местных родо-племенных группировок сформировалось несколько родственных племен, близких друг другу по материальной культуре, и, видимо, по языку.

Ассимилятивные процессы в условиях Карелии происходили, вероятно, не путем насилия, а главным образом посредством экзогамных браков и, возможно, другими мирными путями (усыновление, пополнение рода чужеродцами и др.).

Различие в материальной культуре сформировавшихся в Карелии племен объясняется различием состава их компонентов, а также территориальной разобщенностью племен, из-за чего не было достаточно тесных связей между ними в процессе их складывания и дальнейшего развития.

Девственные леса, покрывавшие всю площадь Карелии в суббореальное время, не только не способствовали поддержанию связей между отдельными племенами и родами, расселившимися по ее территории, но, наоборот, служили большим препятствием этим связям и, если такие связи не только сохранились, но и развились с течением времени, то этому способствовала густая сеть рек и озер, которые служили важнейшими путями сообщения между редкими поселениями того времени. Люди передвигались по ним летом на лодках, зимой на лыжах, что подтверждается данными петроглифов.

Как уже упоминалось, в процессе формирования племен в различных районах Карелии влияние культуры аборигенов было неодинаковым.

В наибольшей степени это влияние сказалось при формировании II племенного варианта, о чем свидетельствует длительное преобладание керамики типа «Сперрингс» над другими ее типами в этом варианте. Довольно большое влияние культура аборигенов оказала также на племена I и IV вариантов. Значительно меньше она повлияла на формирование VI варианта и почти совсем не оказала влияния на племена III и V вариантов, культура которых по своему облику, особенно по керамике, а также по преобладанию кремневых изделий в инвентаре стоянок, осталась наиболее близкой ранним волго-окским культурам: Льяловской и Белевской.

Процесс формирования единой культуры на территории Карелии сопровождался дальнейшим усилением связей между населяющими ее племенами. Эти связи прослеживаются как по керамическому материалу, так и по каменному инвентарю.

Так, например, некоторые элементы орнамента керамики, характерные для того или иного варианта, в небольшом количестве встречаются и в других вариантах. В частности, характерные для I варианта оттиски штампа с косой насечкой и точечный орнамент встречены на некоторых стоянках IV и VI вариантов. Более часто встречаемые во II варианте ямки в форме полумесяца, ямки в форме отпечатков раздвоенных копыт и двойная гребенка в небольшом количестве имеются в IV варианте. Характерные для того же II варианта неглубокие ямки с крестообразной перегородкой имеются в V варианте. Наиболее широко распространенные в IV варианте оттиски веревочки имеются также в I и III вариантах и т. д.

То же можно сказать об орнаментальных узорах.

Например, обычные для I варианта узоры: сетка из косоперекрещенных линий с ямками в ячеях, чередование наклонных рядов ямок с наклонными линиями, наклонные ряды оттисков короткого зубчатого штампа и некоторые другие изредка встречаются во II варианте. В то же время типичные для II варианта узоры (ряды оттисков двойного зубчатого штампа, ромбы, составленные оттисками зубчатого штампа с круг-

лыми ямками в середине и др.) встречаются в I варианте. Характерные для III варианта треугольники, составленные ямками, встречаются в I варианте, а круги, составленные ямками, — в I и V вариантах. Обычный для II варианта узор из зон ломаных линий, сопровождающийся ямками, в небольшом количестве известен в IV варианте. Типичный для I варианта узор из пересекающихся горизонтальных и вертикальных рядов оттисков короткого зубчатого штампа имеется в V варианте. Наиболее характерное для VI варианта горизонтальное расположение овальных и ромбических ямок встречается в I и III вариантах и т. д. Этот список можно продолжить.

Связи между племенами, как упоминалось, прослеживаются также по данным каменного инвентаря. Например, топоры типа «Рованпеми», наиболее характерные для I варианта, встречаются в IV варианте. Типичные для того же I варианта топоры и тесла русско-карельского типа распространены еще шире: они найдены на стоянках III и IV вариантов. Характерные для того же I варианта топоры лососинского и кудомского типов встречаются во II и IV вариантах. Тесла вознесенского типа, кроме I варианта, имеются во II, IV и V вариантах. Сверла вой-наволоцкого типа и грузила от сетей с боковыми выемами встречаются на стоянках I и II вариантов, долота клинообразные — на стоянках I и III вариантов, клевцы крестовидные — на стоянках I и IV вариантов, шиферные наконечники стрел с ромбом в поперечном сечении и киркообразные орудия — на стоянках I и VI вариантов, листовидные наконечники стрел с усеченным основанием — на стоянках I и V вариантов, клинчики сланцевые — на стоянках III и V вариантов, шиферные наконечники стрел «узкого типа без шипов» — на стоянках V и VI вариантов, узколезвийные долота — на стоянках I, II и III вариантов, киркообразные долота — на стоянках I, II и IV вариантов, тесла желобчатые — на стоянках I, II и V вариантов и т. д.

Все изложенные данные свидетельствуют о наличии близких связей между племенами отдельных районов Карелии, о единстве их материальной культуры, сложившейся в процессе формирования этих племен.

В то же время для культуры каждого из районов Карелии характерны свои локальные особенности, обусловленные их племенной самостоятельностью. Эти различия, о которых выше подробно говорилось, прослеживаются на всем протяжении развития Карельской археологической культуры и особенно четко на первых трех хронологических этапах. На четвертом этапе в культуре отдельных районов Карелии происходит значительная нивелировка, которая свидетельствует о дальнейшем развитии межплеменных связей.

Однако на всем протяжении изучаемого нами периода эти связи не развились настолько глубоко, чтобы привести к слиянию племен в единый племенной союз, ибо примитивная хозяйственная основа охотников-рыболовов не способствовала этому. В условиях охотничье-рыболовческого хозяйства могли прокормиться только небольшие коллективы людей, и не было условий для возникновения более высоко организованных объединений чем род и племя.

Анализ инвентаря со стоянок Карелии позволяет установить не только межплеменные внутренние, но и внешние связи, т. е. связи местных племен с племенами соседних областей.

Говоря об этих связях, следует отметить, однако, что данные о них очень фрагментарны. Поэтому за редким исключением мы не можем проследить их в отношении каждого племенного варианта Карелии и будем говорить о внешних связях в целом всех племен, населявших Карелию, лишь в некоторых случаях подчеркивая связи того или иного локального племени.

Как известно, археологически внешние связи можно проследить лишь по вещественному материалу, главным образом по проникновению тех или иных вещей, характерных для данной культуры, в другие области и наоборот. Так, например, если широко распространенные на стоянках Карелии кирки олонецкого типа или топоры русско-карельского типа встречаются в других областях или орудия, характерные для этих областей, встречаются в Карелии, мы можем утверждать о связях Карелии с этими областями. То же можно проследить и по керамике. Если широко распространенные в определенной области типы керамики встречаются в других областях, это свидетельствует о каких-то связях последних с данной областью. Об этом же свидетельствуют характерные для других областей типы керамики, попавшие в данную область.

В докерамическую эпоху племена, населявшие Карелию, были довольно тесно связаны с родственными им племенами, обитавшими в Финляндии. Об этом свидетельствует большое сходство в инвентаре их стоянок.

Тогда же, не позднее чем в IV тысячелетии до н. э., с проникновением в Карелию пришельцев с юга, вероятнее всего, с волго-окского междуречья, установились прочные связи с южными областями, приведшие позднее к широкому заселению Карелии отсегментовавшимися волго-окскими родо-племенными группами.

Известно, что волго-окские пришельцы в своем продвижении на Север заселили не только Карелию, но и другие смежные с ней области, образовав там Каргопольскую и Беломорскую культуры.

Известно также, что в заселении Карелии приняли участие не только волго-окские переселенцы, но и переселенцы из Прибалтики, из Новгородской области и из других территориально близких областей.

Эти обстоятельства и определили развитие внешних связей Карелии прежде всего с упомянутыми областями, т. е. с племенами, обитавшими на территории Финляндии, Прибалтики, Новгородской, Ленинградской, Вологодской и Архангельской областей, а также с Уралом и Зауральем, т. е. с областью, из которой, по всей вероятности, была заселена Карелия в древнейшее время. С другими отдаленными областями постоянных связей не было. Отдельные признаки таких связей свидетельствуют о их эпизодическом характере.

Со времени заселения Карелии волго-окскими пришельцами связи между этими областями не прерывались длительное время. Во всяком случае в инвентаре стоянок двух первых хронологических этапов они прослеживаются довольно отчетливо. Об этом свидетельствует прежде всего широко распространенная в Карелии волго-окская керамика как ранняя древнеямочная, так и более поздняя развитая ямочно-зубчатая керамика, многие подтипы которой имеют общие орнаментальные мотивы с поздней керамикой волго-окского междуречья. Об этом свидетельствует также широкое (в некоторых районах преобладающее) применение волго-окского привозного кремня для производства орудий на стоянках Карелии. Это особенно характерно для стоянок Южной Карелии, а также для стоянок III и V племенных вариантов. Например, на стоянке Вознесенье из 591 орудия 398 кремневых,[88] на стоянке Золотец I из 570—291 кремневое, на стоянке Остров Шойрукшин из 490—239 кремневых и т. д.

О связях между этими областями свидетельствуют также следующие находки: находка В. А. Городцовым в Белёве моржового клыка с просверленным отверстием и находка в погребении за Краснопресненской заставой на берегу р. Москвы сланцевого топора русско-карельского

[88] В. И. Равдоникас. Археологические исследования на реке Свири в 1934 году. СА, № 5, 1940.

типа, двух угловых шиферных ножей и сломанного каменного песта.[89] Не прерывалась связь и с племенами других областей, переселенцы из которых приняли участие в заселении Карелии, в частности, с племенами Прибалтики и Новгородской области. Эта связь прослеживается главным образом по керамике прибалтийско-новгородского типа, встречающейся в инвентаре стоянок Карелии на первых трех хронологических этапах, а также по янтарным изделиям из Прибалтики, найденным в инвентаре некоторых стоянок Карелии (стоянки: Негежма, Соломенное V, Суна Ia, Бесовы следки № 3, Золотец I, Остров Шойрукшин и др.), и по сланцевым изделиям из зеленого карельского сланца, встречающимся на стоянках Эстонии.[90]

Довольно четко прослеживаются связи племен Карелии с племенами Каргопольской культуры. Так, например, в керамике III племенного варианта Карельской культуры на некоторых стоянках (в частности, на стоянке Тудозеро II) найдена ямчатая керамика, т. е. керамика, орнаментированная ямками неправильной формы, характерная для Каргопольской культуры, и, наоборот на стоянках последней встречается в небольшом количестве керамика прибалтийско-новгородского типа (стоянки: Кубенино, Караваиха и др.), проникшая, по-видимому, из Карелии. На стоянках Каргопольской культуры встречаются также каменные орудия, типичные для Карелии: кирки карельского типа (оз. Лача, устье р. Кинемы, Кубенино), топоры русско-карельского типа (устье р. Кинемы, о. Медвежий на Кенозере).[91]

Возможно также, что племена III и V вариантов получали кремень из области Каргопольской культуры, так как трудно предположить, что его завозили из далекого от этих районов волго-окского междуречья. Более того, М. Е. Фосс предполагает, что через Карелию из области Каргопольской культуры кремень доставлялся и в Финляндию.[92] Нам кажется более вероятным, что в Южную Карелию и Финляндию кремень поступал из волго-окского междуречья, откуда он впервые был занесен переселенцами, а позднее поступал в эти области, по-видимому, в качестве продукта обмена.

Прослеживаются связи и с племенами Беломорской культуры, но в значительно меньшей степени. Так, например, на некоторых стоянках V варианта (Золотец I, Остров Шойрукшин, Залавруга I и др.), а также на стоянке Кемь I, в низовьях р. Кемь, встречаются наконечники стрел удлиненных пропорций, характерные для Беломорской культуры. На стоянках последней вещей, типичных для Карелии, пока не найдено.

Слабые связи между племенами данных областей объясняются, возможно, враждебными отношениями между ними. В этом отношении весьма правдоподобно предположение А. Я. Брюсова о том, что сцена вооруженного столкновения между двумя группами людей, изображенная на петроглифах «Залавруга», является мемориальной сценой, запечатлевшей попытку группы охотников с беломорского побережья захватить охотничий участок у местного племени и победу над ними местного населения.[93] А. Я. Брюсов подтверждает это тем, что при раскопках стоянки Залавруга I, примыкающей к петроглифам, найдены вещи, несвойственные Карельской культуре (удлиненные кремневые на-

---

[89] А. Я. Брюсов. 1) История древней Карелии, стр. 47; 2) Очерки по истории..., стр. 109; 3) Археологические культуры и этнические общности. СА, XXVI, М., 1956, стр. 22.

[90] Л. Ю. Яниц. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР), стр. 316.

[91] М. Е. Фосс, ук. соч., стр. 196.

[92] Там же, стр. 198.

[93] А. Я. Брюсов. Очерки по истории..., стр. 113.

конечники стрел, обломки шлифованных кремневых топоров, клиновидный каменный топор вестландского типа), но встречающиеся в инвентаре стоянок Беломорской культуры или типичные для них.[94]

Наиболее тесными связями у племен, населявших Карелию, были связи с племенами, обитавшими в Финляндии. Это обусловлено, повидимому, как древними этническими связями, так и территориальной близостью данных областей.

Начало связей между этими областями относится к большой древности — к эпохе мезолита и раннего докерамического неолита (к VII — V тысячелетиям до н. э.), т. е. к тому времени, когда эти две области были заселены родственными друг другу родо-племенными группами. О близкой родственной связи между ними свидетельствует исключительно большое сходство инвентаря их стоянок.

Довольно прочные связи между племенами этих областей сохранились и на более поздних хронологических этапах.

Этому способствовало, в частности, и то обстоятельство, что волго-окские, прибалтийские и новгородские переселенцы заселили не только Карелию, но проникли также и в юго-восточные районы Финляндии.

Таким образом, связи между данными областями основывались на этническом родстве их древнейшего населения и на этническом родстве вновь заселивших эти области пришельцев.

В процессе заселения Карелии волго-окские племена уже на раннем этапе вынуждены были изготовлять орудия в большинстве своем не из кремня, которого в Карелии нет, а из местных материалов (сланца, кварца и др.), а также заимствовать ряд орудий местных типов, характерных главным образом для Финляндии и Скандинавии: топор типа «Рованиеми», двулезвийный (или остролезвийный) топор, ромбовидное сверленое орудие, шиферный угловой нож, шиферные наконечники стрел и дротиков («широкого типа с шипами» и «узкого типа без шипов») и др. Эти изделия найдены на ряде стоянок Карелии.

Вместе с тем уже на ранних хронологических этапах в процессе формирования единой культуры в Карелии были выработаны новые типы орудий, которые в свою очередь были заимствованы племенами Финляндии и Скандинавии: топоры русско-карельского типа, кирки карельского типа, крестовидные сверленые топоры, фигурные молоты и др. Все эти орудия характерны для Карельской археологической культуры и встречаются в соседних областях довольно редко. Петрографические анализы, произведенные финскими исследователями, показали, что фигурные молоты, найденные в Финляндии, изготовлены из породы камня, встречающейся только в окрестностях Петрозаводска.[95] Из этой же породы камня, так называемого зеленого сланца, изготовлена большая часть перечисленных выше типов орудий. Данное обстоятельство само по себе является достаточно веским доказательством местного производства этих типов орудий.

В этот период времени карельские типы вещей распространяются не только в соседней Финляндии, но и в других соседних областях. Так, например, топоры русско-карельского типа встречаются в Финляндии, в области Каргопольской культуры, в Верхнем Поволжье (Пудозеро), в низовьях р. Печеры (Нарьян-Мар), в Сибири (вблизи г. Томска).[96] Кирки олонецкого типа встречаются в Финляндии и в области Каргопольской культуры. Фрагмент такой кирки найден также на Федоровской стоянке (в Костромской области).[97]

---

[94] Там же.
[95] Там же, стр. 107.
[96] М. Е. Фосс, ук. соч., стр. 196.
[97] Там же.

Связи Карелии с отдаленными областями носили, по-видимому, эпизодический характер. Такие факты свидетельствуют, вероятно, об этапном обмене, а не о непосредственных связях. Именно к таким связям нужно отнести находку русско-карельского топора в Сибири и характерной для Сибири мотыги с цапфами в Карелии,[98] каменной формы для отливки сейминского кельта у с. Бабья губа и некоторые др.

После того как Карелия была заселена пришельцами с юга и на ее территории сформировалась единая культура, связи ее с Финляндией ослабели, но не прекратились окончательно. Так в начале II тысячелетия до н. э. племена Карелии позаимствовали у племен Финляндии известную там примерно с середины III тысячелетия до н. э. технику производства «асбестовой» керамики, которая широко распространилась по всей Карелии во второй половине II и в I тысячелетия до н. э.

На ряде стоянок Карелии (Золотец I, Кудом-губа IV, Суна I, Лахта III и др.) найдены типичные для Финляндии так называемые когтевидные долота (krummeiβel), датируемые II тысячелетием до н. э. В Финляндии (Рантапельто), Карелии (Золотец I) и в области Каргопольской культуры (устье р. Кинемы) найдены совершенно тождественные друг другу серповидные кремневые ножи. Исключительное сходство наблюдается также в глиняных скульптурах, найденных в перечисленных областях на стоянках Ханкониеми, Соломенное VII (прил. IV, табл. 35, *1*) и Кубенино. Для всех этих фигурок характерны: слегка изогнутый торс и несколько вытянутая вверх голова, руки и ноги отсутствуют (у скульптурки со стоянки Соломенное VII ноги слегка намечены), размеры почти одинаковы. Датируются все эти стоянки первой половиной II тысячелетия до н. э.

О наличии связи между племенами Урала и Зауралья с племенами Карелии свидетельствует прежде всего большое сходство некоторых типов костяных изделий Оленеостровского могильника с изделиями ранних торфяниковых стоянок Урала (стоянка Стрелка и др.). К таким изделиям относятся, в частности, наконечники стрел шигирского типа, игловидные наконечники стрел, гарпуны и другие орудия.

Эти связи относятся еще к докерамическому времени. В более позднее время они, вероятно, ослабели. Но находки в торфяниках Финляндии вещей уральского типа (ложки с резными рукоятками в виде утиной, медвежьей и лосиной голов и т.п.) [99] являются свидетельством того, что связи Урала с Фенноскандией продолжались и в более позднее время — в развитом неолите. Датировка упомянутых вещей не установлена, но некоторые из них вряд ли можно датировать ранним неолитом и тем более мезолитом. Восточное происхождение этих вещей доказано не только их сходством с уральскими вещами, но и тем, что они изготовлены из кедровой сосны (Pinus cembra), произрастающей на Урале и в Зауралье.[100]

О связях населения древней Карелии с племенами, населявшими Кольский полуостров, мы почти ничего не можем сказать, так как и Кольский полуостров и Северная Карелия археологически почти не изучены. Среди инвентаря кольских стоянок встречаются сланцевые орудия, обычные для карельских стоянок топоры, долота, тесла. Керамика стоянок Кольского полуострова не имеет ничего общего с керамикой стоянок Карелии. По-видимому, связи между племенами этих областей ограничивались обменом и заимствованием отдельных типов орудий.

---

[98] Там же, стр. 197.

[99] J. Ailio. Zwei Tierskulpturen. SMyA, XXVI, S. 266; U. T. Sirelius. Über die Art und Zeit der Zahnung des Renntier. Journal de la socieft Finno-ougrinne, XXXIII—2, S. 15; A. Europaeus. Uusia kivikauden faidelöytöjä. Suomen museo, XXXVI, Helsinki, 1930, SS. 82—88.

[100] A. Europaeus. Uusia kivikauden faidelöytöjä, S. 84.

Таблица 1

Количественное соотношение типов керамики на стоянках Карелии (данные по 1960 г. включительно)

Локальные варианты	Хронологические этапы	Названия стоянок	Типы керамики										
			«Сперрингс»	ямочно-зубчатая: ранняя ямочно-зубчатая	ямочно-зубчатая: развитая ямочно-зубчатая	«шнурована»	«асбестовая»: ранняя	«асбестовая»: поздняя	зубчатая пористая	поздняя ямочно-зубчатая	«сетчатая»	неорнаментированная	всего фрагментов
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
I	1	Пески III	51	—	—	—	—	—	—	—	—	—	51
		Пески IV	—	1507	—	—	—	—	—	—	—	—	1507
		Соломенное у лесозавода	—	73	—	—	—	—	—	—	—	—	73
		Соломенное V (нижний слой)	—	16	—	—	—	—	—	—	—	—	16
		Суна V	—	16	—	—	—	—	—	—	—	—	16
		Машезеро	—	170	—	—	—	—	—	—	—	—	170
		Соломенное IV	3	116	—	—	—	—	—	—	—	—	119
		Оз. Лососинское	9	24	—	—	—	—	—	—	—	—	33
		Ялгуба II	14	3072	—	—	—	—	—	—	—	—	3086
		Ялгуба III	54	32	35	—	—	—	—	—	—	—	121
		Соломенное VI	45	61	57	—	—	—	—	—	—	—	163
		Суна IV	—	602	122	—	—	—	—	—	—	—	724
		Деревянное I	78	—	—	—	—	—	—	—	—	—	78
		Пески II	157	—	—	—	—	—	—	—	—	—	157
	2	Сопоха III (нижний слой)	—	255	—	—	—	—	—	—	—	—	255
		Соломенное II	—	115	172	—	—	—	—	—	—	—	287
		Суна Ia	45	114	24	—	—	3	—	—	—	—	186
		Соломенное I	26	611	73	—	62	80	—	—	—	—	852
		Суна I	495	1358	447	—	162	131	—	—	—	—	2593
		Соломенное VII	161	607	527	—	—	12	—	—	—	—	1307
	3	Соломенное IX	—	56	8	—	74	—	700	—	—	—	838
		Деревянное III	—	259	757	—	—	6	—	—	—	—	1022
		Соломенное III	—	55	—	—	20	36	—	—	—	—	111
		Соломенное V (верхний слой)	—	—	—	—	73	396	—	—	—	—	469
		Соломенное VIII	—	—	11	—	107	44	—	—	—	—	162
	4	Сопоха III (верхний слой)	—	—	—	—	70	212	—	—	4	—	286
		Соломенное IIIa	—	—	—	—	—	47	—	—	—	—	47
		Суна III	—	—	—	—	44	364	—	—	—	1	409
		Суна II	—	—	—	—	3	252	—	5	3	33	296
		Усть-Томица	—	—	—	—	—	—	—	150	984	43	1177

Таблица 1 (*продолжение*)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
II	1	Пуш-совхоз II	2197	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2197
		Медвежья Гора III	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12
		Коч-наволок	256	—	—	—	—	—	—	—	—	—	256
		Вой-наволок V	—	1230	8	—	—	—	—	—	—	—	1238
	2	Близ с. Чёлмужи	636	196	—	—	—	—	—	—	—	—	832
		Медвежья Гора II	843	209	12	—	—	—	—	—	—	—	1064
	3	Вой-наволок VI	—	217	19	—	—	54	—	—	—	—	290
		Вой-наволок IX	—	2463	629	—	—	31	—	—	—	—	3123
		Оров-наволок	—	1797	787	—	—	—	—	—	—	—	2584
	4	Вой-наволок VII	—	—	—	—	65	689	—	—	—	—	754
		Вой-наволок IV	—	—	—	—	—	73	—	—	—	—	73
		Медвежья Гора	—	—	—	—	—	18	—	—	—	—	18
		Оров-губа	—	—	—	—	—	158	—	—	—	—	158
III	1	Кашино	—	99	—	—	—	—	—	—	—	—	99
		Мыс Кладовец Нос	—	292	3	—	—	—	—	—	—	—	295
		Речка Черная у с. Бесов нос	—	35	—	—	—	—	—	—	—	—	35
		Семеново I	—	85	—	—	—	—	—	—	—	—	85
	2	Семеново II	4	2377	145	—	—	12	—	—	—	—	2538
		Тудозеро II	—	99	18	—	—	1	—	—	—	—	118
		Мыс Бесов Нос	—	137	32	—	—	—	—	—	—	—	169
	4	Пос. Шальский	—	—	—	—	—	76	—	—	—	—	76
IV	1	Кудома VI	51	—	—	—	—	—	—	—	—	—	51
		Сулгу II	507	—	—	—	—	—	—	—	—	—	507
		Сулгу III (нижний слой)	257	—	—	—	—	—	—	—	—	—	257
		Лахта VIII	—	30	—	—	—	—	—	—	—	—	30
		Курмойла II	—	676	—	—	—	—	—	—	—	—	676
		Сулгу VI	12	32	—	—	—	—	—	—	—	—	44
		Кудома II	2	115	7	—	—	—	—	—	—	—	124
		Кудома VII	12	—	5	—	—	—	—	—	—	—	17
		Сулгу IIIб	4	223	426	—	—	—	—	—	—	—	663
	2	Салменицы	16	776	76	—	—	16	—	—	—	—	884
		Курмойла I	417	2343	77	—	146	—	—	—	—	—	2983
		Сулгу I	86	92	1	—	—	2	4	—	—	—	185
		Сулгу Va	206	2125	760	—	871	418	1	—	—	—	4381
		Сулгу V	1	—	7	—	12	—	—	—	—	—	20
		Сулгу IIIa	9	825	307	—	114	83	—	—	—	—	1338
		Лахта II (нижний слой)	6	388	199	—	—	224	—	—	—	—	817
		Лахта III (нижний слой)	2	459	91	—	563	113	7	—	—	—	1235
		Лахта VI	—	9	12	—	1	—	—	—	—	—	22
		Лахта VII	—	59	19	—	11	57	—	—	—	—	146
		Корби-наволок II	—	27	9	—	1	—	—	—	—	—	37
		Чуй-наволок (нижний слой)	—	115	—	—	—	65	—	—	—	—	180
		Лахта I (нижний слой)	—	46	—	—	—	87	—	—	—	—	133
	3	Лахта IV	—	106	92	—	18	—	—	—	—	—	216
		Лакшозеро I	—	—	36	—	—	—	—	—	—	—	36
		Лакшозеро II	—	—	281	—	1	—	—	—	—	—	282
		Кудома VIII	—	120	196	11	4	19	—	—	—	—	350
		Сулгу III (верхний слой)	—	—	—	—	—	1606	4	—	—	—	1610

Таблица 1 (*продолжение*)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
IV	4	Сулгу VIII	—	—	—	—	—	57	—	11	—	4	72
		Лахта III (верхний слой)	—	—	—	—	—	—	—	—	2	11	13
		Лахта II (верхний слой)	—	—	—	—	—	—	—	34	378	227	639
		Чуй-наволок (верхний слой)	—	—	—	—	—	—	—	95	373	372	840
		Лахта I (верхний слой)	—	—	—	—	—	—	—	98	1352	907	2490
		Лахта IX	—	—	—	—	—	9	—	17	—	46	72
V	1	Выгостров II	101	17	—	—	—	—	—	—	—	—	118
		Ерпин Пудас	17	86	179	—	—	—	—	—	—	—	282
		Бесовы Следки № 3	—	62	—	—	—	—	—	—	—	—	62
		Бесовы Следки № 5	—	41	—	—	—	—	—	—	—	—	41
		Золотец II	—	30	—	—	—	—	—	—	—	—	30
	2	Бесовы Следки II	—	110	10	26	—	—	—	—	—	—	146
		Выгостров I	—	385	63	—	16	—	—	—	—	—	464
		Порог Шойрукша	20	1825	995	—	64	63	39	—	—	—	3006
	3	Золотец I	—	1808	1170	—	66	402	56	—	—	—	3502
		Остров Шойрукшин	—	262	98	—	26	47	8	—	—	—	441
		Бесовы Следки III	—	269	2112	—	54	76	56	—	—	—	2567
		Бесовы Следки IIIa	—	—	432	—	82	57	50	—	—	—	621
		Бесовы Следки № 4	—	—	78	—	5	20	—	—	—	—	103
		Залаврута I	—	—	73	—	—	10	34	—	—	—	117
		Золотец XI	—	—	114	—	—	252	211	—	—	—	577
		Золотец VI	—	—	1204	—	—	299	596	—	—	—	2099
	4	Золотец X	—	—	—	—	—	382	16	5	—	78	481
		Золотец VII	—	—	—	—	—	37	6	1	—	—	44
		Золотец VIII	—	—	—	—	—	8	—	28	4	74	114
		Золотец IX	—	—	—	—	—	5	—	1	—	6	12
		Золотец XV	—	—	—	—	—	27	8	5	15	16	71
VI	1	Чудозеро V	3	681	141	—	—	—	—	—	—	—	825
		Кудом-губа III	—	460	—	—	—	—	—	—	—	—	460
		Чудозеро VI	—	1832	444	—	—	—	—	—	—	—	2276
	2	Чудозеро XIII	13	104	40	—	10	—	—	—	—	—	167
		Юд-ярви I	2	32	—	—	—	1	2	—	—	—	37
		Юд-ярви III	18	871	282	—	9	2	1	—	—	—	1183
		Кудом-губа II	15	178	2	—	53	38	15	—	—	—	301
	3	Чудозеро IV	—	2858	1933	—	450	89	1	—	—	—	5331
		Кудом губа IV	—	842	272	—	253	149	—	—	—	—	1516
	4	Чудозеро I	—	—	—	—	—	92	5	3	138	90	328
Стоянки вне вариантов	1	Кемская I	9	35	—	—	—	—	—	—	—	—	44
		Кемская II	—	14	—	—	—	—	—	—	—	—	14
	2	Кемь I	—	1725	700	—	64	—	—	—	—	—	2489
	3	Усть-Понча I	—	9	92	—	—	12	—	—	—	—	113
	4	Софьянга I	—	—	—	—	—	83	—	15	—	—	98
	4	Олонка I	—	—	—	—	—	—	—	495	894	181	1570

Таблица 2

Распределение типов топоров и тесел по локальным районам Карелии на различных хронологических этапах (данные по 1960 г. включительно)

Локальные варианты	Хронологические этапы	Типы топоров и тесел																
		типа «Рованиеми»	русско-карельского типа	крестовидный	двулезвийный	соломенского типа	олонецкого типа	онежского типа	средекарельского типа	лососинского типа	кудомского типа	шуйского типа	вознесенского типа	ялгубского типа	чавнозерского типа	жолобчатые	нетипичные	всего
I	Докерам. *	—	—	—	—	13	4	1	1	—	—	—	1	2	—	3	5	30
	1	8	13	—	—	15	1	1	1	6	3	13	8	—	8	5	34	116
	2	3	6	1	—	—	—	—	—	1	2	1	4	—	1	5	11	35
	3	—	—	—	—	—	—	—	—	5	2	3	1	—	2	6	12	31
	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	3	7
II	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	2	2	5
	3	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	1	1	13	20
III	1	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	11	14
	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	4
IV	Докерам.	1	—	—	—	3	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	8
	1	—	1	—	—	5	1	—	—	2	2	1	—	—	—	—	2	14
	2	—	2	1	—	1	—	—	2	2	1	—	1	—	2	—	29	41
	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	14	16
	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	3
V	2	—	1	—	3	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	5
	3	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	9	13
	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	6	9
VI	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2
	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	11
	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1

* В таблицы включены сведения о памятниках докерамического периода, относящиеся по времени до сложения Карельской культуры.

Таблица 3

Распределение типов долот и кирок по локальным районам Карелии на различных хронологических этапах (данные по 1960 г. включительно)

Локальные варианты	Хронологические этапы	Тип долота							Тип кирки				
		широколезвийное	киркообразное	клинообразное	узколезвийное	двулезвийное	многогранное	жолобчатое	с длинным полуовалом в разрезе	с коротким полуовалом в разрезе	с округлым поперечн. разрезом	ребристая	изогнутая
I	1	4	1	2	5	3	2	8	9	5	2	3	—
	2	3	3	1	—	—	1	3	—	6	—	—	1
	3	1	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—
	4	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—

Типы наконечников стрел, копий и дротиков	Локальные варианты	I												II				III			
	Хронологические этапы	Докерам.				1				2				3				4			
		1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
из кремня и роговика	листовидные	1		5	1			5	1								5	1	1		
	лавролистные			1				1									1		1		
	иволистные																		1		
	листовидные с черешком			2				1													
	листовидные с усеченным основанием					2									1						
	листовидные с выемкой в основании														1					3	
	листовидные с боковым выемом																				
	ланцетовидные																				
	сейминского типа																				
	оленеостровского типа	4		5										1							
	из ножевидных пластин с частичной ретушью																				
	треугольные с черешком																			3	
	ромбовидные																				
	нет данных о типе			5		3								15				14		3	
	обломки			1		2														2	
из шифера	широкого типа с шипами																				
	узкого типа без шипов																				
	листовидные с черешком	1				1															
	удлиненные с ромбом в поперечном сечении			1		1															
	с треугольным поперечным сечением					1															
	арктического типа													1							
	кварцитовые листовидные с черешком	2																			
	Всего	12	10	5	14	11	7	13	3	15	11										

Таблица 3 (*продолжение*)

Локальные варианты	Хронологические этапы	Тип долота							Тип кирки				
		широколезвийное	киркообразное	клинообразное	узколезвийное	двулезвийное	многогранное	желобчатое	с длинным полуовалом в разрезе	с коротким полуовалом в разрезе	с округлым поперечн. разрезом	ребристая	изогнутая
II	1	—	1	—	—	—	—	—	1	1	—	1	—
	2	—	1	—	1	—	—	2	2	—	—	1	1
	3	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
III	1	—	—	—	2	—	—	—	1	—	—	—	—
	2	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
IV	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
	2	—	2	—	—	—	—	2	8	—	—	1	—
	3	2	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
	4	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
V	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
	2	2	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—
	3	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—
	4	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
VI	2	1	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—
	3	3	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—

Таблица 4

Распределение типов наконечников стрел, копий и дротиков (данные по 1960 г. включительно)

Хронологические этапы	Локальные варианты	Типы керамики, в %										Всего фрагментов
		«Сперрингс»	ямочно-зубчатая		«шнуровая»	«асбестовая»		с растительной примесью	поздняя ямочно-зубчатая	«Сетчатая»	неорнаментированная («гладкая» и штрихованная)	
			(древнеямочная)	развитая		ранняя	поздняя					
1	I	6.5	90.1	3.4	—	—	—	—	—	—	—	6314
	II	66.6	33.2	0.2	—	—	—	—	—	—	—	3703
	III	—	99.4	0.6	—	—	—	—	—	—	—	514
	IV	35.8	45.6	18.6	—	—	—	—	—	—	—	2359
	V	22.1	44.3	33.6	—	—	—	—	—	—	—	533
	VI	0.1	83.5	16.4	—	—	—	—	—	—	—	3561
2	I	13.3	55.8	22.7	—	4.1	4.1	—	—	—	—	5480
	II	78.0	21.4	0.6	—	—	—	—	—	—	—	1896
	III	0.1	92.5	6.9	—	—	0.5	—	—	—	—	2825
	IV	6.0	58.8	12.6	—	13.9	8.6	0.1	—	—	—	12363
	V	0.6	64.2	29.5	0.7	2.2	1.7	1.1	—	—	—	3616
	VI	2.8	70.2	19.2	—	4.3	2.4	1.1	—	—	—	1688
3	I	—	14.2	29.8	—	10.5	18.5	27.0	—	—	—	2602
	II	—	74.7	23.9	—	—	1.4	—	—	—	—	5997
	III	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—

Таблица 4 (*продолжение*)

| Локальные варианты | | Типы наконечников стрел, копий и дротиков | | |

Таблица 5 (*продолжение*)

Хронологические этапы	Локальные варианты	Типы керамики, в %										Всего фрагментов
		«Сперрингс»	ямочно-зубчатая		«шнуровая»	«асбестовая»		с растительной примесью	поздняя ямочно-зубчатая	«Сетчатая»	неорнаментированная («гладкая») и штрихованная)	
			(древне-ямочная)	развитая		ранняя	поздняя					
3	IV	—	9.0	24.3	0.4	0.9	65.2	0.2	—	—	—	2494
	V	—	23.3	52.6	—	2.3	11.6	10.2	—	—	—	10027
	VI	—	54.0	32.2	—	10.3	3.5	—	—	—	—	6847
4	I	—	—	—	—	5.3	39.5	—	7.0	44.9	3.3	2215
	II	—	—	—	—	6.5	93.5	—	—	—	—	1003
	III	—	—	—	—	—	100	—	—	—	—	76
	IV	—	—	—	—	—	1.7	—	6.4	52.7	39.2	3993
	V	—	—	—	—	—	63.6	4.2	5.5	2.6	24.1	722
	VI	—	—	—	—	—	28.0	1.5	1.0	42.1	27.4	328

Таблица 6

Процентное соотношение орудий по их применению (данные по 1960 г. включительно)

Локальные варианты	Хронологические этапы	Категории орудий, в %							Всего изделий
		рубящие орудия из сланца	орудия для обработки камня	скребущие и режущие орудия	орудия охоты	орудия рыбной ловли	прочие изделия	заготовки и обломки сланцевых орудий	
I	Докерам.	6.1	26.0	18.2	0.6	2.5	2.7	43.9	885
	1	12.6	31.1	12.6	0.8	1.6	4.3	37.0	1451
	2	12.4	19.6	11.7	1.8	1.9	6.2	46.4	680
	3	34.3	15.8	19.7	2.9	16.3	8.1	2.9	172
	4	3.2	20.6	48.4	1.2	—	14.7	11.9	252
	Итого	11.3	26.0	16.9	1.1	2.5	5.2	37.0	3440
II	1	6.9	12.7	57.5	3.4	3.4	4.6	11.5	87
	2	8.3	6.5	12.0	5.6	0.9	9.3	57.4	108
	3	12.8	34.0	22.2	4.6	7.5	1.6	17.3	306
	4	—	—	37.0	29.6	—	—	33.4	27
	Итого	10.2	23.1	26.7	5.9	5.1	3.6	25.4	528
III	1	16.8	2.8	53.1	14.7	0.7	2.8	9.1	143
	2	6.9	15.9	40.7	2.6	—	5.3	28.6	189
	Итого	11.2	10.3	46.0	7.9	0.3	4.2	20.1	332
IV	Докерам.	3.8	5.5	72.6	—	—	2.1	16.0	237
	1	7.7	18.1	25.9	—	2.6	1.7	44.0	232
	2	5.8	18.4	24.2	1.1	0.6	3.3	46.6	1164
	3	11.1	13.4	42.3	0.2	5.1	1.7	26.2	416
	4	3.7	19.6	48.6	1.9	1.9	3.7	20.6	107
	Итого	6.7	16.0	34.4	0.7	1.7	2.7	37.8	2156
V	1	2.1	8.6	65.6	10.8	—	7.5	5.4	93
	2	4.5	7.9	57.4	14.6	1.8	4.9	8.9	329
	3	1.6	19.0	59.9	7.8	0.6	4.3	6.2	2179
	4	1.2	15.4	70.0	7.3	0.9	3.2	2.0	344
	Итого	2.2	17.0	61.0	8.6	0.8	4.4	6.0	2945

Таблица 6 (*продолжение*)

Локальные варианты	Хронологические этапы	Категории орудий, в %							Всего изделий
		рубящие орудия из сланца	орудия для обработки камня	скребущие и режущие орудия	орудия охоты	орудия рыбной ловли	прочие изделия	заготовки и обломки сланцевых орудий	
VI	Докерам.	50.0	16.7	33.3	—	—	—	—	6
	1	12.1	15.2	33.3	3.0	—	12.1	24.3	33
	2	3.9	25.5	39.2	3.0	1.0	6.8	20.6	102
	3	4.2	23.2	37.7	2.2	1.1	4.5	27.1	358
	4	10.0	10.0	30.0	10.0	—	20.0	20.0	10
Итого		5.3	22.8	37.6	2.5	1.0	5.7	25.1	509

Таблица 7

Процентное соотношение орудий по материалу (данные по 1960 г. включительно)

Локальные варианты	Хронологические этапы	Орудия и другие изделия, в %				Всего изделий
		из сланца	из кремня	из кварца	из прочих материалов	
I	Докерам.	61.7	12.4	3.6	22.3	885
	1	76.7	6.9	6.0	10.4	1451
	2	75.0	11.9	4.4	8.7	680
	3	68.6	20.9	3.5	7.0	172
	4	35.4	43.6	2.8	18.2	252
Итого		69.1	12.7	4.7	13.5	3440
II	1	18.4	12.6	50.6	18.4	87
	2	78.7	12.0	1.0	8.3	108
	3	33.3	4.3	28.1	34.3	306
	4	37.0	37.0	3.8	22.2	27
Итого		40.4	8.9	25.0	25.7	528
III	1	30.1	67.8	—	2.1	143
	2	43.4	45.5	3.1	8.0	189
Итого		37.7	55.1	1.8	5.4	332
IV	Докерам.	19.8	2.1	73.4	4.7	237
	1	59.5	2.6	22.4	15.5	232
	2	59.5	8.1	16.8	15.6	1164
	3	46.8	1.7	37.5	14.0	416
	4	29.0	22.4	29.0	19.6	107
Итого		51.2	6.3	28.3	14.2	2156
V	1	10.8	72.0	7.5	9.7	93
	2	18.5	65.1	6.7	9.7	329
	3	9.6	52.1	20.1	18.2	2179
	4	5.8	61.6	15.1	17.5	344
Итого		10.2	55.3	17.6	16.9	2945
VI	Докерам.	50.0	—	33.0	17.0	6
	1	51.5	15.2	30.3	3.0	33
	2	33.3	7.9	34.3	24.5	102
	3	38.8	8.1	33.8	19.3	358
	4	50.0	20.0	10.0	20.0	10
Итого		38.9	8.6	31.2	19.3	509

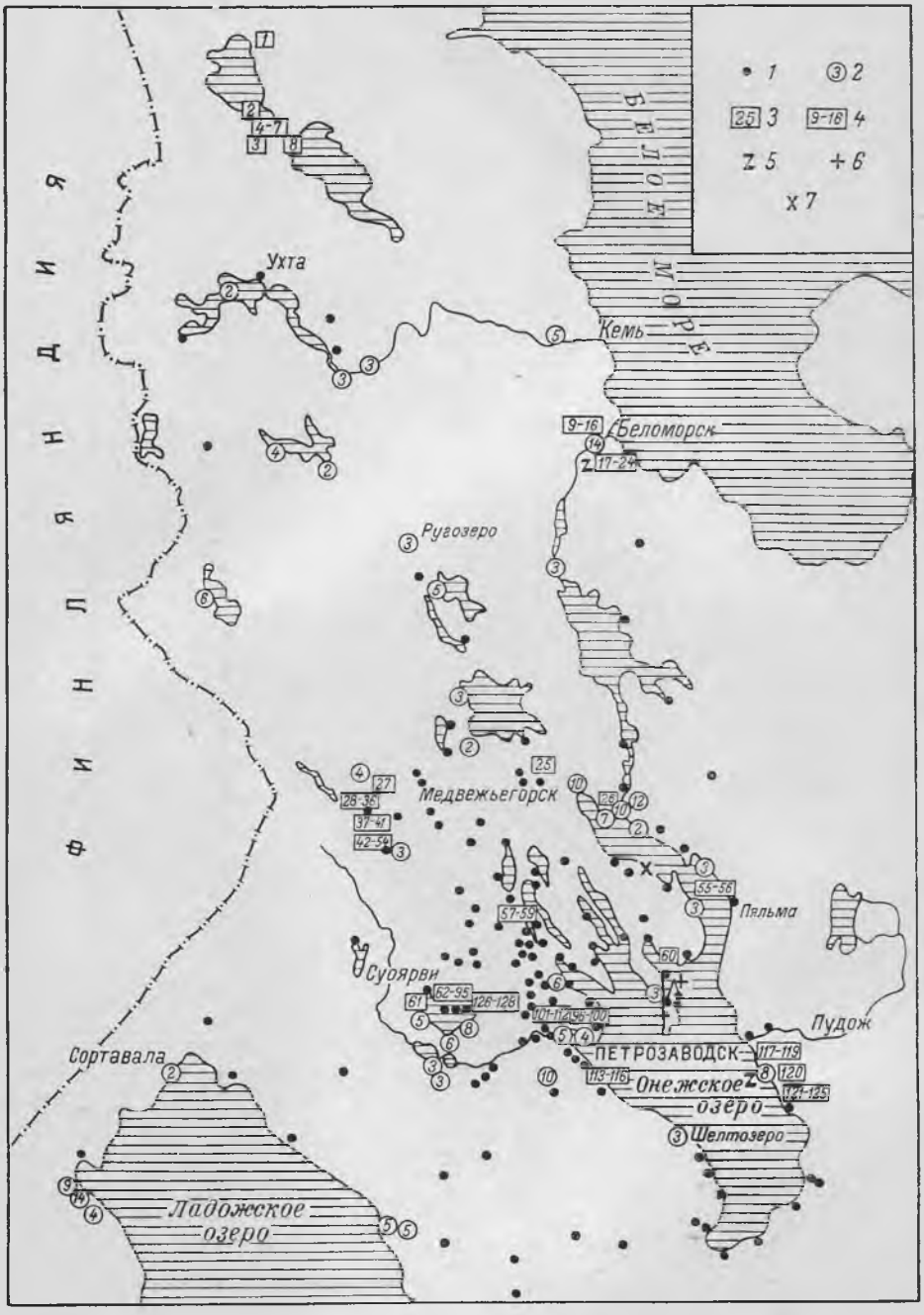

Схема 1. Археологические памятники Карелии.

1 — одиночные стоянки, известные до 1955 г.; *2* — группы стоянок, известные до 1955 г. (число в окружности — количество стоянок в группе); *3* — одиночные стоянки, открытые в 1955—1959 гг. (число в квадрате — порядковый номер стоянки); *4* — группы стоянок, открытые в 1955—1959 гг. (числа в прямоугольнике — порядковые номера стоянок); *5* — наскальные изображения; *6* — неолитический могильник; *7* — одиночная неолитическая могила.

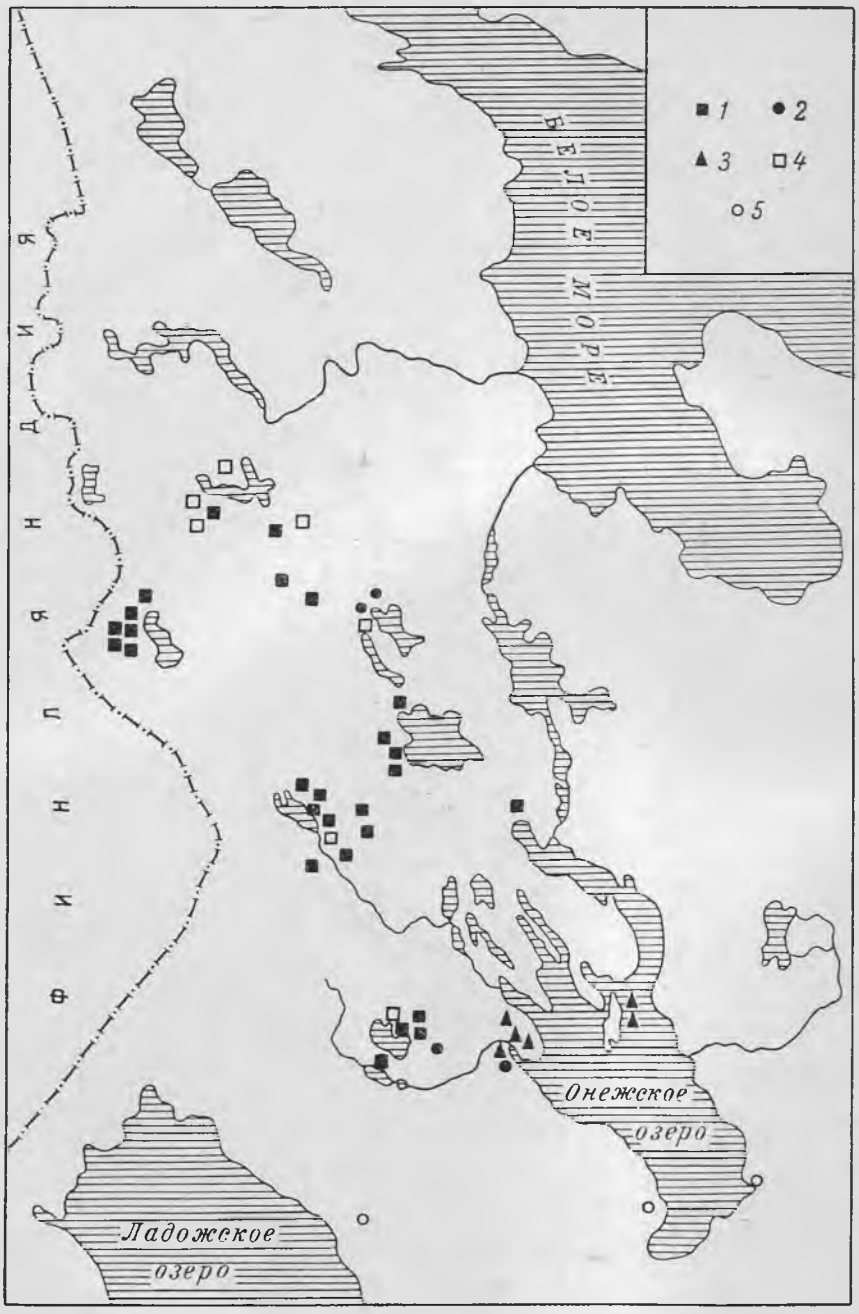

Схема 2. Стоянки докерамического и раннекерамического времени.

1 — поселения с кварцевым инвентарем (без кремня); *2* — ранние поселения с керамикой типа «Сперрингс»; *3* — памятники с кремневым и сланцевым инвентарем; *4* — поселения с кварцевым инвентарем (с небольшим количеством кремня); *5* — ранние поселения с ямочной керамикой.

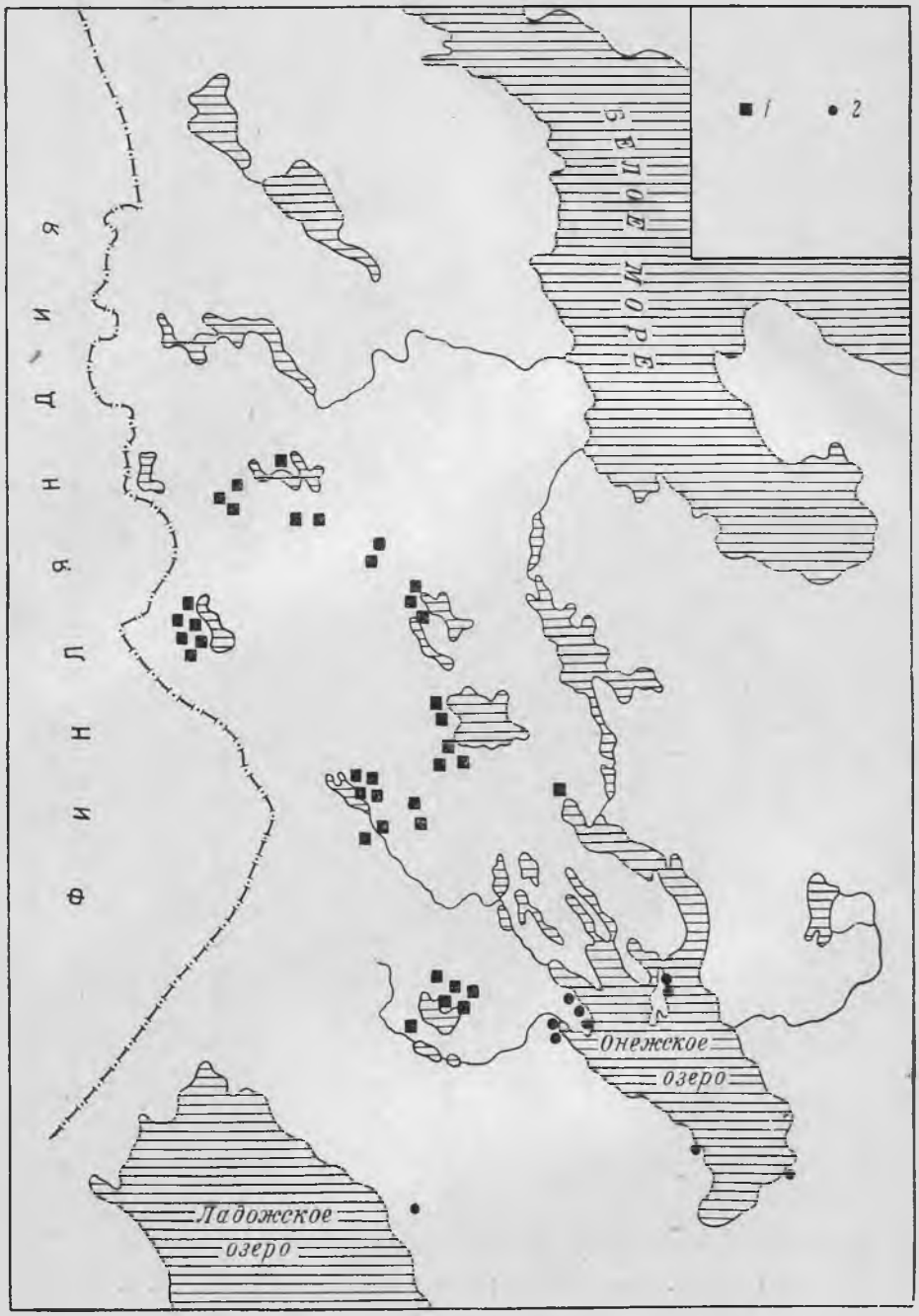

Схема 3. Этнические общности Карелии в докерамическое и раннекерамическое время.

1 — аборигены; *2* — пришельцы с юга.

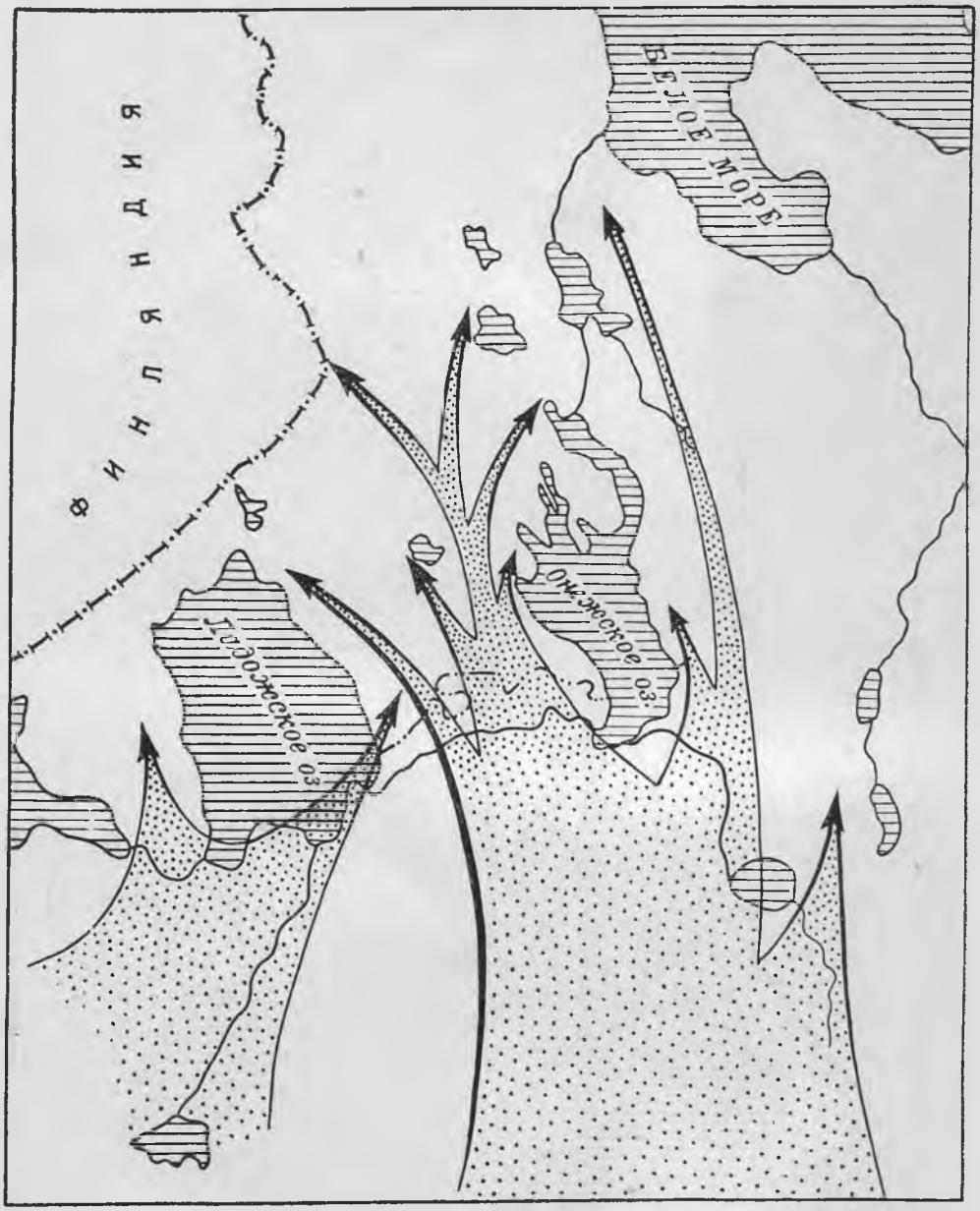

Схема 4. Заселение Карелии в III тысячелетии до н. э.

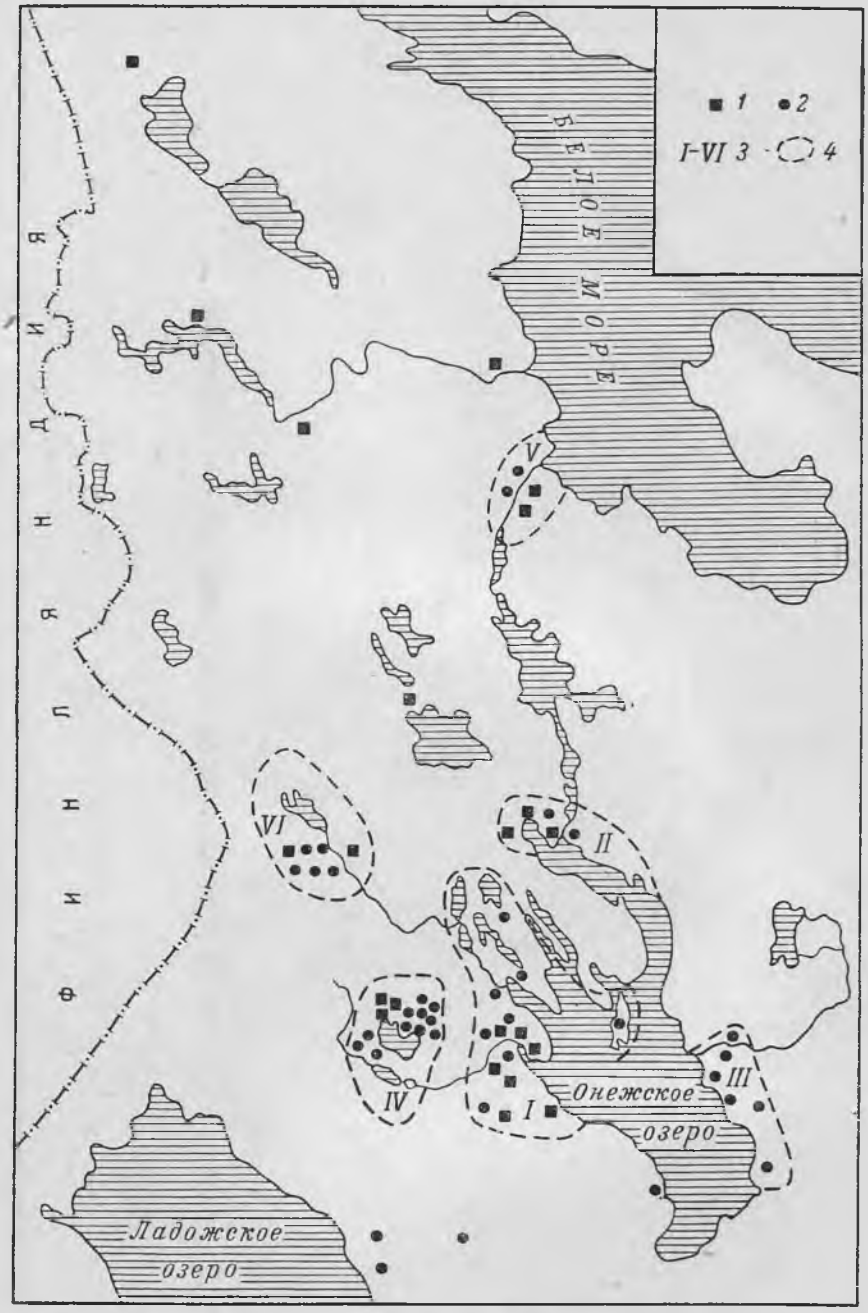

Схема 5. Племена Карелии в период их формирования (первый хронологический этап — вторая половина III тысячелетия до н. э.).

1 — поселения со смешанной керамикой двух типов («Сперрингс» и ямочно-зубчатая) и с поздней керамикой типа «Сперрингс»); *2* — поселения с чистым комплексом ямочно-зубчатой керамики; *3* — районы формирования племен; *4* — границы формирования племен.

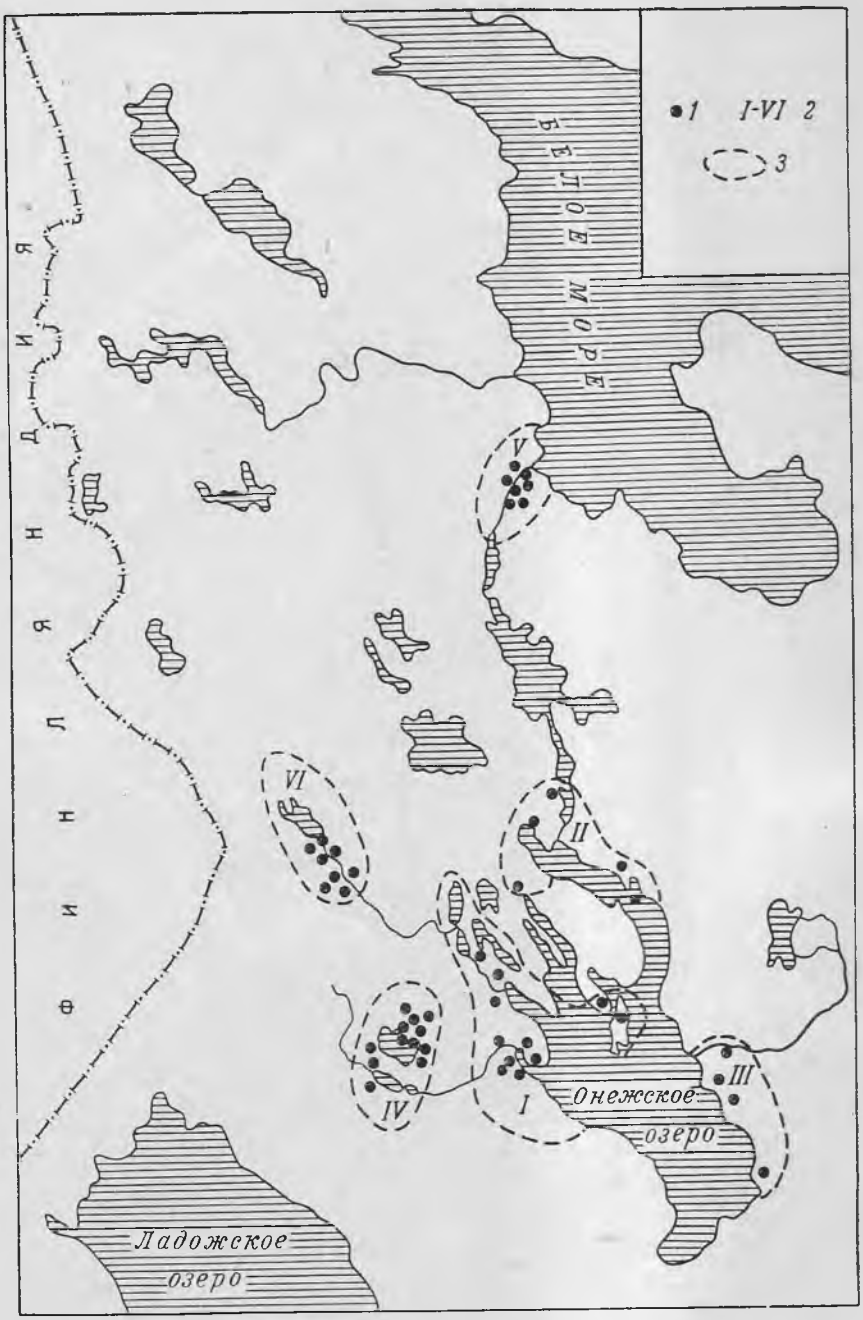

Схема 6. Племена Карелии на втором хронологическом этапе (2100—1800 гг. до н. э.).

1 — стоянки; *2* — локальные племенные районы; *3* — границы локальных районов.

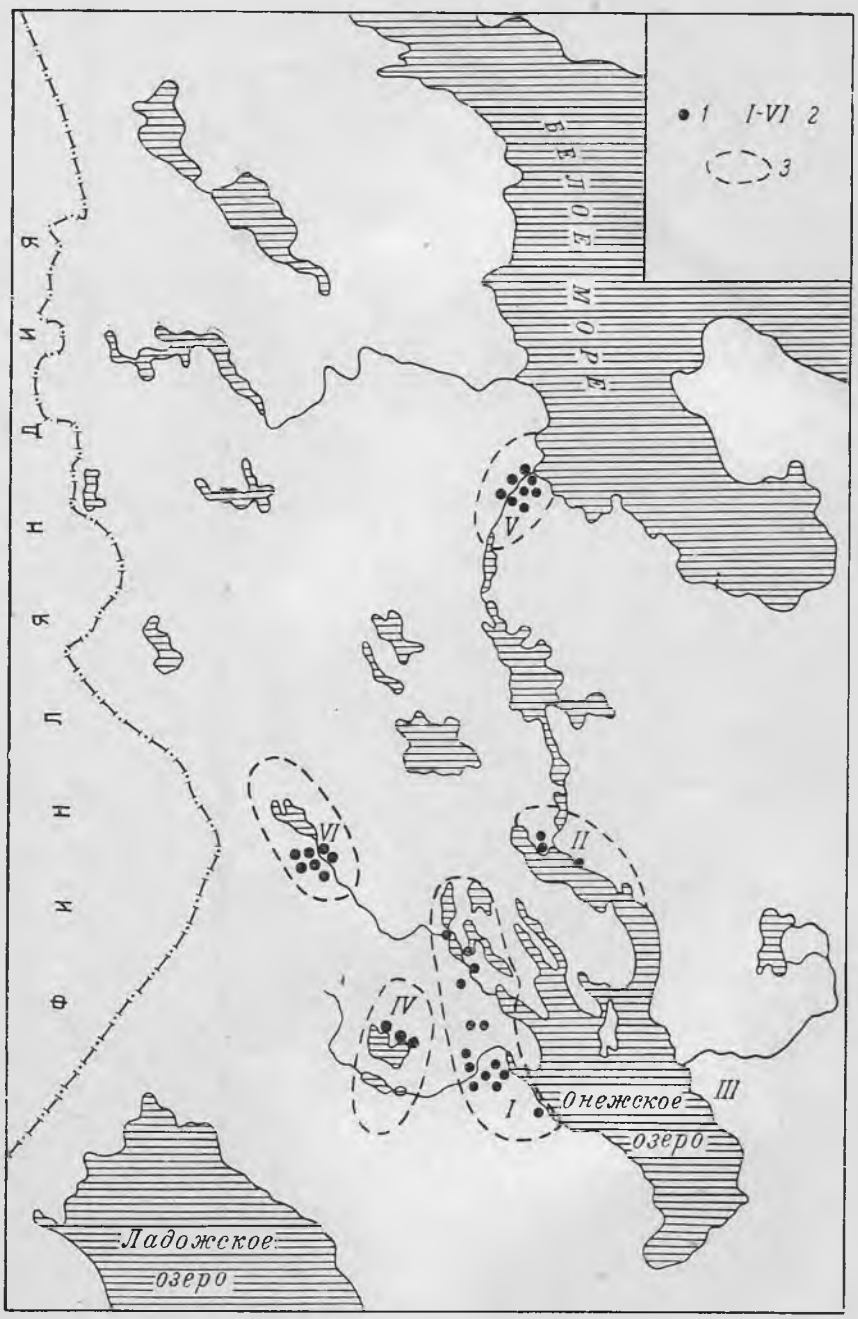

Схема 7. Племена Карелии на третьем хронологическом этапе (1800—1200 гг. до н. э.).

1 — стоянки; *2* — локальные племенные районы; *3* — границы локальных районов.

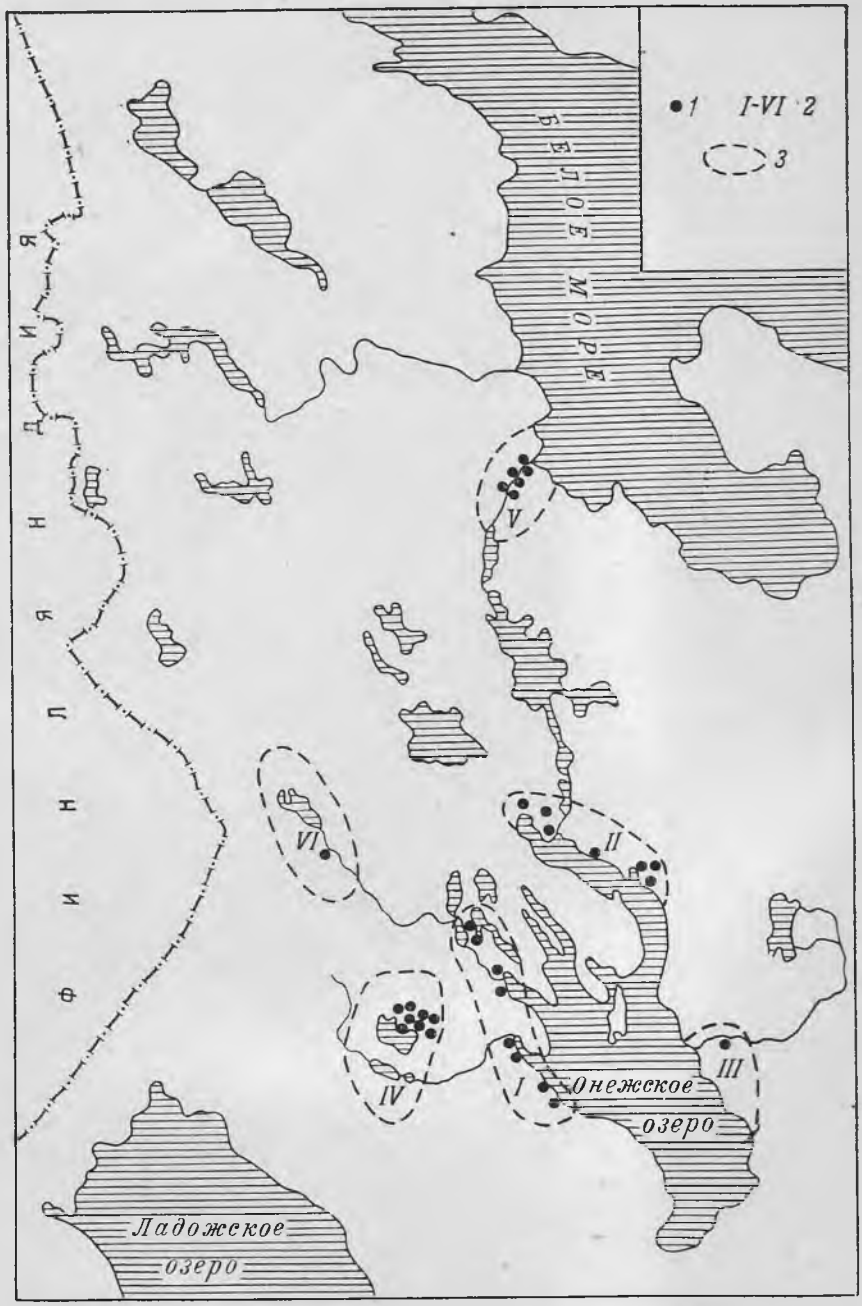

Схема 8. Племена Карелии на четвертом хронологическом этапе (1200—500 гг. до н. э.).

1 — стоянки; *2* — локальные племенные районы; *3* — границы локальных районов.

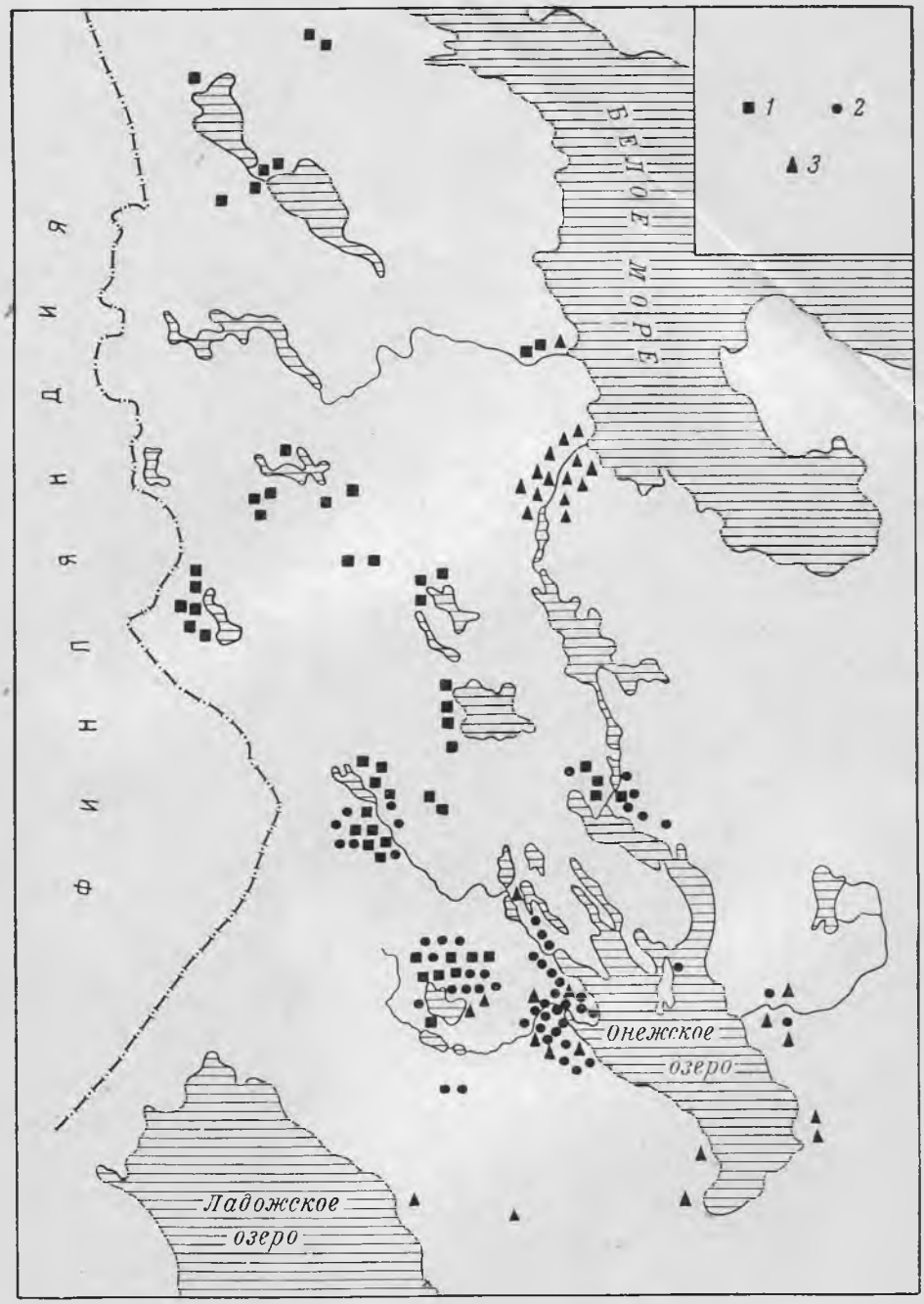

Схема 9. Стоянки с преобладанием в их инвентаре сланцевых, кварцевых или кремневых изделий.

1 — стоянки с преобладанием кварцевых изделий; *2* — стоянки с преобладанием сланцевых изделий; *3* — стоянки с преобладанием кремневых изделий.

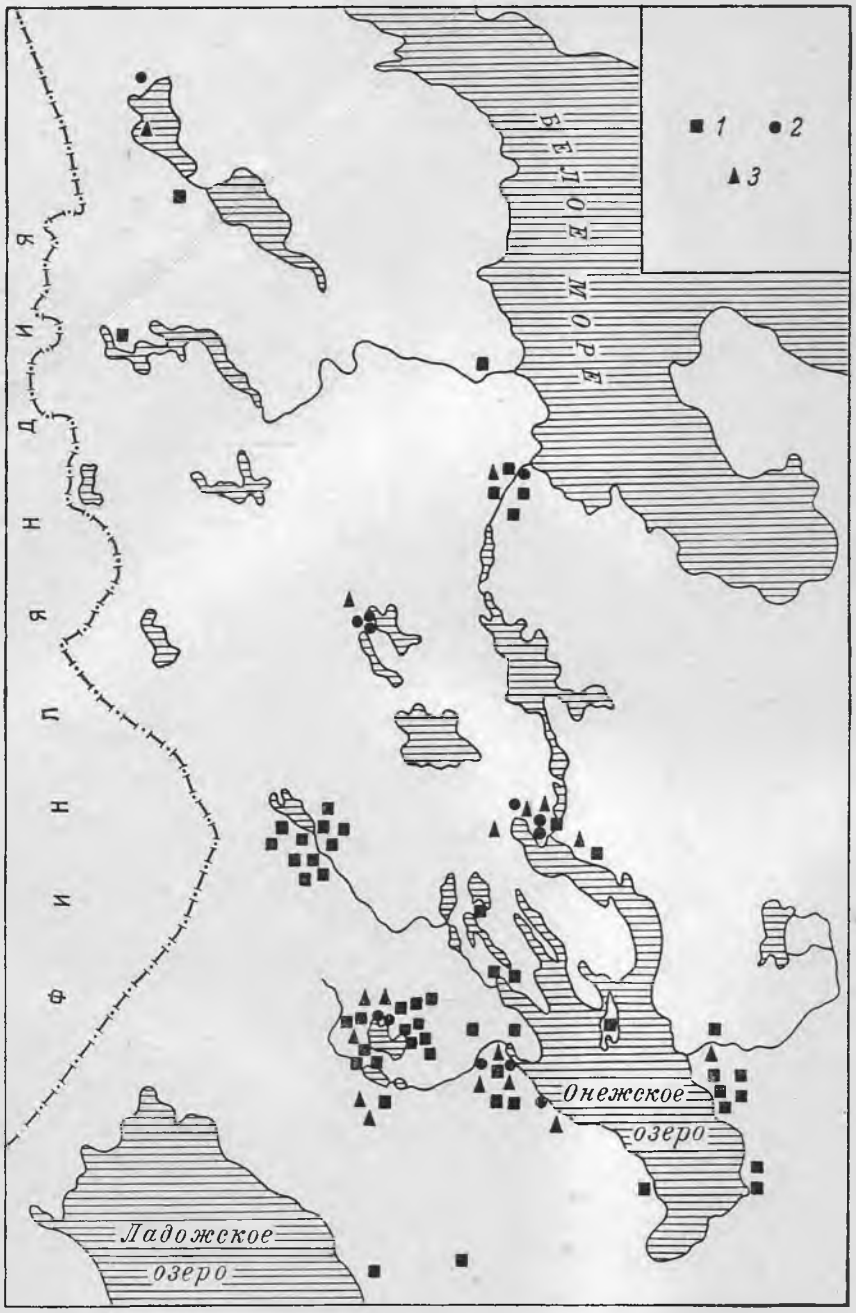

Схема 10. Стоянки с чистыми комплексами керамики типов: «Сперрингс», ямочно-зубчатая, «асбестовая».

1 — стоянки с чистым комплексом ямочно-зубчатой керамики; *2* — стоянки с чистым комплексом керамики типа «Сперрингс»; *3* — стоянки с чистым комплексом «асбестовой» керамики.

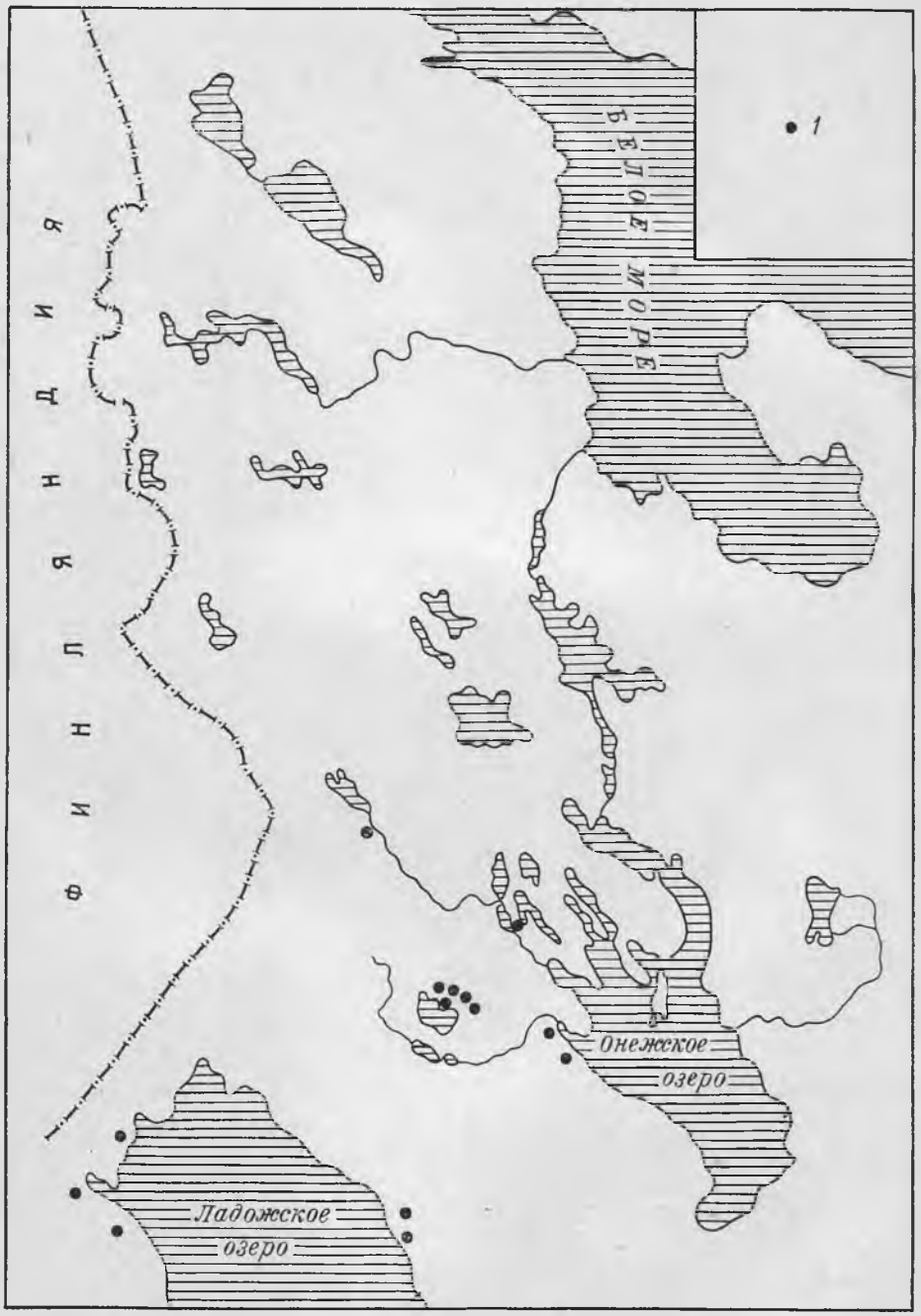

Схема 11. Стоянки с «сетчатой» керамикой.

1 — места находок.

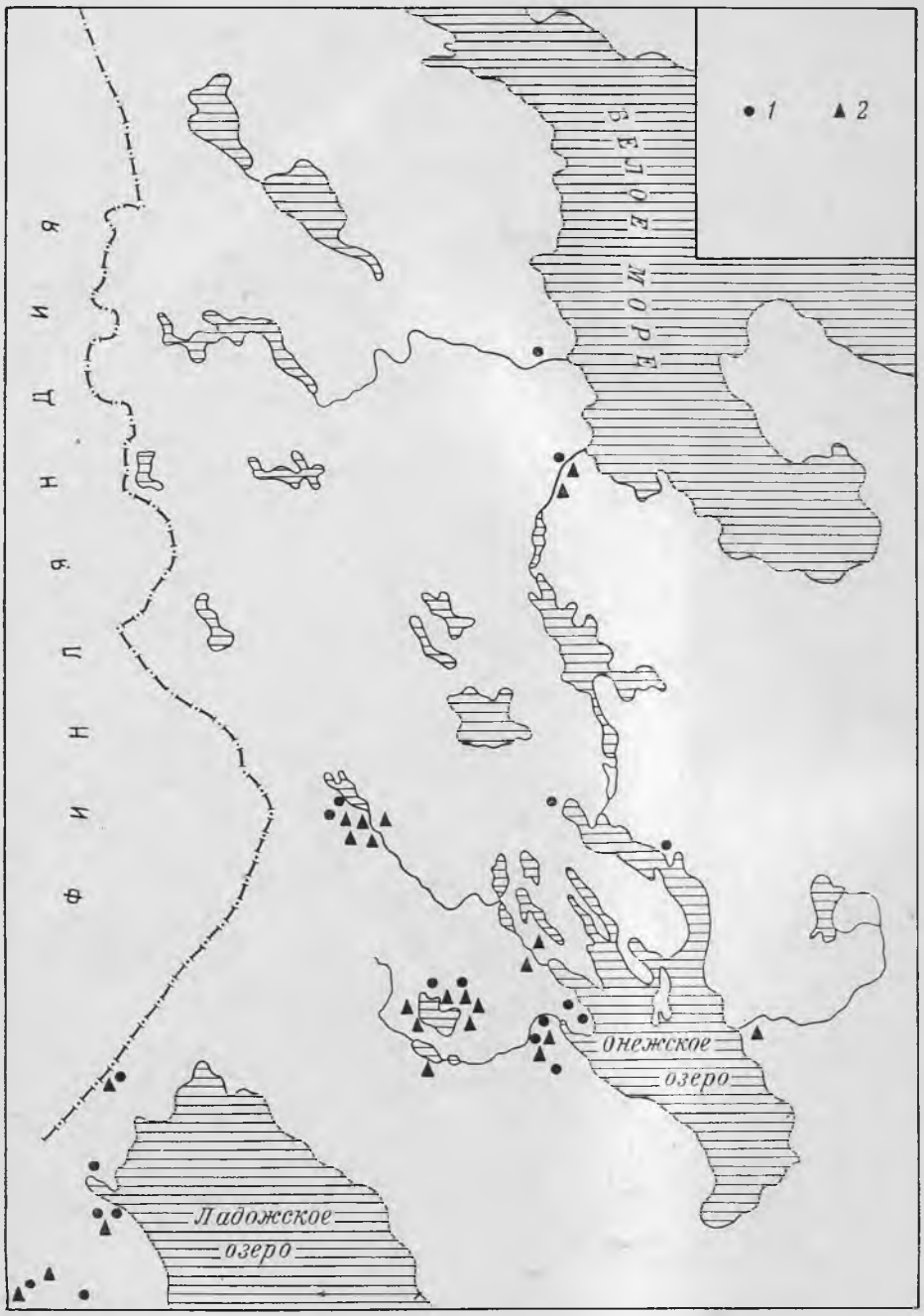

Схема 12. Стоянки со смешанной керамикой двух и трех типов.

1 — стоянки со смешанной керамикой двух типов («Сперрингс» и ямочно-зубчатая);
2 — стоянки со смешанной керамикой трех типов («Сперрингс», ямочно-зубчатая и «асбестовая»).

СПИСОК СТОЯНОК ЭПОХИ НЕОЛИТА И РАННЕГО МЕТАЛЛА, ОТКРЫТЫХ ЭКСПЕДИЦИЕЙ КАРЕЛЬСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР[1]

в 1955—1959 гг.[2]

1. Стоянка Зашеек.
2. Стоянка Пяозерская.
3. Стоянка Порог Понча.
4—7. Группа стоянок (Усть-Понча I, Усть-Понча II, Софьянга I, Софьянга II).
8. Стоянка Софпорог.
9—16. Группа стоянок (Золотец V—XI, Усть-Уда).
17—24. Группа стоянок (Порог Шойрукшин, Бесовы Следки II, Золотец I, II, IV, Выгоостров II, III, Залаврута II).
25. Стоянка Остёр.[3]
26. Стоянка Коч-наволок.
27. Стоянка Ушкола.
28—36. Группа стоянок (Кудом-губа I—IX).
37—41. Группа стоянок (Юд-ярви I—V).
42—54. Группа стоянок (Чудозеро I—XIII).
55—56. Стоянки: Остров Иванцев, Пидостров.
57—59. Группа стоянок (Сопоха I—III).
60. Стоянка Конда Бережная.
61. Стоянка Сярги-лахта II.
62—95. Группа стоянок (Сулгу I—XII, Лахта I—XI, Лакшозеро I, II, Кудома I—VIII, Корби-наволок).
96—100. Группа стоянок (Ялгуба I—V).
101—112. Группа стоянок (Соломенное III, IIIа, IV—IX, Пески II—IV).
113—116. Группа стоянок (Деревянное I—III, Уя).
117—119. Группа стоянок (Семеново I, II, Поселок Шальский).
120. Стоянка Бесов Нос VI.
121—125. Группа стоянок (5 стоянок у Муромского озера).[4]
126—128. Группа стоянок (Малая Суна I—III).

в 1960—1961 гг.

а) стоянки северного и восточного побережий озер Сямозеро и Маньга:

1. Сулгу IIIа
2. Сулгу IIIб
3. Сулгу Va
4. Кудома IX
5. Кудома X
6. Кудома XI
7. Малая Суна IV
8. Малая Суна V
9. Малая Суна VI
10. Малая Суна VII
11. Малая Суна VIII
12. Малая Суна IX
13. Малая Суна X
14. Малая Суна XI
15. Малая Суна XII
16. Малая Суна XIII
17. Малая Суна XIV
18. Малая Суна XV
19. Чуй-наволок II
20. Маньга I
21. Маньга II
22. Маньга III

б) стоянки на берегу оз. Ондозера:

1. Лаяни I
2. Лаяни II
3. Лаяни III
4. Кор-губа IV

---

[1] На картах-схемах стоянки обозначены цифрами.

[2] Стоянки, открытые до 1955 г., были опубликованы ранее в трудах А. Я. Брюсова, Н. Н. Гуриной и М. Е. Фосс, поэтому в данный список они не включены.

[3] Стоянку Остёр открыл сотрудник сектора геологии Карельского филиала АН СССР Г. Ц. Лак.

[4] Первая стоянка у оз. Муромское открыта Б. Ф. Земляковым в 1933 г.; в 1955 г. Н. Н. Гурина открыла здесь еще 5 стоянок.

в) стоянки на берегах озер Остёр и Рыбозеро Медвежьегорского района:

1. Остёр I
2. Остёр II
3. Остёр III
4. Остёр IV
5. Остёр V
6. Остёр VI
7. Остёр VII
8. Остёр VIII
9. Остёр IX
10. Остёр X
11. Остёр XI
12. Остёр XII
13. Рыбозеро I
14. Рыбозеро II

г) стоянки северного побережья Онежского озера:

1. Вой-наволок XIII
2. Вой-наволок XIV
3. Вой-наволок XV
4. Вой-наволок XVI
5. Вой-наволок XVII
6. Коч-наволок II
7. Коч-наволок III
8. Коч-наволок IV
9. Коч-наволок V
10. Коч-наволок VI

д) стоянки на берегах озер Падозеро и Сундозеро и на северном берегу Ладожского озера:

1. Рай-губа I
2. Рай-губа II
3. Рай-губа III
4. Падозеро II
5. Сортавала
6. Мейери

е) стоянки в низовье р. Выга:

1. Золотец XII
2. Золотец XIII
3. Золотец XIV
4. Золотец XV
5. Золотец XVI
6. Золотец XVII
7. У шлюза № 16
8. У стадиона
9. Горелый мост I
10. Горелый мост II
11. Горелый мост III
12. Горелый мост IV
13. Горелый мост V
14. Горелый мост VI
15. Горелый мост VII
16. Горелый мост VIII

ж) стоянки на берегах озер Беломорского района (10 стоянок).

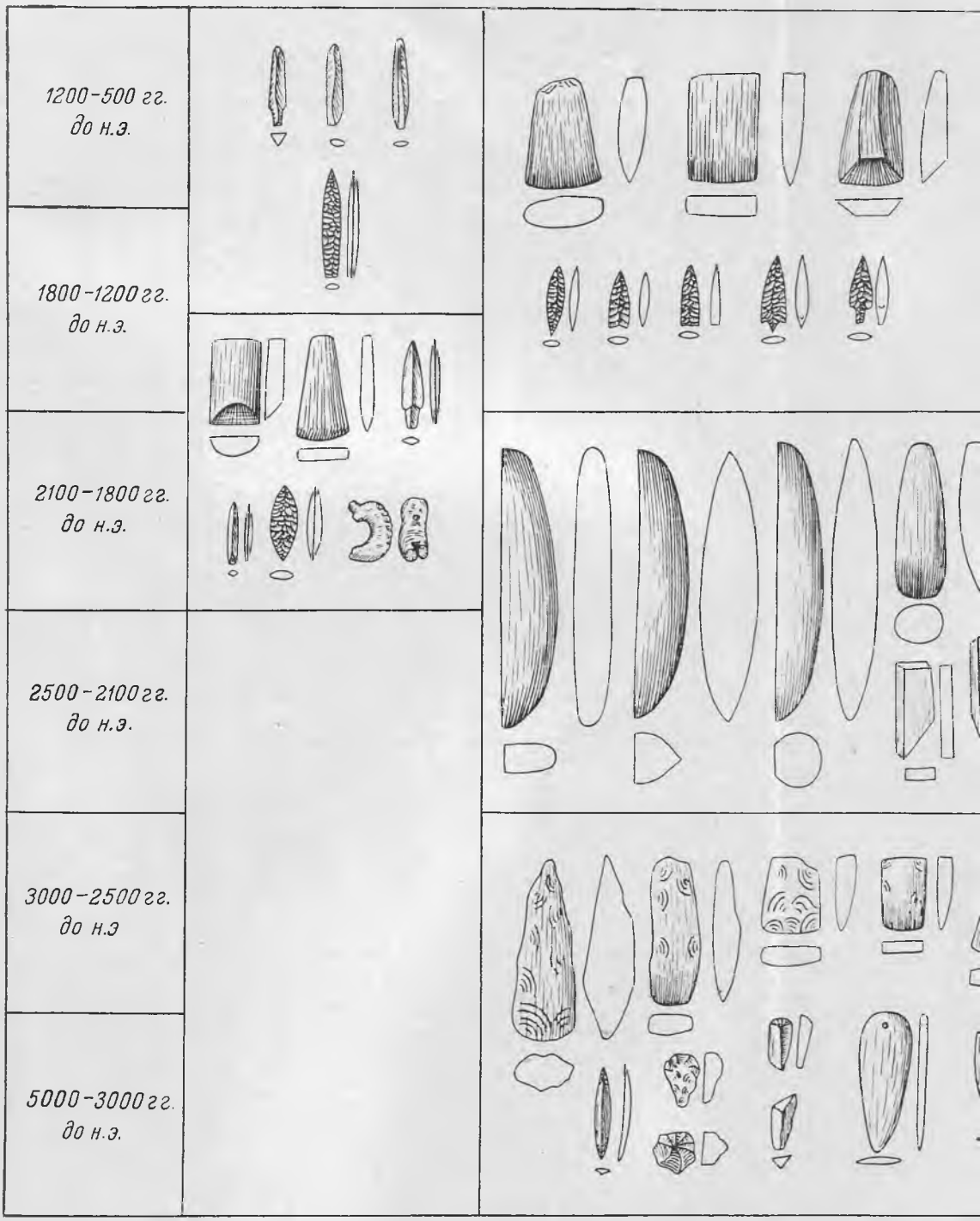
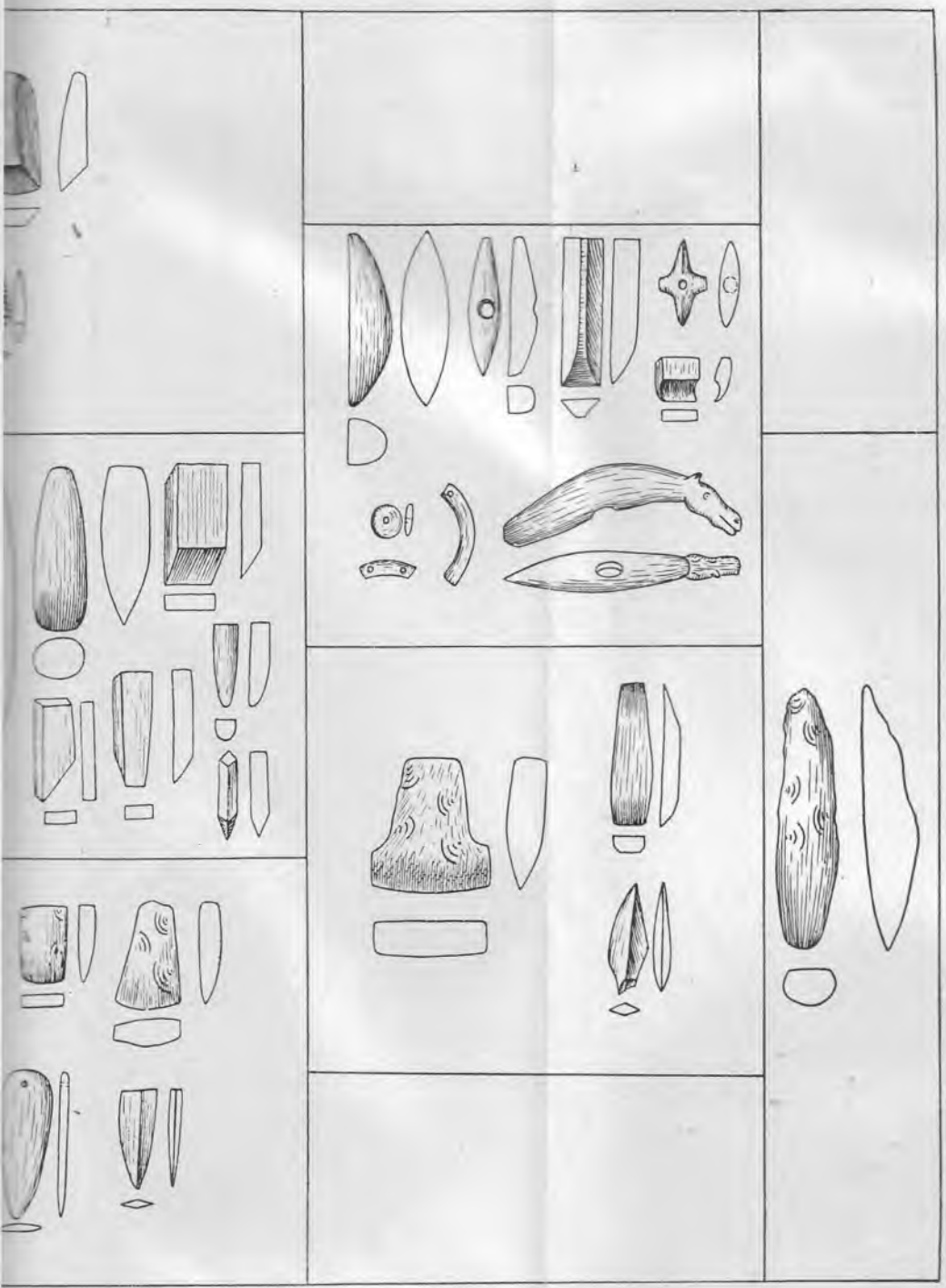

Табл. 1. Инвентарь стоянок Карелии на разных

и на разных хронологических этапах.

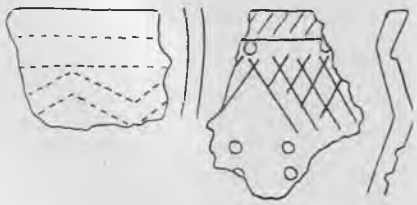
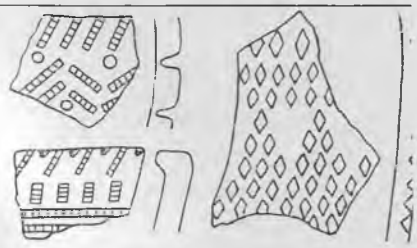
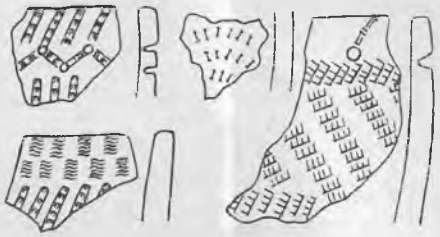
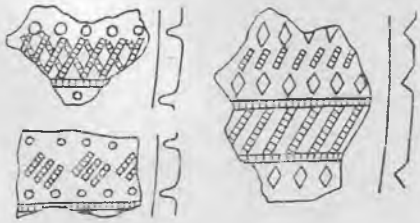
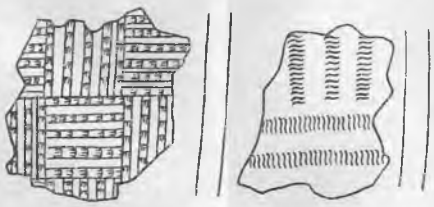
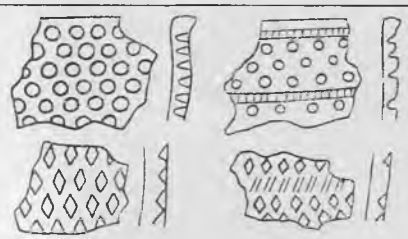
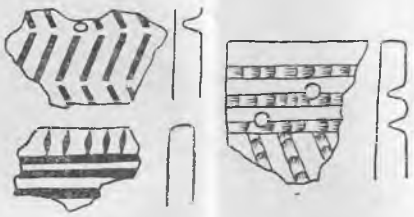
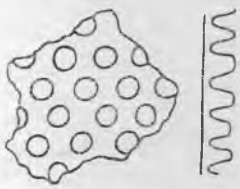
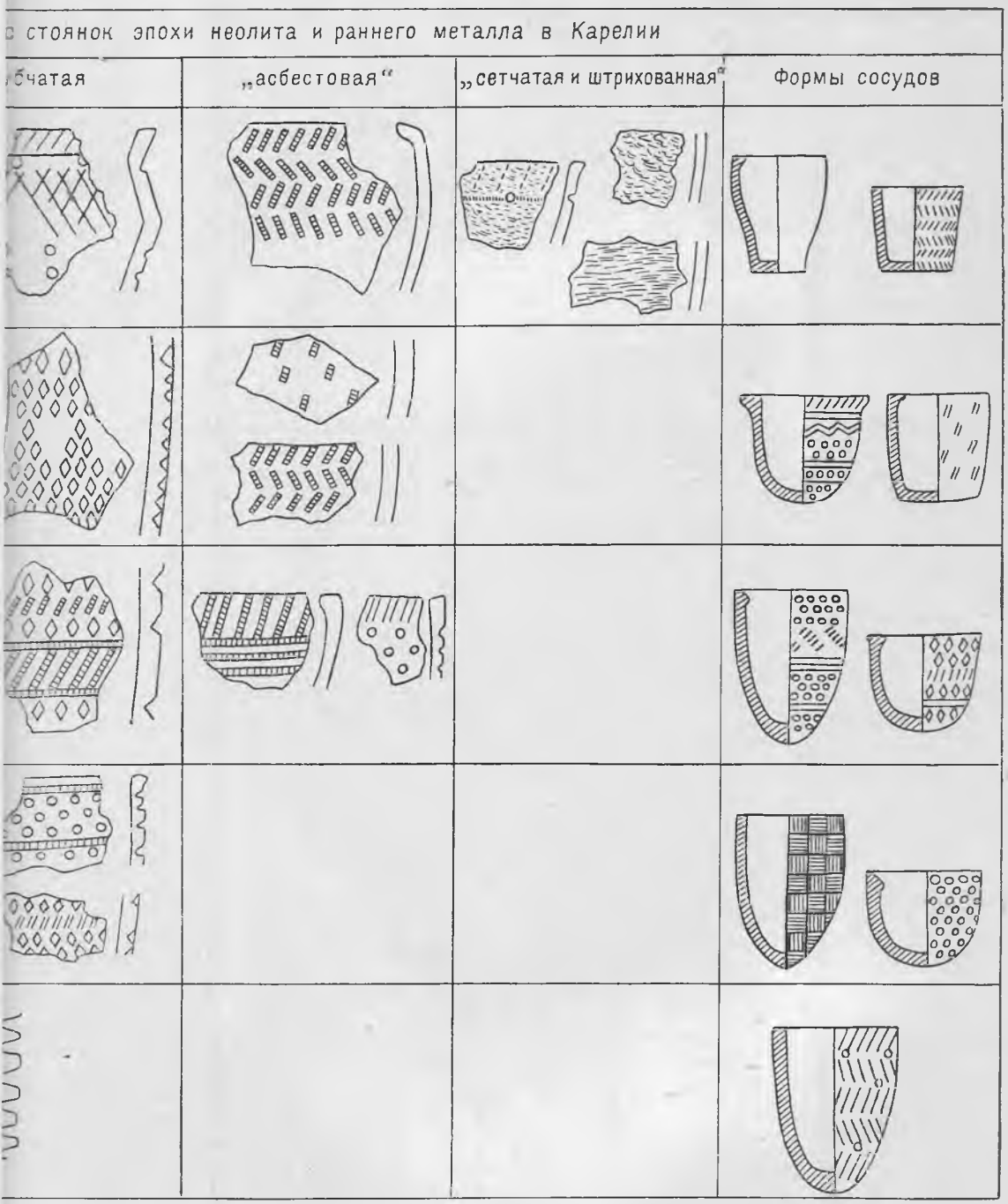
Хронологичес-кие этапы	Типы керамики со стоянок эп	
	„Сперрингс“	Ямочно-зубчатая
1200–500 гг. до н.э.		
1800–1200 гг. до н.э.		
2100–1800 гг. до н.э.		
2500–2100 гг. до н.э.		
3000–2500 гг. до н.э.		

Табл. 2. Хронологические различия в орнаменте

ения в орнаменте и форме сосудов со стоянок Карелии.

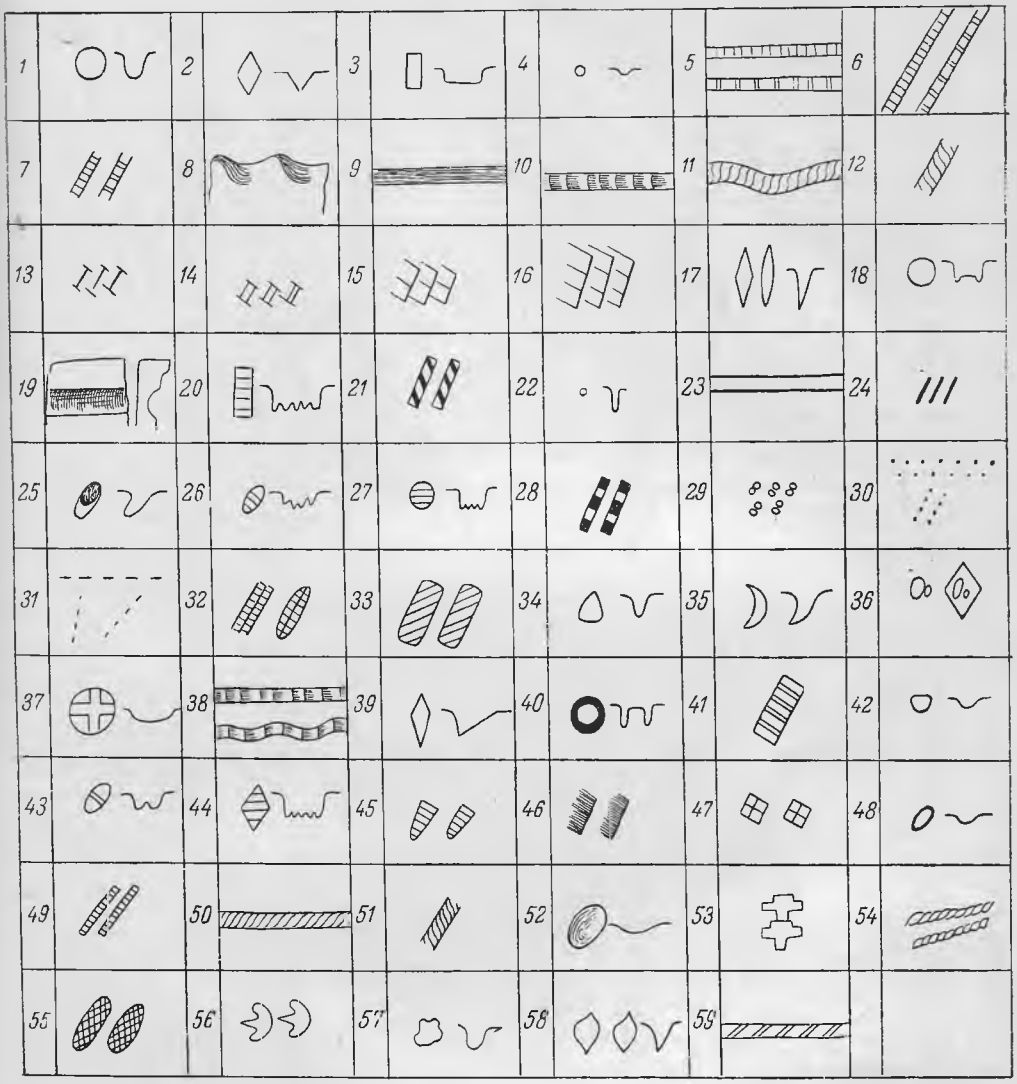

Табл. 3. Элементы орнамента керамики со стоянок Карелии.

1—17 — элементы орнамента, общие для всех районов Карелии (*1—8* — орнамент ямочно-зубчатой керамики; *9—17* — орнамент керамики типа «Сперрингс»); *18—31* — элементы орнамента, характерные для керамики стоянок I локального варианта, *32—46* — элементы орнамента керамики II локального варианта; *47—49* — элементы орнамента III варианта; *50—53* — элементы орнамента IV варианта; *54—55* — элементы орнамента V варианта; *56—59* — элементы орнамента VI варианта.

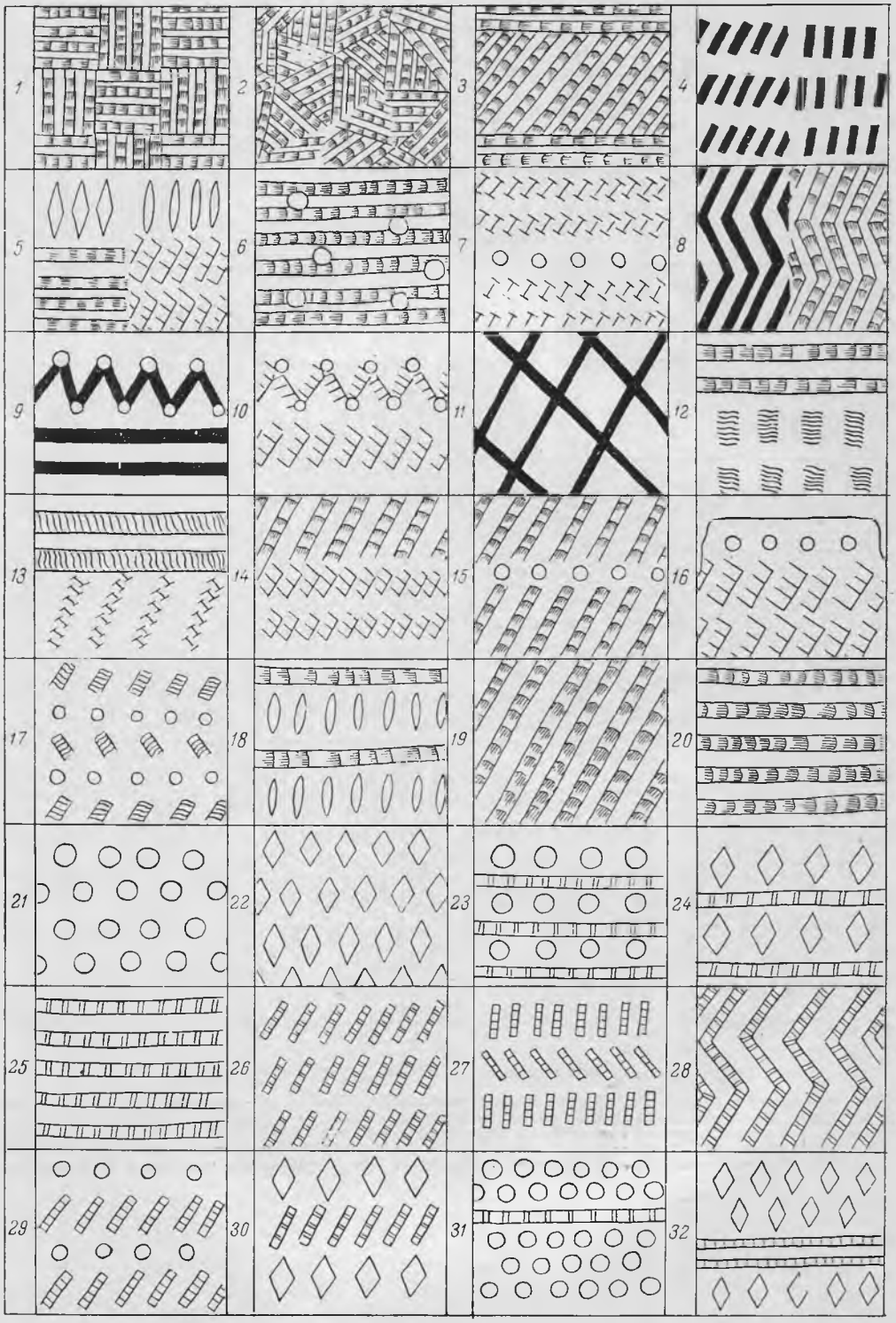

Табл. 4. Орнаментальные мотивы в керамике стоянок Карелии.
Объяснение см. в конце таблицы.

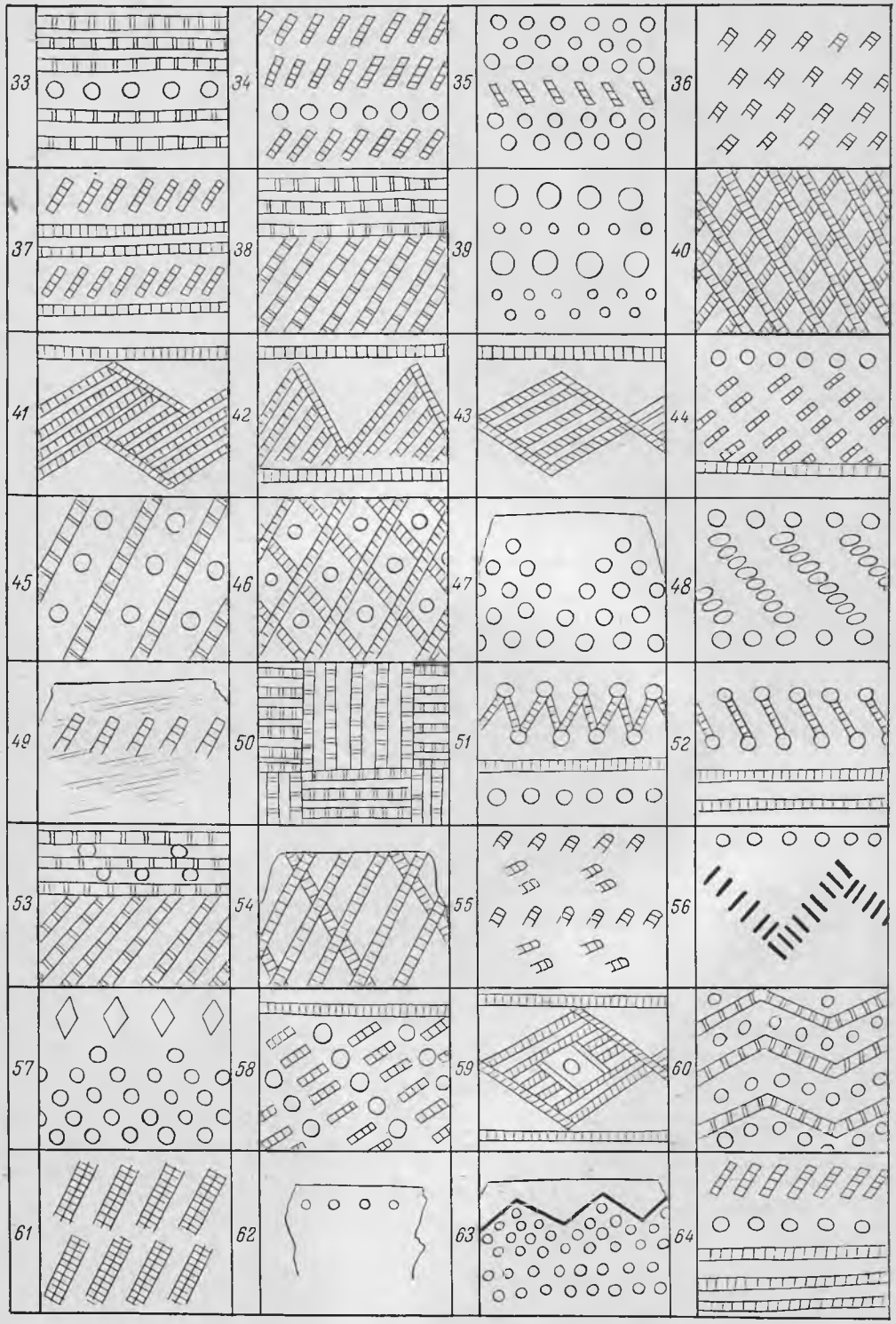

Табл. 4 *(продолжение)*.

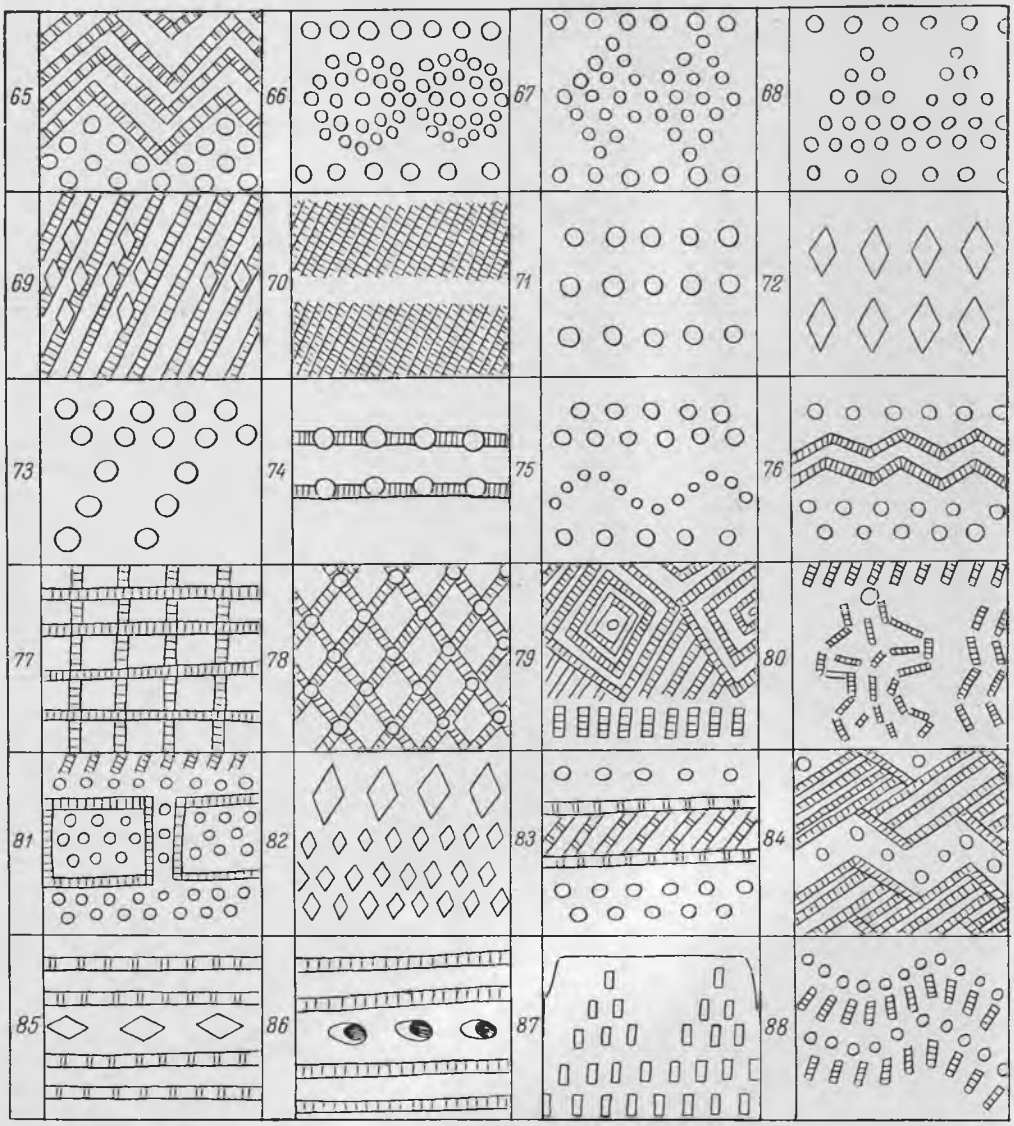

Табл. 4 *(продолжение)*.

1—20 — орнаментальные мотивы керамики типа «Сперрингс» (*1—7, 9, 10, 15—20* — мотивы, общие для всех локальных вариантов; *8* и *11* — мотивы, характерные для I варианта; *12—14* — мотивы, характерные для II варианта); *21—88* — орнаментальные мотивы ямочно-зубчатой керамики (*21—36* — мотивы, общие для всех вариантов; *37—57* — мотивы I варианта; *58—65* — мотивы II варианта; *66—70* — мотивы III варианта; *71—74* — мотивы IV вари анта; *75—81* — мотивы V варианта; *82—88* — мотивы VI варианта).

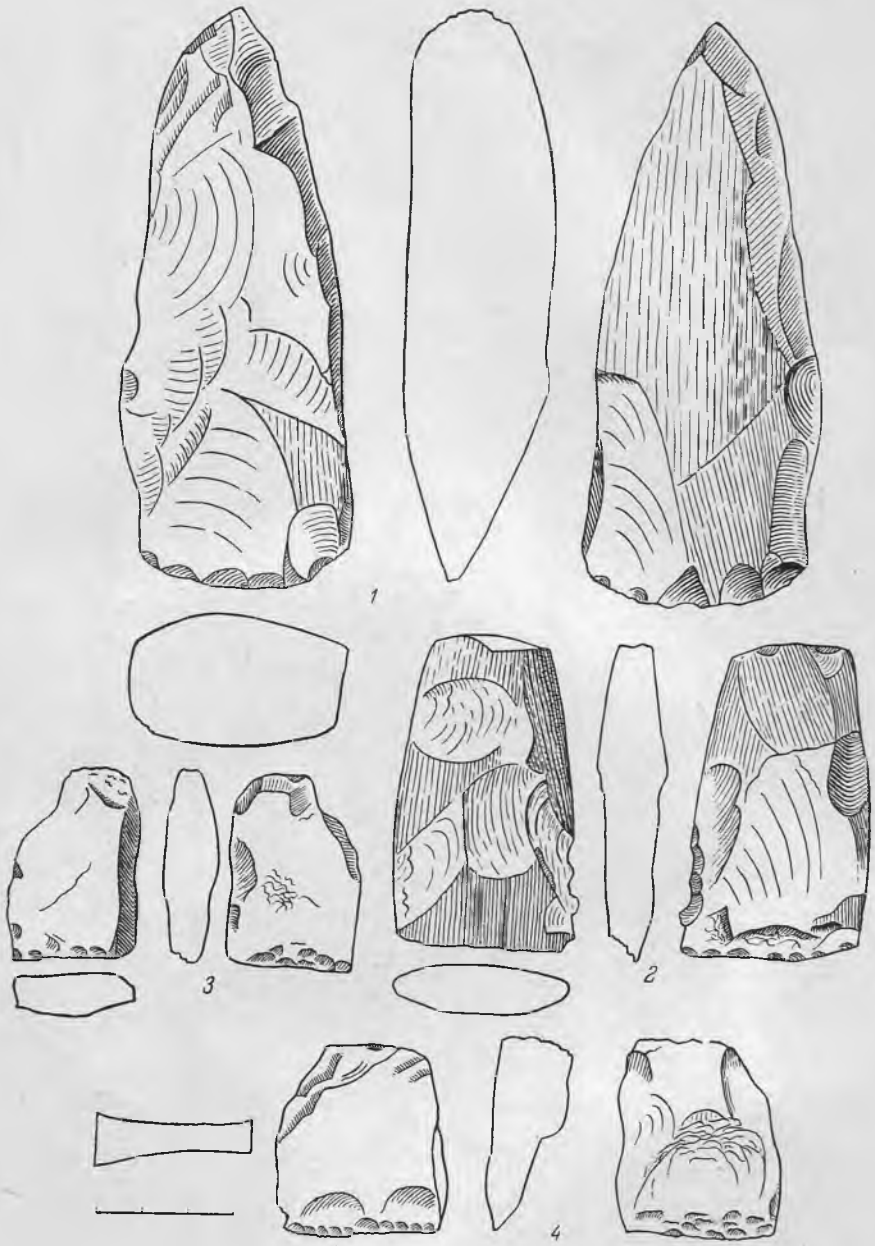

Табл. 1. Орудия докерамического неолита (стоянка Сулгу IV).
1, *2* — топоры сланцевые; *3*, *4*, — долота кварцевые.

Табл. 2. Орудия докерамического неолита (стоянка Сулгу IV).

1—19 — скребки; *20—25* — резцы; *26—28* — ножевидные пластинки; *29* — нуклеус.

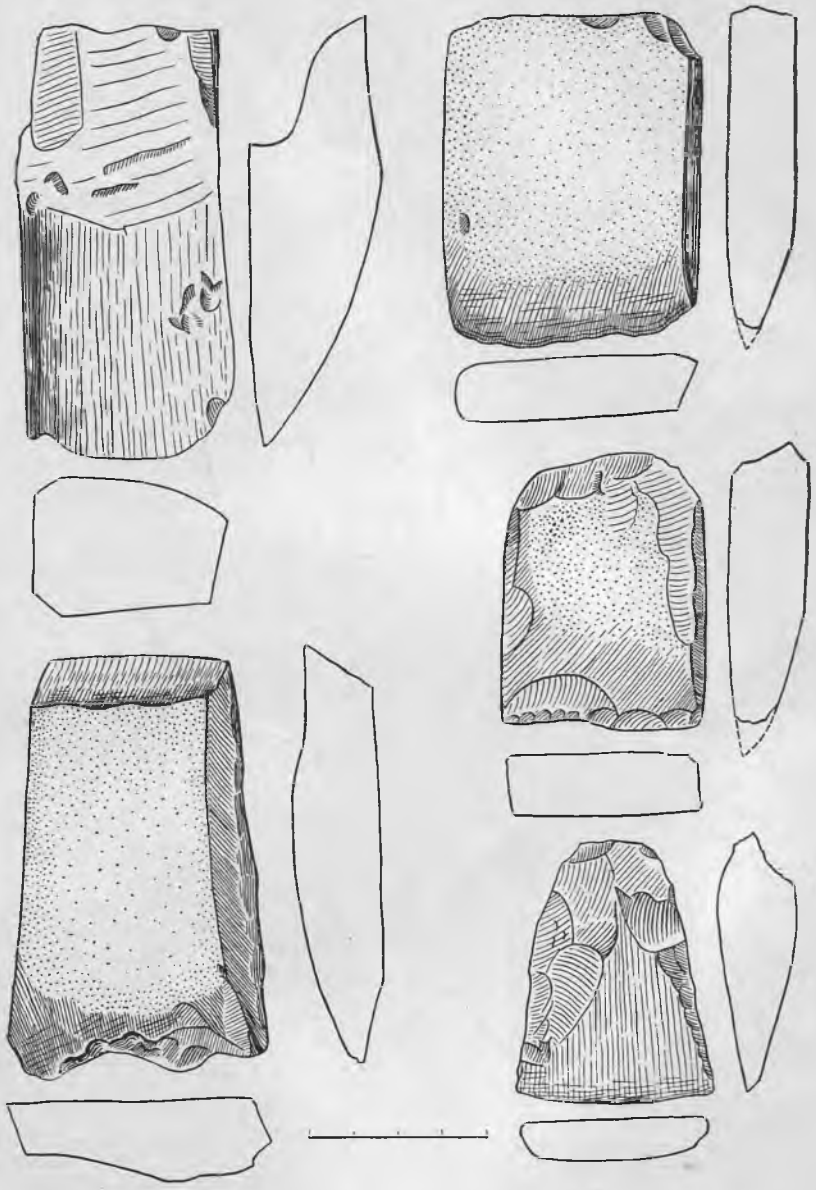

Табл. 3. Топоры докерамического времени со стоянки Олений остров.

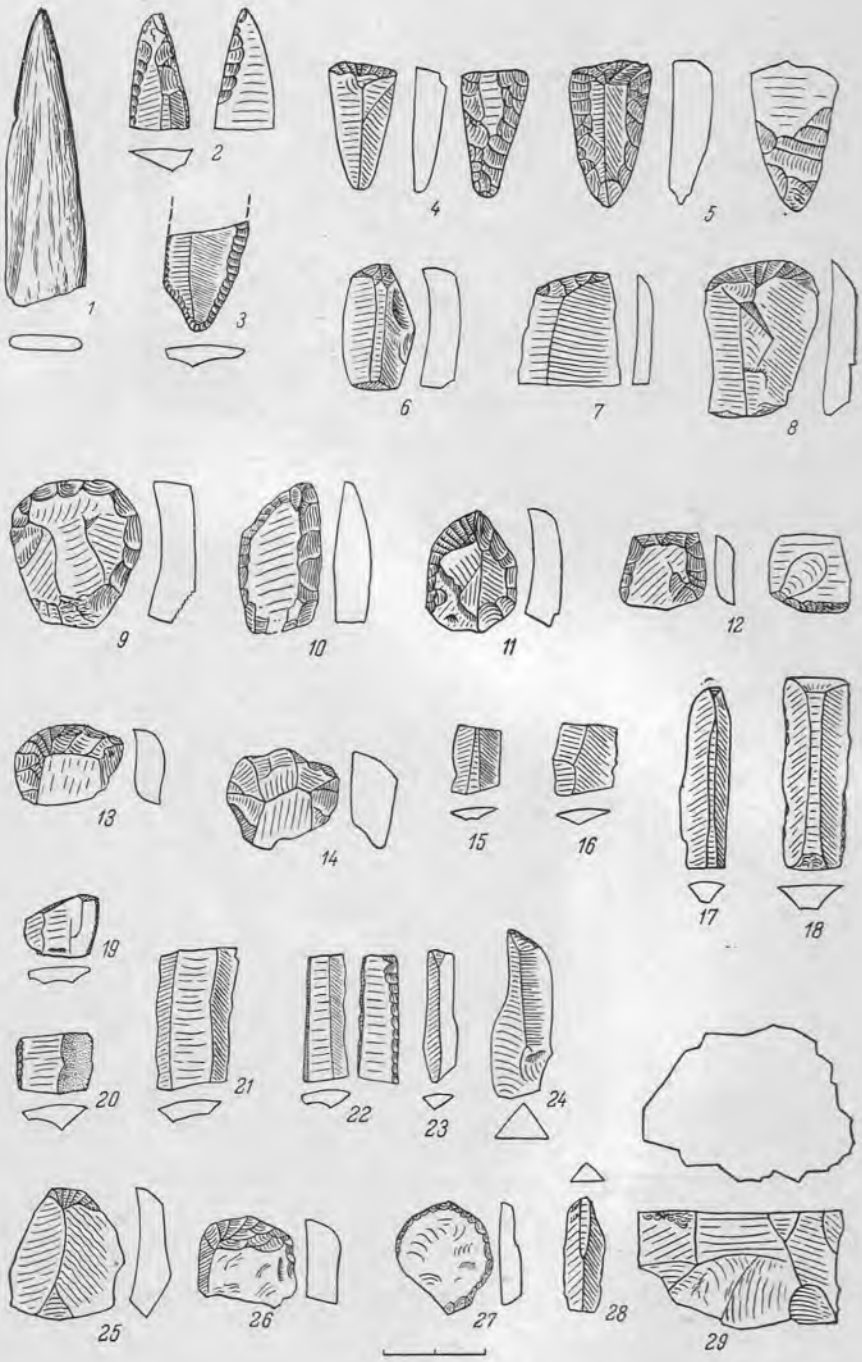

Табл. 4. Орудия докерамического времени со стоянки Олений остров.

1—3 — наконечники стрел (кремень); *4—14* — скребки кремневые; *15—24* — ножевидные пластинки (кремень); *25—29* — орудия из кварца.

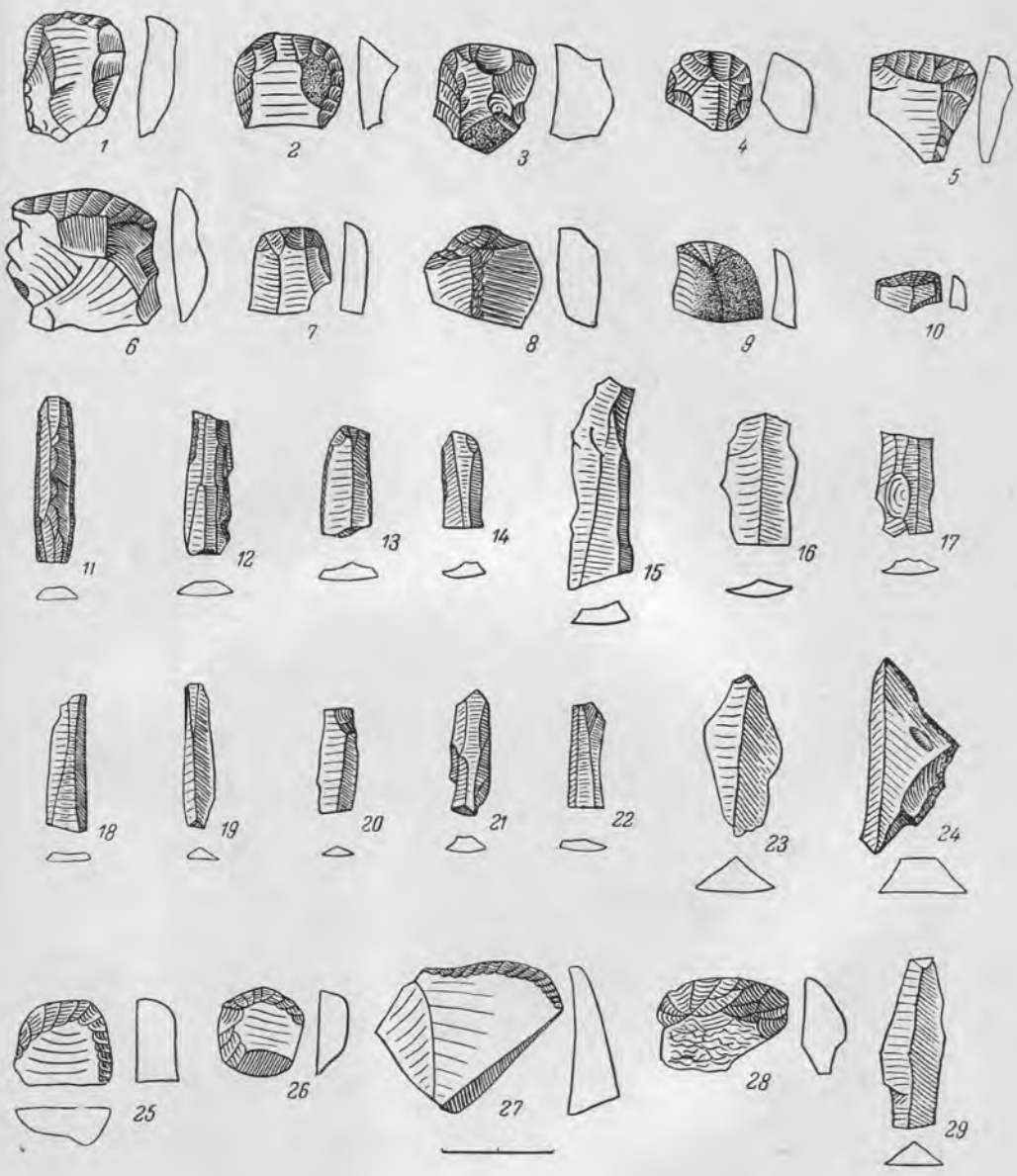

Табл. 5. Орудия докерамического времени со стоянки Ялгуба V.

1—24 — кремневые орудия; *25—29* — кварцевые орудия.

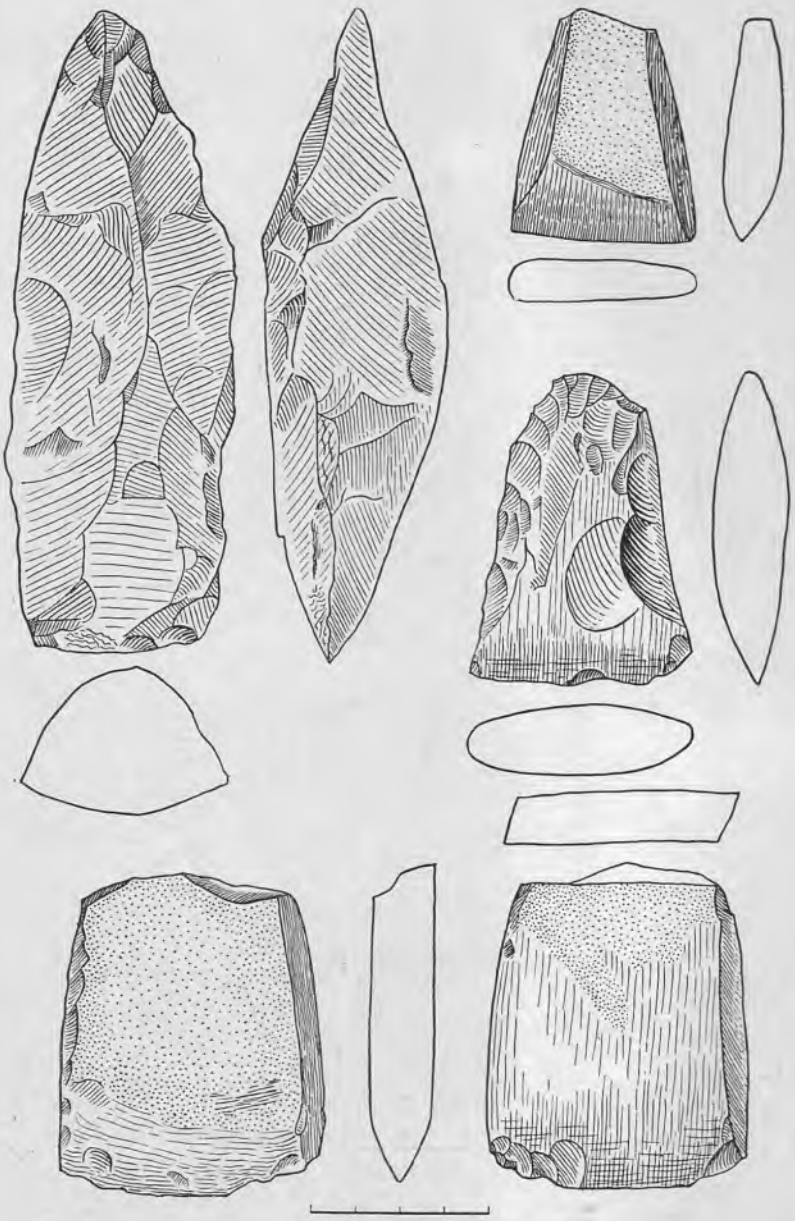

Табл. 6. Орудия раннекерамического времени (стоянка Пески III).

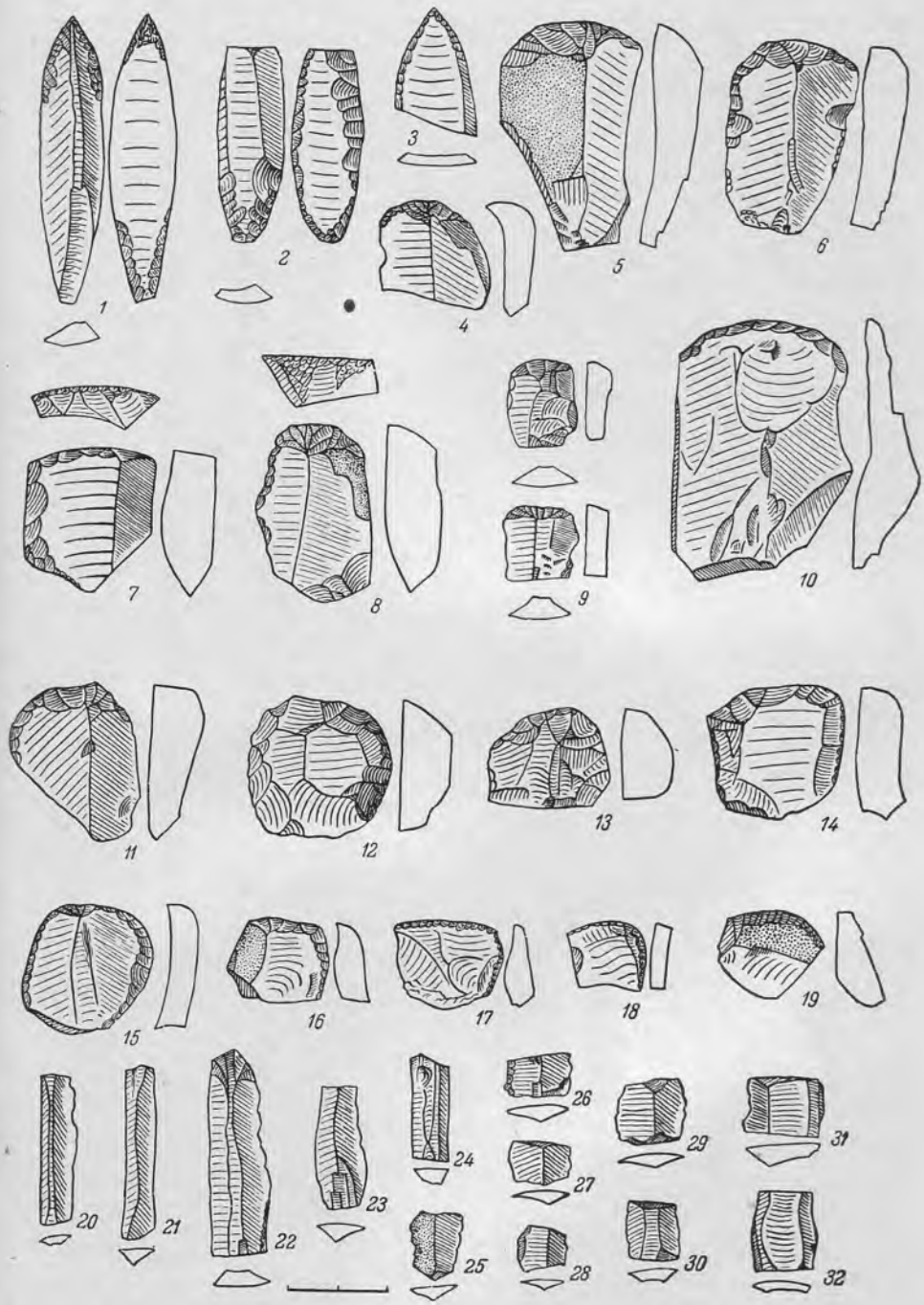

Табл. 7. Орудия раннекерамического времени (стоянка Пески III).

1—3 — наконечники стрел; *4—19* — скребки; *20—32* — ножевидные пластинки и их обломки.

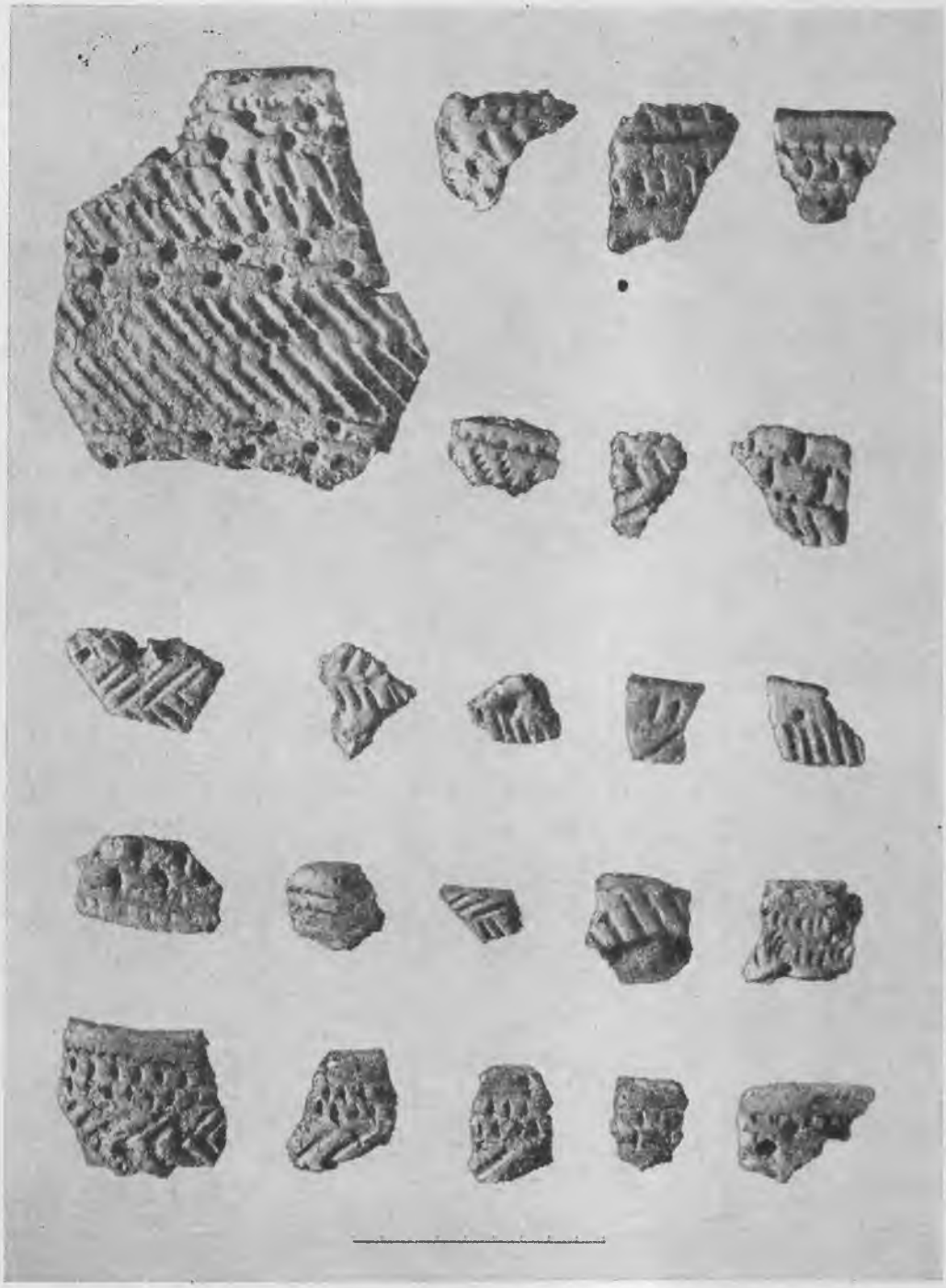

Табл. 8. Ранняя керамика типа «Сперрингс» (стоянка Кудома VI).

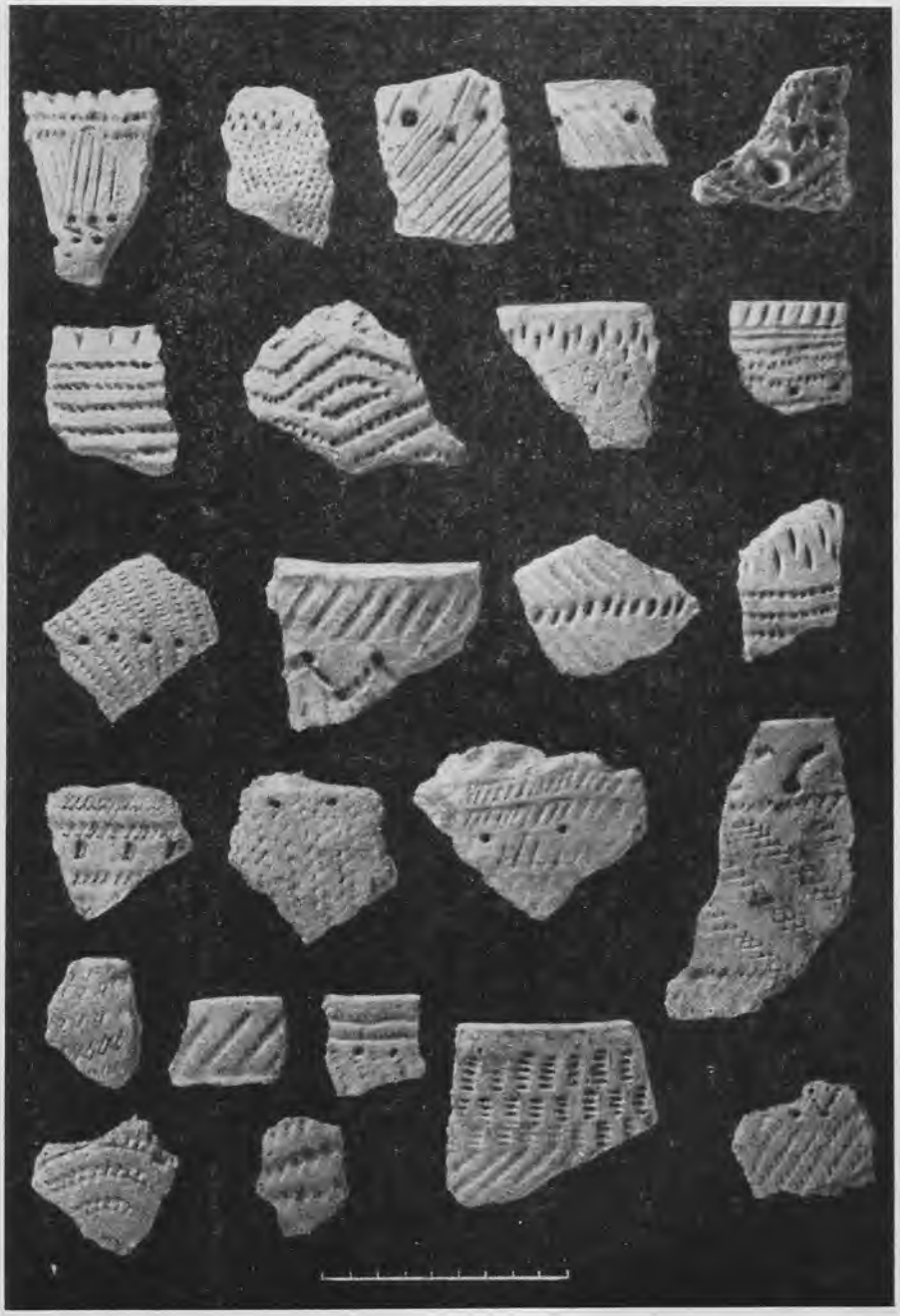

Табл. 9. Поздняя керамика типа «Сперрингс» (стоянка в 9 км от с. Чёлмужи).

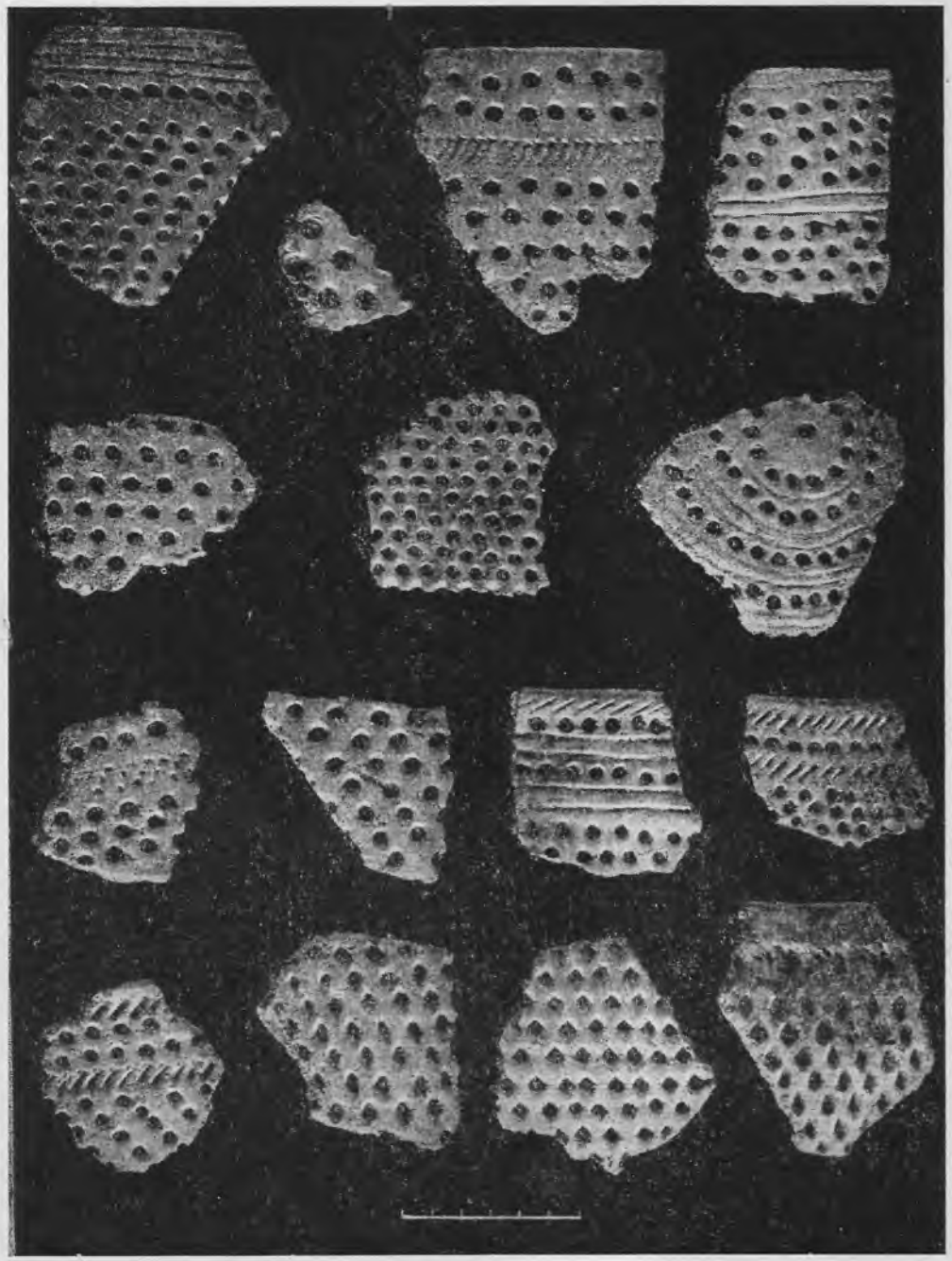

Табл. 10. Ранняя ямочная керамика (стоянка Пески IV).

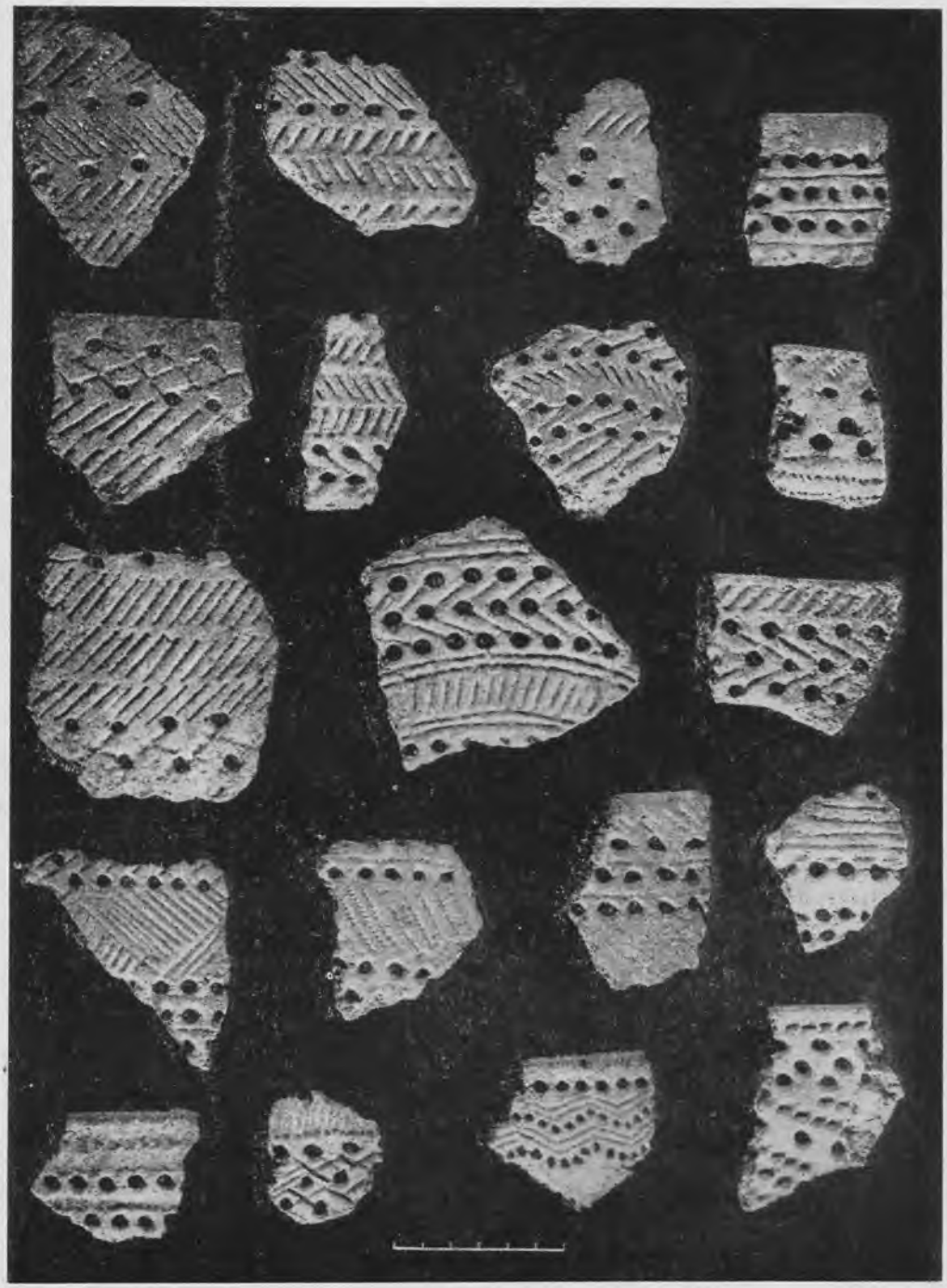

Табл. 11. Развитая ямочно-зубчатая керамика (стоянка Соломенное VII).

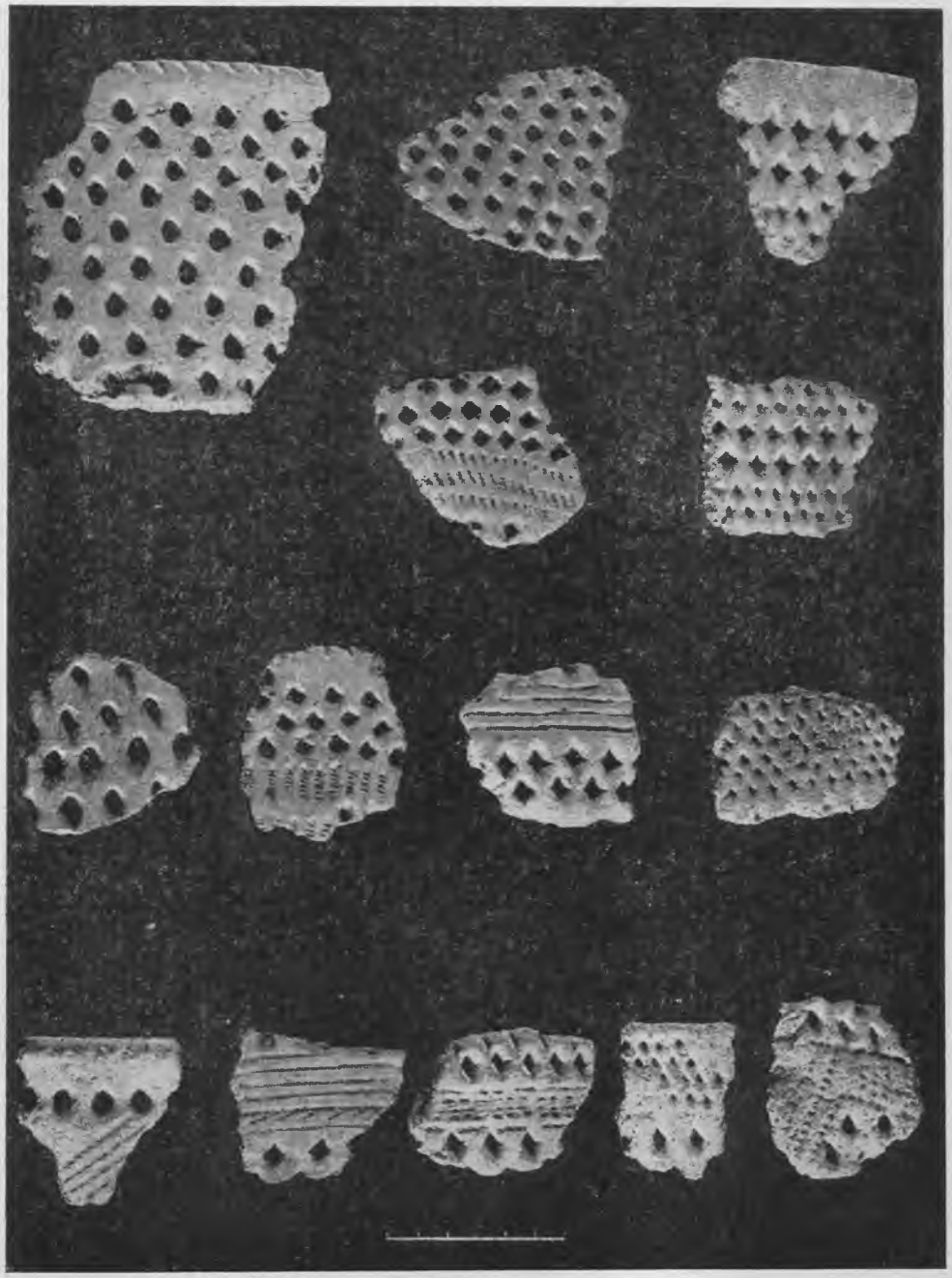

Табл. 12. Развитая ромбически-ямочно-зубчатая керамика (стоянка Чудозеро VI).

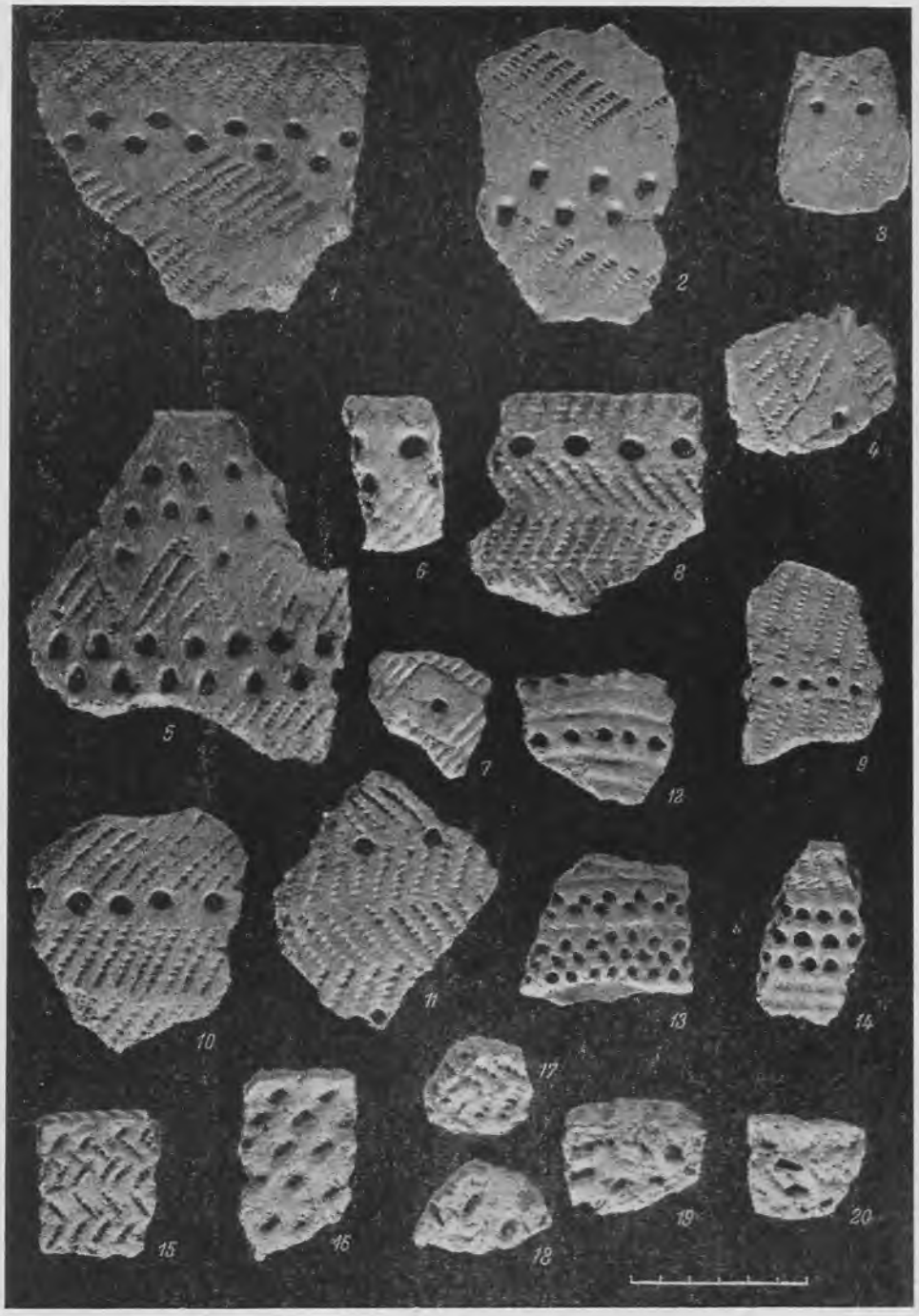

Табл. 13. Основные типы ямочно-зубчатой керамики.

1—7 — керамика прибалтийско-новгородского типа; *8—11* — керамика прибалтийско-финского типа; *12—14* — керамика «веревочная»; *15—20* — керамика зубчатая пористая (с растительной примесью к глиняному тесту).

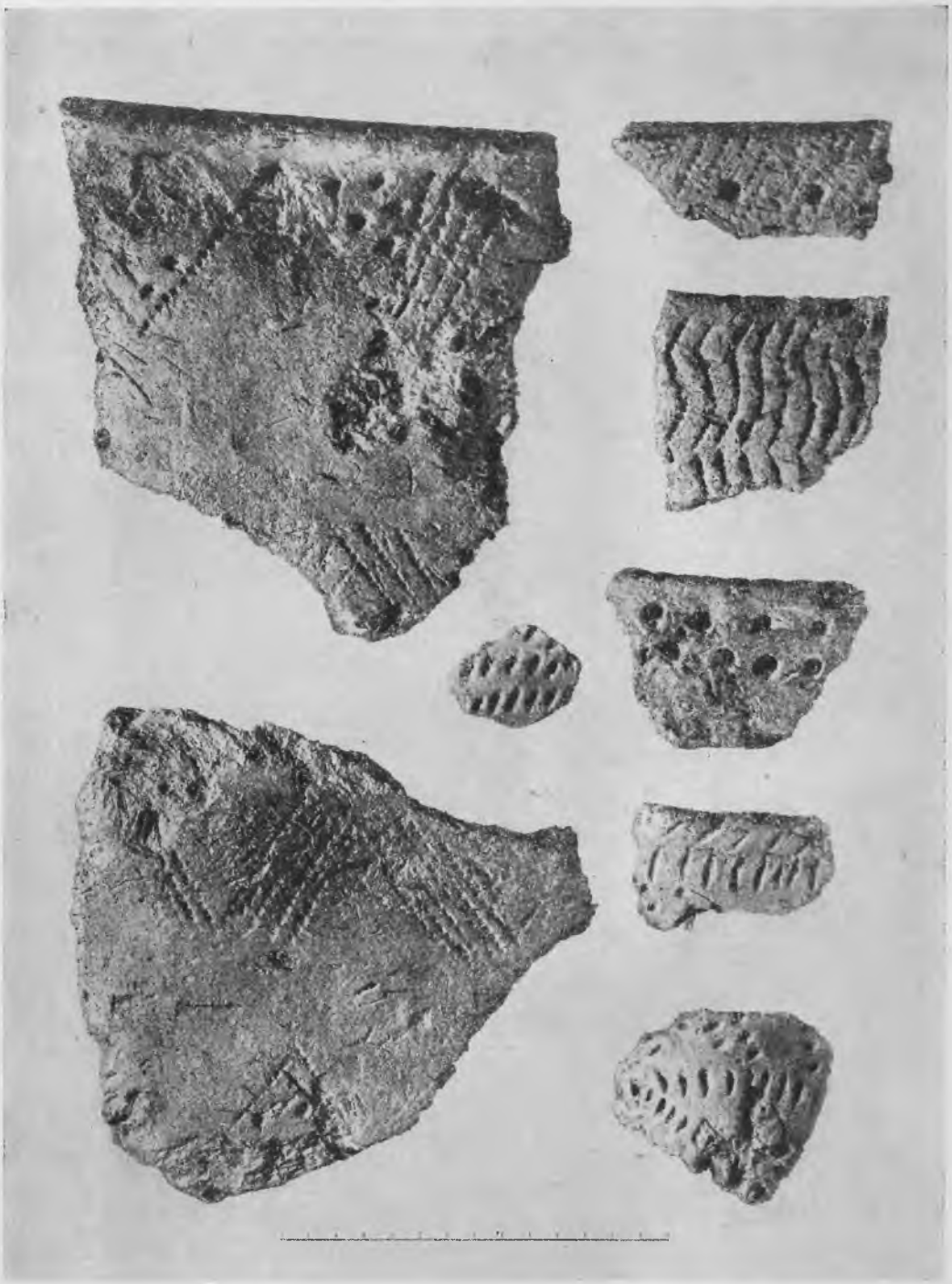

Табл. 14. Ранняя «асбестовая» керамика (стоянка Лахта III).

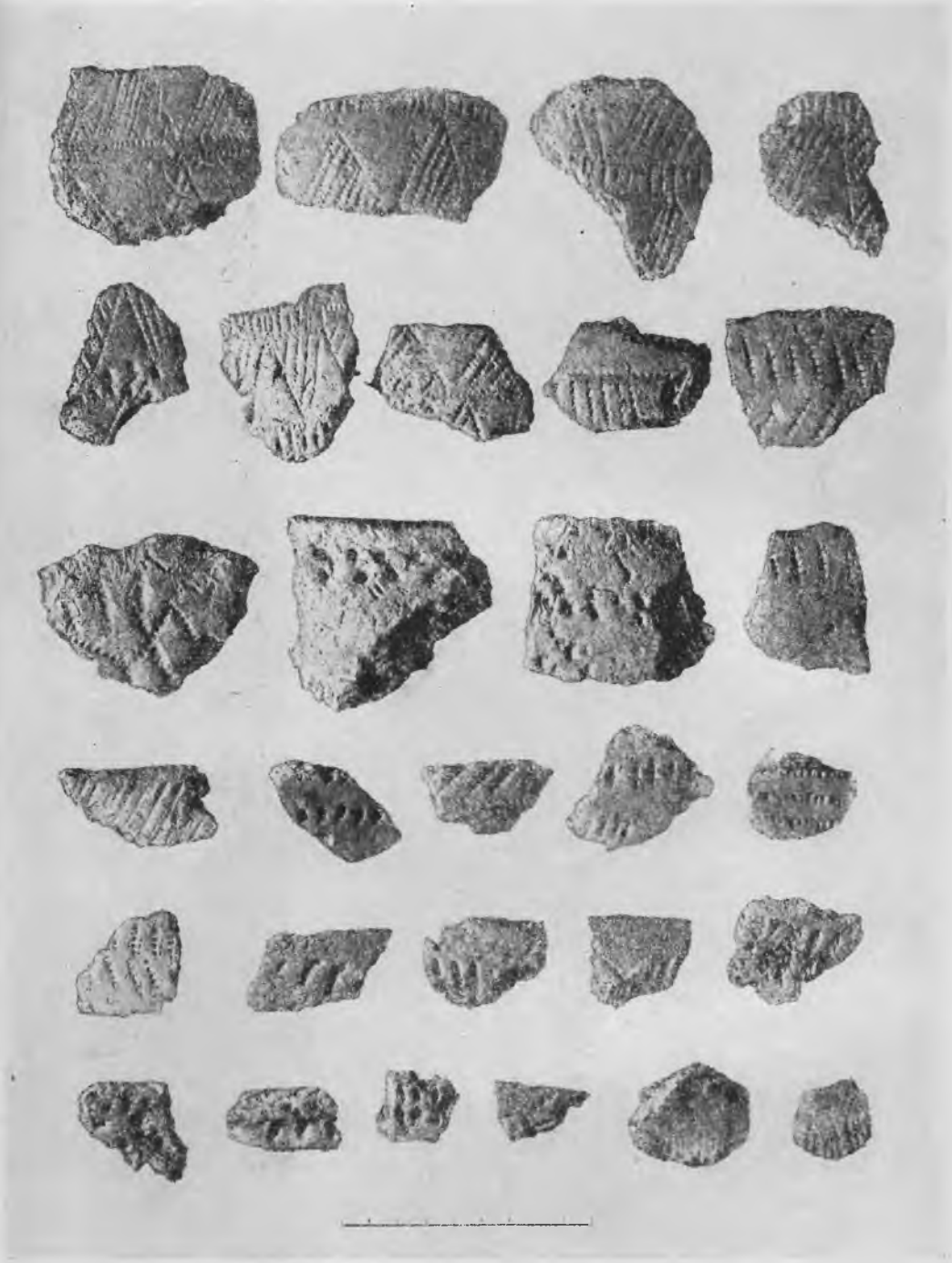

Табл. 15. Ранняя «асбестовая» керамика (стоянка Лахта III).

Табл. 16. Поздняя «асбестовая» керамика (стоянка Золотец I).

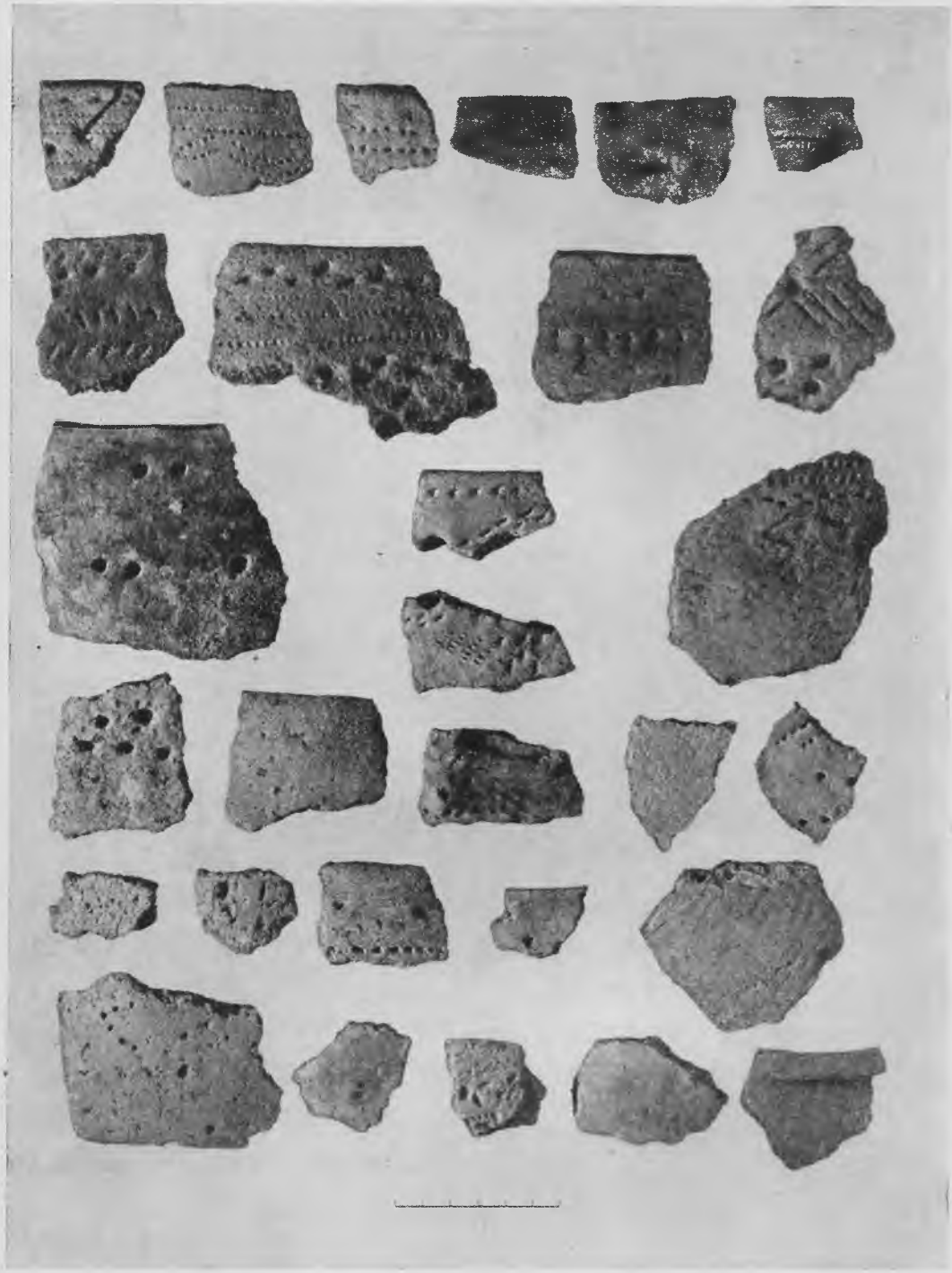

Табл. 17. Поздняя ямочно-зубчатая, ранняя «сетчатая» и «гладкая» керамика (стоянка Лахта II).

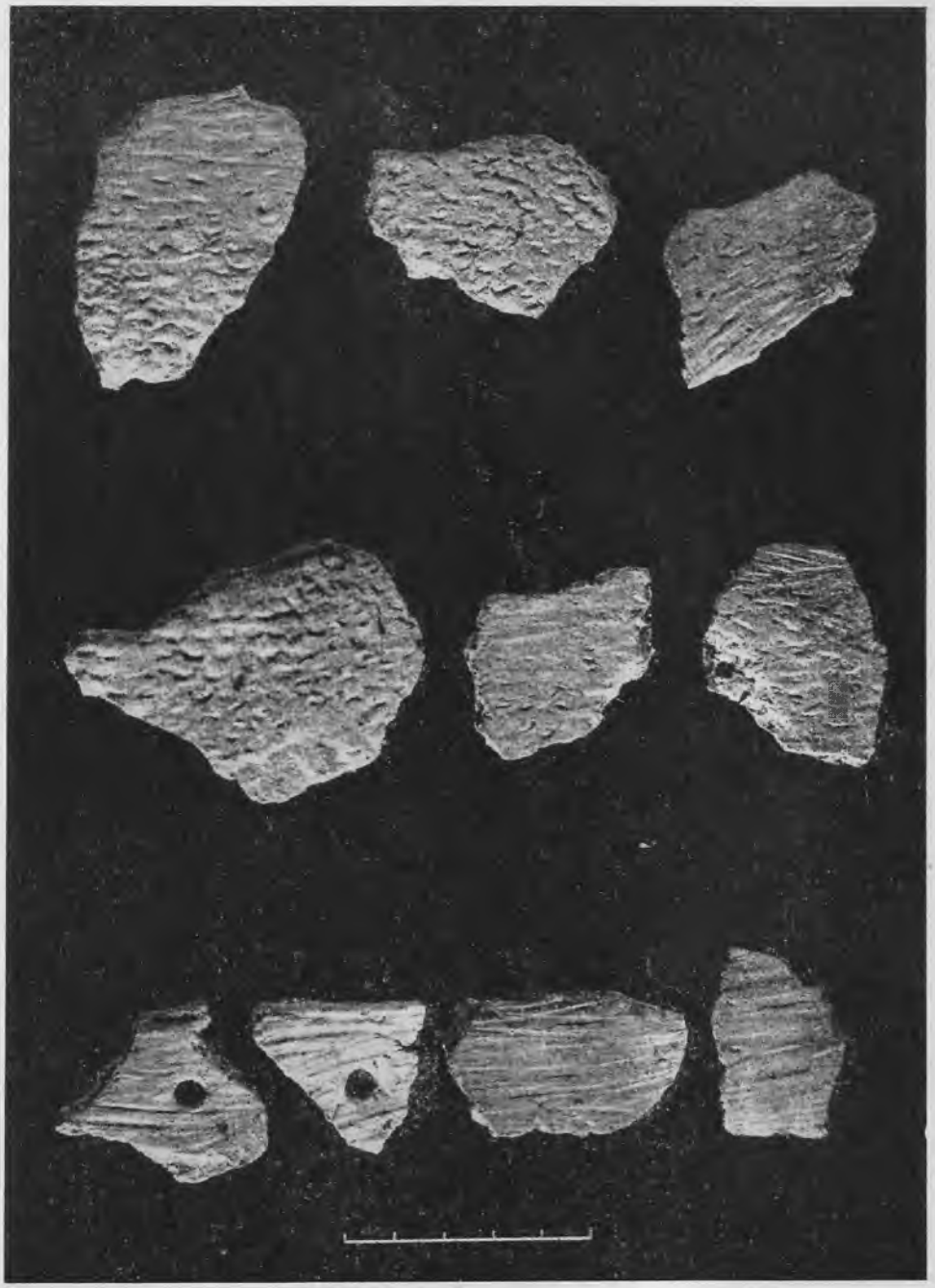

Табл. 18. Поздняя «сетчатая» и штрихованная керамика (стоянка Чудозеро I).

Табл. 19. Петроглифы из группы «Залавруга».

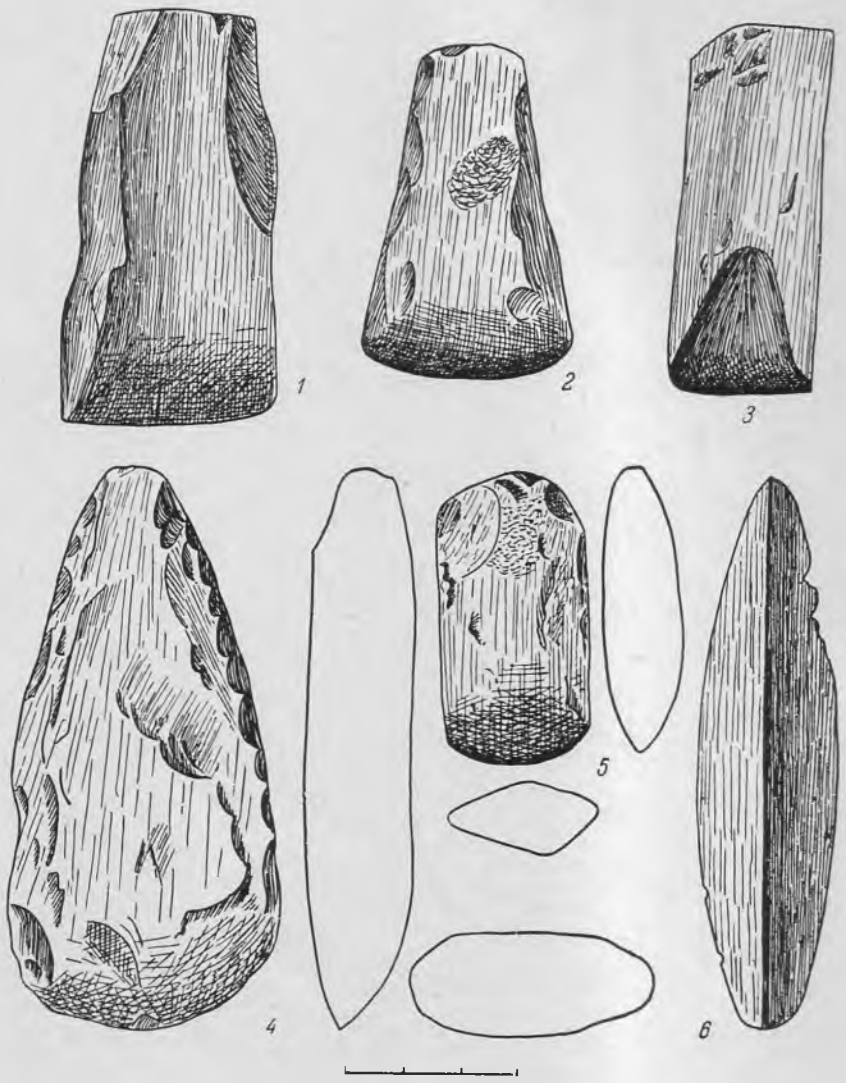

Табл. 20. Сланцевые орудия культуры Суомус-ярви.

1 — тесло; *2*, *4* — топоры; *3*, *5* — долота; *6* — наконечник копья.

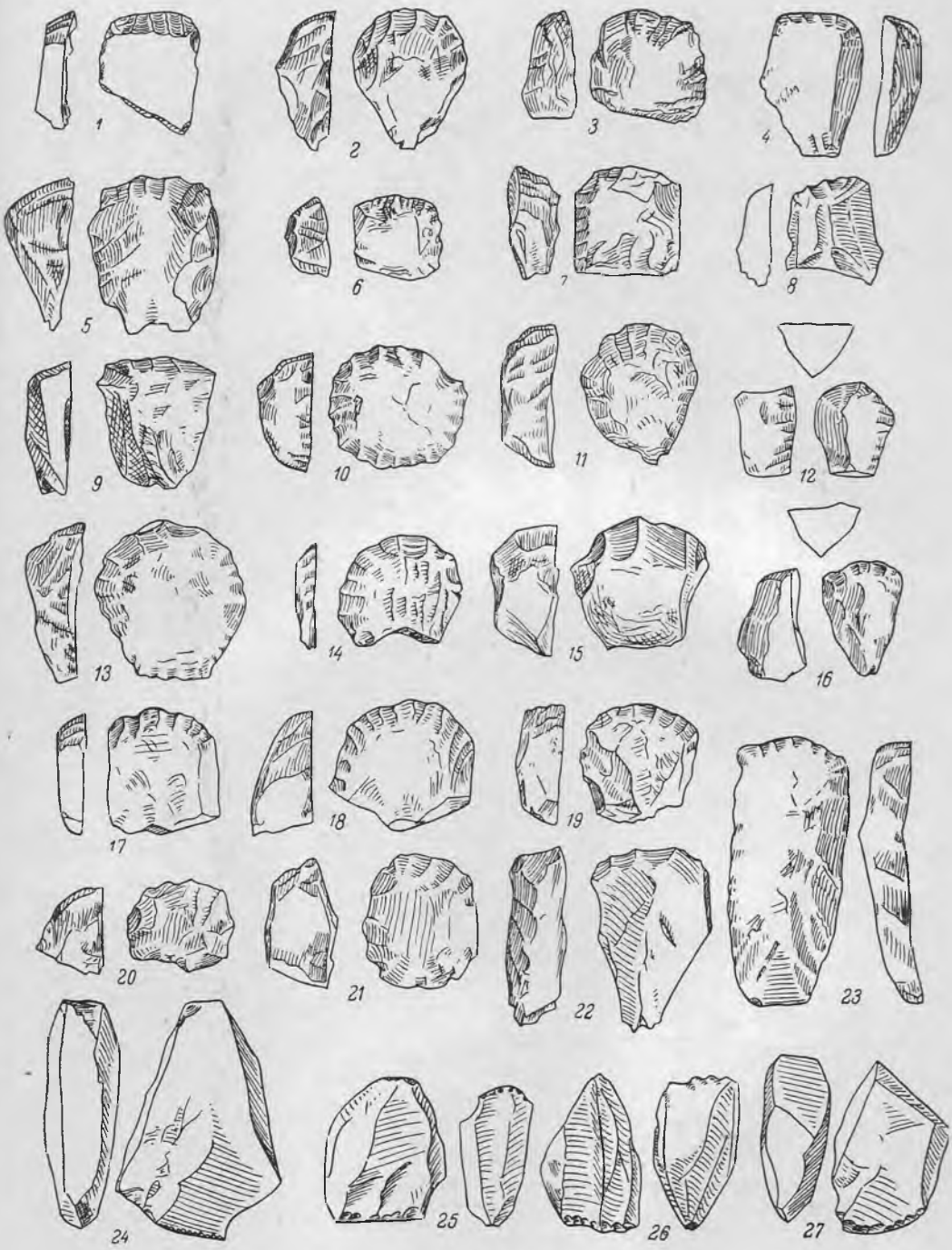

Табл. 21. Кварцевые орудия культуры Суомус-ярви.

1—23 — скребки; *24—27* — долота.

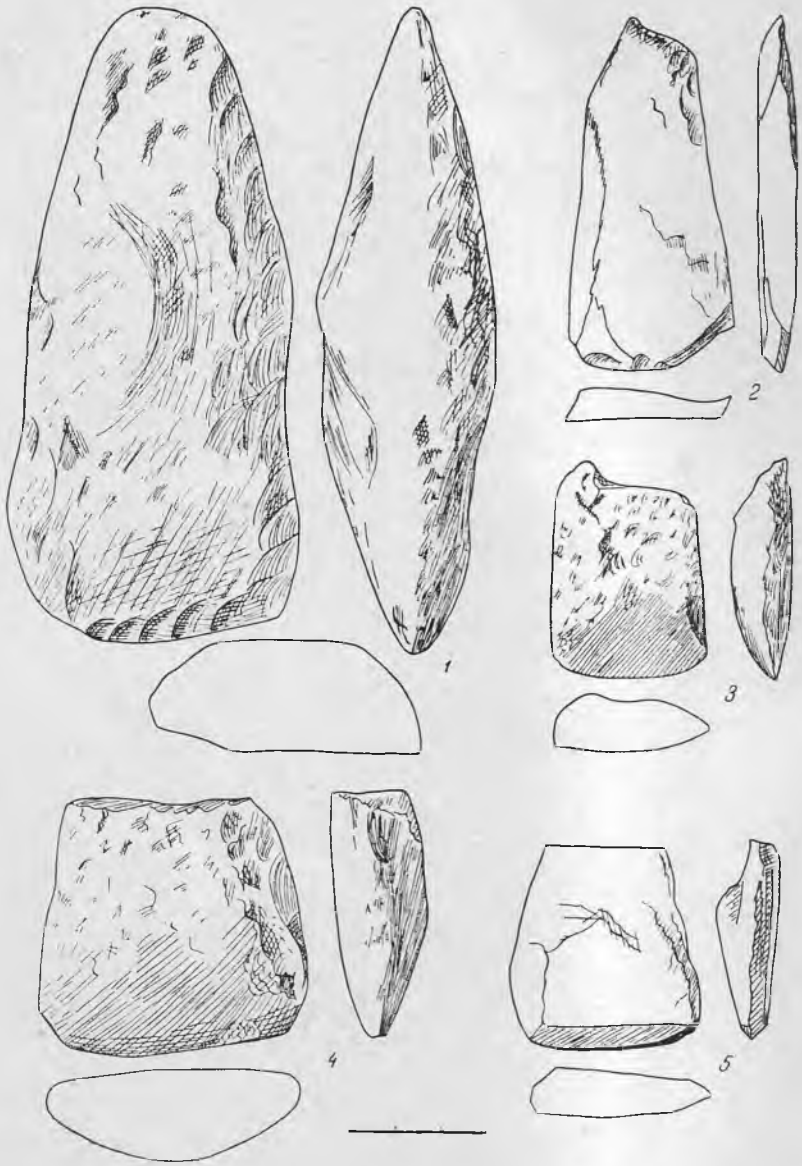

Табл. 22. Рубящие орудия культуры Аскола.

1 — топор сланцевый; *2* — топор кварцевый; *3*, *4* — тесла сланцевые; *5* — долото кварцевое.

Табл. 23. Кварцевые орудия культуры Аскола.

1—5, 10 — скребки; *6, 7, 11, 12, 14* — резцы; *8, 9* — ножевидные пластинки; *13* — долото.

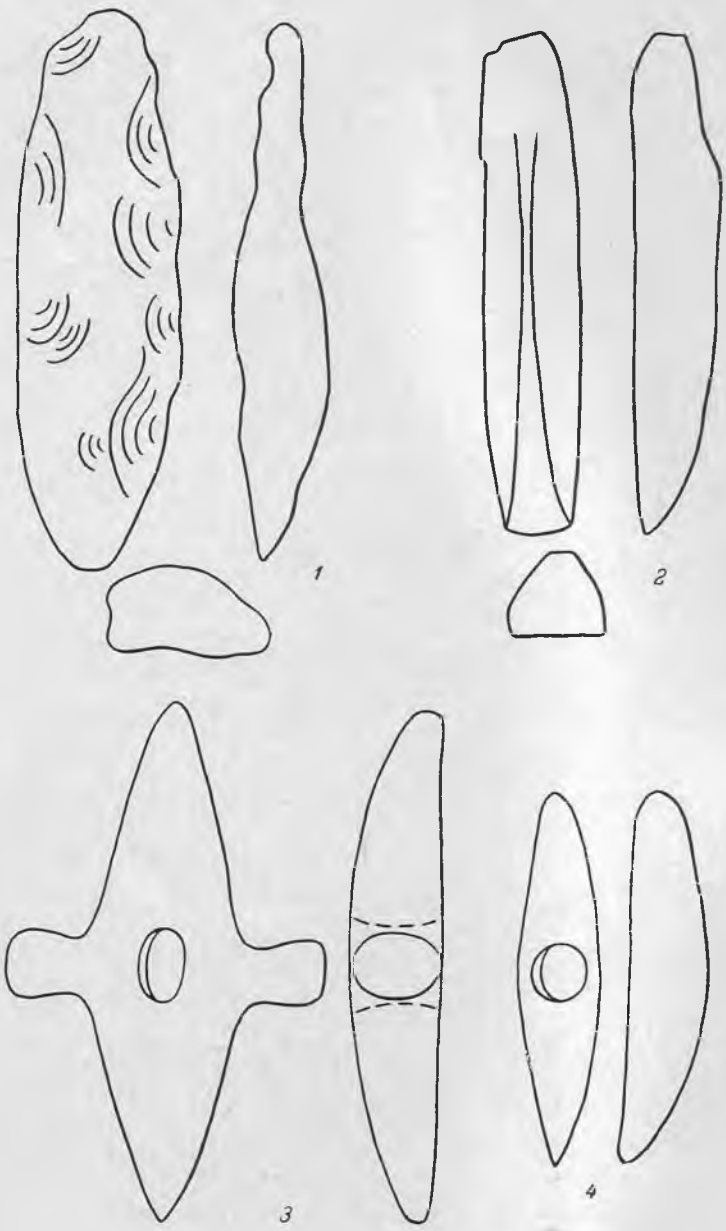

Табл. 24. Рубящие орудия и клевцы.

1 — топор типа «Рованиеми»; *2* — тесло русско-карельского типа; *3* — крестовидный топор (клевец); *4* — двулезвийный топор (клевец).

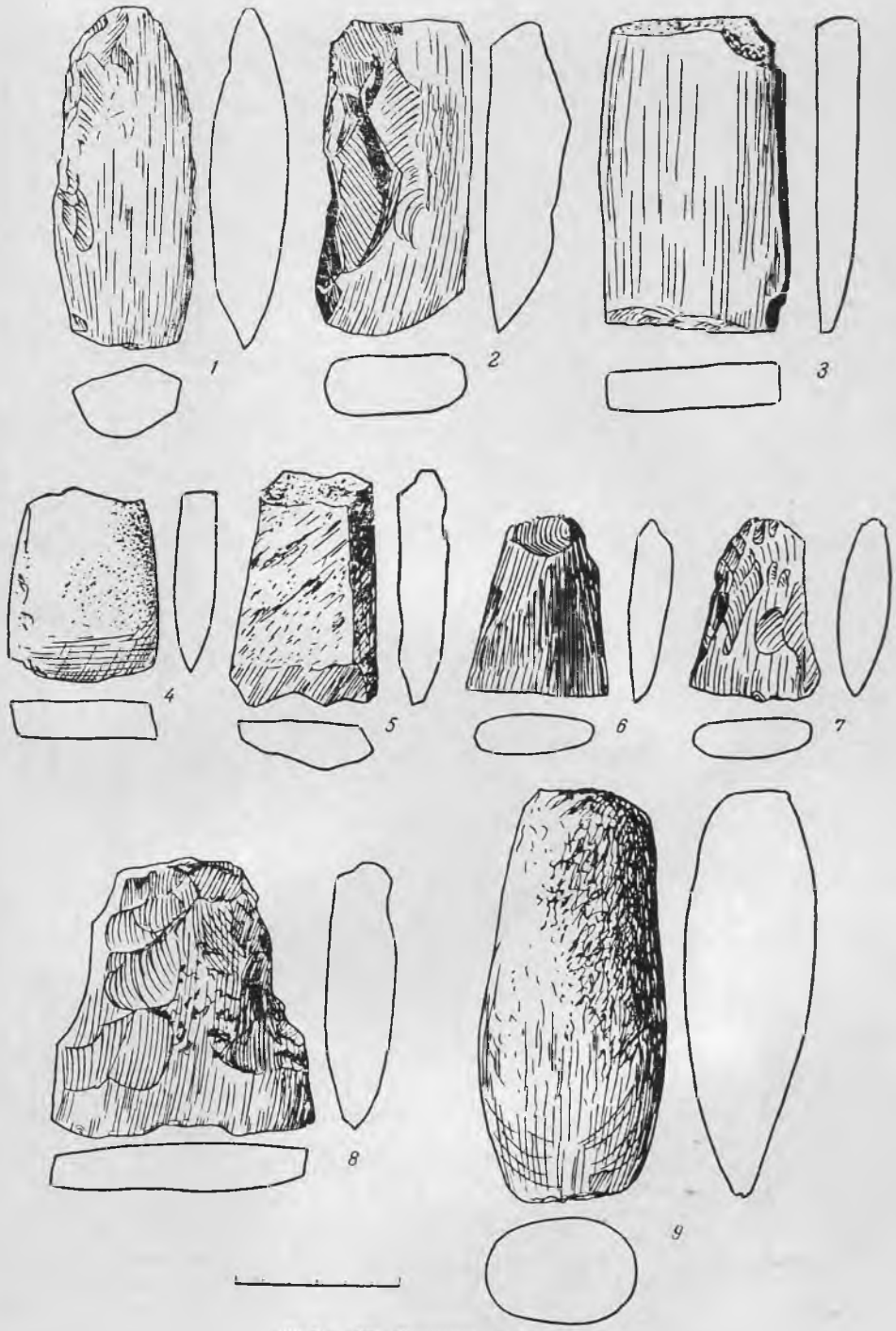

Табл. 25. Топоры и тёсла.

1, 2, 9 — соломенского типа; *3—5* — оленеостровского типа; *6—7* — онежского типа; *8* — ялгубского типа (*1, 2, 4, 7* — Пески III; *3, 5, 6* — Олений остров; *8, 9* — Ялгуба I).

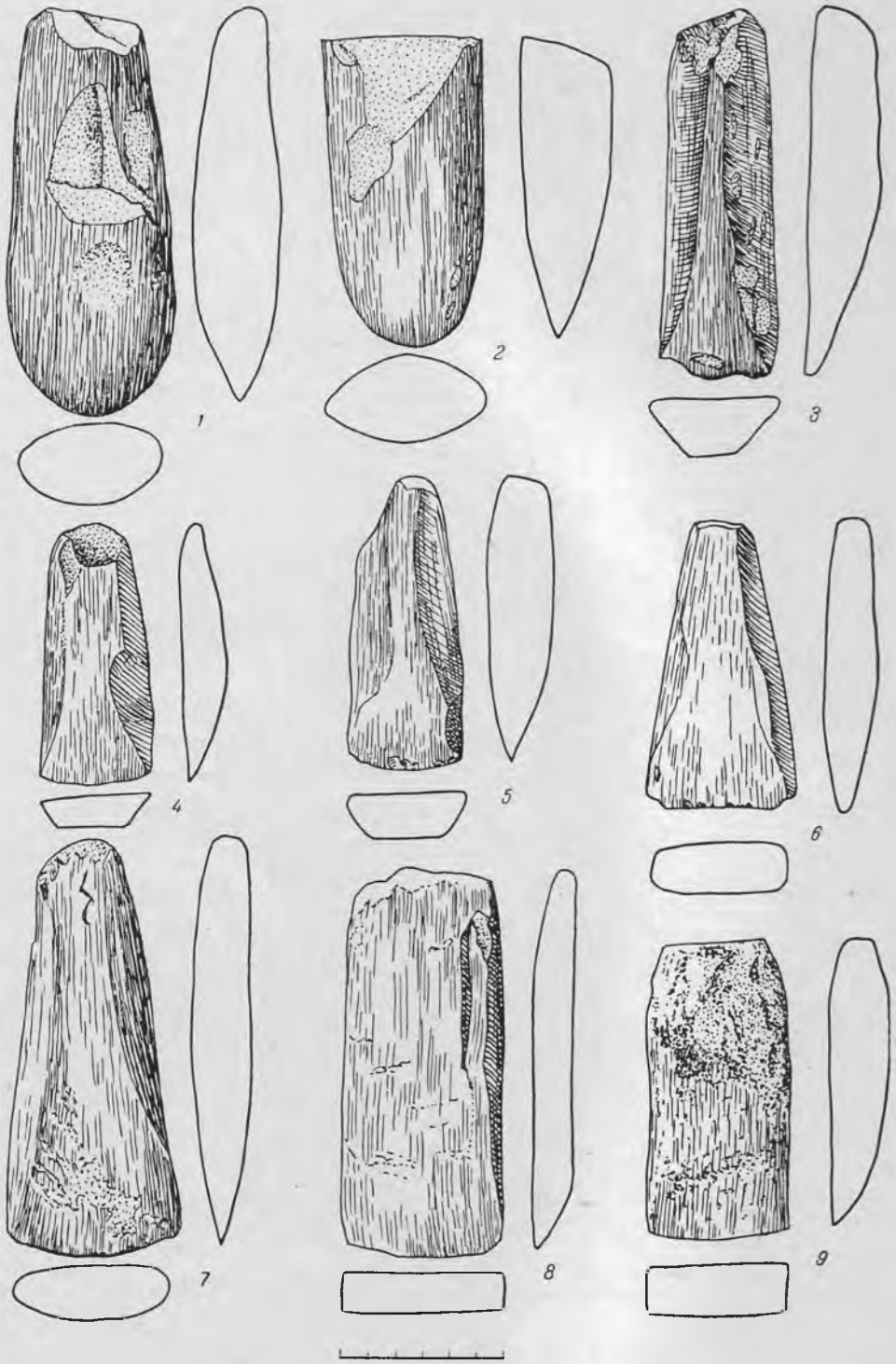

Табл. 26. Топоры и тёсла.

1, *2* — лососинского типа; *3—5* — русско-карельского типа; *6—7* — шуйского типа; *8—9* вознесенского типа (*1* — Ялгуба II; *2* — Ялгуба III, *3* — Суна I, *4* — Пески II; *5*, *8* — Олений остров; *6* — Кивач; *7* — Пески I; *9* — Пески III).

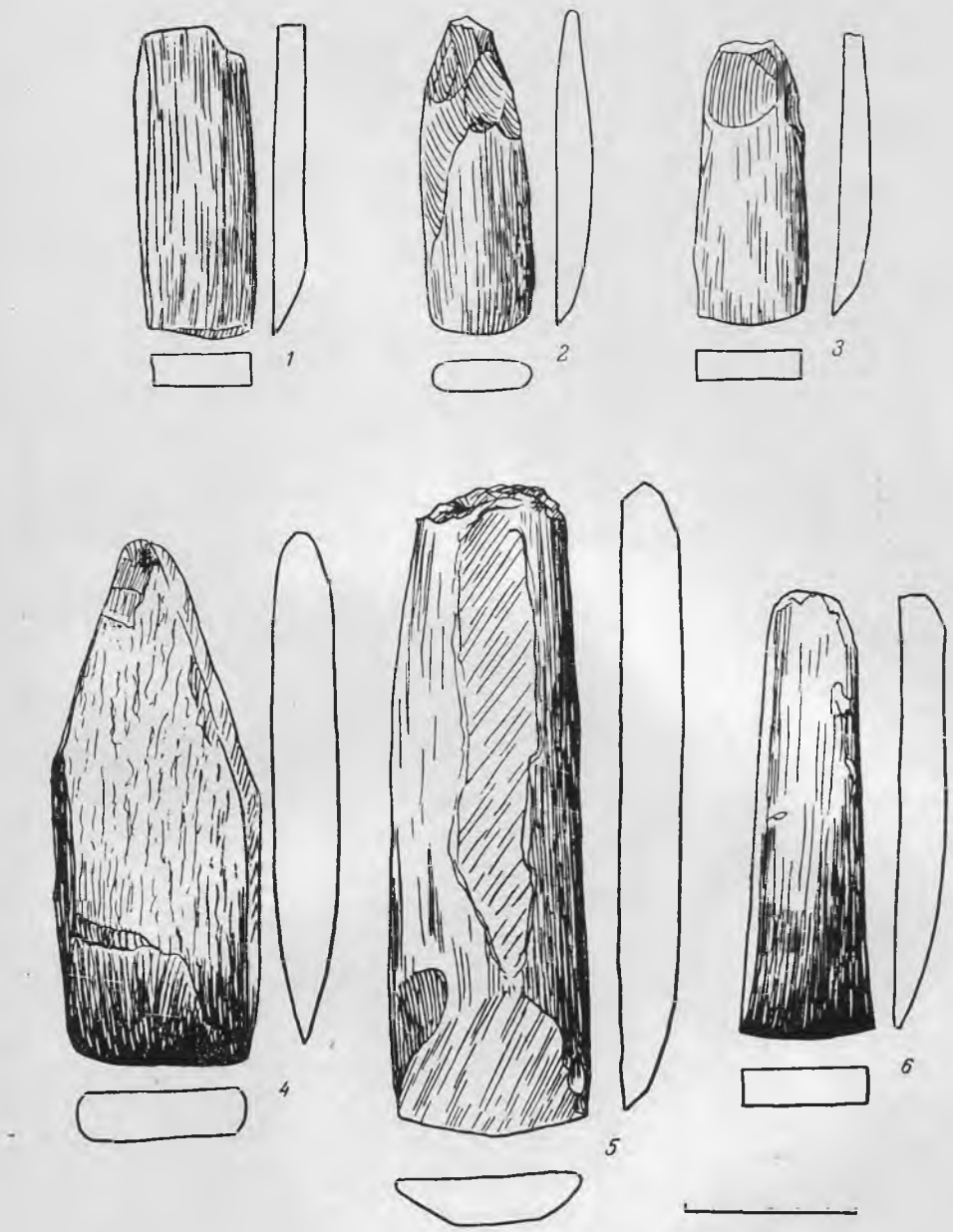

Табл. 27. Топоры и тёсла.

1—3 — вознесенского типа; *4—6* — кудомского типа (*1* — Деревянное I; *2* — Пески II, *3* — Порог Шойрукша; *4* — Ялгуба; *5* — Ялгуба III; *6* — Намоево).

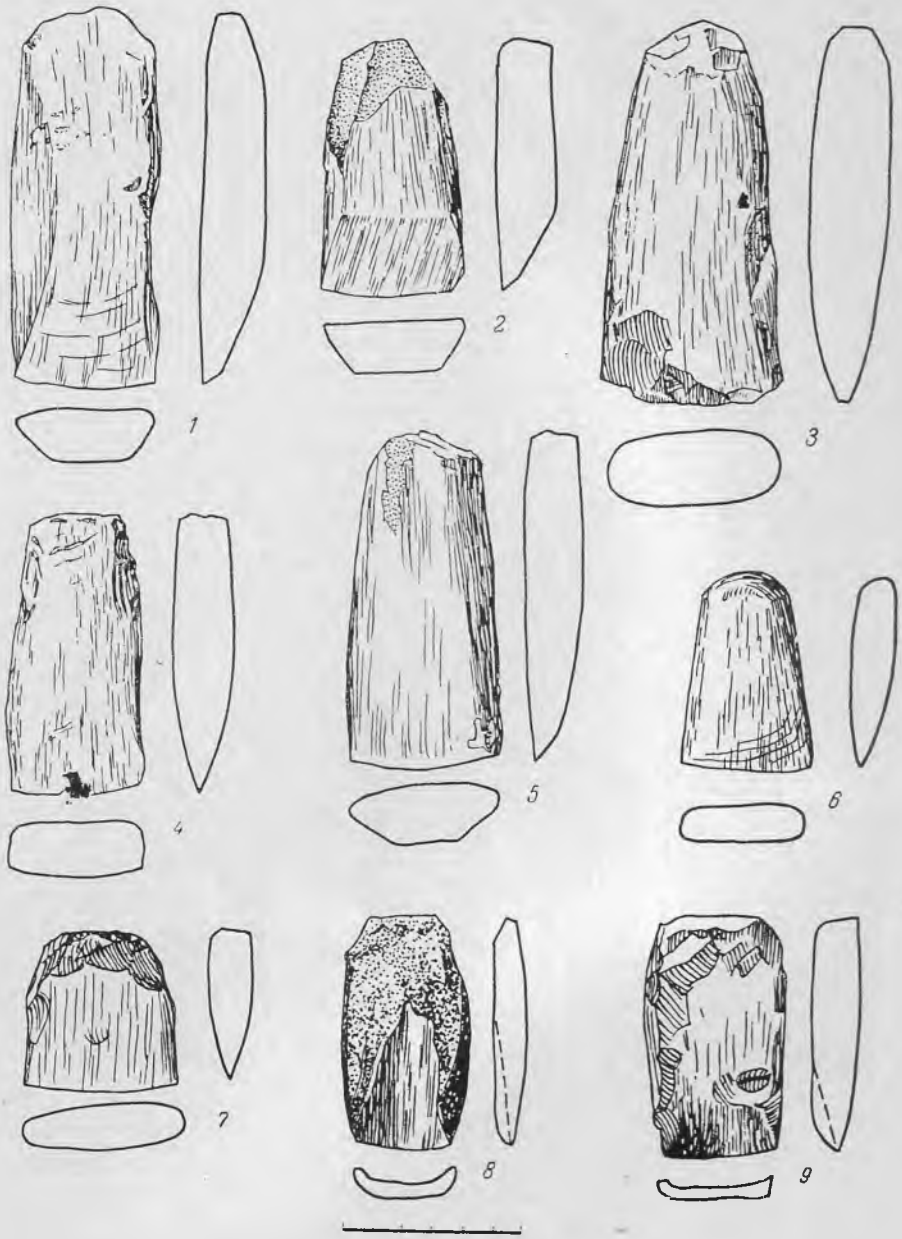

Табл. 28. Топоры и тёсла.

1, *2* — чавнозерского типа; *3—6* — нетипичные; *7* — среднекарельского типа; *8—9* — желобчатые (*1* — Соломенное VII; *2,5,6* — Золотец I; *3* — Чудозеро IV; *4* — Кудом-губа IV; *7* — Сулгу V; *8* — Олений остров; *9* — Ялгуба III).

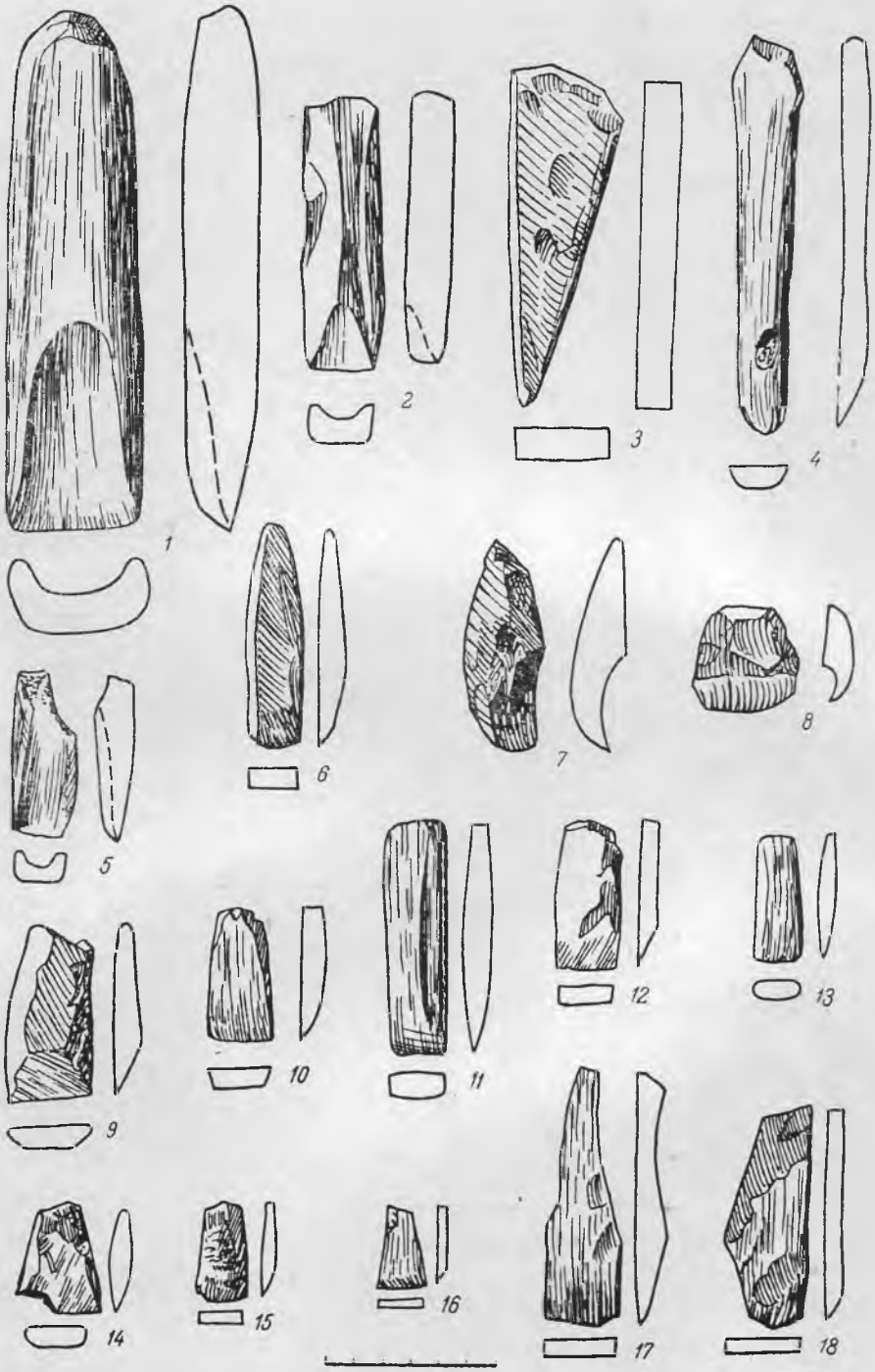

Табл. 29. Долота, стамески, когтевидные орудия.

1 — Косалма; *2* — Кудом-губа II; *3*, *6* — Ялгуба III; *4*, *9*, *11—13*, *16* — Пески II; *5*, *17—18* — Олений остров; *7* — Кудом-губа IV; *8* — Золотец I; *10* — Семеново II; *14*, *15* — Кашино.

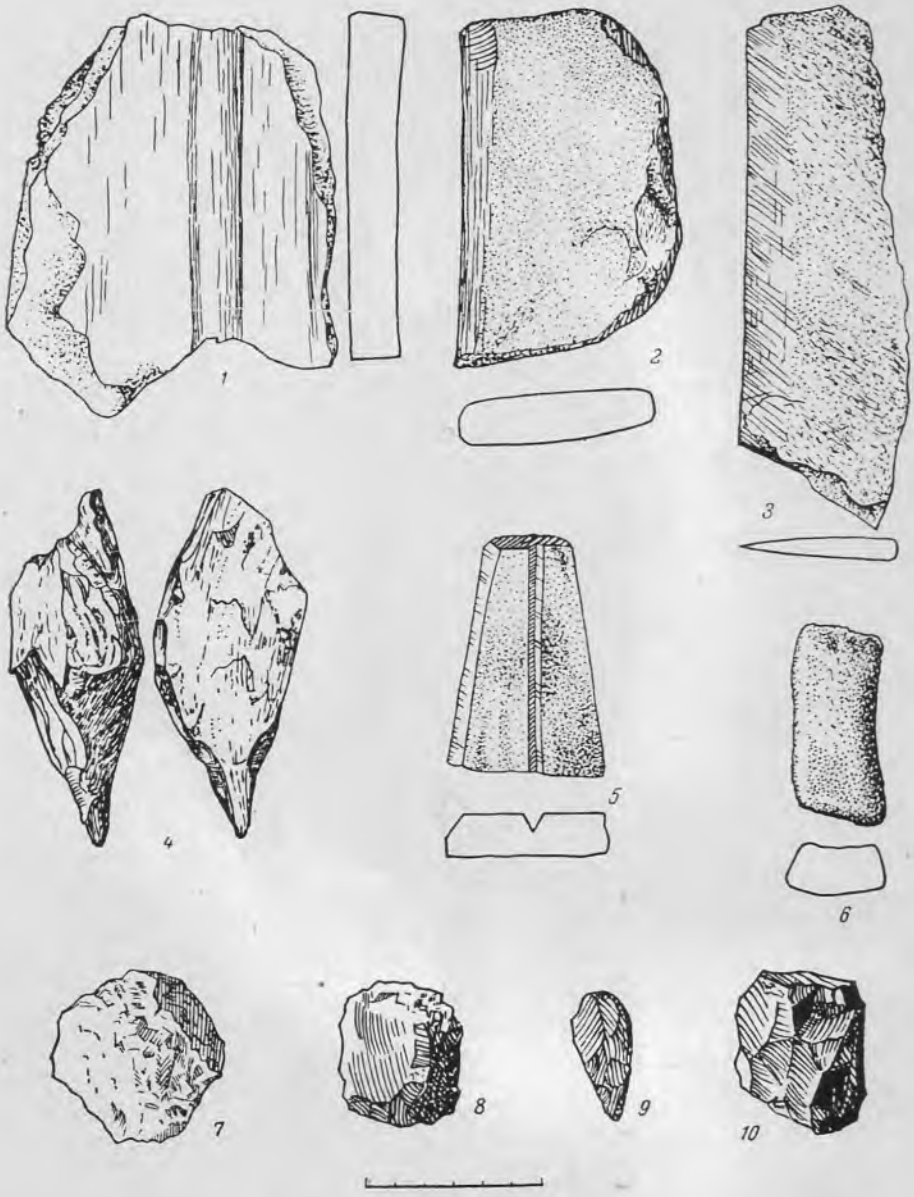

Табл. 30. Орудия для работы по камню.

1, *2* — шлифовальные бруски; *3* — пила; *4* — сверло; *5* — камень с надпилами; *6* — точильный брусок; *7*, *8* — отбойники; *9* — пробойник; *10* — нуклеус (*1* — Ершин Пудас; *2*, *5* — Олений остров; *3*, *9* — Пески III; *4* — Вой-наволок IX; *6* — Ялгуба III; *7* — Золотец I; *8* — Соломенное IV; *10* — Ялгуба I).

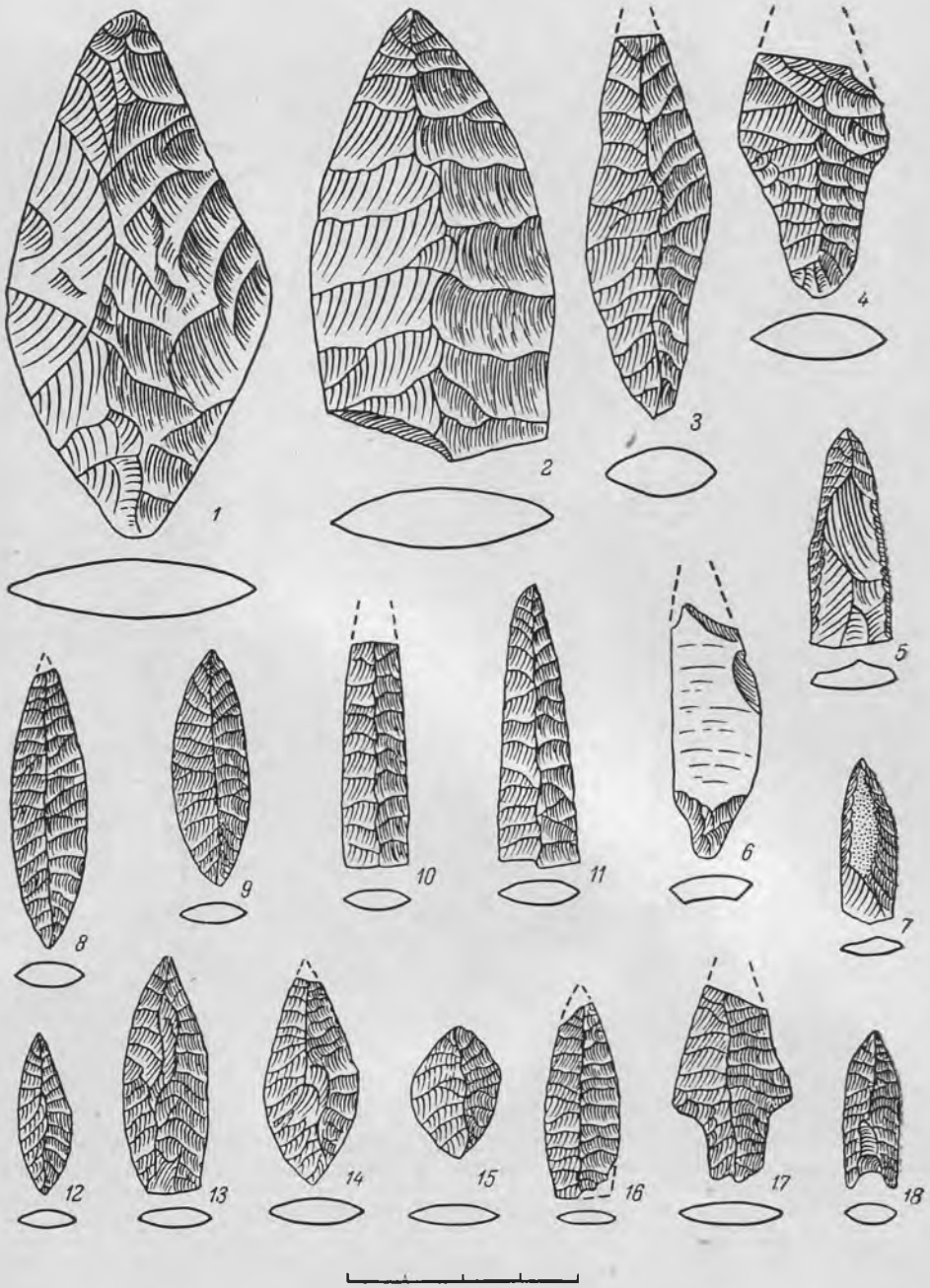

Табл. 31. Орудия охоты — наконечники стрел, копий и дротиков со стоянок Остров Шойрукшин и Золотец I.

1, 3, 5, 6, 11—13, 15—17 — Золотец I; *2, 4, 7—10, 14, 18* — Остров Шойрукшин.

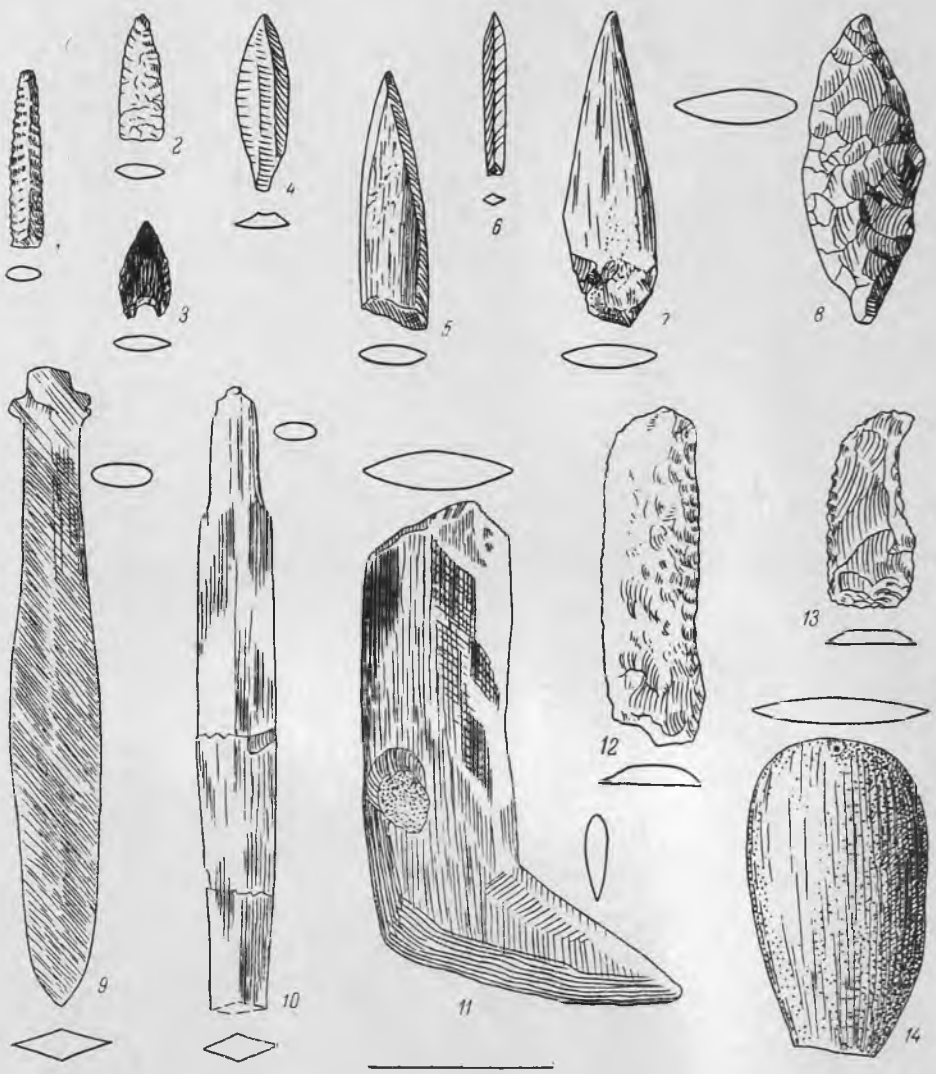

Табл. 32. Наконечники стрел, копий и дротиков, кинжалы и ножи.

1—3 — сборы в Пудожском районе; *4*, *14* — Пески III; *5* — Олений остров; *6* — Остров Шойрукшин; *7* — Деревянное I; *8* — Ерпин Пудас; *9* — Золотец XI; *10* — Золотец I; *11* — Косалма; *12* — Бесовы следки III; *13* — Кашино.

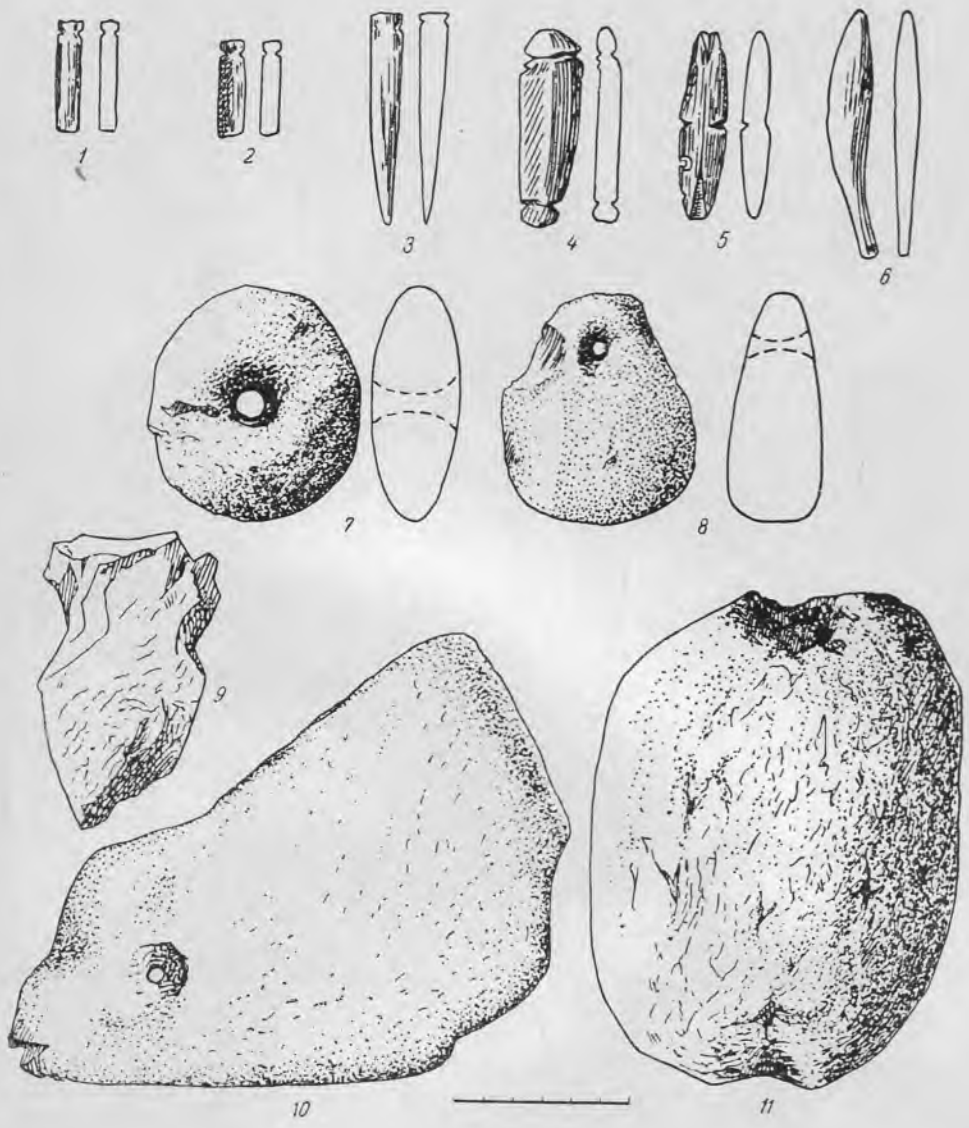

Табл. 33. Орудия рыбной ловли.

1—5 — грузики от рыболовных лесок; *6* — стержень рыболовного крючка; *7—10* — грузила от сетей; *11* — якорь (*1*, *2* — Салменицы; *3* — Кудом-губа II; *4* — Пески II; *5*, *6* — Чудозеро IV; *7*, *8* — Суна I; *9* — Олений остров; *10* — Соломенное III; *11* — Золотец XI).

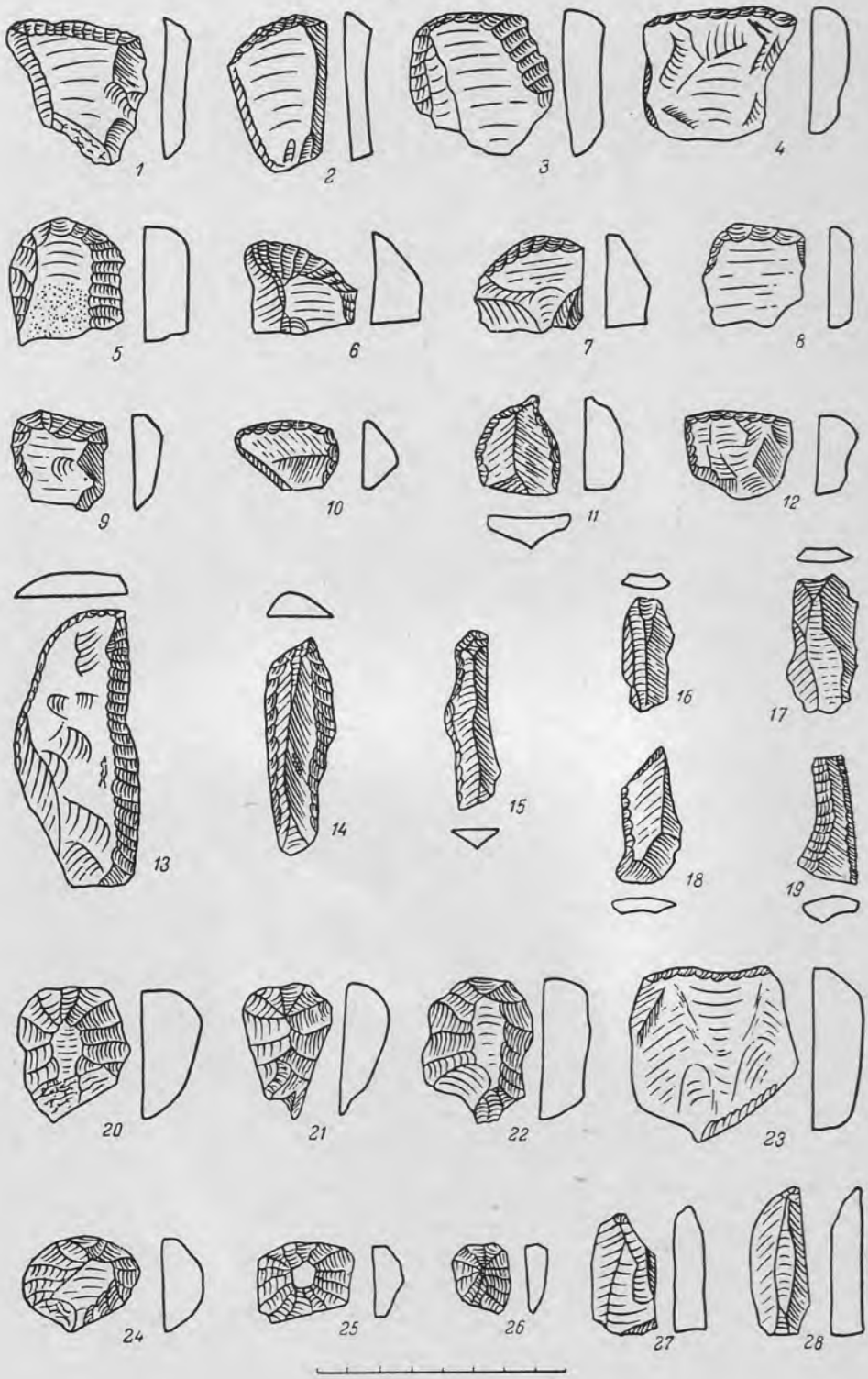

Табл. 34. Скребущие и режущие орудия со стоянки Остров Шойрукшин.

1—12 скребки (кремень); *13, 14* — ножи (кремень); *15—19* — ножевидные пластинки (кремень); *20—28* — кварцевые орудия.

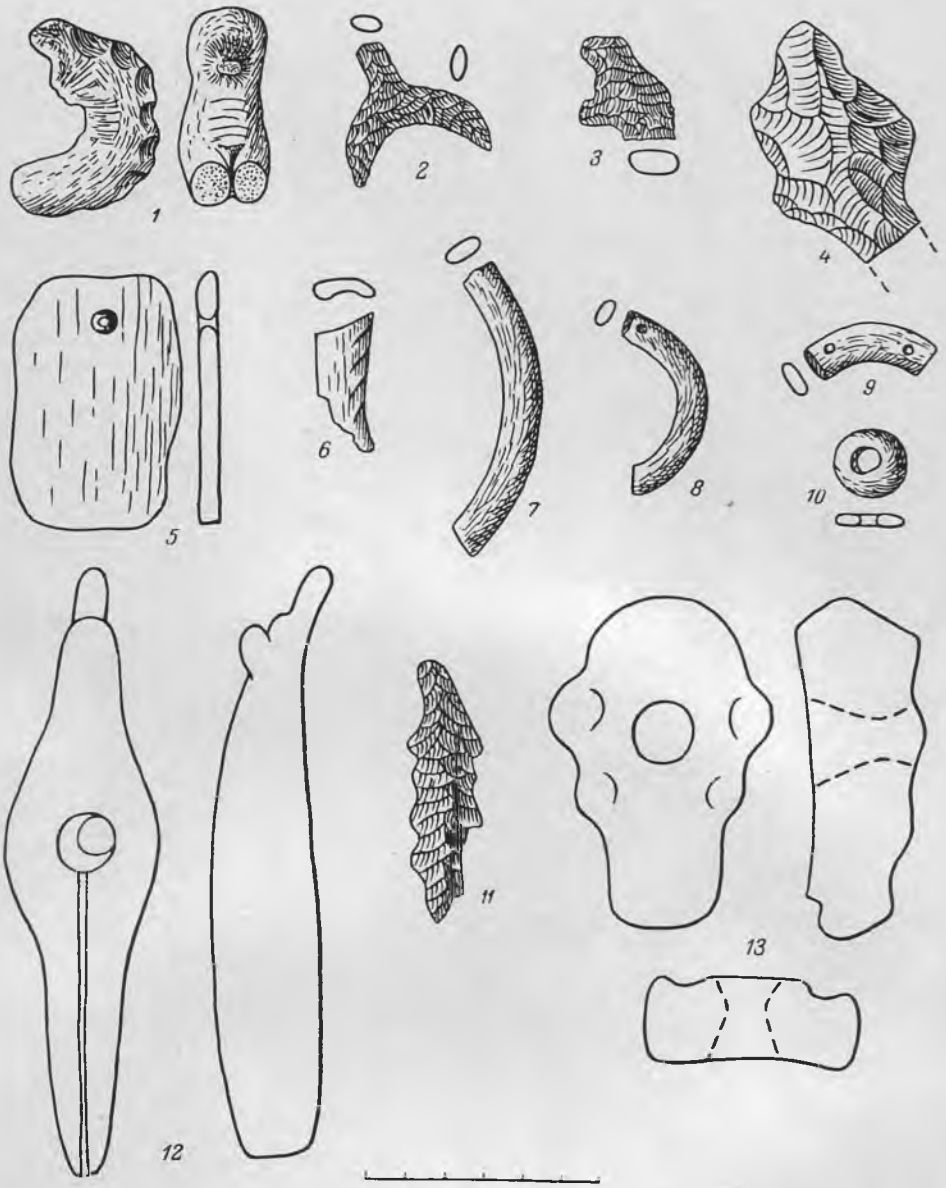

Табл. 35. Предметы религиозного ритуала и украшения.

1, *5* — Соломенное VII; *2*, *3*, *6* — Золотец I; *4* — Усть-Понча I; *7* — Ялгуба II; *8* — Бесовы следки III; *9*, *10* — Остров Шойрукшин; *11* — «Святилище Бесовы следки»; *12* — Тулгуба; *13* — окрестности Петрозаводска.

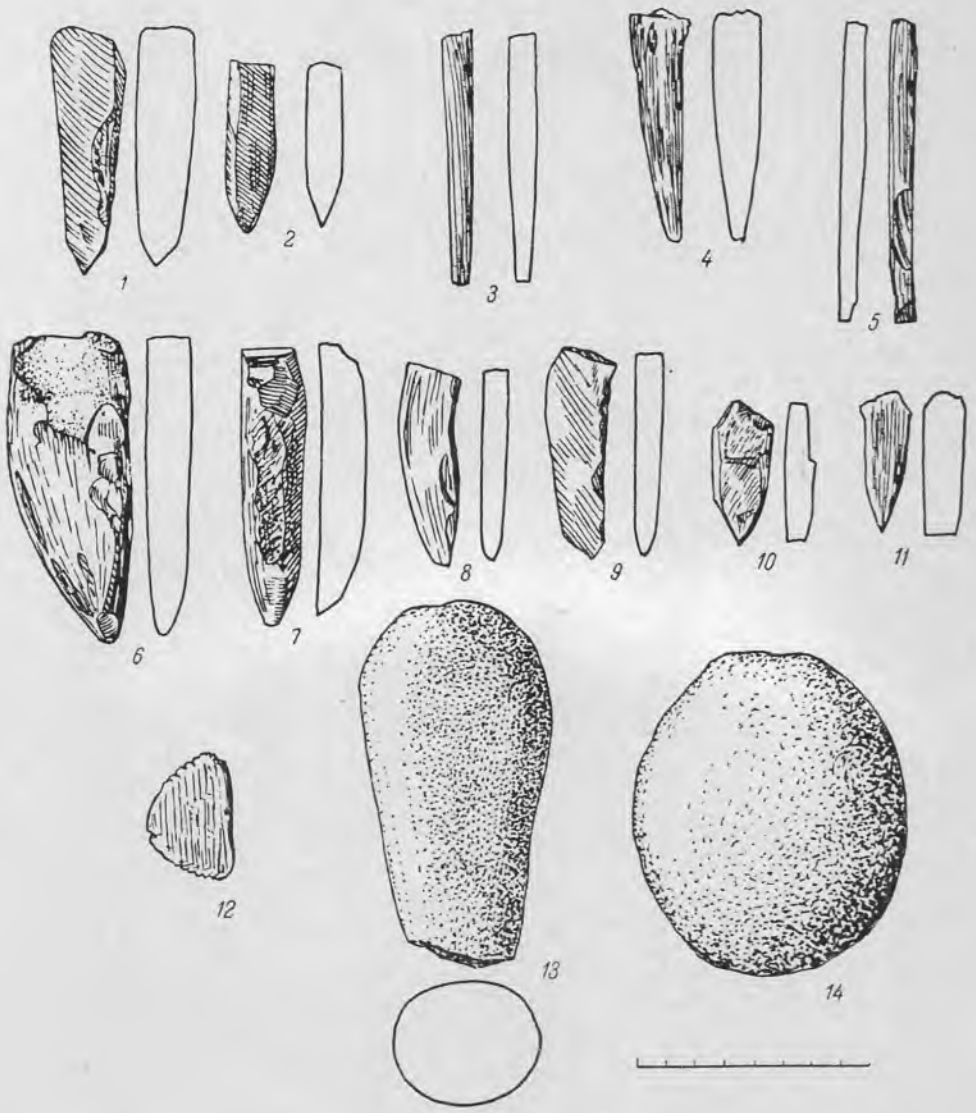

Табл. 36. Предметы различного хозяйственного обихода.

1, *2* — пробойники; *3—5* — проколки; *6—9* — киркообразные орудия; *10*, *11* — клинчики; *12* — штамп для нанесения орнамента; *13* — пестик; *14* — шар от боласа (*1*, *6*, *8* — Соломенное VII; *2*, *7*, *9* — Пески II; *3*, *4* — Кудом-губа II; *5* — Деревянное I; *10*, *13* — Пески III; *11* — Семеново II; *12* — Чудозеро IV; *14* — Чудозеро XIII).

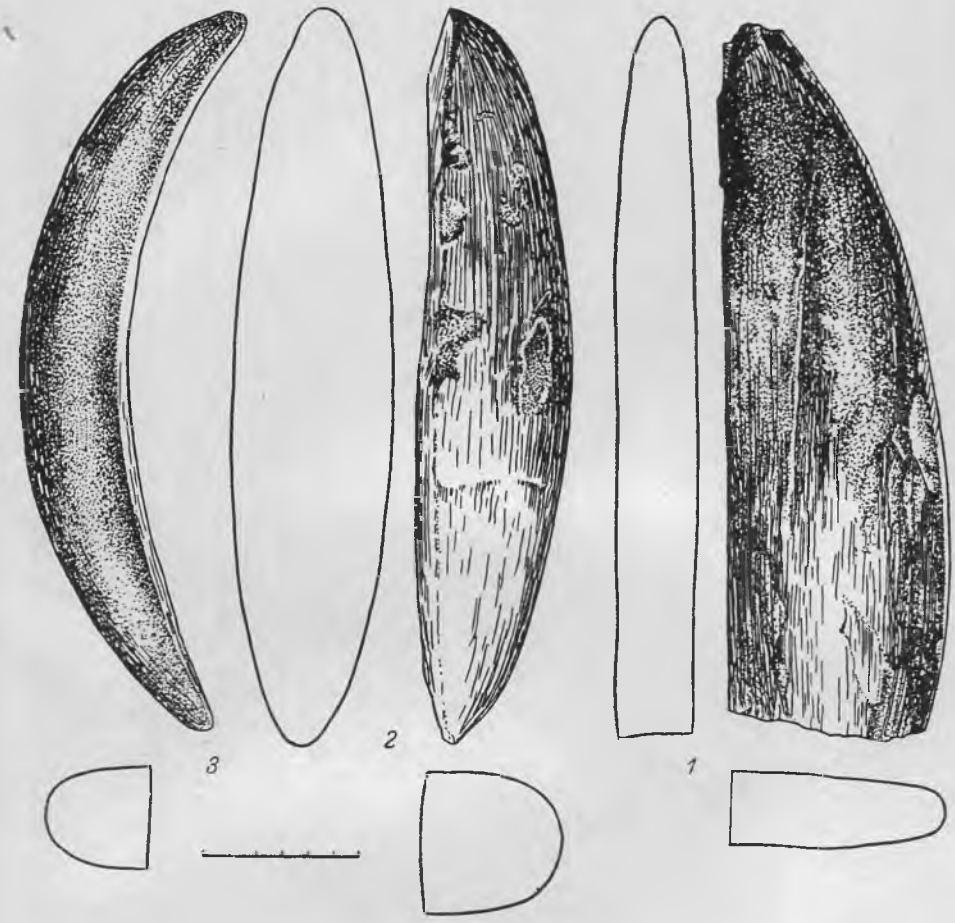

Табл. 37. Кирки.

1 — Верхняя Воронова, *2* — Водопад Кивач, *3* — Косалма.

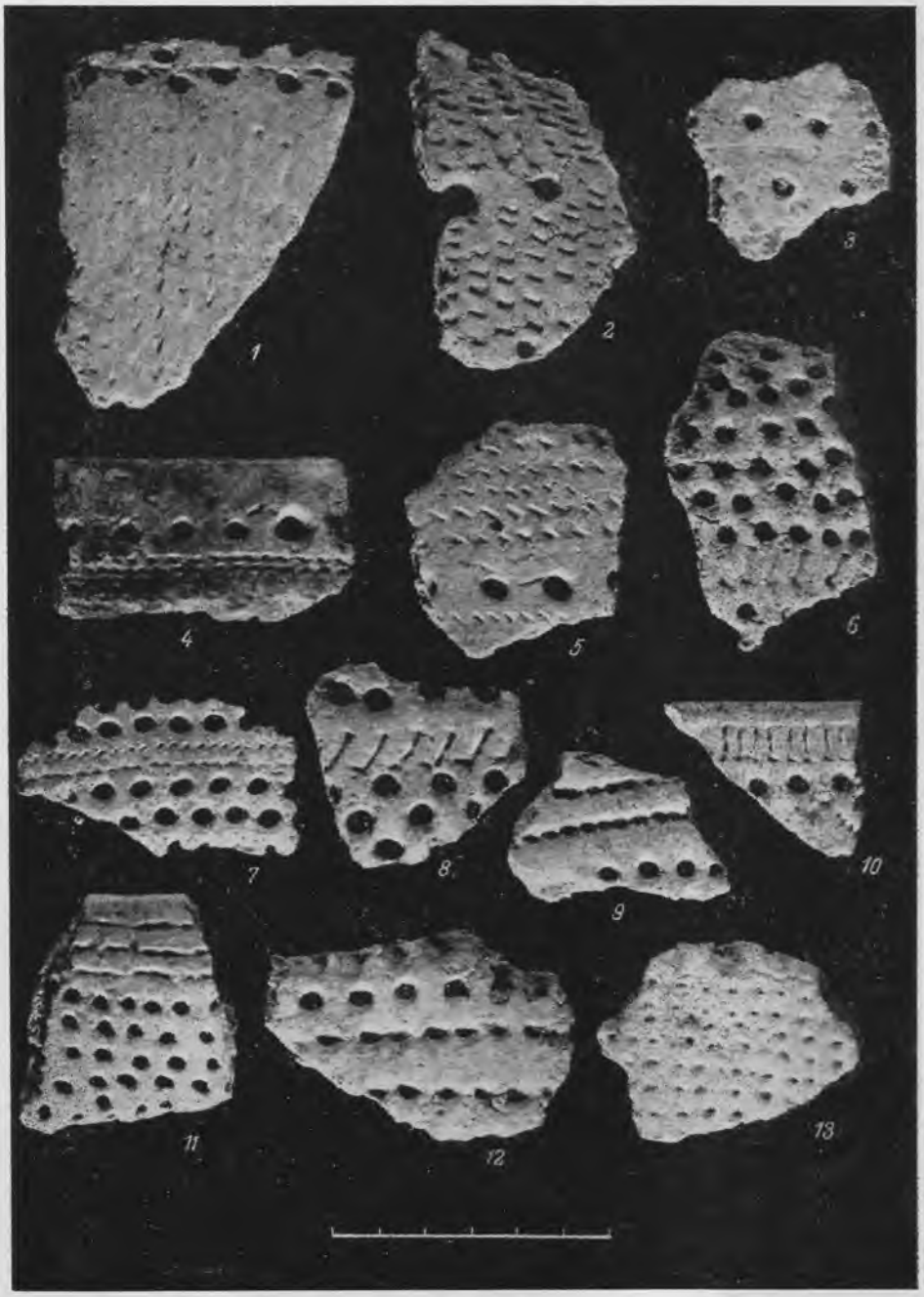

Табл. 38. Орнаментальные заимствования в керамике.

1—5 — керамика типа «Сперрингс» с элементами орнамента, заимствованными от ямочно-зубчатой керамики; *6—13* — керамика ямочно-зубчатая с элементами орнамента, заимствованными от керамики типа «Сперрингс».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИМ — Государственный Исторический музей.
ИЯЛИ — Петрозаводский институт языка, литературы и истории.
КГМ — Карельский государственный музей.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
СА — Советская археология.
SMyA — Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От редактора 3

Предисловие 4

Глава 1. Краткие историко-географические данные о территории становления Карельской археологической культуры 6

Глава 2. Археологические памятники Карелии. Их инвентарь 13
Общая характеристика археологических памятников Карелии периода неолита и раннего металла 13
Инвентарь памятников периода неолита и раннего металла в Карелии . 16
Каменный инвентарь 18
Керамика 25

Глава 3. Датировка памятников Карелии эпохи неолита и раннего металла 30
Датировка памятников в соседних с Карелией областях 31
Датировка памятников Карелии 36

Глава 4. Локальные различия в материальной культуре древнего населения Карелии 62

Глава 5. Племена древней Карелии 79
Заселение Карелии 79
Время и пути заселения Карелии 80
Сложение племен и образование единой карельской культуры . . . 90
Происхождение племен 95
Быт и занятия населения Карелии в эпоху неолита и раннего металла . 99
Поселения и жилища 100
Способы добывания средств существования 110
Общественный строй 114
Верования 116
Взаимоотношения между племенами древней Карелии. Их внешние связи 118

Приложение I. (Статистические таблицы) 129

Приложение II. (Карты-схемы и список стоянок) 137

Приложение III. (Таблицы инвентаря и орнамента) 150

Приложение IV. (Фотографии и рисунки инвентаря) 155

Список сокращений 193

Григорий Александрович Панкрушев

ПЛЕМЕНА КАРЕЛИИ В ЭПОХУ НЕОЛИТА И РАННЕГО МЕТАЛЛА

Утверждено к печати
Петрозаводским институтом языка,
литературы и истории
Академии наук СССР

Художник *В. В. Грибакин*
Технический редактор *В. Т. Бочевер*
Корректоры *Н. В. Лихарева, Г. А. Мирошниченко* и *Т. Г. Эдельман*

Сдано в набор 1/II 1964 г. Подписано к печати 21/IV 1964 г.
РИСО АН СССР № 188—152В. Формат бумаги 70×108$^{1}/_{16}$.
Вум. л. 6$^{1}/_{8}$. Печ. л. 12$^{1}/_{4}$=17.12 усл. печ. л. + 1 вкл.
Уч.-изд. л. 16.26 + 1 вкл. (0.33). Изд. № 2255.
Тип. зак. № 598. М-08218. Тираж 800. ТП 1964 № 3264

Цена 99 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12